

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
Минский государственный лингвистический университет

**МАТЕРИАЛЫ
ЕЖЕГОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ И АСПИРАНТОВ УНИВЕРСИТЕТА**

17–27 апреля 2020 года

В пяти частях

Часть четвертая

Минск МГЛУ
2020

УДК 800
ББК 81.2
М34

Рекомендованы Редакционным советом МГЛУ

Редакционная коллегия: Н. П. Баранова (*ответственный редактор*), Л. А. Тарасевич (*зам. ответственного редактора*), Н. П. Баранов, Е. И. Будникова, А. Н. Гордей, Н. С. Евчик, Н. Т. Ерчак, В. А. Капранова, Т. П. Карпилович, И. Г. Колосовская, Н. Е. Лаптева, Л. М. Лещёва, С. Е. Олейник, В. А. Павловский, А. Л. Подгайский, О. А. Полетаева, Т. В. Поплавская, В. В. Яскевич

М34 **Материалы** ежегодной научной конференции преподавателей и аспирантов университета, 17–27 апр. 2020 г. : в 5 ч. Ч. 4 / отв. ред. Н. П. Баранова. – Минск : МГЛУ, 2020. – 252 с.

ISBN 978-985-28-0011-2 (Ч. 4)

ISBN 978-985-28-0002-0

В четвертой части помещены материалы секций по направлениям «Грамматика», «Фонетика», «Лексическая семантика», «Стилистика и лингвистика текста», «Проблемы прикладной лингвистики».

УДК 800
ББК 81.2

ISBN 978-985-28-0011-2 (Ч. 4)
ISBN 978-985-28-0002-0

© УО «Минский государственный
лингвистический университет», 2020

ГРАММАТИКА

О. Ч. Байдак

ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МОДАЛЬНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ СО ЗНАЧЕНИЕМ ВОЗМОЖНОСТИ В ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Модальность высказывания отражает оценку говорящим своего сообщения с точки зрения отношения того, что сообщается, к объективной действительности. Содержание высказывания – в целом или отдельные его фрагменты – может мыслиться говорящим как реальность, как необходимость или как возможность. Среди лексических средств выражения модальности высказывания выделяют модальные слова, прилагательные и наречия.

В испанском языке модальные прилагательные со значением возможности представлены не только наиболее частотными и многофункциональными адъективными словами *posible* ‘возможный’, *probable* ‘вероятный’, но и такими их синонимами, как *supuesto* ‘предполагаемый’, *presunto* ‘возможный, гипотетический’, *pretendido* ‘предполагаемый, так называемый, мнимый’, *aparente* ‘мнимый, кажущийся’, *presumible* ‘вероятный’. Рассмотрим прилагательные этого синонимического ряда подробнее.

При классификации адъективных слов в испанской грамматической традиции модальные прилагательные определяются в разряд относительных прилагательных, к которым они, безусловно, оказываются ближе, чем к качественным прилагательным, хотя в данном случае необходимы некоторые пояснения.

Особенностью семантики модальных прилагательных является то, что они выражают признаки предмета не через указание на отношение к какому-либо лицу, явлению, действию или другому предмету, как это происходит в случае с относительными прилагательными, а через указание на отношение самого предмета к объективной действительности и соответствие ей.

В следующих примерах сопоставим разные по классификации прилагательные в сочетании с одним и тем же существительным: *un estudiante inteligente* ‘умный студент’, *un estudiante universitario* ‘студент университета’, *un supuesto estudiante* ‘предполагаемый студент’. Качественное прилагательное *inteligente* ‘умный’ выражает признак лица, относительное прилагательное *universitario* ‘университетский’ указывает на отношение лица к другому предмету, модальное прилагательное *supuesto* ‘предполагаемый’ указывает на возможность того, что лицо, о котором идет речь, действительно им является.

Важной семантической особенностью функционирования модальных прилагательных является то, что они всегда предполагают апелляцию к третьим лицам. С помощью модальных прилагательных говорящий не только отражает свою субъективную оценку степени вероятности, правдоподобности тех или иных фактов реальности, о которых сообщается в высказывании,

но и имплицитно обращается к тем, кто оценивает данные факты иначе. Говорящий демонстрирует свою позицию и приглашает к диалогу с реальными или предполагаемыми собеседниками.

В следующем примере употребление модальных прилагательных *pretendido* ‘мнимый’ и *supuesto* ‘предполагаемый’ существенно дополняет содержание высказывания. Говорящий имплицитно апеллирует к оппонентам, которые считают реальными факты, о которых сообщается в высказывании, и выражает свою противоположную точку зрения. *Y para terminar, son falsos los pretendidos amores de María Antonieta con Fersen, el supuesto padre natural de sus hijos.* ‘И наконец, эта мнимая любовная связь Марии Антоньетты с Ферсенем, предполагаемым биологическим отцом ее детей – ложь’.

Использование модального прилагательного в словосочетании *la supuesta madre* ‘так называемая мать’ оказывается настолько неожиданным в следующем контексте, что требует пояснений самого автора в разговоре с реальным собеседником и служит имплицитным обращением ко всем читателям. *Yo creo que es ella más madre que la supuesta madre que tenía. Bueno, supuesta. La madre que tuviste, ¿no? Sí, pero es que la llamo supuesta porque eso no era una madre, porque, yo la quería mucho..., pero es que ella, ni me atendía ni nada, me llegó a dejar en casa sola cuatro días.* ‘Я думаю, что эта женщина – больше мать для меня, чем та так называемая мать, которая у меня была. Да, якобы мать. Мать, которая была у тебя, правда? Но я зову ее «так называемой», потому что она не была матерью, я ее очень любила... но она не заботилась обо мне совсем и даже оставила меня на четыре дня одну дома’.

Общим семантическим значением модальных прилагательных синонимического ряда возможности в препозиции является значение ‘предполагаемый, мнимый, так называемый’.

Модальные прилагательные возможности имеют различную степень выраженности данного признака и располагаются по нарастающей шкале в следующем порядке: *pretendido* → *aparente* → *supuesto* → *presunto* → *presumible*.

Проиллюстрируем контраст «реальность – возможность» на следующих примерах, сопоставляя прилагательное *real* ‘реальный, настоящий, фактический’ и модальные прилагательные со значением возможности:

Las sociedades humanas mayores han logrado sus reales o sus pretendidas cualidades a expensas de valores de igual o superior rango. ‘Наивысшие человеческие общества обрели свои реальные или предполагаемые, намечаемые качества за счет ценностей равного или более высокого ранга’;

El mayor daño es un conflicto real o aparente entre ellos. ‘Наибольший вред – это конфликт настоящий или кажущийся между ними’;

Pese a la supuesta o real terquedad de su carácter no causó mala impresión en la asamblea. ‘Несмотря на мнимое или реальное упрямство своего характера он не произвел плохого впечатления на общем собрании’;

El incumplimiento presunto o real de tareas durante el servicio se castiga duramente. ‘За предполагаемое, возможное или фактическое неисполнение обязанностей в период прохождения службы налагается серьезное наказание’;

El principio de capacidad económica exige manifestaciones de riqueza reales y efectivas, y no meramente potenciales o presumibles. ‘Принцип экономической дееспособности требует *реальной и эффективной* демонстрации богатства, а не исключительно потенциальных или *предполагаемых, возможных* его проявлений’.

Модальные прилагательные со значением возможности в большинстве случаев выступают в синтаксической функции определения, при этом чаще всего в препозиции к определяемому слову.

Следует отметить, что в некоторых случаях положение модального прилагательного обуславливает изменение значения атрибутивного словосочетания и может повлиять на смысл высказывания в целом.

Так, в препозиции прилагательное *supuesto* имеет значение ‘предполагаемый, непроверенный’, а в постпозиции к определяемому существительному обозначает ‘выдуманный, нереальный’. Например, *un supuesto nombre* ‘предполагаемое, непроверенное имя’ и *un nombre supuesto* ‘вымышленное имя’.

Для препозиции прилагательного *aparente* свойственно значение ‘возможный, кажущийся, мнимый’, а в положении после определяемого слова оно приобретает противоположное значение ‘явный, очевидный’. Например, *la aparente indiferencia* ‘кажущееся безразличие’; *la aparente frialdad* ‘мнимая холодность’; *un error aparente* ‘явная ошибка’, *sin motivo aparente* ‘без явной, видимой причины’.

Использование модальных прилагательных возможности характеризуется жанровой неоднородностью. Так, прилагательные *presumible* и *pretendido* не встречаются в разговорной речи и, в целом, являются малоупотребительными. В публицистическом стиле частотно прилагательное *supuesto*, а прилагательное *aparente* считается книжным. Прилагательное *presunto* широко используется в периодической печати криминальной тематики и отличается ограниченной сочетаемостью с существительными типа *delincuentes* ‘преступники’, *delitos* ‘преступления’.

Итак, модальные прилагательные со значением возможности *supuesto*, *presunto*, *pretendido*, *aparente*, *presumible* обладают рядом семантических и функциональных особенностей. Они отражают оценку говорящим высказывания с точки зрения вероятности, правдоподобности сообщаемого. Модальные прилагательные всегда имплицитно предполагают обращение к третьим лицам. Общим семантическим значением данных прилагательных в препозиции является значение ‘предполагаемый, мнимый, так называемый’. По степени выраженности признака прилагательные возможности располагаются по нарастающей шкале от *pretendido* к *presumible*. Данные прилагательные преимущественно выступают в атрибутивной синтаксической функции с преобладающей препозицией определения по отношению к определяемому существительному. В некоторых случаях изменение положения модального прилагательного в атрибутивной группе отражается на значении именованного словосочетания и высказывания в целом. Употребление данных модальных прилагательных характеризуется жанровой неоднородностью.

Р. С. Барановский

АНГЛИЙСКИЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ РАВНОЗНАЧНОСТИ С ПРАГМАТИЧЕСКИМ ПОТЕНЦИАЛОМ КОНВЕНЦИОНАЛИЗАЦИИ НАУЧНОГО ТЕРМИНА

Терминология является неотъемлемым пластом лексики, представленным в научном тексте. Будучи сущностью семиотической, научный термин обладает важнейшими свойствами языкового знака, такими как двусторонность, информативность, социальность и т.п., среди которых следует особо отметить немотивированность. Под данной характеристикой понимается отсутствие predetermined связи между формой и содержанием.

Безусловно, терминологические лексемы в составе научного текста в идеале стремятся к полисемантической, однако фактическое положение дел оказывается отличным от однозначного соответствия термина и его некоторого значения. В результате этого становится возможной асимметрия формы и содержания языкового знака – либо возможность различных трактовок одного понятия разными исследователями (различные наборы существенных признаков понятия), либо существование нескольких способов номинации одного набора существенных признаков (синонимические ряды терминов, различающихся по этимологии и/или мотивировочным признакам). В таких условиях особую важность приобретает проблема конвенционального, т.е. заранее оговоренного, употребления ключевых терминов с целью исключения противоречащих друг другу интерпретаций описываемых предметов и явлений.

В английском языке семантическую функцию конвенционального закрепления содержания Y за некоторой знаковой оболочкой X выполняют синтаксические модели, включающие адвербиально-целевой комплемент в постпозиции к предикату аппликативной семантики. Говоря конкретнее, такие предложения в основном строятся по следующим моделям: (1) S uses the term X to denote Y, (2) S uses the term X for Y, (3) The term X is used to denote Y, (4) The term X is used for Y. Примером конструкций равнозначности данного типа может служить такое предложение: *We use the word “diphthong” to describe a vowel which changes its quality in the course of its production.*

Речевая реализация перечисленных синтаксических моделей (1) – (4) подвергается варьированию следующих оппозитивных переменных параметров лексического и синтаксического порядка: (1) активный залог/пассивный залог; (2) предложно-именной адвербиальный комплемент/инфинитивно-именной адвербиальный комплемент; (3) лексическое заполнение предиката и адвербиально-целевого комплемента.

Переменные параметры (1) и (2) не требуют дополнительного комментария, поскольку они обусловлены релевантными функциональными признаками, наличествующими в синтаксической системе английского языка в целом (категория залога, модели словосочетаний с постпозицией адвербиально-целевого комплемента). Отдельный интерес представляет параметр (3), поскольку во многом именно он, во взаимодействии с общесинтаксическим

значением соответствующих моделей, обуславливает одновременное наличие семантики равнозначного толкования и целевого использования знака. В составе предиката употребляются глаголы и глагольные сочетания со значением сознательного применения – *use, apply, employ, attach, reserve*, а в составе адвербиального предиката – инфинитивы глагольных лексем со значением толкования/описания – *denote, describe, refer, designate* или предлоги *for, to, in relation to* со значением цели.

Таким образом, в английских научных текстах функционируют специальные модели синтаксических конструкций равнозначности, которые при определенном лексическом заполнении обеспечивают конвенционализацию научного терминооборота.

Е. В. Беланович, А. Галожина

КЛАССИФИКАЦИЯ ГЛАГОЛОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ ‘КРИТИКОВАТЬ’ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В современной лингвистике все более остро ставится вопрос о классификации глаголов различных лексико-семантических групп по причине отсутствия четких критериев для их разграничения. Глаголы со значением ‘критиковать’ вызывают особый интерес в этой связи, поскольку данные глаголы относятся к группе каузативных глаголов, внутри группы которых наблюдается переход некоторых глаголов из одной подгруппы в другую.

В данном исследовании проводится структурно-семантический анализ девяти глаголов со значением ‘критиковать’. Список глаголов мы оставляем открытым.

Глаголы со значением ‘критиковать’ можно разделить на следующие подгруппы. В первую подгруппу вошли глаголы, в значении которых обнаружен ядерный компонент со значением говорения *to say/to speak/to tell*: *to criticize* ‘подвергать критическому разбору, критиковать’, *to rebuke* ‘упрекать, укорять, делать замечание/выговор’, *to upbraid*, ‘укорять, порицать’, *to reprimand* ‘делать выговор/замечание’, *to admonish* ‘делать замечание’,

Во вторую подгруппу вошли глаголы, в значении которых обнаружен ядерный компонент со значением критики *to criticize*: *to upbraid* ‘укорять, порицать’, *to reproach* ‘упрекать, укорять’, *to denigrate* ‘чернить, клеветать, порочить’, *to censure* ‘критиковать, осуждать, порицать’.

В третью подгруппу вошел глагол *to condemn*, в значении которого обнаружен ядерный компонент выражения неодобрения *to express very strong disapproval* ‘осуждать, приговаривать, порицать’.

Рассмотрим каждый глагол выделенных подгрупп по отдельности.

В дефиниции глагола *to criticize* ‘подвергать критическому разбору, критиковать’ *to say that you disapprove of sb/sth* ‘сказать, что вы не одобряете кого-то/что-то’ мы наблюдаем сложный объект (*that you disapprove of sb/sth*), который представляет собой отдельную ситуацию, в которой новое отношение, реализуемое глаголом *disapprove* ‘не одобрять’, связывает одушевленный субъект (*you*) и объект (*sb/sth*).

Дефиниция глагола *to rebuke* ‘упрекать’ *to speak severely to sb because they have done sth wrong* ‘говорить с кем-то сурово, потому что они поступили неправильно’ содержит адресат (*to somebody*) и компонент причины (*because they have done sth wrong*), который, в свою очередь, представляет собой включенную ситуацию, в которой новое отношение (*have done*) связывает одушевленный субъект (*they*) и неодушевленный объект (*sth*); при этом присутствует дополнительная характеристика процесса (*wrong*).

Глагол *to upbraid* ‘укорять, порицать’ *to criticize sb or speak angrily to them because you do not approve of sth that they have said or done* ‘критиковать кого-либо или говорить сердито с ними, потому что вы не одобряете то, что они сказали или сделали’ вызывает особый интерес, поскольку в структуре дефиниции данного глагола мы наблюдаем реализацию сложной ситуации, состоящей из трех. Рассмотрим каждую из них по отдельности: первая ситуация (*to criticize sb or speak angrily to them*); вторая ситуация (*because you do not approve of sth*); третья ситуация (*that they have said or done*).

Каждая из вышеперечисленных трех ситуаций содержит в своей структуре одушевленный субъект. В первой ситуации отношение направлено на одушевленный объект (*somebody*), наблюдается также появление адресата (*to them*). Во второй ситуации объект неодушевленный, а в третьей ситуации он отсутствует вовсе. Мы предполагаем, что по причине семантической и синтаксической сложности данный глагол может относиться к нескольким подгруппам в рамках одной лексико-семантической группы со значением ‘критиковать’. Данный факт подтверждает также идею о «текучести» глагольных лексем.

В дефинициях глаголов *to reprimand* ‘делать выговор/замечание’ *to tell sb officially that you do not approve of them of their actions* ‘сказать кому-то официально, что вы не одобряете их действия и *to admonish* ‘делать внушение/замечание’ *to tell sb firmly that you don't approve of sth that they have done* ‘твердо сказать кому-то, что вы не одобряете то, что они сделали’ мы наблюдаем, что субъект включенной ситуации (*you*) направляет свое действие на объект, который, в свою очередь, является сложным, поскольку через него идет включение другой ситуации, а именно: говорящий (*you*) дает оценку (*do not approve of their action/of sth*) сделанному (*they have done*). Также присутствуют дополнительные характеристики процесса (*officially, firmly*).

В ситуации с глаголом *to reproach* ‘упрекать, укорять’ *to blame or criticize sb for sth that they have done or not done, because you are disappointed in them* ‘обвинять или критиковать кого-то за то, что они сделали или не сделали, потому что вы разочарованы в них’ отношение направлено от субъекта к одушевленному объекту. Наблюдается наличие двух компонентов причины, которые представляют собой отдельные самостоятельные ситуации с набором своих компонентов, что свидетельствует об отражении сложной ситуации (*for sth that they have done or not done, because you are disappointed in them*).

В случае с глаголом *to denigrate* ‘чернить; клеветать; порочить’ *to criticize sb/sth unfairly* мы наблюдаем, что отношение может быть направлено от субъекта как на одушевленный (*sb*), так и на неодушевленный объект (*sth*).

Дополнительная характеристика присуща реализации этого процесса (*unfairly*). Данный глагол при первом рассмотрении представляет собой простую ситуацию в отличие от структуры дефиниций других глаголов со значением 'критиковать'.

В ситуации с глаголом *to censure* 'критиковать, осуждать, порицать' *to criticize sb severely and often publicly, because of sth they have done* 'критиковать кого-то строго и часто публично, из-за того, что они сделали' мы наблюдаем, что отношение направлено от субъекта на одушевленный объект, при этом наблюдается включение ситуации через компонент причины с набором своих компонентов и отношением (*have done*), связывающим данные компоненты.

В дефиниции глагола *to condemn* 'осуждать, приговаривать, порицать' *to express very strong disapproval of sb/sth, usually for moral reason* 'выражать очень сильное неодобрение кому-то/чему-то, обычно по моральным причинам' мы наблюдаем появление атрибутивной характеристики у объекта (*very strong*). Объект, на который направлено действие, может быть одушевленным (*sb*) и неодушевленным (*sth*). Также присутствует компонент причины (*for moral reason*).

Результаты анализа структурно-семантических особенностей глаголов со значением критики позволили заключить следующее. Глаголы способны отражать сложную ситуацию, состоящую из нескольких, включение которых происходит через один из номинативных ее компонентов; при этом каждая ситуация обладает своим набором компонентов и отношениями, связывающими данные компоненты.

Глаголы со значением 'критиковать' в английском языке обладают узкой семантикой, что не может не сказаться на построении семантической структуры предложения. И несмотря на то, что по своему смысловому содержанию глаголы тесно соприкасаются друг с другом, так как относятся к одной и той же области знаний, они способны отражать определенные различия в способах протекания глагольного действия и представления этого процесса говорящим.

Полученные результаты могут послужить началом новых исследований, посвященных комплексному сопоставительному анализу структурно-семантических свойств каузативных глаголов, в том числе и глаголов со значением критики.

Е. В. Беланович, Д. Мурашковский

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ГЛАГОЛОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ 'СТЫДИТЬ, ПОЗОРИТЬ' В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Исследование различных лексико-семантических групп глаголов является одной из актуальных проблем в современной лингвистике, поскольку вопросы глагольной классификации до сих пор остаются открытыми и дискутируемыми. Отсутствие работ по изучению денотативно ориентированной классификации глаголов со значением 'стыдить, позорить' в английском языке определяет актуальность проводимого исследования.

Структурно-семантический анализ дефиниций анализируемых глаголов позволит выделить в их структуре компонентный состав, а также основные типы значений с целью последующего выявления специфики реализации данных глаголов в структуре английского предложения. Из толковых словарей и словарей синонимов английского языка были извлечены тринадцать глаголов со значением ‘стыдить, позорить’: *confound* ‘поражать’, *disconcert* ‘волновать’, *disgrace* ‘позорить’, *humble* ‘смирять’, *humiliate* ‘унижать’, *mortify* ‘обижать’, *reproach* ‘упрекать’, *ridicule* ‘осмеивать’, *debase* ‘унижать’, *defile* ‘осквернять’, *discredit* ‘(с)компрометировать’, *smear* ‘очернить’, *stain* ‘пятнать’.

Спецификой исследуемых глаголов является каузация объекта. Под каузацией понимается такой тип отношений, при котором субъект воздействует на объект с целью исполнения им какого-либо действия или изменения его исходного состояния, т.е. причинение через побуждение. Наличие подобной характеристики уже предполагает собой сложную структуру ситуации, реализуемой этими глаголами.

В девяти из тринадцати глаголов (*to shame*, *disconcert*, *mortify*, *humiliate*, *discredit*, *humble*, *defile*, *debase*, *ridicule*) был обнаружен ведущий интегральный признак, представленный глаголом-гиперонимом *to make* ‘заставить’. Данный факт позволяет отнести эти глаголы к одной подгруппе. Проанализируем дефиниции глаголов более детально.

Глаголы (*to shame* ‘навлекать позор’ – *to make somebody feel ashamed* ‘заставить кого-то чувствовать себя пристыженно’; *to disconcert* ‘волновать’ – *to make somebody feel anxious, confused or embarrassed* ‘заставить кого-то чувствовать беспокойство, растерянность или смущение’; *to mortify* ‘обижать’ – *to make somebody feel very ashamed or embarrassed* ‘заставить кого-то чувствовать себя очень пристыженным или смущенным’; *to humiliate* ‘унижать’ – *to make somebody feel ashamed or stupid and lose the respect of other people* ‘заставить кого-то чувствовать себя пристыженным или глупым и потерять уважение других людей’) можно отнести в отдельную подгруппу глаголов, поскольку в их значении речь идет о чувствах и эмоциях одушевленного объекта каузации, выражаемых глагольной конструкцией *to feel + participle II* (‘*feel ashamed*’, ‘*feel confused or embarrassed*’ и т.д.). Анализ значений данных дефиниций показал, что объект каузации является одушевленным и через него происходит включение другой ситуации, в которой одушевленный объект превращается в субъект уже другого действия (‘*feel that they have lost honor*’, ‘*feel anxious, confused or embarrassed*’ и т.д.). Во всех примерах с названными глаголами субъект, каузирующий действие, априори имплицирован в дефиниции глагола. Он выполняет действие (*make*) по отношению к одушевленному объекту (*somebody*), который впоследствии, выполняя функцию субъекта, направляет действие на самого себя (*feel ashamed*): *One makes somebody feel ashamed* → *Somebody feels ashamed*.

Во вторую подгруппу отнесены глаголы, в дефинициях которых наблюдается включение ситуации через сложный объект каузации, выражаемой в предложении придаточной частью, присоединяемой подчинительным союзом *that*: ‘*that they have lost honor or respect*’, ‘*that something is true*’,

‘that they are not as good’, ‘that people consider important’: *to shame* ‘навлекать позор’ – to make somebody feel that they have lost honor or respect ‘заставить кого-то чувствовать, что они потеряли честь и уважение’; *to discredit* ‘дискредитировать’ – to make people stop believing that something is true ‘заставить людей перестать верить, что что-то является правдой’; *to humble* ‘смирять’ – to make somebody feel that they are not as good or important as they thought they were ‘заставить кого-то чувствовать, что они не так хороши или важны, как они думали’; *to defile* ‘осквернять’ – to make sth dirty or no longer pure, especially sth that people consider important or holy ‘сделать что-то грязным или больше не чистым, особенно то, что люди считают важным или святым’. Включенная ситуация предполагает наличие нового отношения, которое связывает все тот же субъект и новый объект.

В третью подгруппу можно отнести глаголы, в дефинициях которых отношение направлено от одушевленного субъекта к неодушевленному объекту: *to debase* ‘снижать ценность’ – to make sb/sth less valuable or respected ‘сделать кого-то/что-то менее ценным или уважаемым’; *to defile* ‘осквернять’ – to make sth dirty or no longer pure, especially sth that people consider important or holy ‘сделать что-то грязным или больше не чистым, особенно то, что люди считают важным или святым’ и *to ridicule* ‘осмеивать’ – to make sb/sth look silly by laughing at them or it in an unkind way ‘заставить кого-то выглядеть глупо, смеясь над кем-то или чем-то’. Важно отметить, что в дефинициях глаголов *to debase* и *to ridicule* отношение может быть направлено как на одушевленные, так и неодушевленные объекты. В дефиниции глагола *to defile* отношение направлено на неодушевленный объект, при этом меняется качество самого объекта (‘dirty or no longer pure’).

К четвертой группе можно отнести лишь один глагол *to ridicule* ‘осмеивать’ – to make sb/sth look silly by laughing at them or it in an unkind way ‘заставить кого-то выглядеть глупо, смеясь над кем-то или чем-то’. Это единственный глагол, в структуре дефиниции которого среди компонентов мы наблюдаем инструмент, с помощью которого субъект каузации оказывает воздействие на объект: *by laughing at them or it in an unkind way*.

Результаты анализа структуры дефиниций глаголов со значением ‘стыдить, позорить’ в английском языке позволили сделать вывод о том, что анализируемые глаголы каузативны. При компонентном анализе дефиниций глаголов исследуемых групп, реализующих значение ‘стыдить, позорить’ в английском языке, выделяются следующие компоненты: субъект, сложный объект, инструмент и отношение, связывающее эти компоненты. Несмотря на то, что по своему смысловому содержанию глаголы близки, так как относятся к одной денотативной области со значением ‘стыдить, позорить’, в их значении наблюдаются определенные различия, позволяющие относить их в разные подгруппы в рамках одной лексико-семантической группы.

Полученные результаты могут послужить основой дальнейших исследований, посвященных сопоставительному анализу структуры и значения лексико-семантических групп каузативных глаголов, а также их функционированию в предложении.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ГЛАГОЛОМ *TÖTEN*

Семантическая структура предложения есть результат объединения денотативного и сигнификативного аспектов, соотнесение которых происходит при помощи двух операций: центра эмпатии, которым определяется, какой участник ситуации должен занять первую аргументную позицию в пропозициональной структуре предложения, и фокуса интереса, занимающего вторую аргументную позицию.

Для анализа семантической структуры предложений с глаголом *töten*, прежде всего, необходимо рассмотреть денотативную область воздействия с целью лишения жизни. Дефиниции глагола *töten* 'den Tod von jemandem' [Duden], 'jmdn. gewaltsam ums Leben bringen' [DWDS], а также изучение семного состава позволил выделить в семантической структуре следующие компоненты: субъект, адресат, инструмент, оценка, причина, место, время.

Адресатная сема представлена неопределенно-личным местоимением *jemanden*, что не дает нам конкретного указания на адресат воздействия, кроме как указания на его одушевленность.

Для ситуации воздействия с исследуемым глаголом характерно наличие только материального инструмента («неотчуждаемый»/«орган» и «отчуждаемый»). «Неотчуждаемыми» инструментами выступают чаще всего руки субъекта:

*Wie ein Trunkener ging John Crofton nach Hause, auf neue Mittel sinnend, dieses Weib zu gewinnen, das er in der vergangenen Nacht mit eigenen Händen (своими руками) **getötet hatte*** (Heymann R. Der rote Komet);

*Einem Tiere gleich, warf sich darauf Romulus Futurus von neuem auf Frau Fabia und **tötete sie mit eigener Hand** (своей рукой)* (Heymann R. Der rote Komet).

Данный вид инструмента эксплицитно либо имплицитно всегда присутствует в ситуации воздействия. Отчуждаемыми же инструментами, как правило, могут выступать холодное оружие (нож, меч, кинжал) либо яд/огонь:

*Die Luft verfang sich während des Falls in ihren weiten Gewändern, und... **tötete sich mit einem kleinen Dolch** (небольшим кинжалом), der noch heute in der Gegend ihres Herzens hockt* (Bonsels W. Indienfahrt);

*Frau Olga hätte ihn mit dem silbernen Fischmesser (серебряным рыбным ножом) **töten können*** (Heiberg H. Eine vornehme Frau);

*Welches immer der Ursprung dieser particularistischen Zusammengehörigkeit in Deutschland ist... seinen deutschen Nachbarn und Stammesgenossen mit Feuer und Schwert (огнем и мечом) zu bekämpfen und persönlich zu **tödten**...* (Bismarck O. Gedanken und Erinnerungen);

*Er hat sich aus Lebensüberdruss, mit Gift (ядом) **getötet*** (DWDS).

Семантика глагола *töten* предполагает также наличие в его компонентном составе целевой составляющей (лишить жизни). Дефиниция глагола включает в себя и сему оценки 'gewaltsam' (насильственно), которая на поверхностном уровне не эксплицируется, не придавая особой эмоциональной окраски, именно поэтому можно утверждать, что глагол является стилистически нейтральным.

Необходимо отметить, что для ситуации воздействия с глаголом *töten* характерно также наличие компонента *место, время, причина, или мотив совершения действия*:

*Aber Befehle waren ihm heiliger als selbst die Musik, und... **mußte er sie alle im Lager (в лагере) töten...*** (Böll H. Wo warst du, Adam?);

*Denn die **töteten die Kinder vor den Augen ihrer Mütter (на глазах у своих матерей)*** (Hilsenrath E. Das Märchen vom letzten Gedanken);

*Ihr **tötet uns an dem Tage, wo ihr den Verstand verloren habt (днем, когда ты сошел с ума)*** (Büchner G. Dantons Tod);

*Ich habe auf dem Marsfelde dem Königtume den Krieg erklärt, ich habe es am 10. August geschlagen, ich **habe es am 21. Januar (21-го января) getötet und den Königen einen Königskopf als Fehdehandschuh hingeworfen*** (Büchner G. Dantons Tod);

*Sie **töten ihn aus Furcht (из страха)*** (Büchner G. Dantons Tod).

Однако, на наш взгляд, вышеприведенные компоненты, а также компонент *оценка (gewaltsam)*, представляются в ситуации лишения жизни комплексными, именно поэтому они не будут нами отражены в структурном минимуме ситуации. Таким образом, в модель денотативной области воздействия с целью лишения жизни, где в роли предиката выступает глагол *töten*, вошли следующие элементы: субъект, адресат, инструмент, цель.

Содержание рассматриваемой типовой ситуации лишения жизни в обобщенном виде можно представить следующим образом: некоторый субъект посредством инструмента осуществляет процесс воздействия, направленный на адресата, с целью лишения жизни.

После построения денотативной области целесообразно рассмотреть сигнификативный аспект. Известно, что глагол *töten* обладает признаками направленности и динамичности и относится к классу векторных предикатов. Сигнификативная структура, предназначенная для языковой реализации денотативной области лишения жизни в немецком языке, может содержать три аргумента, а именно: агентив, инструментатив, пациентив.

Центр эмпатии для денотативной области лишения жизни, как правило, размещается на ситуативной роли субъекта, и на поверхностном уровне глагол будет представлен активной залоговой формой, где субъект-агентив выражен подлежащим, а инструмент-инструментатив – дополнением с предлогом:

*Er **hat sich aus Lebensüberdruss, mit Gift (ядом) getötet*** (DWDS).

Размещение центра эмпатии возможно и на ситуативном адресате, что приводит к изменению залоговой формы глагола: адресат ситуации лишения жизни становится конечным элементом вектора ситуативного отношения:

*Bei dem Unfall **wurden drei Menschen getötet (трое людей было убито)*** (Duden).

В первую аргументную позицию возможно также помещение нематериального инструмента, что влечет за собой изменение семантики глагола: его значение становится переносным:

Der Schreck (cmpax) hatte sie getötet (DWDS);

*Dort aber lebt **mein Gedächtnis (моя память)** und **tötet** mich* (Büchner G. Dantons Tod).

Что касается фокуса интереса, т.е. выбора компонента, который наиболее интересен для говорящего, и помещение его во вторую аргументную позицию, то здесь также наблюдается вариативность. Как правило, фокус интереса размещается на адресате:

*Vielleicht hätte er ihr nachlaufen und sie zwingen können, zu bleiben - aber man konnte keinen Menschen zwingen, man **konnte die Menschen (людей)** nur **töten**, das war der einzige Zwang, den man ihnen antun konnte* (Heinrich Böll H. Wo Warst du, Adam?);

*Die logischste Annahme war, dass Bourne Chans **Vater (отца)** getötet hatte.* (Ludlum R. Das Bourne Vermächtnis).

В ходе анализа были также выявлены случаи помещения фокуса интереса на комплементарных компонентах ситуации: «место» и «время».

*„Schlucken Sie es bitte herunter, dann werde ich Ihnen antworten“, rief Maja, die genau wußte, weshalb die Drohnen **im Sommer im Bienenstock (летом в улье)** getötet werden mußten, und die sich über die Dummheit der Libelle ärgerte* (Bonsels W. Die Biene);

*Aber ich habe einen Plan, der uns nicht nur Zugang zum Hotel Oskjuhlid verschafft, sondern auch die Möglichkeit gibt, alle Menschen **im Gebäude (в здании)** zu töten, ohne dass wir uns selbst exponieren müssen* (Ludlum R. Das Bourne Vermächtnis).

Возможен еще один вариант размещения фокуса интереса: на комплементарном компоненте, а именно желание/нежелание совершить воздействие:

*Filskeit **tötete nicht gern (неохотно)*** (Böll H. Wo warst du, Adam?).

В некоторых случаях фокусируемым элементом в семантической структуре является сам предикат. В подобном роде случаев адресат на поверхностном уровне не эксплицируется, несмотря на направленность воздействия:

*Du sollst nich **töten (Не убивай)*** (Duden).

Таким образом, первая и вторая позиции в пропозициональной структуре предложений с глаголом *töten* могут включать разные компоненты ситуативной структуры. Так, первую аргументную позицию могут занимать субъект, инструмент и адресат. При размещении центра эмпатии на субъекте глагол *töten* представлен в активной залоговой форме. При перемещении в первую аргументную позицию инструмента активная залоговая форма глагола сохраняется, однако его семантика меняется, приобретая переносное значение. Заполнение первой аргументной позиции адресатом приводит к изменению залоговой формы предиката с активной на пассивную. В фокусе же интереса говорящего может находиться не только адресат, но и комплементарные компоненты (место, время, желание/нежелание совершить воздействие).

Е. А. Бухаткина, М. Е. Клочкова

СООТНЕСЕНИЕ АСПЕКТОВ СЕМАНТИКИ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ГЛАГОЛОМ *TO ORDER*

Глагол *to order* является полисемантическим глаголом, обладающим целым рядом значений, однако его основное значение номинирует так называемое вербальное принуждение: ‘to tell someone that they must do something, especially using your official power or authority’. Наиболее часто встречающейся в литературе формальной структурой является *to order someone to do something*.

В денотативной области можно отметить следующие ситуативные роли: субъект, адресат и объект воздействия. Сигнификативная структура, предназначенная для языковой реализации данной денотативной области, содержит три аргумента: агентив, пациентив и бенефактив:

Mancuso ordered one of his chiefs to perform the job (Clancy T. *The Hunt for the Red October*, p744529)¹.

Соотнесение денотативного и сигнификативного аспектов можно представить следующим образом: *Mancuso* – субъект/агентив, *one of his chiefs* – адресат/пациентив, *to perform the job* – объект/бенефактив.

Как показывает анализ предложений, субъект и адресат могут быть выражены при помощи имен собственных, существительных, личных местоимений:

He ordered Vaquero to back him up before we could countermand the orders from here, and since they were already right on top of the Kilrathi (Forstchen W. R. *Wing Commander*, p333500);

He ordered me to keep control of my men, not to let them speak with Americans any more than necessary, and he said that the Americans would never get their hands on our ship (Clancy T. *The Hunt for the Red October*, p821033);

Mancuso ordered his men topside to handle the lines tossed them by a handful of sailors on the rim of the dock, and the submarine came to a halt exactly in its centre (Clancy T. *The Hunt for the Red October*, p929856).

В свою очередь объект, как правило, выражается инфинитивом/инфинитивной фразой:

Dodge went to the phone and ordered Admiral Gallery to send the reply (Clancy T. *The Hunt for the Red October*, p593078).

Во вторую аргументную позицию, т.е. в фокус интереса, вместо адресата возможно также помещение объекта, который может быть выражен существительным, инфинитивом/инфинитивной фразой, придаточным предложением. Адресат в данном случае может отсутствовать на поверхностном уровне предложения, хотя эксплицитно либо имплицитно всегда присутствует в ситуации вербального воздействия:

¹ В данном случае «р» указывает на номер первого знака предложения с данным глаголом в тексте произведения автора XX века, взятого из электронной версии корпуса англоязычных текстов МГЛУ.

*I must reluctantly order **your release*** (Burroughs W. *naked Lunch*, p28329);
*Then the Home Office might have ordered **exhumation*** (Christie A. *The Mysterious Affair at Styles*, p213693);

*For that reason alone I order **that this war with the humans be finished**, whether you like the methods or not* (Forstchen W. R. *Wing Commander*, p2323).

Довольно часто в литературе можно встретить структуру *to order something (to be) done*. Данную модель отличает наличие фактитива в пропозициональной структуре. Фактитив в данном случае обозначает состояние объекта принуждения, которое является результатом процесса воздействия. Фактитив часто выражается либо просто прошедшим причастием, либо его комбинацией с глаголом связкой *to be*:

*He might've ordered **a message sent**, then had the record wiped* (Forstchen W. R. *Wing Commander*, p469986);

*He ordered **a new plate to be prepared**, bearing the number, '13 A'* (Collins W. *The Haunted Hotel*, p197198);

*He ordered **power reduced further** in the reactor systems* (Clancy T. *The Hunt for the Red October*, p859096).

Если же в первую аргументную позицию вместо субъекта поместить ситуативный адресат, то это приведет к изменению залоговой формы глагола:

*"**You will occasionally be ordered to do things** you may find personally upsetting," Colonel Romanov had said once* (Clancy T. *Rainbow Six*, p574224).

В данном случае субъект воздействия, как правило, эксплицитно не выражается, а только подразумевается, объект же занимает вторую аргументную позицию.

Проанализировав предложения с глаголом *to order*, можно заключить, что первую аргументную позицию чаще всего занимает субъект. При помещении в первую аргументную позицию адресата залоговая форма глагола меняется с активной на пассивную. Вторая аргументная позиция также вариативна: ее может занимать как адресат, так и объект.

Е. А. Бухаткина, Е. Н. Стец

СТРУКТУРЫ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С АНГЛИЙСКИМ ГЛАГОЛОМ *LOVE* И ЕГО ИТАЛЬЯНСКИМ ЭКВИВАЛЕНТОМ *AMARE*

Одним из основных значений глагола *love* является 'to like someone very much and care a lot about them – used especially about people in your family or someone who you are sexually attracted to' (Longman). Данное значение предполагает наличие в денотативном аспекте предложения двух участников ситуации: субъекта и объекта. Если в первую аргументную позицию поместить субъект, то предлог не требуется в формальной структуре предложения, поскольку направление отношений между участниками ситуации (в денотате) и аргументами пропозиции (в сигнификате) совпадает: оно будет идти от субъекта (агентива) к объекту (пациентиву). Оба участника ситуации подразумевают под собой двух людей и поэтому обычно выражены одушевленными существительными или личными местоимениями:

*She tried to tell herself that **she loved him**, that it was just the shock of the culmination of all those months of waiting (Smith G. N. Cannibal cult, p231073)¹;
I have loved you from the minute I saw you (Nabokov V. Lolita, p130429).*

Необходимо отметить, что в данном значении объект может не выражаться эксплицитно в формальной структуре предложения:

*And where did **you love** before?* (Nabokov V. Lolita, p363348).

Итальянским эквивалентом английского глагола *love* является глагол *amare*, имеющий следующее значение: ‘sentire una forte attrazione affettiva e sessuale nei confronti di qualcuno, esserne innamorato’ (Trecani).

И ситуации, и пропозиции предложений с глаголами *love* и *amare* идентичны, что приводит к совпадению формальных характеристик. И субъект, и объект также могут выражаться одушевленными существительными либо личными местоимениями:

*Si vede che **ama il suo ragazzo** dallo sguardo sul suo viso. – You can tell that she **loves her boyfriend** by the look on her face* (Cambridge);

*Mi sembra uno strano motivo per non **amare una persona**.* (Ahern C. Se tu mi vedessi ora, p208924) – *It seems to me a strange reason not to **love a person**;*

*Non **avevo mai amato un uomo** quanto lei sembrava **amare Will*** (Moyes J. Io prima di te, p696584) – *I had never loved a man the same way she seemed to **love Will**.*

Как и в английском языке, второй участник ситуации может отсутствовать в формальной структуре предложения с глаголом *amare*:

*Aveva **amato ed era stata amata**, aveva assaporato cosa significava sognare e aveva provato cosa significava stare fra le nuvole* (Ahern C. Se tu mi vedessi ora, p30079) – *She **loved and was loved**...*

Другим значением глагола *love* является ‘to like something very much’ (Cambridge). В денотативном аспекте предложения присутствуют также два участника. Отношения, как в ситуации, так и в пропозиции, совпадают и направлены от субъекта (агента) к объекту (пациенту). Первый участник ситуации, как правило, называет одушевленное лицо и выражен одушевленным существительным или личным местоимением, в то время как второй участник предполагает собой неодушевленный предмет и поэтому обозначается либо неодушевленным существительным, либо местоимением *it*:

*He **loved success*** (Caster A. Stories, p5181);

*He **loved trains** and he looked forward with excitement to the rest of the journey* (Fleming Y. Live and let die, p150206);

*It meant constant bone-weariness and constant cash and credit and the band **all loved it*** (Carter A. Stories, p4823).

Данное значение в итальянском языке передается глаголом *amare*: ‘sentire affetto, attaccamento per qualche cosa’ (Corriere). И денотативный, и сигнификативный аспекты предложений в итальянском языке абсолютно идентичны этим же аспектам в английском языке:

¹ В данном случае «р» указывает на номер первого знака предложения с данным глаголом в тексте произведения автора XX века, взятого из электронной версии корпуса англоязычных текстов МГЛУ.

Ma essere pronti a fare una cosa del genere dimostra quanto lei ami la sua professione (Ahern C. Se tu mi vedessi ora, p257296) – *But being ready to do such a thing shows how much she loves her profession*;

Io amo la mia vita, anche se vorrei che fosse diversa (Moyes J. Io prima di te, p717210) – *I love my life, although I wish it were different*.

Необходимо указать на то, что в денотативном аспекте с двумя вышеупомянутыми значениями эксплицитно либо имплицитно всегда присутствует третий участник ситуации, а именно нематериальный инструмент, который в сигнификативном аспекте предложения, как правило, помещается в позицию инструментатива. В английском языке данный участник ситуации вводится в формальную структуру предложения при помощи предлога *with*, а в итальянском – предлога *con*:

For his bass, his great, gleaming, voluptuous bass, was mother, father, wife, child and mistress to him and he loved it with a deep and steadfast passion (Carter A. Stories, p1514);

When I realised what the Erl-King meant to do with me, I was shaken with a terrible fear and I did not know what to do for I loved him with all my heart and yet... (Caster A. Stories, p142852);

Lo amo con tutto il cuore. – I love him with all my heart;

Lo amava con una passione profonda e costante. – He loved it with a deep and steadfast passion.

Более того, глагол *love* может употребляться в значении ‘to like something very much or enjoy doing something very much’ (Longman). Отличительной особенностью данного значения есть то, что оно не является смысловым в предложении, и, как правило, только называет способ выполнения второго действия, выраженного другим глаголом и являющимся, по сути, основным. Второй глагол может передаваться при помощи инфинитивной фразы, вводимой частицей *to*, или герундиальной фразы:

By that time I had learned that I loved to write, and I kept at it, learning with every book, and finally developing what I like to think of as my own style (Peters E. The golden one, p889522);

She would have cooked every day, Nicholas knew, because she loved to do it, but the Colonel forbade it (Lustbader E. The Ninja, p297526);

He loved having coffee with other summer students in the big garishly lighted Fosters Restaurant on Sutler Street... (Rice A. The witching hour, p128651).

Данное значение в итальянском языке соответствует одному из значений глагола *amare*, а именно ‘provare diletto nel fare qualche cosa o desiderare qualche cosa’ (Corriere). И денотативный, и сигнификативный аспекты предложений с итальянским глаголом *amare* абсолютно идентичны тем же аспектам в английском языке: первый участник выполняет оба действия, выраженные двумя разными глаголами. Однако, в отличие от английского глагола *love*, в формальной структуре предложения, с которым обнаруживается частица *to*, в итальянском языке какие-либо формальные маркеры между двумя глаголами отсутствуют:

Contrariamente a quanto sostiene Lissa, non è un tipo che ama correre rischi inutile (Moyes J. Io prima di te, p4004) – ...*he isn't a guy who loves to take unnecessary risks*;

Segno di genialità, e io amo avere delle persone geniali nella mia squadra. (Ahern C. Se tu mi vedessi ora, p242347) – ...*I love having brilliant people in my team.*

На основе проведенного сравнительного анализа формальных структур предложений с английским глаголом *love* и его итальянским эквивалентом *amare* можно сделать вывод о том, что и денотативный, и сигнификативный аспекты предложений с данными глаголами абсолютно идентичны во всех значениях. Лишь в одной формальной структуре наблюдаются небольшие расхождения в силу исторически сложившихся грамматических структур.

И. В. Дмитриева, Д. В. Мельникова

РАЗНОУРОВНЕВАЯ ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СИТУАЦИИ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ В ГАЗЕТНЫХ ТЕКСТАХ

В семантико-синтаксических исследованиях ситуация рассматривается как денотат предложения, которое, как известно, имеет две основные функции: номинативную и коммуникативную. Выполняя свою номинативную функцию, предложение представляет ситуацию совокупностью своих конститuentов. Глагол-предикат является организующим центром предложения и осуществляет номинацию процесса, в который вовлечены различные участники, соотносящиеся в семантической структуре предложения с актантами. Пропозиция, как репрезентация номинативной структуры предложения, формируется семантическим предикатом и набором семантических актантов – номинативных элементов. В ряде исследований доказано, что в качестве репрезентации ситуации могут выступать не только пропозиции, соотносящиеся с предикатными поверхностными синтаксическими структурами, вербализуемыми предложением. Разнообразные отглагольные образования, не имеющие предикатной вербализации, могут выступать в качестве репрезентантов ситуации в сжатом, компрессированном виде. В рамках семантического синтаксиса такие единицы получили именование «сжатые» или «свернутые» пропозиции. Их особенностью является не только замена предикатного выражения именным, но и последующая возможность устранять из плана выражения некоторые или все ожидаемые актантные позиции свернутого предиката, что приводит к компрессии информации и увеличению плотности информационного потока. Существенным в функционировании таких единиц является и то, что устраненные из плана выражения актанты сохраняются в плане содержания и могут быть восстановлены. Номенклатура единиц, вербализующих свернутые пропозиции, включает неличные формы глагола (инфинитив, герундий, причастие I и причастие II для английского языка), употребленные самостоятельно или в составе

предикативного комплекса или словосочетания, отглагольные существительные и прилагательные, которые также могут быть использованы самостоятельно или в составе словосочетания.

В представляемом исследовании предпринимается попытка установить, какие способы репрезентации ситуации перемещения в пространстве преобладают в газетных текстах. Постановка проблемы обоснована тем, что, с одной стороны, газетные тексты ожидаемо должны реализовывать принцип экономии в языке и, как следствие, активно использовать возможности компрессии информации, открываемые свернутыми пропозициями. С другой стороны, первичные наблюдения не позволили выявить такую тенденцию в представлении ситуации перемещения в пространстве. Материал исследования составили 150 статей из онлайн-версий, электронных и бумажных изданий британских и американских так называемых качественных газет, таких как «The Guardian», «The Wall Street Journal», «The Times», «The Observer», «Yorkshire Post», «The USA Today».

Ситуация перемещения организуется процессом перемещения, вербальной репрезентацией которого являются глаголы со значением перемещения в пространстве. Они образуют лексико-семантическую группу (ЛСГ) глаголов, которая неоднократно становилась объектом самостоятельных исследований. Базовыми английскими глаголами перемещения в пространстве признаны глаголы *come, fly, go, run, swim, walk*.

Анализ дефиниций в толковых словарях, данные тезаурусных словарей, дополненные анализом текстовых употреблений, позволили расширить список, который на данном этапе включает еще 50 глаголов: *appear, approach, arrive, bring, carry, chase, cross, depart, deport, dive, drift, drive, enter, escape, escort, evade, exfiltrate, flee, float, flood, gather, get, head, immigrate, intrude, invade, jump, kidnap, leave, march, move, pass, pull, pursue, reach, relocate, remove, return, reunite, sail, scramble, send, smuggle, speed, stroll, take, transfer, travel, traverse, visit*.

Анализ текстового материала показал относительный паритет в использовании предикатной и непредикатной вербализации ситуации перемещения в пространстве: 60 и 40 % соответственно. К предикатной вербализации отнесены как предложения с синтаксическим глаголом-сказуемым (57 %), так и вторично-предикативные комплексы с неличными формами глагола (3 %). Вторично-предикативные комплексы, отличаясь от первичной предикации морфологически, синтаксически и коммуникативно, сохраняют семантическую пропозициональную структуру, которая содержит семантический предикат и соответствующие актантаы. Например, *But no one has ever seen her driving a car*. Глагол *drive* предполагает в своем номинативном окружении обязательное наличие субъекта, который здесь представлен местоимением *her*, и возможную представленность объекта, в данном случае *a car*. Предикативные комплексы с неличными формами глагола оказались наименее частотными в этой группе и во всей выборке, причем в отобранном материале

не представлено ни одного употребления конструкции с причастием II. Остальные (конструкции с инфинитивом, герундием и причастием I) используются с относительно равной частотностью.

Некоторое преобладание полного пропозиционального выражения ситуации перемещения в пространстве позволяет предположить, что, не взирая на действие принципа экономии, в газетных текстах существует тенденция представления информации об этой ситуации с полной экспликацией всех возможных участников ситуации.

Частотность использования непредикатных репрезентаций ситуации перемещения в пространстве, которые вербализуют свернутые пропозиции, существенно варьирует в зависимости от типа непредикатной единицы.

Словосочетания с неличными формами глагола составили 33 % в рамках группы непредикатных репрезентаций, наиболее частотными оказались словосочетания с герундием (42 % внутри данной подгруппы), инфинитивом и причастием I (29 и 27 %, соответственно). Например, *They all feel proud to have worked in the NHS and have no regrets about coming here all those years ago*. Глагол *come* предполагает в своем номинативном окружении обязательное наличие субъекта, который не входит в словосочетание с герундием *coming here all those years ago*. Однако информация о нем достаточно легко восстанавливается из предложения: субъект свернутой пропозиции совпадает с субъектом предикатной структуры – *They*. В рамках этой подгруппы также обращает на себя внимание практически отсутствие употреблений с причастием II – всего 2 %.

Словосочетания с отглагольными существительными оказались наиболее частотными (52 % в группе непредикатных реализаций). Например, *The Russian statement accused South Korean aircraft of trying to hamper the flights of Russian jets before*. В данном случае *The flights of Russian jets* может быть преобразовано в предикатную структуру: *Russian jets fly*. Такая трансформация демонстрирует, что зависимый компонент несет в себе информацию о субъекте свернутой пропозиции. В целом, зависимые слова в словосочетаниях с девербативом могут указывать на качественную характеристику денотата существительного, представлять информацию о номинативных элементах свернутой пропозиции или эксплицировать сирконстанты, характеризующие как способ протекания процесса перемещения, так и ситуацию перемещения в пространстве в целом.

Употребления одиночных отглагольных единиц, как неличных форм, так и отглагольных существительных, были наименее частотными в группе непредикатных репрезентаций ситуации перемещения в пространстве и составили всего 7 %. При этом внутри данной подгруппы максимально частым было обращение к отглагольным существительным (60 %), на втором месте по частотности оказались герундиальные формы и инфинитив (20 % и 18 % соответственно). Это свидетельствует о тенденции к именному представлению ситуации перемещения в газетных текстах, поскольку герундий и инфинитив трактуются в английской грамматике как «имя действия».

В отличие от словосочетаний одиночные употребления не всегда дают возможность восстановить элементы свернутых пропозиций, используя информацию внутри предложения. Однако анализ следующего примера *But the EU also needs to allay its populations' fears about freedom of movement* позволил восстановить информацию о субъекте свернутой пропозиции. Глагол *move*, от которого образовано существительное *movement*, предполагает в своем номинативном окружении появление субъекта и возможное появление объекта. Восстановленная структура может быть следующей: *the EU populations move*. В других случаях восстановление информации о потенциальных участниках ситуации перемещения в пространстве, вербализованной непредикатно, требует обращения к более широкому контексту.

Таким образом, можно отметить разнообразие языковых средств репрезентации ситуации перемещения в газетных текстах. При использовании непредикатных средств информация о номинативном окружении свернутого предиката поддается восстановлению. Следовательно, устраняя номинативные компоненты пропозиции из плана выражения, непредикатные средства репрезентации сохраняют их в плане содержания.

И. В. Дмитриева, В. А. Пархимович

СРЕДСТВА ИМПЛИКАЦИИ СЕМАНТИЧЕСКОГО СУБЪЕКТА В ГАЗЕТНЫХ ТЕКСТАХ

Понятие субъекта достаточно часто становится объектом лингвистических исследований. В семантическом синтаксисе при определении компонентов пропозиции актант, именуемый активным производителем действия, получал разное терминологическое обозначение: агенс, агент, субъект. Данные понятия не считаются терминологически тождественными, но общий компонент «деятель», «производитель действия» присутствует во всех определениях. Во многих работах показано, что на синтаксическом уровне семантический субъект чаще всего эксплицируется как синтаксическое подлежащее.

В английском языке синтаксическое подлежащее является обязательным компонентом двусоставного предложения. При этом далеко не всегда синтаксическое подлежащее оказывается экспликацией семантического субъекта. Самый очевидный пример – это предложения с глаголом-сказуемым в страдательном залоге. Такие структуры самой своей грамматической природой служат устранению информации о семантическом субъекте из плана выражения. Хотя открывая возможность к устранению субъекта, они открывают и возможность введения информации о субъекте действия посредством дополнения с предлогом *by*. Например, *The cup was broken* или *The cup was broken by Jim*. Кроме того, существует ряд структур, где в качестве подлежащего выступает «формальное *it*», которое заполняет синтаксическую позицию подлежащего, но не осуществляет номинацию субъекта. Это случаи безличного,

предваряющего или эмфатического *it*. Следует отметить, что проводимое исследование основывается на признании отсутствия прямого изоморфизма между синтаксическим (поверхностным) и семантическим (глубинным) уровнем предложения и между подлежащим как компонентом синтаксической структуры, и субъектом как компонентом семантической структуры предложения.

В результате изучения проявлений семантического субъекта были выявлены его разновидности, взаимозависимость с типом семантического предиката, способы языкового выражения и многое другое. В представляемом исследовании в фокусе внимания находятся языковые единицы, которые, сохраняя пропозитивную семантику, открывают возможность к устранению информации о семантическом субъекте из плана выражения, т.е. его импликацию.

Общая номенклатура таких языковых единиц и структур опирается на понятие свернутой пропозиции. Языковой репрезентацией свернутых пропозиций являются разнообразные отглагольные образования: неличные формы глагола, словосочетания и конструкции (предикативные комплексы) с ними, отглагольные существительные и словосочетания с ними, а также отглагольные прилагательные. В своей семантике они во многом сохраняют валентностные характеристики исходного глагола, что позволяет моделировать потенциальные свернутые пропозиции. Сопоставление ожидаемых номинативных элементов (в том числе и субъекта) в модели пропозиции и реально представленных в поверхностной структуре позволяет оценить полноту экспликации номинативных элементов или их импликацию.

Материал для анализа составили 22 статьи из газеты «The Times». Объем выборки составил 580 употреблений потенциально-пропозитивных единиц, 38 из них оказались в составе аналитических предикатов, которые не включались в дальнейший анализ, поскольку их субъект всегда совпадает с субъектом личного предиката-сказуемого. Частотность использования языковых единиц, представляющих свернутые пропозиции, существенно варьирует: отглагольные существительные составили 37,45 %, инфинитив, формы пассивного залога и герундий характеризуются схожей частотностью (13,83, 13,46 и 13,28 % соответственно), причастия I и II составили 9,22 и 10,33 % от общей выборки, наименее употребительными оказались отглагольные прилагательные – 2,39 %.

Как было отмечено выше, потенциально-пропозитивные единицы открывают возможность к устранению из плана выражения всех или некоторых ожидаемых номинативных элементов окружения семантического предиката. В следующем примере *...little progress has been made in closing medicine's racial recruitment gap* герундий *closing*, образован от глагола *close*. Валентность этого глагола предполагает пропозицию, в которой ожидаемыми являются такие семантические актаны, как субъект и объект: *smb/smith closes smth*. В данном примере есть единицы, позволяющие заполнить позицию

семантического объекта, но семантический субъект остается имплицирован: *smb/smith closes medicine's racial recruitment gap* [-S Pr +O]. В другом примере, напротив, потенциально-пропозитивная единица (причастие II) не реализует свой потенциал устранения семантического субъекта из плана выражения: *...pets owned by coronavirus patients...* → *patients own pets* [+S Pr +O]. Информация о семантическом субъекте вводится посредством предложного дополнения *by coronavirus patients*.

Поскольку перевод в импликацию семантического субъекта является возможным, но не обязательным, на следующем этапе исследования анализу подверглась активность данных единиц в импликации семантического субъекта.

Наибольшую активность в устранении семантического субъекта из плана выражения текста проявили формы страдательного залога и отглагольные прилагательные (68 и 62 %, соответственно от количества употреблений данных единиц). Промежуточное положение занимают причастие II и отглагольные существительные, которые осуществляют импликацию потенциального семантического субъекта в 40 и 44 % употреблений. Использование герундиальных форм сопровождалось импликацией субъекта в 35 % случаев, а использование инфинитива устраняло субъект в 24 %. Наименьшую активность в устранении субъекта продемонстрировали формы причастия I (всего 8 %). Последнее представляется вполне закономерным, поскольку причастие I всегда входит в предложение через свой субъект. В отмеченных 8 % употреблений причастия I оно используется в форме страдательного залога, поэтому можно говорить о том, что импликация субъекта осуществляется посредством залоговой формы.

Существенной характеристикой имплицированных семантических субъектов является возможность их восстановления, т.е. будучи устранены из плана выражения как субъекты свернутых пропозиций, они (или информация о них) сохраняются в плане содержания либо текста в целом, либо конкретного предложения, в котором использована потенциально-пропозитивная единица. Соответственно, источники восстановления информации об имплицированных субъектах можно разделить на две группы: внутритекстовые и внетекстовые. К внутритекстовым относятся контекст-предложение, контекст-абзац и контекст-текст. В предложении *The watchdog conducted an authorized raid on Facebook's offices in Dublin and gathered the necessary documentation, causing the social media site to postpone its launch* отглагольное существительное *launch* имеет синтаксически зависимый компонент *its*, который осуществляет референцию к *Facebook's offices in Dublin* и *the social media site*. Это позволяет восстановить субъект свернутой пропозиции: *Facebook launches a new dating service*. В следующем примере *Mr Hazeldean was also knocked out and hurt* для восстановления семантического субъекта надо обратиться к более широкому контексту. В абзаце (и в статье в целом) речь идет о том, что велосипедист *Gemma Brushett* сбил пешехода *Mr Hazeldean* из-за невнимательности.

Восстановлению субъекта способствует предшествующее предложение: *Robert Hazeldean, 38, a garden designer, was returning from work in central London when he collided with Gemma Brushett near London Bridge.* Так мы понимаем, что Gemma Brushett knocked out Mr Hazeldean.

Статистические данные показывают, что восстановление имплицированных семантических субъектов в большинстве случаев осуществляется за счет обращения к внутритекстовой информации. Источником восстановления чаще всего являлся контекст-предложение (48 %), далее контекст-текст (11 %) и контекст-абзац (2 %). При невозможности восстановления семантического субъекта за счет текстовой информации можно обращаться к внетекстовым источникам информации, например, к фоновым знаниям читателя, под которыми понимаются культурно-исторические сведения, прецедентные тексты и т.п. Совокупно в газетных текстах источником восстановления имплицированных субъектов внутритекстовая информация становится в 61 % употреблений, а внетекстовая – в 39 %. Такое положение дел может быть связано со спецификой газетных текстов, которые, с одной стороны, должны быть самодостаточными, а с другой, вписываться в общее информационное пространство СМИ.

Е. В. Зуевская

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КАТЕГОРИИ ПОСЕССИВНОСТИ

Посессивность как языковая и философская категория неоднократно становилась объектом исследовательского интереса лингвистов – представителей разных языков. Целый ряд теоретических работ был направлен на теоретическое обоснование категории посессивности в языке, выделение и систематизацию языковых средств, реализующих посессивную семантику в процессе коммуникации. В связи с этим можно найти и различные определения статуса категории посессивности.

Сегодня для обозначения указанной категории существует целый ряд терминов: *посессивность, притяжательность, принадлежность, обладание*. Одним из аргументов, приводимых противниками термина *посессивность*, является его явная связь с латинским глаголом *possidere* ‘владеть’, что подразумевает ограниченность категории материальным обладанием. Это наталкивает на мысль, что обладание имеет отношение только к посессору-человеку. Однако сегодня обладание мыслится гораздо шире: человек может обладать не только имуществом, но и иметь, например, интеллектуальную собственность, определенные права, а иные материальные объекты могут обладать определенными качествами, характеристиками, особенностями, но не иметь отношение к человеку. В связи с этим следует рассматривать посессивность как широкое понятие, не ограничивающееся лишь материальным владением.

При этом некоторые лингвисты используют упомянутые термины в качестве синонимов, иные же предлагают их разграничивать, усматривая в семантике посессивности два основных значения ('принадлежность' и 'обладание') и приводя в качестве критерия их различия обозначение владельца и предмета: в случае, если грамматически управляющим членом конструкции является имя предмета обладания (дом отца), то имеет место значение *принадлежности*; если же грамматически управляющим членом конструкции выступает имя владельца, наличествует значение *обладания*. Данное разделение значений в рамках посессивности представляется обоснованным и подходящим для исследования функционирования средств выражения посессивности в языке.

На основании анализа проведенных теоретических исследований и имеющихся в современном языкознании работ возможно выделить 3 типа обладателя, или посессора, – одушевленный, предметный, абстрактный; ограничить виды связи по критерию оппозиции «отчуждаемая – неотчуждаемая принадлежность» в границах посессивности как категории.

В немецком языкознании при изучении посессивности лингвисты традиционно помещали в центр внимания притяжательное местоимение, создающее посессивную по семантике синтаксическую конструкцию, и применной родительный падеж, а также глагол *haben* 'обладать'. На основании многочисленных исследований можно причислить к посессивным не только глаголы статического обладания *haben, besitzen, gehören*, но и глаголы динамического обладания *bekommen, nehmen, geben, finden, verlieren, behalten*; а также глаголы, уточняющие способ приобретения или утраты собственности типа *erwerben, ausgeben, kaufen, stehlen* и т.п. Наряду с конструкциями с генитивом, традиционно использующимися в немецком языке для выражения принадлежности, в разговорной речи регулярно используется так называемый посессивный датив (например, *meiner Mutter ihr Sohn*).

Следовательно, для анализа реализации посессивного отношения в речи существенным оказывается его синтаксическое оформление, поскольку в семантико-синтаксической структуре предложения посессивные отношения находят разное отражение. В частности, посессивность может находиться в утвердительной части высказывания, а сообщение о ней являться целью высказывания. Особую интерпретацию в таких случаях получают посессивные высказывания о неотторжимом объекте, в связи с тем, что контекстом определяется их коммуникативная значимость: *У него есть глаза* = 'он сам во всем разберется', как и сообщения об отсутствии объектов неотторжимой принадлежности: *Unsere Generation hatte... keine Väter*. Кроме того, в рамках презумптивной части посессивность образует так называемую атрибутивную посессивность. Связь, реализуемая конструкциями такого рода, может быть разной и определяться контекстом, ср.: *его рука* и *его дом* (= 'дом, в котором он живет' либо 'дом, который ему принадлежит'). А. Е. Кибрик рассматривает представление посессивности и через третий, сугубо прилагольный, синтаксический формат, в рамках которого имеет место явление расщепле-

ния валентностей, в связи с чем вводится понятие «внешний посессор». Например, *Он поцеловал ее руку – Он поцеловал ей руку*. Таким образом, синтаксическая форма высказывания находится в непосредственной связи с содержательным воплощением смысловых отношений.

Можно констатировать, что на данный момент в языкознании сделано многое в исследовании проблем посессивности, однако вопросы, относящиеся к проблеме посессивности, нельзя считать исчерпанными, в частности, по следующим мотивам: в прояснении нуждаются конструкции с притяжательными местоимениями, относительно которых утверждается, что они ограничиваются лишь передачей посессивного значения; особого рассмотрения требует сфера употребления приименного генитива, выходящая за пределы собственно посессивных отношений. Кроме того, посессивные значения могут выражаться и имплицитно, в частности, с помощью сложных существительных, отсубстантивных прилагательных, дательного падежа, предложных конструкций, ряда лексических средств. Особую значимость приобретает данный спектр вопросов также и в типологическом аспекте, поскольку одно и то же содержание приобретает разное воплощение в различных языках, в частности, немецком, русском и белорусском.

Е. В. Зуевская, Е. Богданович

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ МОЛОДЕЖНЫХ ФИЛЬМАХ

Предположение относится к числу самых сложных языковых феноменов, являясь при этом одним из самых распространенных модальных отношений, так как оно представляет собой одно из наиболее часто испытываемых в повседневной жизни состояний. Если человек недостаточно осведомлен о том или ином факте, чтобы категорически утверждать либо отрицать его, или же не хочет ничего категорически утверждать, он сообщает о нем как о чем-то более или менее вероятном, используя для этой цели определенные языковые средства.

В современном немецком языке имеется целая система средств различных языковых уровней, четко ориентированных на разные степени уверенности. Однако наряду с ними немецкий язык располагает также средствами общего предположения. Средства лексического уровня представлены модальными словами и модальными частицами. К средствам морфологического уровня относятся конъюнктив и временные формы футур I и II. На синтаксическом уровне для выражения предположения используются модальные глаголы + инфинитив I, II, эпистемические (субъективно-модальные) предикаты, а также глаголы *scheinen* и *glauben*, которые являются маркерами общего предположения.

Материалом настоящего исследования послужили немецкоязычные молодежные фильмы „Fack ju Göhte“ и „Fack ju Göhte 2“, которые были проанализированы с целью выявления в них средств выражения предположения, установления их разнообразия и соотношения частотности употребления средств различных уровней, а также их взаимодействия. Общее количество отобранных методом сплошной выборки примеров составило 201 микроконтекст.

В ходе количественного анализа разноуровневых средств выражения предположения была выявлена тенденция преобладания средств лексического уровня (56,2 %), в то время как частотность употребления средств синтаксического уровня составила 28,4 %, а самыми редкими по частоте своего использования оказались морфологические средства (15,4 %).

Следует отметить тот факт, что лидирующую позицию занимают модальные слова, среди которых наиболее употребительным оказалось модальное слово *vielleicht* (58 %): *Vielleicht siehst du mehr in mir, als da ist. Ich kann hier vielleicht arbeiten.* На втором месте по употребительности находятся модальные слова *wirklich* и *wohl* (по 7,5 %) (например: *Noch mehr Sahne geht wirklich nicht, meine Figur! Ja, dann... Sind Sie wohl der Nächste?*). Остальные модальные слова встретились в единичных примерах.

Модальные частицы также находят достаточно широкое употребление (41 %), преобладающими являются *doch* (43,5 %) и *ja* (26,1 %): *Du bist doch bei „Jugend forscht“, oder? War ja 'ne mega heiße Nacht.* Реже используются частицы *denn* и *aber*: *Wer soll dich denn ersetzen, Ingrid? Da freu' ich mich aber.*

Нами было установлено, что на синтаксическом уровне широко употребляются эпистемические (субъективно-модальные) предикаты (73,7 %), представленные такими глаголами, как *denken*, *meinen*, *wissen*, *annehmen*, *finden* и т.п.: *Ich glaube, es ist dieses Pompejus, wo mal ein Vulkan explodiert hat. Ich weiß, dass du es nicht einfach hast. Ich bezweifle sehr, dass das hier funktioniert und irgendwie so organisiert ist, dass wir dieses Zeitkapsel jemals wieder ausgraben.*

Что касается модальных глаголов, относительная частотность которых составила 26,3 %, для выражения предположения был использован преимущественно глагол *können* (86,6 %): *Danger könnte bei mir im Zelt schlafen. Hat sie nicht erzählt? – Kann sein.* Глаголы *scheinen* и *glauben* как маркеры предположения стороннего наблюдателя и предположения о себе самом соответственно не нашли своего употребления в нашей выборке. Среди средств морфологического уровня были использованы лишь глаголы в форме конъюнктива (31 контекст) (например, *Sonst würde ich keine Stelle als Aushilfslehrer ausschreiben. Du könntest uns was antun. Aufteilen würde Sinn machen, Chantal!*). Временные формы футур I и футур II в значении предположения не употреблялись в немецкоязычных художественных фильмах.

Проведенный нами анализ свидетельствует о том, что нередко в одном предложении модальность предположения выражается одновременно несколькими средствами разных уровней. В ряде случаев такое взаимодействие средств проявилось как однонаправленное: Frau Gerster *meint*, dass wir Sie *vielleicht* nächstes Jahr kriegen, weil Sie jetzt immer die schlechten Klassen kriegen. Значение предположительности выражено глаголом *meinen* и модальным словом *vielleicht*, которые во взаимодействии показывают осторожное, неуверенное предположение.

В следующем предложении модальное слово *wirklich* усиливает убежденность, выражаемую с помощью глагола *wissen*: Ich *weiß*, dass wir noch nie *wirklich* viel gesprochen haben, seitdem deine Mutter ausgezogen ist.

Наряду с регулярно встречающимся однонаправленным действием лексических и грамматических средств был зарегистрирован случай разнонаправленного взаимодействия, ослабления степени уверенности модальной частицы *aber* за счет формы конъюнктива глагола *müssen* в контексте: Dann *müsstest* du *aber* in die Theater AG.

Обобщая вышесказанное, можно сделать вывод, что различные средства выражения предположения широко представлены в немецкоязычных молодежных фильмах, однако частотность употребления средств различных языковых уровней существенно отличается; при этом в одном предложении модальность предположения может выражаться одновременно несколькими разноуровневыми средствами.

Е. В. Зуевская, А. Кузнецова

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ПРЕССЕ

Категория эвиденциальности является сравнительно молодой в языкознании. Ее выделение связано с исследованиями языков народов Южной Америки в конце прошлого века, в ходе которых было выявлено, что способы получения информации могут выражаться в языке различными средствами. Соответственно под средствами выражения категории эвиденциальности в лингвистике понимают разноуровневые языковые средства, выражающие источник сведений говорящего/пишущего относительно происходящей ситуации.

Среди разноуровневых средств выражения эвиденциальности, как правило, выделяются лексические и грамматикализованные средства. К морфологическим (грамматикализованным) средствам в немецком языке относится наклонение глагола (конъюнктив). К лексико-синтаксическим же средствам относят глаголы, обозначающие акты коммуникации, прямую речь, цитацию, существительные и предложно-именные обороты, эвиденциальные частицы, наречия и прилагательные, парентезы по типу главной или придаточной части

сложного предложения, а также парентетические включения с наречием *so*, конструкции с модальными глаголами, модальные слова и наречия, глаголы и глагольные конструкции.

Задачей настоящего исследования явился анализ функционирования средств выражения эвиденциальности в немецкоязычной прессе. Для этого методом сплошной выборки из газет „Frankfurter Allgemeine Zeitung“, „Die Zeit“, „Frankfurter Rundschau“ и журнала „Der Spiegel“ были отобраны комментарии и репортажи, содержащие средства выражения эвиденциальности (общим количеством около 7 000 словоформ).

Следует отметить, что не все выше перечисленные средства были засвидетельствованы в проанализированном корпусе материала. Наиболее частотным средством выражения эвиденциальности в комментариях и репортажах является конъюнктив, используемый примерно в одной трети микроконтекстов (32,6 %): *Dieser Staat **wäre** nicht mehr glaubwürdig, wenn er äußerlich Partei **ergriffe**.*

Также довольно часто (28,7 %) эвиденциальность была выражена с помощью глаголов, обозначающих акт коммуникации в главной части сложноподчиненного предложения: *Und während wir weiterreisen, **fragen** wir uns, warum die Frau nicht einfach ihr Smartphone konsultiert, statt weiter durch den Regen zu irren.*

Наряду с указанными средствами для выражения эвиденциальности регулярно использовалась прямая речь, цитация (24,8 %), как в рамках целого предложения, так и его отдельной части: *Ein junger Polizist meldet sich zu Wort: „**Man darf aber nicht vergessen, dass so was auch Konsequenzen haben kann**“, sagt er. Nennen den Rückzug von Prinz Harry und Herzogin Meghan aus der ersten Reihe der Königsfamilie „**egoistisch**“ und phantasieren einen „**Krieg der Windsors**“ herbei.*

Гораздо реже в текстах прессы используются вводно-модальные слова, модальные глаголы, существительные и глаголы с семантикой эвиденциальности, зачастую сочетаясь с конъюнктивом: ***Offenbar** sind wir die Einzigen in der Schlange, die nicht in vorseilendem Gehorsam das Smartphone zu Hause gelassen haben. Er **wolle** weiter im Aufsichtsrat **bleiben**, hat Klinsmann angekündigt. Zehn Wochen lang war eine der spannendsten Fragen im deutschen Fußball, was Jürgen Klinsmann in Berlin **würde aufbauen können**.*

Такого рода взаимодействие различных средств выражения эвиденциальности используется с различными целями, например, для варьирования степени уверенности в различных частях высказывания, отделения слухов от более надежной информации: *Zwei Migranten **seien** von griechischen Grenzern erschossen worden, **heißt** es in Medienberichten, Erdogan **nennt** sogar fünf Tote.* Именно взаимодействие различных средств выражения эвиденциальности в рамках одного микроконтекста позволяет не только указать на передачу чужих высказываний, но и выразить отношение автора статьи к приводимой информации.

Е. В. Зуевская, Е. Миронова

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ОБРАЩЕНИЙ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ФИЛЬМАХ И ИХ ПЕРЕВОДАХ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Проанализировав мнения различных исследователей касательно статуса обращения с позиций синтаксиса, можно сделать вывод, что обращение имеет особый лингвистический статус, не являясь при этом ни полноценным членом предложения, ни самостоятельным предложением. Обращение является сложной многофункциональной речевой единицей, которая, в первую очередь, служит для привлечения внимания адресата, а также готовит его к последующему восприятию информации, обуславливая речевой контакт.

Обращение выполняет ряд функций, среди которых номинативная, апеллятивная, характеризующая, фатическая (контактоустанавливающая), этикетная/социально-регулятивная и т.п. Следует отметить, что обращение редко выполняет лишь одну функцию, чаще всего можно говорить о сочетании нескольких, поскольку обращение в высказывании информационно насыщено.

В роли обращения в немецком языке может выступать любое существительное, любая субстантивированная часть речи. В качестве субстантивированных частей речи в роли обращения могут использоваться прилагательные, причастие I и II, числительные. Функцию обращений могут выполнять также личные и неопределенные местоимения, словосочетания и фразеологизмы.

В рамках исследования из двух немецкоязычных фильмов разных жанров и разной тематики «Волна» („Die Welle“) и «Зачетный препод» („Fack ju Göhte“). нами были отобраны 414 микроконтекстов, содержащих обращения. Все отобранные обращения были разделены на несколько групп, в зависимости от частеречной принадлежности.

Полученные количественные результаты свидетельствуют о том, что обращения, выраженные именами существительными (83 %), преобладают над обращениями, выраженными другими частями речи, например: *Hallo, mein Schatz. Mann, ich will nichts von.*

Регулярно также встречаются имена обращения, выраженные именами существительными, в сочетании с местоимениями или междометиями для усиления экспрессивной функции (11 %): *Pass auf, was du sagst, du, Assi. Ey, Jungs... was haltet ihr hier von?*

Реже встречаются обращения, выраженные междометиями (4 %): *(Hey, wir haben doch gerade abgestimmt, oder? Ey, ich hab einen Schuss gehört, beeilt euch mal!)*. Наиболее редко обращения выражаются только местоимениями (2 %): *Und ihr auch, los, weg hier.*

Разные группы обращений по-разному переводятся на русский язык, при этом для отдельных групп отмечаются наиболее часто используемые приемы перевода.

1. Транслитерация. С помощью этого способа, как правило, переводятся имена собственные и междометия:

- *Marco, das zählt auch für dich.* – *Марко*, к тебе это тоже относится;
- *Eu, Jungs, gerade angekommen.* – *Эй*, парни, только что пришло.

2. Прямая подстановка. Данный переводческий прием, основанный на замене единицы ИЯ ее непосредственным системно-языковым соответствием в ПЯ, используется, как правило, при переводе имен нарицательных и местоимений:

- *Alter, was ist das denn?* – *Старик*, что это?;
- *Ihr Lieben, das Lehrer-Ranking ist online.* – *Дорогие* мои, рейтинг учителей уже онлайн;
- *Du mit dem blauen Capry, ich rede mit dir!* – *Ты*, в синей кепке, я к тебе обращаюсь.

3. В некоторых предложениях происходит опущение слов, что относится к лексико-грамматическим трансформациям. Это может быть спровоцировано разными условиями:

1) неузуальность обращения в ПЯ:

- *Frau Dr. Kohlhage, glauben Sie mir, ich habe hier ein pädagogisches Ziel* – *Госпожа Кольхаге*, я следую воспитательной цели. Опускается *Dr.*, так как в русском языке мы не используем в обычном общении ученые степени;

- *Alter, jetzt komm mal wieder runter.* – Да ладно тебе. – обращение в ИЯ делает разговор неформальным, в русском же языке это передается подбором лексики;

- *Hör auf zu hupen, du Dachschaten.* – Кончай гудеть, *ненормальная*. Для ПЯ неузуальна структура «местоимение + имя нарицательное», поэтому местоимение опускается;

- *Was geht denn mit dir, du, Spast?* – Заткнись и радуйся. Обращение опускается, так как данная лексема в ПЯ относится к грубой лексике. Фильм имеет возрастное ограничение 16+, поэтому грубость фразы передается словом *Заткнись*;

2) отсутствие эквивалента в переводном языке:

Ich will nicht mehr kriminell sein, Mann – Я не хочу больше быть преступником. Происходит опущение, так как в ИЯ слово *Mann* в этой фразе используется по отношению к девушке, в ПЯ эквивалента нет;

3) разноструктурность языков. Русские эквиваленты к немецким обращениям *Alter* ‘старик’ и *Mann* ‘приятель’ используются носителями языка в дружеских отношениях и с положительной окраской. В немецком же языке оно может использоваться и к незнакомым людям, если они одного возраста и социального статуса, а также в ситуациях с негативной окраской. В связи с этим несовпадением переводчику приходится опускать обращения: *Ich zahl auch dafür, Alter* – Я заплачу (незнакомые люди). *Verpisst euch, Mann* – Иди к черту! (негативная окраска).

В переводном языке также опускаются волитивные междометия, выражающие волеизъявление, побуждение к действию, приказ, так как эта функция выполняется контекстом и интонацией, к примеру императивом: *Chill mal, Alter!* – Спи уже.

При этом обращает на себя внимание тот факт, что нормативные обращения, как правило, передаются дословно, поскольку нормы немецкого и русского языков демонстрируют сходные черты в употреблении обращений. Наиболее часто опускаются окказиональные обращения, отчасти и потому, что переводчик не смог найти адекватного и точного соответствия в русском языке.

Е. В. Зуевская, А. Русецкая

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТОВ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ МУЖСКОЙ И ЖЕНСКОЙ РЕКЛАМЫ

Реклама является неотъемлемой сферой человеческой коммуникации. Она регулирует, контролирует и управляет человеческим подсознанием, влияет на образ его мышления, формирует ценностные приоритеты. Гендер играет важную роль при составлении рекламных текстов, так как он учитывает любые психические или поведенческие свойства, отличающие мужчин от женщин. Цель настоящего исследования состоит в выявлении гендерно значимых особенностей немецкоязычных рекламных текстов. Материалом исследования послужила выборка, включающая 50 рекламных текстов, целевой аудиторией которых являются женщины, и 50 текстов, целевой аудиторией которых являются мужчины.

На первом этапе был проведен анализ структурных особенностей текста в немецкоязычной мужской и женской рекламе. Проанализированные по структуре примеры мужской и женской рекламы можно разделить на следующие составные части: заголовок, подзаголовок, основной текст, подпись, комментарий, слоган и обратная связь.

В результате исследования было выявлено, что в женской и мужской рекламе наиболее часто встречаются тексты, включающие такие структурные элементы, как заголовок и основной текст. В женской рекламе они составляют 84 и 80 % соответственно. В мужской рекламе заголовки отмечены в 88 % отобранных контекстов, а основной текст – в 78 %. Целью заголовка как в мужской, так и в женской рекламе является привлечение внимания, довольно часто для этого используют название самого продукта. Целью основного текста является аргументация, почему необходимо приобрести продукт. Количество подзаголовков в женской и мужской рекламе практически равнозначно. Они раскрывают информацию, представленную в заголовке:

Der Ursprung starker Haut

The Concentrate, die Ikone der Hautpflege

Entdecken Sie das Wunder für anspruchsvolle Hautpflegebedürfnisse. Dank seiner hochkonzentrierten Form der zellerneuernden Miracle Broth stärkt und beruhigt dieses samtige Serum Ihre Haut sichtbar. Gleichzeitig hilft es ihr, sich zu schützen, wenn sie es am dringendsten benötigt.

Значительная разница наблюдается в использовании подписей (44 % примеров в женской рекламе и лишь 26 % – в мужской): *Wirkt. Natürlich (Kneip). Limitierte Blüten-Edition (Lindt)*. Целью подписей является призыв к действию. Комментарии можно определить, как отзыв со стороны покупателей или экспертов: *Ich bin wirklich begeistert. Claudia, 43 J. Mein Haar glänzt total! Jessica, 26 J. Mein Haar sieht gesund und kraftvoll aus. Fabienne, 21 J. (Pantene)*.

В отличие от женской рекламы слоган в мужской встречается гораздо чаще (в 56 % примеров, в то время как в женской рекламе он отмечен в 40 %): *Tchibo. Jede Woche eine neue Welt (Tchibo)*.

В результате нашего исследования было выявлено, что в современной рекламе часто используется обратная связь для завершения рекламного текста. В роли обратной связи может выступать ссылка на каталог, магазин или же перечисление городов, где можно приобрести товар. В мужской рекламе обратная связь встречается чаще, нежели в женской (46 % по сравнению с 34 %): *Sei ein Teil davon: www.mercedes-benz.com/classic (Mercedes-Benz)*.

На следующем этапе нами были проанализированы рекламные тексты с точки зрения рекламных задач, которые они выполняют. В ходе исследования было выявлено, что как в женской (44 %), так и в мужской (46 %) рекламе наиболее часто встречается имиджевая реклама. Для женской рекламы характерно использование комментариев покупателей или же цитаты знаменитостей. Мужская имиджевая реклама направлена на создание стильного образа или подчеркивание надежности компании: *Bei diesen Uhren geht es uns nicht um den Umsatz – dafür sind sie zu aufwendig (MIDO)*.

Анализ мужской и женской трансформирующей рекламы не выявил существенных различий. Цель данной рекламы превратить обыденный опыт использования в более богатый, приятный: *Für die Schönheit von innen. Doppelherzsystem Kollagen beauty. Mit Kollagen-Peptiden zum Trinken – für eine jugendliche, elastische Haut. Kollagen-Peptide reduzieren die Faltentiefe und verbessern die Haut-Elastizität. Zusätzlich: mit Vitaminen und Mineralstoffen. Köstlicher Lychee-Melone-Geschmack (Doppel Herz)*. Предлагающая реклама используется как в женской, так и мужской рекламе менее, чем в 20 % случаев.

Дальнейший анализ показал, что сравнительная реклама не часто используется рекламодателями (10 % в мужской рекламе и 16 в женской). Большинство рекламодателей при использовании данного приема выбирают неявный метод, а именно, сравнивают продукт не с конкретным товаром, а выделяют его на общем фоне: *Sie werden nie wieder etwas Anderes tragen wollen. Unvergleichbar leicht. Außer gewöhnlich komfortabel (Silhouette)*.

Наименьшее предпочтение отдается использованию поощряющей рекламы (6 % женских рекламных текстов, 2 % мужских). Цель данной рекламы стимулировать спрос, предложив дополнительную выгоду: *Herbst-Essentials. Die neue Herbstkollektion von Street One ist wie gewohnt perfekt kombinierbar, der Look ist jung und frisch. Shoppen Sie Strick – Essentials, Outdoor – highlights und Key – Pieces in den Farben der neuen Saison mit 20 % Rabatt. Gültig in allen teilnehmenden Street One – Shops, auf street-one.de und street-one.at mit dem Code GLAM18S12 und mit dem Code GLAMCH18S2 auf street-one.ch* (Street One).

Следует отметить, что выявленные особенности структуры и организации рекламных текстов обуславливают также отличия синтаксической структуры отдельных компонентов текстов в мужской и женской рекламе, что требует дальнейшего исследования и изучения.

А. А. Клинцева

СПЕЦИФИКА ГРАММАТИЧЕСКОГО СУБЪЕКТА В ПРЕДЛОЖЕНИЯХ С ПОГОДНЫМИ ГЛАГОЛАМИ

Универсальное языковое представление денотативной области метеорологических явлений может быть сведено к трем прототипическим моделям, классифицируемых на основании того элемента структуры, который берет на себя основную семантическую нагрузку при отражении того или иного состояния природы. Так, выделяются: предикатный тип, реализуемый посредством безличных предложений; аргументный тип, при котором метеорологическое значение сосредоточено в одной из именных лексем в поверхностной структуре; а также предикатно-актантный тип, при котором может наблюдаться либо тавтологичность лексикализованных элементов ситуации (явление, схожее с так называемым *cognate object* – дополнение-существительное, однокоренное глаголу), либо выражение некоторых индивидуальных аспектов описываемого события посредством каждого из них.

Способы такой языковой концептуализации предопределяются характером самого метеорологического явления (то есть видится ли возможным вычленение каких-либо участников ситуации), особенностями системы конкретного языка, а также намерением говорящего представить ситуацию тем или иным образом путем расположения компонентов структуры предложения в определенной последовательности. Также стоит отметить, что возможности одного языка обычно не ограничены единой прототипической синтаксической конструкцией для отражения одной и той же метеорологической ситуации.

Погодные глаголы, конституирующие предикатное кодирование метеорологических явлений, условно распадаются на такие семантические подгруппы, как «выпадение осадков», «движение воздуха (ветер)», «изменение температуры» и «изменение времени суток». В данной работе мы рас-

смотрим вариации заполнения позиции грамматического субъекта, задаваемые глаголами английского и исландского языков, которые обозначают экстралингвистическую ситуацию «наступление утра»: *to dawn* ‘рассветать’ и *að birta* ‘рассветать’ соответственно (далее в схемах – V(d-imp)).

В безличных структурах, которые образуются посредством данных глаголов, позиция грамматического субъекта заполняется либо квазиаргументом, наблюдаемым в английском языке (1), либо, как в случае с исландским языком, нулем (2a) или эксплетивом (2b), употребление которых зависит от соблюдения V-2 порядка слов, то есть параметра расположения глагола вторым в предложении:

(1) [QArg – V(d-imp) – SubjCompl]: *It dawns sunny and clear, with a strong wind blowing* ‘Всходит яркое солнце, дует сильный ветер (досл. – Оно рассветает солнечное и чистое...)’, где QArg – это квазиаргумент, SubjCompl – это компонент к подлежащему;

(2a) [AdvT – Ø – V(d-imp)]: *Þá horfði hann áteiknimyndir með Afa þangað til að birti* ‘Тогда он смотрел с дедушкой мультики, пока не рассвело’, где AdvT – это обстоятельство времени, Ø – нулевое подлежащее;

(2b) [Expl – V(d-imp) – DatNP]: *Það birtir af degi og fuglarnir byrja að syngja* ‘Светает, слышится пение птиц (досл. Оно светает дню...)’, где Expl – эксплетив, DatNP – именная группа в дательном падеже.

В отличие от исландского языка, в котором такое безличное кодирование передаваемой ситуации является наиболее распространенным, в английском языке наблюдается тенденция к помещению лексикализованных сем из компонентной структуры глагола в позицию грамматического субъекта, которые также могут распространяться посредством компонента к подлежащему – [NomWeaN – V3sg – SubjCompl]: *The day dawned grey and cold, but the snow had stopped* ‘Занимался холодный и серый рассвет, но, по крайней мере, снег больше не шел (досл. День светал серый и холодный...)’, где NomWeaN – метеорологическое существительное в именительном падеже, V3sg – глагол в форме третьего лица, единственного числа.

Исландская модель также способна к трансформации путем вычленения отдельных «участников» описываемого метеорологического явления, однако следует отметить, что, несмотря на потенциальную возможность введения таких компонентов в предложения, они так или иначе тавтологичны предикату и не функционируют как прототипические актаны. Как видно из примера (2b), при сохранении безличной структуры к глаголу присоединяется неагентивный элемент, вводимый предлогом, управляющий дательным падежом – *af degi* ‘дню’. Данный компонент, как и в английском языке, может перемещаться в позицию грамматического субъекта, где обычно получает морфологическое кодирование аккузативом – [Conj – AccWeaN – Ø – V(d-imp)]: *Við leggjum af stað þegar daginn birtir* ‘Мы уйдем на рассвете (досл. когда дня рассветет...)’, где Conj – это союз, вводящий придаточное времени, AccWeaN – метеорологическое существительное в винительном падеже. Согласно данным Т. Эйтоурсона и С. С. Сигюрзардоуттир, с начала

XXI века также фиксируются случаи номинативного оформления элементов, находящихся в препозиции к сказуемому в подобных предложениях. Данный феномен, известный как «номинативная субституция» (*Nominative Sickness*), является результатом постепенной аналитизации исландского, уже произошедшей в континентальных скандинавских языках.

Такие элементы, вводимые в интранзитивные безличные паттерны, играют роль неагентивных номинативных (в английском) или «косвенных» (в исландском) подлежащих, имеющих ролевую семантику пациенса, что не позволяет говорить о них как об инициаторах описываемых событий. Следует заметить, что характер самой ситуации не позволяет вычленить какие-либо агентивные компоненты вообще. Вместо них в предложениях с погодными глаголами обнаруживается представление о границах протекания того или иного метеорологического явления, сосредоточенное в квази-аргументе *it* в английском языке или нулевом подлежащем в исландском (в то время как эксплетив выполняет сугубо синтаксическую функцию).

Анализируемые глаголы обладают потенциалом к метафоризации и способны участвовать в отражении других сложных референтов, что, очевидно, предполагает иную аргументную структуру. Так, английский глагол *to dawn* образует транзитивную модель при передаче значения *become evident to mind* – ‘осенять, приходить в голову’, которую можно представить следующим образом: [Источник воздействия → Объект воздействия]. Источник манифестируется в поверхностной структуре с помощью абстрактных существительных и занимает место подлежащего – [NomNP – V3sg – AnimObj]: *The awful truth was beginning to dawn on him* ‘До него начала доходить страшная правда’, где NomNP – именная группа в именительном падеже, AnimObj – дополнение, место которого занимает одушевленное имя. Позиция грамматического субъекта также может быть заполнена элементом *it*, выполняющего роль эксплетива, в то время как смысловым подлежащим является придаточное предложение, вводимое союзом *that* – [Expl – V3sg – (*that*-clause)]: *It usually dawns on you slowly that all is not as it would appear on the surface* ‘Обычно не сразу осознаешь, что все не то, чем кажется (досл. Оно обычно осеняет на тебя медленно, что...)’.

В исландском языке глагол *að birta* способен создавать схожую структурную схему со значением *verður glaðari* ‘становиться радостным, т.е. делать радостным кого-то’ – [Expl – V3sg – DatNP – (...)]: *Það birti yfir honum þegar ég sagði honum nafn mitt* ‘Он обрадовался, когда я назвал свое имя (досл. Оно порадовало над ним, когда я...)’, где (...) обозначает границы придаточного предложения. В данного рода предложениях эксплетив или нулевое подлежащее не обозначают весь мир в целом, но ссылаются на конкретный контекстуально выводимый референт-Источник воздействия: *Við þurfum hins vegar á sólarljósinu að halda þegar við vöknum á morgnanna*. [AdvT – V3sg – DatPrep – AnimObj]: *Þá birtir yfir okkur sjálfum og skapið verður betra* ‘Ничто так не радуется утром, как солнечный свет (досл. Мы нуждаемся в солнечном свете, когда просыпаемся утром. Тогда радуется над нами самими и настроение становится лучше)’.

Таким образом, позиция грамматического субъекта в предложениях с предикатным типом представления метеорологических явлений может заполняться нулем/квазиаргументом либо аргументом с пациентивной семантикой. По своим морфосинтаксическим характеристикам пациентивные компоненты напоминают аргументы при неаккузативных глаголах, участвующих в образовании деагентивных моделей (в которых деятель выводится за рамки предложения, но потенциально может быть восстановлен). Однако в случае с погодными глаголами видится невозможной соответствующая транзитивная трансформация, что объясняется спецификой самой экстралингвистической ситуации, ими обозначаемой. В английских схемах с метафорическим предикатом позицию подлежащего занимает Источник воздействия или эксплетив, при топиализации которого реальное смысловое подлежащее трансформируется в придаточное предложение с союзом *that*, в исландских – Источник воздействия обнаруживается внутри сложного предложения или другой сложной синтаксической структуры.

С. В. Кондракова

ТЕКСТООБРАЗУЮЩИЕ СВОЙСТВА
СУБСТАНТИВИРОВАННЫХ ПРИЧАСТИЙ
(на материале немецкого языка)

Включение субстантивированных причастий с присущими им системно-парадигматическими свойствами в синтагматическую сферу осуществляется по их частеречному статусу, но при этом и в значительной степени на основе валентности лежащих в их основе глаголов. Начало своего включения в речевую реализацию эти девербативы получают именно на той стадии, когда активизируется унаследованный от глагола валентностный потенциал.

Специфическое проявление валентности девербативов и состоит в том, что, с одной стороны, в соответствии с частеречной принадлежностью к существительному, им присущи валентностные сопроводители в синтаксической функции определения; с другой стороны, в соответствии с исконной глагольностью самого словообразовательного типа, внутри общей атрибутивной позиции отражаются различные объектные и обстоятельственные отношения.

При контактной реализации некоторые лингвисты говорят о реляционной валентности, содержание которой составляет синтаксическое отношение в прямом окружении слова. О дистантной реализации валентности субстантивированных причастий возможно говорить только в связи с контекстом более широким, чем контекст высказывания.

Контекст имеет большую значимость для проявления валентности слова, и диктующим при этом в текстовой реализации является фактор коммуникативно-смысловой необходимости. Важно учитывать, что между отражаемыми

в тексте событиями должна быть преемственность, а в этом ракурсе не случайно, что и те части текста, которые находятся друг от друга на значительном расстоянии, оказываются связанными, если даже средства их связи не явно совпадают с традиционными. В тексте связи определяются текстообразующей категорией *когезии*, а она обеспечивает не просто формальное сцепление, но и логическую последовательность, темпоральную или пространственную взаимозависимость фактов, действий и т.п. Когезия создает тем самым и пресуппозицию, поскольку относит нечто по связи к тому, что было раньше.

В контекстуальном поведении субстантивированных причастий очень важно, чтобы в рамках когезии имело место однозначное соотнесение имени с его актантом. Это может происходить при непосредственной предупоминутости актантов, т.е. за счет пресуппозиции, например:

*Damals war ich es gewesen, der jemand anderen verletzt und versetzt und alleine gelassen hatte, eine andere, dritte Person. Und damals war es gewesen, dass ich überrascht sah, wie das **Verlorene** im Abschied noch einmal zu einem zurückkehrt.*

Субстантивированное причастие *das Verlorene* оказывается здесь номинализированным результатом действия, о котором сообщается в предыдущей информации (*ich habe jemand anderen verletzt, versetzt, alleine gelassen*).

Подобный случай употребления наблюдается и в следующем фрагменте:

*In Pisa habe am Vormittag ein Postbeamter im dritten Stock der Hauptpostamtes sein Gehalt abgeholt und sei anschließend mit dem Fahrstuhl ins Erdgeschoss gefahren. Durch einen technischen Defekt blieb der Lift im Parterre nicht stehen, fuhr in den Keller weiter, wo, nach einem Wolkenbruch, das Wasser drei Meter hoch stand. "Hilfe! Holt mich hoch!" hatte der **Eingeschlossene** gerufen.*

Субстантивированное причастие *der Eingeschlossene* воплощает семантику результата действия, описанного до этого (*Durch einen technischen Defekt blieb der Lift im Parterre nicht stehen*).

В обоих примерах фактически представлена дистантная реализация валентности, причем расстояние между носителем валентности и его актантами невелико. Но в принципе оно может быть гораздо большим, и в специальных исследованиях указывается на то, что объект действия может предупоминаться в более широком контексте, например:

Um uns herum explodierte alles, ich blutete, aber ich wusste nicht, wo ich getroffen worden war. Ich lag da im Dreck und wartete auf die nächste Kugel.

Затем через 18 строк сообщается:

*Er ging weiter, immer weiter, irgendwann erreichte er seine Einheit, sie schickten ihn zusammen mit anderen **Verletzten** und Toten zurück nach Amerika.*

Субстантивированное причастие создает линию корреляции с действием, имевшим место ранее и имплицитно соотносимым с глагольным сказуемым *wurde getroffen*, но уже через значительный текстовый интервал.

Обращают на себя внимание случаи, когда в самом контексте субстантивированные причастия не имеют валентностного «партнера» и он восста-

навливается лишь мысленно на фоне каких-то других ситуаций. Такая реализация особенно характерна для имен, имеющих обобщенно-абстрактное значение, например:

Ebbe und Flut, Licht und Dunkelheit, Leben und Tod. Das sich Wiederholende ist das Bleibende. Das in sich Kreisende das Ewige. Kein Anfang, kein Ende und keine Vollendung.

В данном фрагменте субстантивированные причастия среднего рода *das sich Wiederholende*, *das Bleibende* и *das in sich Kreisende* употребляются в своем контексте без прямой опоры на объекты, но предыдущий и последующий контексты уточняют их в смысловом плане, т.е. валентностные партнеры имплицированы в развертывании текста.

При субстантивации окказионального характера часто появляются имена целых событий или ситуаций, вбирающие в себя действие со всеми относящимися к нему восполнителями. В самом имени уже намечен характер актантов (аргументов), как в словах *der Beißende*, *der Bellende*. Для субстантивированных причастий это значит, что аргументы могут содержаться в их имплицитной семантике. Реализация имплицитных аргументов субстантивированных причастий может проявляться по-разному, например:

Ich fuhr näher heran, und plötzlich ging etwas wie eine Wellenbewegung durch meinen Kopf, ein Impuls überschlug sich, eine plötzliche Aufwallung von etwas Gewagtem, Unerlaubtem.

Здесь субстантивированные причастия имеют обобщенное, неопределенно-абстрактное значение, и реализация валентностных отношений происходит внутри них самих, а основой восприятия для реципиента должны служить его языковой опыт и фоновые знания.

Некий элемент смысла может присутствовать в контексте, будучи в нем имплицитным, а затем проявляться на базе этой имплицитности: например, с волнением и эмоциями обсуждается некое создавшееся положение, и хотя в тексте нет прямого обозначения понятия *волнение*, ситуация это подчеркивает. Появление субстантивированного причастия *der Taumelnde* легко осмысливается как имплицированное в предтексте:

Der Taumelnde schrie: "Was ist das? Um Gottes willen! Was ist denn das?!"

Имплицитная реализация субстантивированного причастия осуществляется и тогда, когда оно имеет обобщенное значение, которое можно отнести к целому классу предметов (лиц). Этот случай характерен для официально-деловых текстов, где имя деятеля часто представляет обобщенную разновидность имен деятеля – тип, категорию людей. Например:

Die neue Regelung sieht vor, dass ein Abschalten lebenserhaltender Geräte nach Übereinkunft von mindestens zwei behandelnder Medizinern und der Zustimmung des Betroffenen vom Gesetzgeber toleriert wird.

Такая же реализация осуществляется и в научных текстах:

Für die Angewandte Diskursforschung besteht das gemeinsame Interesse folglich in der Rekonstruktion manifester Probleme der Beteiligten in den untersuchten beruflich-institutionellen Handlungsfeldern.

Как в первом, так и во втором употреблении подразумевается категория (тип) людей, а не единичное лицо *der Betroffene, der Beteiligte*.

Все вышеизложенное подводит к некоторым обобщениям: во-первых, субстантивированные причастия, обладая свойством валентности, допускают ее реализацию не только контактно, но и дистантно-контекстуально; во-вторых, дистантная реализация валентности оказывается уже явлением текста, поскольку она «программируется» самим текстообразованием, причем актанты могут выступать на малом или на значительном расстоянии от носителя валентности (через несколько строк или даже несколько страниц текста; в-третьих, валентность имени способна реализоваться имплицитно, и это также обеспечивается только контекстом (более или менее широким).

Тот факт, что валентностные связи субстантивированных причастий способны простирается на значительные объемы текста, т.е. воплощаться дистантно, маркирует их особое положение на переходе от собственно синтагматики к текстообразованию, т.е. к непосредственному участию в связывании текста, иначе говоря, выстраиванию его когезии.

Л. Г. Крот

ОСОБЕННОСТИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ТОПОНИМИЧЕСКИХ НОМИНАЦИЙ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Лингвокультурологический подход, исследующий взаимосвязь языка и культуры, является одним из актуальных направлений в лингвистике и соответствует современным тенденциям развития научного познания.

Тесное взаимодействие языка и культуры в культурно-национальном самосознании и его языковой презентации, взаимовлияния и взаимосвязи данных явлений находятся в центре внимания лингвокультурологии. С этой точки зрения язык как специфическое и уникальное явление представляется нам системой концептов, отражающих представление о мире, совокупность которых составляет языковую картину мира. Имена собственные как средства выражения являются ценным источником культуры народа, его менталитета, сохраняя культурно-историческую информацию, которая содержится в ономастике.

Жизнь человека тесно связана с различными местами, которые обозначаются с помощью особых слов – географических названий, или *топонимов* (от греч. слова *topos* ‘место’ и *онота/онута* ‘имя, название’).

Изучением географических названий, выявлением их своеобразия, историей возникновения и анализом изначального значения слов, от которых они образованы, занимается топонимика – одна из отраслей языкознания или лингвистики.

Под топонимом обычно понимают обозначающее название географического объекта имя собственное. В лингвистике данное понятие изучается с различных сторон: во-первых, как элемент определенной топонимической системы в его отношении с другими топонимами, а во-вторых, в системе языка в целом, в его отношении с другими языковыми единицами.

Несмотря на значительную степень языкового варьирования топонимов в пределах одного территориального варианта, эти единицы языка образуют целостный комплекс взаимосвязанных элементов, обладающих рядом структурно-семантических связей, которые отличают данный комплекс от аналогичных комплексов в других территориальных вариантах и языках. При этом топонимическая система языка характеризуется не только внутриязыковыми особенностями, но и внеязыковыми факторами, такими как территориальная, этнокультурная, историческая и хозяйственно-экономическая идентичность.

Каждый топоним рассматривается как результат познавательной деятельности человека, устанавливающего связи между различными сущностями в окружающем его мире и выражающего эту связь в создаваемом наименовании. Кроме того, в топониме прослеживается и другой тип связи, а именно, связь между субъектом и объектом топонимического наречения.

История процесса номинации начинается с момента возникновения языка. Имянаречение является сложным, многоступенчатым явлением, во время которого происходит познание действительности и создание слова, которое функционирует по общим закономерностям топонима. При наименовании географических объектов первым этапом номинации считается поиск мотивировочного признака, который доминирует, определяет мотив выбора названия и объясняет причину возникновения топонима.

Процесс языковой номинации представляет собой вербализацию мыслительного процесса, который направлен на освоение окружающей действительности с целью выявления общих и отличительных признаков. С семантической точки зрения всю топонимическую лексику английского языка в зависимости от мотивировочного признака, на основе которого формируется топоним, можно разделить на следующие группы: 1) ландшафтные топонимы, например, Riverwood и т.п.; 2) пространственные топонимы, например, Close Lake и т.п.; 3) топонимы, отражающие климатические условия и природные явления, например, Cold Bay и т.п., 4) анротопонимы, например, Columbus и т.п., 5) этнотопонимы, например, Essex, 6) топонимы, отражающие род деятельности людей, например, Teachers Island и т.п. 7) топонимы, отражающие промышленность и полезные ископаемые, например, Copper Run и т.п.; 8) топонимы, отражающие социальный статус человека, например, Baron Creek и т.п.; 9) топонимы, отражающие части человеческого тела, например, The Forehead и т.п.; 10) фитотопонимы, например, Dandalian Canal и т.п.; 11) зоотопонимы, например, Crocodile Lake и т.п.; 12) топонимы, отражающие искусственно созданные географические объекты, например, Bell Factory и т.п.; 13) топонимы, отражающие абстрактные понятия, например, Liberty и т.п.

Английская топонимическая система характеризуется антропоцентричностью, т.е. отражением человеческого фактора в наименованиях топонимов. Соответствующие номинации включают в себя названия, данные в честь мореплавателей и путешественников (Columbus, Hudson River); аристократов (Georgia, Maryland, New York); политических деятелей и военачальников (Washington, Franklin County); деятелей науки и культуры (Verdi, Voltaire, Mount Einstein, Picasso Park); святых (Saint Terese, Saint Pauls, Saint Michel); мифических героев (Hercules, Achilles, Orpheus) и т.п.

Однако антропоцентризм в ономастике не сводится только к номинативным процессам, а рассматривается гораздо шире – как мировоззренческая категория; в сущности, антропоцентризм является не только свойством концептосферы онимов, но и одним из главенствующих принципов ее организации, определяемом отношениями языка и сознания человека.

Внутри топонимической системы Канады можно выделить несколько групп топонимов.

В первую группу входят географические названия, мотивированные именами полярных исследователей, мореплавателей и путешественников, которые на севере Канады занимались поисками северо-восточного пути из Атлантического в Тихий океан. Многие объекты названы в их честь. Например, острова: *Banks Island, Parry Islands*; города: *Dawson, Vancouver, Port Cartier*; округа: *Franklin, Mackenzie*; моря и реки: *Beafort Sea, Fraser River*; проливы и заливы: *Barrow Strait, Cabot Strait, Baffin Bay, Hudson Bay*.

Во вторую группу входят единицы, мотивированные именами представителей королевской фамилии, именами правителей и членов их семей. Так, имя королевы Виктории запечатлено в названиях города *Victoria*, порта на Тихом океане, административного центра Британской Колумбии и острова Канадского Арктического архипелага. Острова в Арктической Канаде *Queen Elisabeth Islands* названы в честь другой английской королевы – Елизаветы I. Три провинции Канады получили название в честь известных правителей и членов их семей: *Alberta, New Brunswick, Prince Edward Island*. Сюда же можно отнести и следующие наименования: *Prince Patrick Island, Coronation Gulf, Pr. Rupert, Pr. George, King William Island, Prince of Wales Island*.

Встречаются также наименования, мотивированные произошедшими в данной местности событиями. Это обычно топонимы с прозрачной внутренней формой, например, *Great Bear Lake* ‘Большое Медвежье озеро’. Название, возможно, было дано, чтобы увековечить случай убийства медведя необычайно больших размеров на берегу озера; *Kicking Horse Pass* ‘перевал лягающейся лошади’. Был открыт английским геологом сэром Джеймсом Гектором, которого во время перехода через Скалистые горы сбросила лошадь.

В материале исследования зафиксированы также географические объекты, названные в честь святых, например: *St. Lawrence River, St. Jhon's* и т.п.

Таким образом, в основе номинации топонимов лежат различные мотивировочные признаки географических объектов, при этом, как правило, актуализируется один или несколько признаков. Познавая окружающий мир,

языковая личность подразделяет информацию на значимую и незначимую. Актуализирующийся мотивировочный признак топонимации является наиболее значимым, существенным и важным для языковой личности в момент наречения географического объекта.

Следовательно, комплексное исследование топонимической лексики английского языка может быть продолжено изучением соответствующих систем других территориальных вариантов (Австралии или Новой Зеландии), а анализ территориальных топонимических систем позволяет выявить этнокультурную специфику топонимических пластов английского языка.

Важным представляется также лингводидактическое направление топонимических исследований, поскольку изучение языка должно происходить в тесной связи с познанием культуры, истории и традиций народа, говорящего на этом языке.

Н. В. Курбаленко

О ВЗАИМОСВЯЗИ КАУЗАТИВНОСТИ, ИМПЕРАТИВНОСТИ И МОДАЛЬНОСТИ

(на материале каузативных конструкций немецкого языка)

Каузативность представляет собой чрезвычайно сложное явление как в силу собственной природы, так и из-за своей сопряженности с целым рядом других языковых категорий. Описания каузативности характеризуются разным терминологическим аппаратом, что свидетельствует о неоднородности данной категории и о трудностях в определении ее сущности. Четкая грань между терминами *каузация*, *каузативность* и *каузальность* затемняется тем, что разные типы причинных отношений часто имеют одни и те же формы языкового выражения и объединяются либо в общую категорию каузативности, либо в общую категорию каузальности, либо подразделяются на две категории. При интерпретации вышеназванных терминов как родовидовых обозначений причинно-следственных отношений каузация предстает наиболее обобщенным, родовым, понятием, объединяющим две качественные разновидности: каузальность как причинение через обусловленность и каузативность как причинение через побуждение.

Согласно имеющимся подходам к определению побудительности данная категория рассматривается как подкатегория модальности или как самостоятельная категория, подразделяющаяся в свою очередь на императивность и каузативность. Тогда побудительность в широком смысле – это функционально-семантическая категория со значением побуждения к действию как со стороны говорящего, так и со стороны субъекта предложения, при этом императивность обозначает побуждение к действию со стороны говорящего

и выражается формами морфологического императива и его синонимами, а каузативность обозначает побуждение к действию со стороны субъекта предложения и выражается каузативными глаголами и конструкциями.

Ярким примером взаимодействия категорий каузативности, императивности и модальности являются сочетания глагола *lassen* с инфинитивом в немецком языке. Так, в побудительном предложении с глаголом *lassen* могут выражаться как прямое побуждение к действию, так и просьба о разрешении/не препятствовании некоего действия, а также призыв к совершению совместного действия, ср.: 1) *Lass/Lasst/Lassen Sie ihn gehen!* – ‘Заставь/те его уйти!’ или ‘Позволь/те ему уйти!’; 2) *Lass/ Lasst/Lassen Sie uns gehen!* – ‘Давай/те уйдем!’.

Глагол *lassen* примыкает к модальным глаголам, являющимся лексическим средством выражения модальности. Он может передавать возможность, при наличии разрешения, как глагол *dürfen*, а также необходимость, как глагол *sollen*. Объединяет все три глагола то, что и возможность, и необходимость продиктованы волеизъявлением другого лица. Различие заключается в том, что при глаголах *dürfen* и *sollen* субъектом предложения всегда является лицо, непосредственно использующее предоставляемую кем-то возможность (разрешение) или выполняющее чье-то требование, трактуемое им как необходимость, в то время как само лицо, требующее или разрешающее, умалчивается. Однако в предложениях с глаголом *lassen*, наоборот, в качестве субъекта предложения представлено как раз лицо, требующее или разрешающее, а тот, к кому предъявляется требование или которому позволяется что-то сделать, выступает в предложении в качестве объекта или может вообще не находить своего языкового выражения.

В результате одна и та же ситуация действительности в зависимости от выбранного глагола может быть представлена по-разному: в случае с *sollen* и *dürfen* исходным пунктом при передаче ситуации является исполнитель действия, а в случае с *lassen* – ее инициатор, ср.: *Er ließ mich gehen – Ich sollte/durfte gehen.*

Таким образом, глагол *lassen* в каузативном употреблении выражает либо требование, трактуемое его инициатором как необходимость, либо разрешение, трактуемое тем же инициатором как возможность осуществления кем-то вторым некоего действия. Именно это обстоятельство и роднит *lassen* с модальными глаголами.

Внутренняя модальность возможности передается модальными глаголами *können* и *dürfen*, синтаксической конструкцией *sein + zu + Infinitiv*, а также сочетанием *неодушевленный субъект + lassen + sich + Infinitiv*. Две последние структуры выражают так называемую пассивную возможность, ср.: *Das Gerät ist noch zu reparieren; Das Gerät lässt sich noch reparieren.*

В данных примерах речь идет о том, что выступающий в качестве подлежащего объект поддается изменению, допускает возможность совершать с ним некое действие. Поэтому в этой конструкции не используются в качестве подлежащего одушевленные имена существительные.

Иными словами, конструкция *неодушевленный субъект + lassen + sich + Infinitiv* является одним из средств выражения модальности. Она имеет значение пассивности с оттенком возможности и синонимична сочетанию глагола *können* с инфинитивом страдательного залога, что подтверждается возможностью их трансформации: *Das Gerät kann noch repariert werden.*

В качестве материала исследования для установления частотности использования глагола *lassen* в том или ином значении был выбран роман Германа Гессе «Степной волк», из которого методом сплошной выборки было извлечено 78 инфинитивных конструкций с глаголом *lassen*.

Как показывает наш языковой материал, в 5 примерах *lassen* служит средством выражения внутренней модальности, реализуя при этом так называемую пассивную возможность: *...ich hatte zwei Stunden lang Schmerzen gehabt, wie ältere Leute sie eben haben, hatte ein Pulver genommen und mich gefreut, daß die Schmerzen sich überlisten ließen...*

В 2 примерах глагол *lassen* имеет значение императивности: *Gut, dann gehen Sie zum Staatsanwalt, und lassen Sie den ganzen humorlosen Apparat der Gerichtsmenschen über sich ergehen, bis zum kühlen Kopfabhacken in früher Morgenstunde im Gefängnishof.*

Во всех остальных случаях глагол *lassen* выражает значение каузативности, при этом как субъект, так и объект каузации могут быть выражены одушевленными и неодушевленными именами существительными, ср.: *Wir nehmen Abschied von Harry, wir lassen ihn seinen Weg allein weitergehen; Ja, sollen wir denn also alles wegwerfen, auf allen Geist, auf alles Streben, auf alle Menschlichkeit verzichten, den Ehrgeiz und das Geld weiter regieren lassen...; ...und die heiligen Geschichten, ihre Helden und Wunder, die über unsre Kindheit einst die erste dämmernde Ahnung einer ändern Welt, eines Übermenschlichen ergehen ließen.*

Объект каузации может быть оформлен именем существительным в винительном падеже или предложно-именной группой: *Das Unglück, das ich brauche und ersehne, ist anders; es ist so, daß es mich mit Begier leiden und mit Wollust sterben läßt; Jeder weiß... daß es im Grunde edler und schöner ist, sich vom Leben selbst besiegen und hinstrecken zu lassen als von der eigenen Hand.*

Часто исполнитель действия вообще не находит своего языкового выражения в каузативной конструкции с глаголом *lassen*: *Ich begehre ja nichts anderes als zu büßen, zu büßen, zu büßen, den Kopf unters Beil zu legen und mich strafen und vernichten zu lassen.*

Таким образом, использование глагола *lassen* открывает широкие возможности для передачи тех или иных каузативных ситуаций.

М. В. Миронович

ГРАММАТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ НЕСОБСТВЕННО-ПРЯМОЙ РЕЧИ

В работах, касающихся текстовых и дискурсивных исследований последних лет, прослеживается тенденция рассмотрения художественного текста как некоего пространства, искусственно созданного автором и отражающего действительность. При этом художественная коммуникация представляется организованной на двух уровнях: на уровне общения персонажей и на уровне коммуникации автора с читателем.

Следует отметить тот факт, что художественная коммуникация отмечена специфическим оформлением контакта автора и адресата, которое выражается в том, что писатель и читатель зачастую разъединены в пространстве и времени. Тем не менее художественный текст характеризуется адресованностью, ориентацией на определенный образ адресата, что оставляет свой след в художественном тексте в виде определенных грамматических явлений.

Предлагаемая попытка разобраться в этом сложном комплексе вопросов на примере несобственно-прямой речи (НПР) опирается, прежде всего, на исследование конкретных языковых единиц, использование которых в НПР обнаруживает определенные закономерности их употребления.

Характеризуя несобственно-прямую речь, многие исследователи выделяют ряд конститутивных признаков НПР, к которым относятся темпоральный сдвиг; прономинальная транспозиция; модально-прагматический аспект; синтаксические особенности.

Что касается синтаксических особенностей НПР, то здесь следует отметить, что НПР встречается в художественных текстах как в форме значительных комплексов, состоящих из нескольких предложений, так и в виде отдельных предложений и даже группы слов или отдельного слова внутри авторского повествования. В оформлении комплексов НПР принимают участие все структурно-семантические типы предложений языка. Тем не менее среди многообразия синтаксических структур, как показывают результаты исследования, можно выделить типы предложений, играющих большую роль для НПР в ее основных стилистических функциях. Это различные виды вопросительных предложений, которые могут целиком оформлять комплекс НПР, создавая три семантические разновидности (уточняющие, описательные и разделительные), либо чередоваться с другими типами предложений с разной грамматико-смысловой зависимостью: *Fini war aufgeregt, aber zu ihrer Verwunderung spürte sie keine Angst, eher Trotz und sogar ein bisschen heimlichen Stolz. Was sollte nun werden? Würde man sie verhören? Wie hatte sie sich zu verhalten?* (H. Zinner. «Fini: Ahnen und Erben». S. 234);

Gabriel fuhr mit eiskalter Hand über den englischen Stoff seines Anzugs. Wie Brennesseln rührte er sich an. Und zugleich wuchs die Frage: Warum gerade ich? Wie soll ich zu ihnen sprechen? Was maße ich mir an? (F. Werfel. «Die vierzig Tage des Musa Dagh». S. 241).

Комплекс НПП создается в данных примерах структурой трех следующих друг за другом риторических вопросительных предложений с задачей не столько выразить сему запроса информации, сколько передать прагматический смысл предположения с эмоциональной окрашенностью, показать развитие мысли действующего лица.

Помимо вопросительного типа, для НПП большое формообразующее значение имеют восклицательные предложения разной структуры, а также неполные предложения, присоединительные конструкции и односоставные предложения (преимущественно с оценочной семантикой):

“Ist das eine Art?” rief sie (Therese), frech vor Entsetzen. „Man klopft, bevor man hereinkommt... Was, er (Kien) soll anklopfen, bevor er zu seinen Büchern darf? Unverschämtheit! Lächerlich! Grotesk! Sie hat den Verstand verloren. Er wird ihr eine Ohrfeige herunterhauen. Vielleicht kommt sie zur Besinnung. Er malte sich die Spuren seiner Finger auf ihrer feisten, gemästeten, glänzenden Wange aus (E. Canetti. «Die Blendung». S. 74–75);

Wie eine Sonnenfinsternis fuhr die Verantwortung, die er auf sich nahm, mit Fledermausschatten über ihn hin. Ein schäbiger Gedanke: Weg von hier! Noch heute! Gleichviel wohin! Ter Haigasun begann seine ersten Worte langsam in die Masse einzuschlagen (F. Werfel. «Die vierzig Tage des Musa Dagh». S. 241);

Als sie (die Wirtschafterin) draußen war, machte er (Kien) sich Vorwürfe. Über seine Bücher sprach er jetzt wie der schmutzigste Händler. Wie konnte er eine solche Person denn anders dazu bringen, Bücher anständig zu behandeln? Ihren wirklichen Wert verstand sie nicht. Sie musste glauben, dass er mit der Bibliothek spekuliere. Das waren Menschen! Das waren Menschen! (E. Canetti: Die Blendung. S. 511).

В последнем примере автор изображает внутренний мир действующего лица через призму собственного временного плана. Происходит контаминация речи автора и действующего лица, при этом глагольные действия, выражаемые претеритом, находятся в своеобразной связи с глагольными действиями, выражаемыми предшествующей и вводящей авторской речью, на что указывает темпоральное наречие *jetzt*. Повтор же восклицательных предложений *Das waren Menschen! Das waren Menschen!* подчеркивает эмоциональный аспект и акцентирует сиюминутность происходящего.

НПП вступает в разнообразные логико-грамматические отношения с окружающим контекстом. Она либо вырастает из авторского контекста, являясь ее логическим продолжением или эмоциональным усилителем, либо сопровождает прямую или косвенную речь, либо возникает из внутреннего монолога и перерастает в него, либо стоит обособленно, создавая в художественном тексте особые условия сочетаемости объективного и субъективного. Наиболее тесную соотнесенность НПП с окружающим контекстом обеспечивают лексико-синтаксические средства (лексические и местоименные повторы, сочинительные союзы *und, denn*, модальные слова *vielleicht* и т.д.). И те и другие способствуют более плавному совмещению двух линий изложения – автора и действующего лица. Четкие же структурные границы НПП обеспечивают ей вопросительные и восклицательные предложения.

Преобладающий структурно-семантический тип предложений в НПР вариативен в произведениях разных авторов, но вопросительный и восклицательный типы преобладают по частоте их употребления, а также образуют очень часто «семантическое ядро» комплекса НПР. Так, вопросительные предложения способны показать процесс рождения мысли и ее дальнейшее развитие. Восклицательные и односоставные предложения, при минимальном лексическом объеме, способны выразить эмоциональное содержание всего комплекса НПР.

Таким образом, каждое языковое средство в НПР обладает определенным потенциалом, раскрытие которого позволяет проникнуть в особенности организации диалогического пространства между автором и читателем.

С. В. Паремская

СИНТАКСИЧЕСКИЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ ПРЕДЛОГОВ В РЕЛИГИОЗНОМ ТЕКСТЕ (на материале немецкого языка)

Настоящая работа посвящена анализу синтаксиса и семантики предлогов немецкого языка на материале религиозного текста. Материал анализа составили 500 предложных словосочетаний, отобранных методом сплошной выборки из текста Библии.

Простой количественный подсчет показал, что данное количество предложных словосочетаний встретилось в тексте, имеющем общий объем в 6 059 словоформ. Это составляет около 12 процентов от общего количества словоформ проанализированного текста.

В материале анализа выявлено в общей сложности 29 предлогов, 24 из них являются одиночными и 5 двойными. Частотность каждого из предлогов разная. Наиболее частотными являются предлоги, относящиеся к группе так называемых первообразных предлогов, более древних по происхождению и не имеющих мотивированной внутренней формы. Это предлоги *in, zu, von, an, mit, auf, nach, bei, für, vor*. Самые частотные предлоги *in, zu, von*.

Теоретической основой для проведения анализа послужили следующие положения. Предлоги, входящие в группу так называемых функциональных слов, обеспечивают на синтаксическом уровне семантическую спецификацию при присоединении одних лексических единиц к другим. Их задача заключается в том, чтобы устранить возможную многозначность отношений, возникающих между словами. В разных синтаксических конструкциях предлоги проявляют себя по-разному. Существует определенная связь между тем, как ведут себя предлоги в разных членах предложения и их значением. Иными словами, семантическая конкретность (или прозрачность) предлога зависит от типа синтаксической конструкции, в которой он употребляется.

Синтаксические типы предложных конструкций определяются либо с опорой на их функции в предложении, либо на основе контекстуального анализа. С точки зрения синтаксической функции традиционно выделяют предложные обстоятельства, предложные дополнения и предложные определения.

При контекстуальном подходе выделяют два типа синтаксических предложных конструкций – вербальные и субстантивные. *Вербальные* предложные конструкции возникают на основе глагольного управления. Внутри такой конструкции падеж существительного только в общем виде отражает связь между отдельными компонентами. Предлог же берет на себя функцию более точного обозначения связи, существующей между определенными объектами действия. Однако семантика предлогов в таких конструкциях очень широкая и абстрактная, например: *denken an*.

Субстантивные предложные конструкции делятся на устойчивые и свободные. Компоненты, входящие в состав *устойчивых* предложных конструкций, как правило, не варьируются, семантика предлогов в таких конструкциях не мотивирована и трудно поддается семантическому объяснению. Это так называемые глагольно-субстантивные словосочетания (*Streckformen*) типа *in Frage stellen, in Eile sein*. В *свободных* предложных конструкциях предлоги играют важную связующую функцию: они не только выполняют структурирующую роль, но и определяют семантику всей конструкции.

При проведении анализа нами учитывались оба подхода, на основании чего в работе были выделены четыре группы предложных конструкций: 1) *вербальные* – предложные дополнения; 2) *субстантивные* – предложные обстоятельства и предложные определения. В отдельную группу были выделены устойчивые глагольно-субстантивные конструкции.

Следует отметить, что при отграничении предложных дополнений от предложных обстоятельств имелись сложности, так как между ними не всегда существуют четкие границы, наблюдаются смежные и переходные случаи (Тарасевич). Поэтому при отнесении какой-либо конструкции к той или иной синтаксической группе использовался прием замены предлога, которая невозможна в предложных дополнениях, так как ведет к искажению смысла высказывания, например: *Er besteht auf meiner Abreise*. В отдельных случаях сложности представляло и разграничение между предложными обстоятельствами и атрибутивными предложными конструкциями. С этой целью в качестве вспомогательного приема использовалось перемещение предложной группы внутри предложения или ее трансформация в придаточное предложение.

Проведенный анализ показал, что *вербальные* предложные конструкции формируются в тексте Библии не только на основе глаголов, но и на основе отглагольных существительных, сохраняющих при переходе в именную форму глагольное управление исходного глагола, например: *die Bitte um*. Общее количество предложных дополнений составило 84 из 500 или 17 %, например: *David ... fürchtete um sein Leben*.

Наибольшую долю среди свободных субстантивных предложных конструкций составили предложные обстоятельства, их в тексте выявлено 354 единицы (70,6 %), например: *Sie flüchteten in die Berge*. Предложных определительных конструкций в тексте Библии 3,8 процента, всего таких словосочетаний 19 единиц, например: *die Leute von Keila, in der Gegend von Karmel*. Кроме этого, в тексте выявлены 43 глагольно-субстантивные словосочетания, что составляет 8,6 % процента от всех привлеченных к анализу предложных конструкций, например: *Saul schlug die Philister in die Flucht*.

Семантический анализ проводился в работе только применительно к группе предложных обстоятельственных конструкций. Он показал, что основная масса предлогов имеет в таких конструкциях пространственное значение (235 случаев или 47 %). Временное значение зафиксировано в 25 предложных группах (5 %). Далее по степени убывания располагаются модальное значение (15 случаев или 3 % употреблений), значение цели (9 предложных обстоятельств или 1,8 %) и каузальное значение (6 употреблений, т.е. менее 2 %).

Проведенный анализ полностью подтверждает мысль М. Бирвиша (1983) о том, что языковые высказывания включают в себя системы знаний, которые лежат в основе построения концептуально структурированных мыслей. Библия повествует об отдельных событиях из жизни известных христианских личностей или исторических событиях того времени, а текст Библии предназначен для всех слоев населения и должен быть легко доступен устному восприятию, например, во время проповеди. Именно поэтому в тексте используются максимально простые с точки зрения синтаксиса конструкции. С точки зрения семантики преобладающее большинство предложных конструкций отражают чувственно воспринимаемые, прежде всего пространственные отношения между объектами окружающего мира.

Н. П. Петрашкевич, К. Дубовик

ВЫРАЖЕНИЕ ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННОЙ СВЯЗИ В СЛОЖНОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ

Причинно-следственная связь является объективной универсальной характеристикой всех явлений. Это внутренне присущее вещам отношение, которое определяет необходимую связь явлений, образующих бесконечную причинно-следственную цепь. В языке, одной из важнейших функций которого является функция отражения явлений действительности, существуют разнообразные способы выражения причинно-следственных отношений.

Причинно-следственные отношения можно наблюдать как в простом, так и в сложном предложении. Основными (формальными) маркерами такого вида связи являются союзы. В английском языке существуют системы подчинительных и сочинительных союзов, которые эксплицируют причинно-

следственные отношения. Так, в сложноподчиненном предложении, выражающем причинно-следственные отношения, наиболее часто встречаются союзы *because, as* и *since*. Все они, как правило, вводят придаточное предложение причины (cause), а следствие выражено в главной части. Зеркальную модель представляют собой сложноподчиненные предложения с придаточным результата или следствия (наиболее типичные союзы *so that, lest*), в то время как главная часть содержит выражение причины. Следует отметить, что большинство союзов, участвующих в выражении причинно-следственной связи, многозначны (за исключением *because, lest, for*). Особенно неопределенно значение союза *and*, нередко представляющего причинно-следственную связь в сложносочиненном предложении. Это позволяет предположить, что выражение данного типа отношений выражается не только и не столько союзами или союзными словами, сколько иными лексико-грамматическими средствами, проявляющими эти отношения.

На первом этапе своего исследования мы рассмотрели сложноподчиненные предложения с союзом *because*, в которых причина и следствие однозначно закреплены, соответственно, за придаточной и главной частями. В таких предложениях была выявлена коллокационная взаимозависимость обеих частей. Коллокации могут быть синонимичными (например, *The dog began to howl because the thunder frightened it*) и антонимичными (*Clarisse was obviously in a bad mood, because she did not even say good morning*). Такие же коллокации выявлены в предложениях и с другими подчинительными союзами, а также в сложносочиненных предложениях (*As he was tired, he preferred to stay at home; God help the poor, for the rich can help themselves*). Нами также отмечены деривационная коллокация (*Lizzy noticed a fire in the window of the house opposite, and her father called the firemen; She was unable to sleep so she took a couple of sleeping pills*) и гипер-гипонимическая коллокация (*The captain telegraphed the authorities, so the police were waiting for the ship's arrival in New York*).

Синонимия или антонимия коллокаций нередко достигается использованием отрицаний разного рода как в одной, так и в обеих частях сложного предложения. Например, *She asked for help because she didn't know what to do; She didn't want to hear the story again as she had heard it before; He was indifferent to her, so she was not particularly upset*.

Синонимичные коллокации создают гомогенные причинно-следственные цепочки, где следствие естественным образом вытекает из причины: *I won't buy this device, for it is very expensive and actually useless for me; She loved to give, since she had plenty, and sent presents here and there to Lilian, the children, and others*. В таких предложениях причинно-следственная связь, как правило, максимально эксплицирована, например, *As she was an optimist, she hoped for the better*. В подобных примерах уже сама коллокация содержит ядро причинно-следственной связи: *I'm forever losing things, since I'm quite forgetful* (забывчивость – причина потерь).

Наряду с такими полностью эксплицитными причинно-следственными цепочками (непосредственная причина – следствие) имеют место цепочки с имплицированным звеном. Например, в предложении *It's said that this book is rather interesting, so I'm going to read it* имплицирована небольшая часть причинного звена – «обычно читают интересные книги». Усечение причинного звена наблюдается и в предложении *As it was getting late, I hurried home* – «в позднее время следует находиться дома».

В ряде предложений опускается целое промежуточное звено между эксплицитно выраженными причиной и следствием: *We rarely stay at hotels, for we can't afford it* – «проживание в отеле стоит дорого» – между следствием (*We rarely stay at hotels*), выраженным в первой части предложения, и причиной во второй (*can't afford it*).

Имплицирование логического звена причинно-следственной цепочки наиболее присуще предложениям с антонимичными коллокациями, например, *As women were not supposed to be novelists, she took the name George Eliot* (писательница взяла себе мужское имя как псевдоним по причине того, что в определенный период времени женщин не рассматривали в качестве серьезных писателей). Имплицированное звено причинно-следственной цепочки – Джордж Элиот является мужским именем.

Имплицированное звено причинно-следственной цепочки может иметь частичное выражение в рамках придаточного предложения причины: *We decided to camp there as it was too dark to go on*. Антонимичные действия *to camp* и *to go on* оказываются связанными причинными отношениями через обстоятельство *too dark*, которое имплицировывает смысл «в темноте не следует идти дальше».

Имплицирование звеньев причинно-следственной цепочки свойственно и сложносочиненным предложениям, причем имплицированное причинное звено может а) следовать за предложением, т.е. фактически быть усеченным: *We must be careful, for there are many wild animals in this area* (дикие животные могут быть опасны); б) находиться между выраженными причиной и следствием, т.е. быть опущенным: *The house was cut off the electricity, (исчез свет) and we lit a candle*; в) предшествовать предложению: (отвечая, можно ошибиться) *He was afraid of making a mistake, so he kept silent*.

Имплицированное звено причинно-следственной цепочки может иметь значение цели действия, каузированного названной причиной: *People saw the drowning man, and one boy from the crowd rushed towards him* (чтобы его спасти).

Таким образом, данное исследование позволяет заключить, что основным средством выражения причинно-следственных отношений является коллокационная взаимозависимость обеих частей сложного предложения, которая содержит в себе ядро причинно-следственной связи. Причинно-следственная цепочка нередко содержит более двух звеньев, которые могут имплицироваться и легко восстанавливаться на основе существующего предложения.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ОБЪЕМ СУБСТИТУТОВ

Субституция (или замещение) – широко распространенный способ текстообразования, который участвует как в сохранении информации в тексте, так и в ее продвижении. Для каждого структурного типа элементов предложения (именных, глагольных, адвербиальных) существует свой набор субститутов. В данном сообщении мы затронем проблему семантического объема именных субститутов.

Наиболее частыми и типичными субстантивными заместителями являются личные местоимения. Как правило, в плане содержания они эквивалентны тому имени существительному, которое замещают. Например: *In an effort to change things, **Tsialera** has arranged for English lessons via the internet and is lobbying the government to provide daily transport for kids to attend schools on Patmos, or on Lipsi, where **she** lives and returns to most weekends.*

Личные местоимения обладают способностью вбирать в себя информацию о том лице (или предмете), которое они замещают: *While searching for the secluded Linnari Beach, I met **Tasos Melianos** on a road leading through his family's land... **The 45-year-old shepherd** has no desire to live elsewhere, although his partner left Arkoi... Standing in the stark afternoon light on the island summit, **he** explained: "I love my work, the animals and the land".*

В данном случае значение местоимения *he* эквивалентно не только имени собственному *Tasos Melianos*, но и включает в себя информацию о его возрасте, занятии (*The 45-year-old shepherd*) и даже жизненных планах (*has no desire to live elsewhere*).

Подобным же образом ведут себя неопределенно-личные местоимения:

*"**Women** come in the summer, but **they** don't want to stay here to live and raise families," said schoolteacher Maria Tsialera;*

*"**Kids** don't want to leave their families, so **they** quit school," Kavouras explained;*

*Then there are **the cats** that live with us, but even this subset is a spectrum; **some** keep a relative distance, while **others** positively thrive with human company.*

Во всех этих примерах местоимения выступают в качестве заместителей существительных с неопределенной референцией, то есть имеют самое широкое значение.

Неопределенные местоимения также способны расширять свой семантический объем за счет обобщения предыдущего высказывания или его части: *Kamposos aspires to become a teacher but continuing his education beyond grade school means **relocating to another island, something** the family can hardly afford.*

Вбирая в себя содержание предшествующей замещаемой части предложения, субститут *something* создает тематическую базу для сообщения новой информации и развития текста.

Указательные местоимения также обладают вариативным семантическим потенциалом. Как правило, их семантический объем не меньше объема значения словосочетания: *Cat owners will claim this is all nonsense, of course, and that their bond with their cat is as strong as any dog owner's. But why does **this image of the aloof, unfriendly cat** remain? And is there any truth to it?*

Хотя чаще замещение имеет анафорический характер, существует особая модель предложения с катафорическим вводящим *it*, указывающим на компонент предложения (знаменательное подлежащее), следующий за сказуемым: *"I think **it's a lot harder for people to read their body language compared to dogs,**" says Kristyn Vitale, a PhD researcher studying cat behaviour.*

Особенностью указательных замещающих местоимений является их способность к неограниченному расширению информационного объема, который может превышать объем предложения или даже сверхфразового единства:

The cat that may be currently curled up on your sofa or glaring at you from its vantage point on top of the bookcase shares many of its instincts with that of its pre-domestic ancestors – the desire to hunt, to patrol territory, guarding it from other cat; they are much closer to their old selves than dogs. Our taming of cats has only partly removed them from the wild;

*"Mostly, **it's just human misunderstanding of the species,**" says Karen Hiestand, a vet and trustee of International Cat Care.*

В данном случае указательное местоимение *it* суммирует и обобщает содержание предыдущего абзаца, которое включается в коммуникативную перспективу текста через его посредство, то есть новая информация из предшествующего абзаца оформляется как данное посредством темы *it*. При этом не всегда возможна механическая подстановка замещаемого информационного компонента на место субститута даже при меньшем объеме замещаемого фрагмента: *"In many cases, specialised species are those that we expect to see disappear first," says Carr. **This extends to species in microhabitats.***

Особый потенциал у адъективных указательных местоимений, которые совмещают субституцию с генерализацией понятия: *Much of **this vulnerability is linked to climate change, which is bringing about higher temperatures, sea level rise, more variable conditions and more extreme weather,** among other impacts. While the seriousness of climate change is undeniable, it's impossible to know exactly how **those effects** will play out for species vulnerability, especially far into the future.*

В данном высказывании указательное местоимение в сочетании с гиперонимом *effects* отсылает к замещаемым компонентам предыдущего предложения.

Нередко имеет место сочетание указательного адъективного местоимения с заместителем-существительным оценочной семантики: *As a blockbuster biodiversity report stated recently, **one in every four species currently faces extinction.** Much of **this vulnerability** is linked to climate change.*

Такой тип замещения является весьма компактным способом сжатия известной информации с одновременным добавлением нового (оценки).

В ряде случаев оценка содержится не только в существительном-заменителе, но и сопутствующем оценочном прилагательном: *The historical record does point to the tenacity of cockroaches. These largely unloved critters "have survived every mass extinction event in history so far", says Asmeret Asefaw Berhe.*

Как видно из приведенного анализа, заменители субстантивных компонентов высказывания характеризуются существенной вариативностью передаваемого объема информации. Они выступают как средство тематизации новой информации, передаваемой в предшествующих фрагментах текста разной протяженности и создают основу для дальнейшего продвижения текстовой темы.

Н. С. Радикович

КАТЕГОРИЯ ИНСТРУМЕНТАЛЬНОСТИ В ДЕНОТАТИВНОЙ ОБЛАСТИ «ОЦЕНКА» В ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Категория инструментальности является объектом интереса лингвистов различных школ и направлений, поскольку представляет собой универсалию, существующую в структурах разных языков, обусловленную общими закономерностями отражения объективной реальности и единства мира в сознании людей. Представляется актуальным рассмотреть особенности отражения данной категории в предложениях и сверхфразовых единствах (СФЕ) с глаголами оценочного действия в современном турецком языке. Теоретической основой послужит положение о неизоморфизме (автономности) денотативной и сигнификативной структур семантики предложения, т.е. предполагается рассмотрение номинативной семантики предложения на двух уровнях при раздельном анализе структуры ситуации (денотата) и структуры пропозиции (сигнификата).

На начальном этапе исследования в семантической структуре глаголов оценки при помощи метода дефиниционного анализа была выделена инструментальная сема. Основанием для выделения данной семы послужили следующие выражения: *lambda ışığıyla* ‘просвечиванием лампой’, *sonda ile, sonda kullanarak* ‘при помощи зонда’, *irakgörürlü* ‘наблюдая через подзорную трубу, телескоп’ *ya da herhangi bir araçla* ‘или любой другой инструмент, средство, прибор’ *izleyip, para ile ölçülebilen* ‘измеряемое деньгами’, *birçok kişiye (inceden inceye sormak)* ‘опросив множество людей’, *sorulara (verilen cevapları)* ‘ответы, данные на вопросы’, *muayene, gözetiminde olmak* ‘пройти медосмотр, наблюдение’, *araç, motor vb.nin çalışıp* ‘заведя транспортное средство’, *aramalarda/girişimde bulunmak* ‘пребывая в поиске’, ‘через опыт, попытку, начинание’, *çözümleme yoluyla* ‘посредством, путем анализа’, *inceleyip araştırmak, inceleyerek/araştırarak* ‘путем изучения, исследования’,

ödülle değerlendirmek ‘оценить наградой, поощрением’, *puan olarak* ‘поставив оценку, балл’, *türlü yöntemlerden yararlanarak* ‘используя различные методы, способы’, а также *çıplak gözle* ‘невооруженным глазом’, *hafif kısık gözle incelemek* ‘полузакрытыми глазами исследовать, изучать’, *gözden veya elden/kafasından geçirmek* ‘глазами или руками/умом, головой’, *ele alıp* ‘рассматривая (буквально: держа в руке)’, *el ile dokunarak incelemek* ‘исследовать, дотронувшись рукой, сенсорно, на ощупь’, *avuç içinde sallayarak* ‘тряся, покачивая на ладони’, *aklından geçmeyen (bir anlam vermek)* ‘придать смысл (буквально: из головы/ума идущий)’, *akıl yoluyla* ‘умом, разумом, путем мысли’, *dinleyerek* ‘заслушав, выслушав, опросив’.

Рассмотрение содержательной стороны выражений-экспликаторов инструментальной семы, а также их верификация на предложениях и СФЕ, отобранных из художественных текстов, не только формализует «инструмент» как участника ситуации, но и позволяет выделить несколько его разновидностей:

– инструмент₁ (*сложные программно-технические комплексы и устройства*, например, космические летательные аппараты, ЭВМ, контрольно-измерительное и тестовое оборудование): 1) - *Genç bayanın babasını bulabildiniz mi, efendim? - Henüz değil. - Bilgisayar hala ayakkabısındaki çamuru analiz ediyor;*

– инструмент₂ (*предметы и простейшие приспособления*, представляющие собой вспомогательные средства для совершения операции оценивания, например, для выражения количественной оценки – более примитивные счетные и измерительные устройства: линейка, рулетка, простейшие калькуляторы, весы; для выражения комбинированной (и качественной, и количественной) оценки – оптические приборы: телескопы, микроскопы, подзорные трубы, камеры наблюдения, очки, лупы, предметы с отражательной поверхностью – окна, зеркала, чайные ложки и т.д.; предметы одежды): 2) *Bir müşterimiz daha var. Her zaman diyet yapar. Salata sosunu tartmak için yanında bir terazî getirir;* 3) *Sağ kasiğında 5 cm. büyüklüğünde bir ben var. Yerfistiği şeklinde bir ben, hatta bir keresinde cetvel ile ölçmüştük;* 4) - *Eğer teorim doğruysa kurbanın kravatının bir parçası çıkar. Teorimi test etmek için kravatına ihtiyacım olacak. - Şu anda taktığımdan mı bahsediyorsun?;*

– инструмент₃ (*конкретные исследовательские работы* (научного, аналитического, психодиагностического, академического характера) *и методы исследования*, в них применяемые: наблюдение, анализ, опрос (интервью и анкетирование), оценивание, беседа, аттестация, тестирование, эксперимент); сюда же относятся и *диагностические методы*, широко используемые в медицине, а также *метод балльной оценки и ранговый метод*, то есть количественные методы: 5) *Bu son sınav işbirliği ve adaptasyon kabiliyetinizi ölçmek için hazırlandı;* 6) *Kardeşin Elizabeth'i muayene edip yeniden test yaptım. Hiçbir değişiklik yok. Bilgisayar tomografisi kronik subdöral menenjit bulguları göstermedi;*

– инструмент₄ (*часть тела, орган* (как правило, это глаза, руки, уши, мозг), ответственный за восприятие и формирование производных эмоций и суждений о ценности предмета; «неотчуждаемый инструмент»): 7) *Bir baktım Baba Zaman ve gezgin abdal onları bıraktığım gibi duruyor. Ağzlarından tek bir kelime bile çıkmıyor. **Göz ucuyla** ikisini de yokladım. Acaba konuşmadan sohbet etmek mümkün müdür?;* 8) *Koridorun ve demir kapının ötesinden sert bir ses geldi. **Kulak** verip dinledik. Aynı ses peş peşe yinelenince, bunun silah sesi olduğunu anladık. Sorgucular ya silahlarını deniyorlar ya da öfkeyle birinin canını alıyorlardı. Küheylan Dayı, 'Beretta bu,' dedi, silahları insanlar kadar iyi tanıdığını belli ederek.* В ряде составных глаголов, таких как *ele almak, elden geçirmek, göz gezdirmek, gözden geçirmek*, указание на инструмент оценки (рука, глаз) содержится в первом именном компоненте;

– инструмент₅ (*крупные социальные, экономические, природные, техногенные катаклизмы и потрясения*, такие как война, голод, разруха, эпидемия, наводнение и т. д., *любые жизненные трудности и испытания, любые предметы, слова*, которые проверяют человека на прочность, определяют его духовные и физические силы): 9) *'**Bunca insanı besleyecek yiyeceği nereden bulabiliriz?**' **Bunu Philip'i test etmek için söyledi**;* 10) *Bazen müşterilerimi **böyle sözlerle denerdim**;*

– инструмент₆ (*живые существа*, т.е. люди и животные, играющие вспомогательную роль в осуществлении оценочного действия): 11) *Kulübenin önünde yaşlı bir keşiş yüzünü güneşe vermiş, dua ediyordu. Yavaşça doğrulan keşiş, ipek giysiler içinde yaklaşan **güzelliğe** hayal görüyormuş gibi baktı. Kulübesine girdi, kutsal bir yazının önünde diz çökerek kendi kendine konuştu: Tann beni sınıyor. **Nefsime** yenilmemeliyim. Zaten yaşlıyım da. Çıkıp **kıza** su vereyim;* 12) - *O cihaz hiç bu adam üzerinde kullanıldı mı? - Beyin faaliyetlerini test etmek için komadaki tüm hastalarda kullanırsınız.* Как видно, данное деление нашло подтверждение и на синтаксическом уровне.

Естественно предположить, что на сигнификативном уровне существует такой аргумент пропозиции, который выступает отражением ситуативной роли. Анализ пропозициональной структуры выявил наличие функциональной позиции *инструментатива* – актанта, отражающего чаще всего неодушевленного, реже – одушевленного участника ситуации, являющегося вспомогательным средством субъекта, чем-то, чем субъект пользуется для достижения определенной цели, но не являющегося при этом причиной, инициатором или движущей силой действия, занимающего позицию предложного дополнения. Идентифицировать инструментатив можно при помощи подстановки слов *yoluyla, ile* или *kullanarak, yararlanarak*.

Инструмент может находиться не только в свойственной ему позиции инструментатива (примеры 3, 4, 7, 10, 12), но и в первой агентивной позиции (примеры 1, 6), что еще раз подтверждает известный постулат о неизоморфизме структуры ситуации и структуры пропозиции.

Аргументная позиция инструментатива факультативна и тяготеет к выходу в сложные смысловые и структурные блоки, т.е. СФЕ. Иначе говоря, семантическая роль инструмента может быть реализована в том числе и в макропропозиции: 13) *'Yarana bakayım, ben doktorum.'* *Pantolonu parçalanmış, dikişleri sökülmüştü. Baldırındaki yara görünüyordu. Yaraya pansuman yapılmış, sargı beziyle kapatılmıştı. Kenarındaki bandı yavaşça kaldırdım. Yarayı görebilmek için bacağına mazgaldan gelen ışığa doğru çevirdim. 'Kanama yok. Dikişler duruyor.'* *Pansumanı kapatırken, adamın tedirginliğinin azaldığını, durgun gözlerle davranışlarımı izlediğini fark ettim. 'Üşüyorum,' dedi. **Elimi** alınına götürdüm. 'Ateşin var. Yaran yeni olduğu için normal bu. Merak etme, geçer.'* *'Umarım.'* (Burhan Sönmez. 'İstanbul İstanbul.'). Это свидетельствует о том, что оценка дается для того, чтобы использовать ее в дальнейшем, «вплетать» ее в другие деятельностные структуры.

Таким образом, на денотативном уровне инструмент предстает в шести разновидностях, особенностью его является то, что не всегда данный элемент подразумевает неодушевленную силу. На сигнификативном уровне отражением денотативной роли выступает аргументная функция инструментатива, которая, в силу своего факультативного характера, может выходить за рамки одного предложения и представлять собой часть более широкого контекста, т.е. СФЕ.

П. А. Рысеев

К ПРОБЛЕМЕ МНОГОЗНАЧНОСТИ МОДАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Система модальных отношений является очень сложной. В нее входят как поле реальности, так и нереальности, куда включаются значения необходимости, оптативности, волюнтативности, предположения. Не менее сложной является и система языковых средств выражения модальных значений, многие из которых являются полифункциональными. Они служат для выражения нескольких модальных значений, и лишь речевой контекст, в широком смысле, способен указать на вид модального значения.

В данной работе мы обратимся к описанию способов снятия многозначности модальных глаголов немецкого языка *müssen* и *können*, которые используются как для передачи деонтической необходимости (обязательности) и возможности (разрешительности), так и для оформления эпистемической необходимости (уверенного и неуверенного предположения). Деонтическая модальность – это выраженная в суждении информация, побуждающая людей к определенным поступкам. Деонтическая необходимость и возможность представляет собой отношение к действиям, которые изменяют положения дел. Данная модальность обусловлена различными общественными нормами и иными правилами, которыми руководствуется индивид в социальной среде. Эпистемическая модальность выражает отношение говорящего к содержанию высказывания, степень достоверности данного высказывания и соответствия его действительности с точки зрения говорящего.

Модальные глаголы *können* и *müssen* есть такие языковые средства, которые в своем первичном значении реализуют деонтическую возможность (*Du kannst ins Kino gehen* «кто-то дал разрешение/предоставил возможность») и необходимость (*Sie müssen im Unterricht anwesend sein* «обязанности студента»). Разрешительное значение глагола *können* является своего рода «преломлением» его основной, алетической семантики, которая фиксирует физические и логические отношения реальной действительности (*Auf der Autobahn kann sie zügig fahren* «имеются объективные условия для реализации возможности»). Во вторичном значении данные лексемы выражают эпистемическое значение, а именно, сильной неуверенности в настоящем/прошедшем времени в конструкции *können* + инфинитив I/II, например, *Er kann im Stau stecken; Sie kann Lust gehabt haben, Sport zu treiben*, выступая синонимом модальным словам *vielleicht/möglicherweise*, и большой уверенности о положении дел в настоящем/прошедшем времени в конструкции *müssen* + инфинитив I/II, например, *Der Bus muss gleich kommen; Es muss gleich regnen; Er muss zu Fuß gegangen sein, deshalb ist er so außer Atem*, будучи синонимом модальных слов *bestimmt, sehr wahrscheinlich*.

В качестве грамматического средства отграничения деонтической модальности от эпистемической выступает морфологическая форма модального глагола, а именно конструкция с инфинитивом 2, выражающая предположение о законченном действии в прошлом, например, *Er muss/kann die Ampel übersehen haben*. Форма конъюнктива 2 выражает ослабленную уверенность с глаголом *müssen*, неуверенное предположение с *können*, например, *Er müsste/könnte gleich da sein*.

Данная форма сослагательного наклонения используется и для выражения волеизъявления, именно побуждения, но не деонтики, поскольку здесь не идет речь о некоем правиле: *Du müsstest dich jetzt endlich mal zur Fahrprüfung anmelden* 'Теперь ты наконец должен записаться на экзамен по вождению'.

Снятию полисемии модальных глаголов *müssen* и *können* помогает контекст употребления:

- 1) – *Warum ist Peter abwesend?*
– *Er muss krank sein* (уверенное предположение);
- 2) – *Bist du um 16:00 zu Hause?*
– *Nein, gegen 19:00. Ich muss heute noch einen Freund in der Klinik besuchen* (деонтическая необходимость);
- 3) – *Wo ist Till?*
– *Er kann noch auf dem Sportplatz sein* (неуверенное предположение);
- 4) *Wer mit dem Sprachtest fertig ist, kann nach Hause gehen* (деонтическая возможность).

В установлении модального значения дифференциальную роль может играть также просодическое оформление высказывания, которое чаще всего в условиях неоднозначности синтактико-грамматической структуры предло-

жения конкретизирует значение высказывания, снимая разночтения смысла. Большая роль интонации при выражении модальности признается большинством лингвистов. Вместе с тем подчеркивается сложный характер взаимодействия лексических, грамматических и просодических средств при выражении модальных значений. Отметим, что в распространенной синтаксической модели предложения дифференцирующая роль интонации снижается.

В результате аудитивного анализа высказываний с модальными глаголами *können* и *müssen*, извлеченных из аудиокниги M. Elsberg „Black out. Morgen ist es zu spät“, было установлено, что модальный глагол *können* при реализации деонтической возможности получает более четкую акцентную выделенность, например, *Du "kannst ja weiter "'hier bleiben; Sie "kann mit dem Auto ihrer "'Eltern fahren*. При этом инфинитив смыслового глагола может оставаться без фразового акцента. Фразы характеризуются плавным нисходящим движением тона, уровень завершения фразы не достигает нижней границы шкалы, темп произнесения замедляется к концу синтагмы.

Эпистемическое значение глагола *können* (неуверенность) выражается, как правило, во фразе со сглаженной мелодической кривой, модальная лексема получает слабо выделенное ритмическое ударение, уровень завершения фразы также не достигает нижней границы шкалы (*Denn wenn wir hier wirklich einen Saboteur haben, "kann er das nicht über Nacht eingebaut haben*).

При оформлении деонтической необходимости при помощи модального глагола *müssen* на перцептивном уровне фиксируется сильная (квантитивно-динамическая) выделенность инфинитива смыслового глагола, при этом модальная лексема *müssen* получает ритмическое ударение, отмечается резкое падение тона в заударной части, низкий уровень завершения фразы (*Papa "muss heute "'arbeiten. Er kommt am Abend nach*).

Отличие просодии при выражении глаголом *müssen* эпистемического значения (уверенного предположения) заключается в отсутствии акцентной выделенности модальной лексемы, например, *Er muss die 'E-Mail kurz vor seinem "'Aufbruch geschickt haben*.

Таким образом, просодическое оформление высказывания с модальными глаголами, независимо от типа модального значения, которое они выражают, ориентируется на традиционную интонационную схему в зависимости от коммуникативного типа. Падение тона в заударной части более резкое в предложениях с деонтической необходимостью по сравнению с предложениями с деонтической возможностью. При этом в рамках дифференциации модальных значений, передаваемых тем или иным модальным глаголом, ведущую роль играет акцентная структура фразы и позиция фразовых ударений. Значимость отдельных просодических признаков, а также их акустических коррелятов в реализации различных модальных значений представляют интерес для дальнейшего изучения выразительных возможностей просодии при передаче модальных отношений.

К. Федоришина

ПРИМЕНЕНИЕ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ СПОСОБОВ ВЫРАЖЕНИЯ АДВЕРБИАЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ В ОБУЧЕНИИ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАММАТИКЕ

Как известно, каждая семантическая роль в предложении имеет свой характерный способ выражения в поверхностной структуре. Так, например, для агенса наиболее типична позиция подлежащего, для объекта и пациенса – прямое дополнение. Однако данный факт не дает основания говорить об отсутствии каких-либо других альтернативных способов выражения той или иной семантической роли.

Принято считать, что роли локатива, темпоратива, условия, причины, следствия и другие являются прерогативой обстоятельств. Однако в процессе коммуникации, говорящий стремится максимально сжать «величину» высказывания, при этом сохраняя ее семантическую структуру. Именно этот факт дает право полагать, что в таком случае семантические роли могут быть выражены не характерными для них членами предложения. А в связи с тем, что обстоятельственное значение не имеет четко закрепленного за ним места в структуре предложения, возможности для выражения данной семантики расширяются.

Вне зависимости от стиля, безусловно, прерогативой адвербиальной семантики является обстоятельство, однако выражение каждого из значений имеет свои специфические черты. Помимо обстоятельства, значение места может быть выражено определением существительного и компонентом предиката, реже подлежащим: *I would say about the missing that there may be very many reported missing who will **come back home***. Время, мера и степень нередко выражаются определением существительного: *But in a **last** word to the wise **of these days** let it be said that of all who give gifts these two were the wisest*. Таким образом, половина адвербиальной семантики приходится на долю обстоятельства, другая же половина выражается остальными членами предложения.

Результаты проведенного исследования могут быть использованы в процессе преподавания функциональной грамматики, которая предполагает подход «от семантики к средствам ее выражения». В процессе формирования высказывания говорящий идет от смысла к формальным средствам. При этом в лингвистических описаниях предложения всегда отмечается тот факт, что значение предложения шире, чем сумма значений его составляющих; в простом предложении появляются дополнительные, эксплицитно не выраженные смыслы. Такое предложение является простым формально, но осложненным семантически.

Как показывает практика, учет таких характеристик предложения может применяться в условиях языковых, условно-речевых и речевых упражнений. В курсе функциональной грамматики большое место отводится заданиям на перевод. Зачастую те лексические единицы, которые в русском предложении синтаксически выражаются обстоятельством, по-английски целесообразнее

передать другими членами предложения, например, подлежащим или его компонентом, что помогает студентам не только закреплять и автоматизировать типичные для английского языка конструкции, но и избавляет от дословного перевода путем поиска языковых соответствий. Например, русское предложение *Она решила поехать на 2 недели в Грецию* целесообразнее перевести как *She has made up her mind to go on a two-week tour to Greece*. А в предложении *Эти ягоды так хорошо пахнут* наречие *хорошо* в синтаксической функции обстоятельства следует заменить на прилагательное в функции компонента подлежащего: *These berries smell so good*. А в предложении *Bill Hesselmar at the University of Gothenburg, Sweden, and colleagues wondered if having more than one pet would increase the benefit* адвербиальная семантика условия выражается дополнением. Неоспорима польза применения данного подхода и в упражнениях на перефразирование. Следует отметить, что в таких упражнениях студенты передают адвербиальную семантику предложения не только разными синтаксическими ролями, но, что особо важно, выражают это и различными структурами, в особенности сложными предикативными конструкциями, которые не имеют прямых соответствий в русском языке и, как правило, вызывают особые трудности. *I think she is a super woman* трансформируется при помощи конструкции в *I call her a super woman*. В предложении выполняет синтаксическую функцию сложного дополнения, однако несет в себе семантику обстоятельства образа действия или роли. Нельзя не отметить, что наличие альтернативных способов передачи адвербиальной семантики рассматриваются и широко применяются на занятиях раздела «Making Text». Именно наличие разнообразных способов выражения адвербиализации в тексте обеспечивает его когезию. Стоит так же отметить и то, что существует альтернатива для выражения некоторых семантических значений адвербиализации, в частности, времени, места, образа действия и некоторых других при помощи определения существительного, что расширяет спектр структурных и синтаксических возможностей. Например:

We have perhaps lost one-third of the men we lost in the opening days of the battle of 21st March, 1918;

We must never forget the solid assurances of sea power and those which belong to air power if it can be locally exercised;

But as medical workers donned protective gear such as face masks and gowns, cases among medical staff thankfully plummeted. Здесь постпозиционное определение существительного выражает адвербиальное значение времени препозиционное определение – значение места и роли.

Таким образом, мы пришли к выводу, что на занятиях по функциональной грамматике, принимая во внимание наличие альтернативных способов выражения адвербиальной семантики, преподаватель развивает языковую компетенцию студентов, в которую входит владение функциональным потенциалом каждого из языковых средств и правилами их функционирования. Анализ различных способов выражения исходной семантики позволяет студенту выйти за пределы «очевидных» средств выражения и использовать более сложные конструкции, связанные с взаимодействием элементов разных уровней.

ФОНЕТИКА

Е. Д. Долматова

АРТИКУЛЯТОРНО-АКУСТИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ВОСПРИЯТИЯ ПАЛАТАЛИЗОВАННОСТИ СОГЛАСНОГО

В описании артикуляторно-перцептивных признаков английских согласных и, соответственно, в дидактически ориентированных работах явлению палатализации уделяется мало внимания. Это объясняется тем, что, поскольку в фонологической системе английского языка отсутствует оппозиция согласных по твердости/мягкости, в артикуляционной базе английского языка нет отчетливо выраженных различий между смягченными и несмягченными согласными. Вместе с тем палатализованность губно-губных и заднеязычных смычно-взрывных согласных [p], [b] и [k], [g] перед/после гласных переднего ряда, а также перед гласным заднего ряда высокого подъема [u:] является одним из наиболее частотных типов модификации согласных в сочетаниях типа СГ и ГС в современном британском варианте английского языка. Согласно полученным нами данным, 65 % употреблений указанных согласных были идентифицированы как палатализованные. В то же время степень палатализованности согласных в разных и идентичных позициях в речи разных и одного говорящего варьирует, результатом чего является выделение градаций данного признака и, соответственно, вариантов согласных: максимально мягких, мягких, полумягких, полутвердых.

В ходе аудитивного анализа представлялось важным выяснить, какой из артикуляторных признаков вокалического окружения (ряд или подъем) является ведущим при дифференциации комбинаторно-позиционных аллофонов согласных по признаку палатализации. С этой целью был проведен эксперимент на примере реализаций заднеязычных смычно-взрывных согласных [k] и [g] методом парных сравнений.

Для анализа все стимулы были объединены в три группы. В первую группу вошли пары согласных, выделенных из вокалического контекста, в котором гласные совпадали по ряду (с подразделением по градациям) и различались по подъему. Во вторую группу вошли пары согласных, выделенных из вокалического контекста, в котором гласные совпадали по подъему (с подразделением по градациям) и различались по ряду. Третью группу составили пары согласных, выделенных из вокалического окружения, в котором гласные различались и по ряду, и по подъему. При этом отдельно были рассмотрены пары словоначальных и словоконечных согласных, а также все пары стимулов независимо от позиции согласного в а.е. (слове). Аудиторам-фонетистам было предложено отметить наличие/отсутствие сходства по признаку палатализации между членами пар, используя знаки = / ≠. Результаты анализа представлены в таблице.

Процентные показатели дифференциации аллофонов согласных
в зависимости от совпадения/несовпадения
вокалического окружения по ряду/подъему, %

Предъявляемые пары согласных	Вокалическое окружение, из которого выделены согласные в паре					
	одинаковый ряд (разный подъем)		одинаковый подъем (разный ряд)			разный ряд и подъем
	передний	задний	высокий	средний	низкий	
Словоначальные	78,6	84,6	100	100	100	95,9
Словоконечные	62,5	53,8	100	33,3	83,3	90
Независимо от позиции согласного в слове (а.е.)	70	69,2	100	66,7	88,2	93,2

Как видно из таблицы, каждый из двух рассматриваемых признаков (ряд и подъем) обуславливает действие другого признака. Вместе с тем при нейтрализации различий по подъему влияние ряда, как и следовало ожидать, оказывается более существенным для проявления признака палатализации, особенно для словоначальных согласных, и приводит к 100 % дифференциации согласных в паре. При нейтрализации различий по ряду, подъем, тем не менее, также способствует созданию достаточно устойчивых (благоприятных) условий для смягчения согласных.

Согласно полученным данным, чем более выраженными являются различия по положению языка (по ряду и подъему) между гласными, перед/после которых были реализованы сравниваемые согласные (например, [k] перед гласным высокого подъема переднего ряда [i:] из слова *key* 'ключ' и [k] перед гласным низкого подъема заднего ряда [ɑ:] из слова *car* 'машина'), тем выше вероятность различения сравниваемых комбинаторно-позиционных аллофонов согласных [k], [g]. И наоборот, чем ближе расположены гласные по признакам ряда и подъема, тем менее заметны аллофонические модификации согласных, обусловленные коартикуляционными явлениями.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что степень мягкости конечного и начального согласного при идентичном гласном неодинакова. При одновременном воздействии комбинаторных факторов в сочетаниях СГ и ГС приоритет имеет правостороннее окружение согласного. Данный факт является доказательством того, что аллофонические модификации согласных в английском языке способны выполнять словоразграничительную функцию и тем самым служить дополнительным средством смысловой сегментации речевого потока как на уровне продуцирования, так и на уровне восприятия.

Для установления объективных акустических признаков варьирования указанных фонем по признаку палатализации в зависимости от последующего/предшествующего гласного был проведен спектральный анализ. В его задачу входило определение локусной F2-картины изучаемых согласных в сочетаниях СГ и ГС. Мы исходили из основанного на литературных данных положения о том, что локус согласного по F2 в достаточной мере иллюстрирует изучаемый признак, так как именно вторая форманта

гласного отражает степень его продвинутой вперед в полости рта (ряд) во взаимодействии со степенью раствора между верхней и нижней челюстью (подъем). В силу физиологически обусловленных различий в формантных показателях между мужскими и женскими голосами значения F2-локусов согласных усреднялись отдельно для испытуемых-мужчин и для испытуемых-женщин.

Результаты спектрального анализа свидетельствуют о том, что контраст по минимальным и максимальным значениям локусов наиболее ярко проявляется в позиции перед гласными переднего ряда высокого подъема, с одной стороны, и заднего ряда низкого подъема, с другой.

В значениях локусов заднеязычных согласных перед гласными переднего ряда независимо от их открытости/закрытости прослеживается тенденция к смещению частот по F2 в верхнюю область. Смещение F2-локусов согласных в нижнюю область наблюдается перед гласными заднего ряда независимо от подъема, т.е. от открытости/закрытости гласных, а также перед гласными переднего ряда низкого подъема. Сходство значений F2-локусов согласных при нейтрализации различий по ряду/подъему, а также размах вариаций свидетельствуют о взаимодействии признаков ряда и подъема гласных с точки зрения их влияния на рассматриваемое коартикуляционное явление.

Результаты спектрального анализа позволяют описать общие для заднеязычных согласных закономерности в изменениях значений их F2-локусов, обусловленных предшествующим гласным, т.е. в сочетании ГС. Показано, в частности, что в этом типе сочетаний прослеживаются такие же тенденции к варьированию значений F2-локусов согласных, как и в сочетании СГ, что подтверждает двусторонний характер коартикуляционных модификаций смежных звуков в речевом потоке. Широкий диапазон F2-значений заднеязычных согласных в сочетании ГС свидетельствует о значительно большей вариативности их реализаций по признаку палатализации.

Таким образом, общей для словоконечных согласных можно считать зависимость степени модификаций по признаку палатализации от тесноты сцепления смежных речевых единиц: при тесной связи между акцентными единицами словоконечный согласный приобретает артикуляторные и, следовательно, формантные характеристики, близкие к характеристикам словоначальных согласных перед соответствующим гласным.

Е. Б. Карневская

ДИСТРИБУЦИЯ И КОМБИНАТОРИКА ЭЛЕМЕНТОВ ПРОСОДИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ КАК СРЕДСТВО ДЕЗАКЦЕНТУАЦИИ

Вопросы таксономии, функций и моделей описания фразовой просодии (интонации) в последние десятилетия стали актуальной самостоятельной научной проблемой, направленной на разработку современной лингво-методологической платформы для экспериментально-фонетических исследований. Такая платформа необходима и для прикладных целей, в том числе

для создания нормативных и дидактически ориентированных «баз данных», обеспечивающих получение широкого объема знаний о современном состоянии произносительной нормы языка (включая интонацию) и способствующих приобретению билингвом компетенций, отвечающих когнитивно-коммуникативным требованиям к овладению иноязычным произношением.

Ознакомление с рядом наиболее известных теорий просодического моделирования выявляет их общность в отношении исходных принципов просодической организации фразы. Это, прежде всего, постулирование особой роли фразовой акцентуации, образующей своего рода фундамент, определяющий опорные точки высотно-мелодической линии речевой единицы, так же как и линий ее амплитудной и временной динамики.

Названные три перцептивно-акустические составляющие создают просодический контур, базовую макроединицу просодии, совместимую с минимальным коммуникативно значимым речевым отрезком, вариативным по длине и синтаксической структуре. Это, как известно, фраза или ее часть – синтагма, обладающая внутренней смысловой связанностью.

В концептуальном плане просодический контур как таковой – это категория (тип), критерием выделения которой служит цельнооформленность, и в этом смысле можно говорить об изоморфизме просодического контура и предикативной единицы (clause) в синтаксисе. Обязательным элементом для последней служит наличие глагола в личной форме, обеспечивающее полноту синтаксической структуры предложения. Обязательный элемент для формирования просодического контура – наличие изменения ч.о.т. на одном из элементов рассматриваемого речевого отрезка, как правило, финальном.

Как категория в просодической системе языка контур представлен своей парадигмой, т.е. определенным инвентарем единиц одного уровня, различающихся по типу изменения ч.о.т., или, в современной терминологии, по типу терминального (тона), или тонального акцента. Все члены парадигмы – это системные единицы, противопоставленные друг другу по признакам, выполняющим дистинктивную роль в данном классе просодических единиц, т.е. в подсистеме контуров, состав которой для конкретного языка и есть их инвентарь.

Отметим, что подобный инвентарь для английского, русского и ряда других языков с большей или меньшей степенью детализации установлен только для категории тонального контура. Нужно указать также, что именно он отождествляется с просодическим контуром как комплексным, полипараметрическим образованием, например, при моделировании просодии в программе синтеза речи. Такая трактовка свидетельствует не только о ведущей роли мелодического компонента в дифференциации и идентификации интонационных различий как по форме, так и их семантической интерпретации, но и о вовлеченности двух других параметрических составляющих в реализацию высотно-мелодических модификаций, как это происходит в реализации обязательного элемента контура, терминального, или ядерного, тона, который отличается от неядерного кинетического увеличением длительности слогов (временной растяжкой). При этом интегрирование амплитудно-временных изменений в высотно-мелодические (тональные) никоим образом

не нивелирует их когнитивной «отдельности». Тем самым просодический контур представляет собой трехслойную перцептивно-акустическую структуру, заданную по своей протяженности смысловой сегментацией линейного речевого потока и, в частности, фразы-высказывания как актуализованной единицы коммуникации.

Линейность просодического контура раскрывается как последовательность единиц более низкой иерархии – акцентных единиц (групп). Подобно просодическому контуру, акцентные единицы имеют поликомпонентную структуру: высотно-мелодическую, динамическую и темпоральную. Высотно-мелодический аспект акцентной единицы отражен в понятиях *тон*, *тональный акцент*, динамический аспект соответствует понятию *фразовое ударение* или *акцентная единица (группа)*, а темпоральный – понятию *ритмогруппа*, или *стопа*. Структура акцентной единицы в синтагматическом плане раскрывается в понятиях фонетического или фонологического слова и *уже* – просодического слова. Критерий минимальной протяженности акцентной единицы – одно слово (независимо от его слогового состава), выделенное фразовым ударением. Данный критерий сохраняется и при максимальной протяженности акцентной группы с добавлением требования к сохранению целостности ударного слова, что предполагает отрицание формального подхода к определению границ рассматриваемой единицы.

Отношения между элементами контура – акцентными группами – осложнены тем, что они не идентичны по своему статусу: лишь одна из акцентных групп, как правило, финальная, является обязательной, в то время как предшествующие группы – факультативны. Существенные различия наблюдаются между обязательной, ядерной, акцентной группой и факультативными группами и по форме. Характер этих различий позволяет говорить о стирании качественной дифференциации между формально-структурными признаками ядерной акцентной группы и просодического контура. Последний отличается по существу лишь возможностью расчлененности, о которой говорилось выше. Поэтому правомерно, на наш взгляд, отождествлять просодический контур и ядерную акцентную группу как единицы одной иерархической ступени, различая их как распространенный и нераспространенный контур соответственно. Более низкой по иерархии просодической единицей (по отношению к контуру) следует тогда считать неядерную акцентную группу, неспособную в силу своей структурной недостаточности к автономизации. Выполняя второстепенную роль с точки зрения конституирования контура, неядерная акцентная группа может выступать в качестве его дистинктивного элемента при более детализированной высотно-диапазональной дискретизации контуров. Свои основные функции, однако, акцентная группа проявляет на уровне фонетической экспликации контуров, т.е. в реализации интонационной нормы языка. Особую роль акцентная единица выполняет и в экспликации информационного объема высказывания.

Одним из существенных отличий акцентной единицы от контура считается ее нечленимость. Этот тезис, на наш взгляд, можно принять только в отношении корреляции информационной и акцентной структур, суть

которой состоит в маркировании фразовым ударением информационного веса элементов высказывания – слов – как непосредственных носителей информации. При этом фразовая акцентуация отражает их дифференциацию как на уровне пропозиционального содержания, так и с точки зрения динамической коммуникативной структуры, обусловленной комплексом факторов, в том числе связанными с дискурсивными и модально-прагматическими функциями фразовой просодии.

Причина того, почему акцентная единица не может быть признана полностью нечленимой, заключается в ее внутренней структуре, которая допускает межсловное соединение элементов, причем не только неравноценных по признаку автосемантической, например, служебного и знаменательного слова, но и соединение лексически полнозначных слов, одно из которых получает частичную выделенность или остается невыделенным в силу семантической подчиненности или отсутствия информационной значимости.

Наблюдаемая в речи вариативность в акцентной структуре фразы, обусловленная несовпадением ее потенциальной и актуализованной длины, свидетельствует о том, что акцентуация эксплицитно или имплицитно противопоставлена дезакцентуации, которая также является неотъемлемой характеристикой информационной структуры. Способы выражения дезакцентуации заложены в самой структуре контура, в наличии «второй иерархии», а именно, выделении функциональных элементов – предшкалы, шкалы, ядра, заядра. Эти элементы изначально заданы на статическом уровне слоговым составом начальной и конечной лексических единиц и количеством слов во фразе/синтагме. На уровне реализации указанные элементы контура, как правило, выходят за рамки ограничений, налагаемых слоговым и словным составом, и создаются говорящим, отражая при этом взаимодействие противопоставления данного/нового в информации каждого конкретного высказывания с противопоставлением важного/неважного в информации с точки зрения говорящего.

М. Ю. Крылович

**КАЧЕСТВЕННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ
ВОКАЛИЗАЦИЙ У ДЕТЕЙ С НАРУШЕНИЕМ СЛУХА
И ТЯЖЕЛЫМИ НАРУШЕНИЯМИ РЕЧИ:
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

Социальная интеграция детей с нарушением слуха (НС) и тяжелыми нарушениями речи (ТНР) была и остается одним из актуальных вопросов системы образования Республики Беларусь с начала XXI века. С недавнего времени изучение иностранного (английского) языка стало осязаемой реальностью для данных категорий учащихся: в 2010 г. в республике принята Концепция «Иностранный язык в системе образования детей с нарушением

слуха и детей с тяжелыми нарушениями речи»; в 2011–2016 гг. прошла апробация темы «Научно-методическое обеспечение содержания учебного предмета “Английский язык” в специальных общеобразовательных школах (школах-интернатах)»;

в 2019 г. Национальным институтом образования Министерства образования Республики Беларусь школам рекомендованы учебные программы факультативных занятий: «Иностранный язык» (английский язык) для 1–6 годов обучения в специальных общеобразовательных школах для детей с нарушением слуха (второе отделение) и детей с тяжелыми нарушениями речи». Специалистами Минского государственного лингвистического университета подготовлены и апробированы специальные технологии обучения лиц с особенностями психофизического развития.

Изучение иностранного (английского) языка по специальным учебным программам означает предоставление таким учащимся возможности развития иной формы осмысления действительности, приобретение опыта иноязычной коммуникации в устной и письменной формах, определение сферы применения новых знаний и навыков, формирование умения распоряжаться полученными знаниями и навыками как в своих интересах, так и в интересах общества, в частности, ориентация школьников на подготовку к приобретению профессий, связанных с использованием компьютера как рабочего инструмента.

Реализации задач, поставленных Министерством образования Республики Беларусь, потребовала на начальном этапе обучения проведения целенаправленного исследования английской иноязычной речи, звучащей в устах детей с нарушением слуха и тяжелыми нарушениями речи, с фокусированием на качестве фонем, реализуемых в минимальной единице восприятия и артикуляции – слоге. Объект исследования – англоязычный слог у лиц с нарушением слуха и тяжелыми нарушениями речи в инициальный период освоения английского языка. Предмет исследования – качественные характеристики элементов, составляющих слог и репрезентирующих фонемы английского языка. Материалом для исследования послужила английская речь трех групп испытуемых во время выполнения устного теста, направленного на выяснение степени их обучаемости: школьники с нарушением слуха (I группа испытуемых), с тяжелыми нарушениями речи (II группа испытуемых), нормальнослышащие школьники (III группа). Цель – выявить качественные характеристики слоговых репрезентантов фонем, в частности, вокальных элементов, в их английской иноязычной речи на фоне нормативных данных. Экспериментальные площадки были предоставлены на базе специальных школ № 13 и № 14 г. Минска для детей с нарушением слуха и спецшколы № 18 г. Минска для детей с тяжелыми нарушениями речи. Была проведена серия занятий по английскому языку с учащимися 3–6 классов: 16 уроков с I группой, 8 уроков со II группой, 20 уроков с III группой испытуемых.

Количественный анализ модификаций вокалических элементов лицами с нарушением слуха свидетельствует, что чаще всего гласные модифицировались по признакам ряда (35 % случаев от общего числа ошибок) и долготы (34 %), меньше по признакам подъема (22 %) и степени лабиализованности (9 %). Количественный анализ модификаций вокалических элементов лицами с тяжелыми нарушениями речи показал, что чаще всего гласные модифицировались по признаку подъема (35 %) и долготы (30 %). Меньше модификаций выявлено по таким признакам, как ряд (21 %) и лабиализованность (14 %).

Качественный анализ фонемных реализаций гласных (вокализаций) в английском иноязычном слоге позволяет классифицировать модифицируемые испытуемыми признаки на следующие группы: модификации признаков, характерные для всех испытуемых; модификации, характерные для групп испытуемых с НС и ТНР.

1. Модификации, характерные для всех групп, включают 3 признака: подъем, долгота и лабиализованность. Изменения гласных по подъему составили 63 % от общего числа модификаций у нормально слышащих школьников. Они имеют две репрезентации [æ] – [э], [э] – [а]. При нарушениях речи это первый признак, подверженный изменениям (35 %). Самый открытый из английских гласных максимально переднего ряда [æ] заменялся на менее открытый по сравнению с ним русский гласный переднего отодвинутого назад ряда [э] в 5 раз чаще, чем на более близкий к [æ] по подъему, но другого, смешанного, ряда русский [а]. Не менее характерной в менее успешной подгруппе является субституция нейтрального гласного [э] в конечной позиции в словах (*banana, sister*) на русские [а] или [эр] (под влиянием орфографии) в соотношении 4:1. Недостаточно тонкая дифференциация [Λ] по признаку подъема была отмечена информантами как русское [а] и составила незначительные 2,3 % отклонений от общего числа. У неслышащих учащихся качественные изменения по степени подъема: наиболее уязвимы фонемы [Λ] и [æ]. Разброс данных в остальных случаях отражает варьирование субституций по подъему в широких пределах, что свидетельствует о слабой подготовленности их перцептивной базы к восприятию и производству английского слога. У неслышащих школьников нарушения по признаку 'открытости' составляет пятую часть всех модификаций. Качественный анализ субституций показывает их внушительное разнообразие.

2. Нарушения такого значимого признака, как 'долгота' составляет значительный процент в каждой группе, но испытуемые с нарушением слуха превосходят по количеству модификаций своих сверстников (34 %). По длительности гласных в контрольной группе модифицируются 2 в среднем сегмента, в группе с ТНР – 4, при нарушении слуха – 15.

3. Незначительный процент относительно общего числа нарушений в каждой группе составили вокальные модификации по степени огубленности. Лабиализация гласных не играет в английском языке смысловозначительной роли, тем не менее маркирует иноязычный акцент в речи говорящего. Из трех групп больше модификаций по степени огубленности допустили испытуемые с тяжелыми нарушениями речи (14 %), меньше всего – с нарушением слуха (9 %) на фоне большого числа других типичных ошибок.

4. Модификации признаков, характерные для испытуемых с тяжелыми нарушениями речи и испытуемых с нарушением слуха. В вокалической подсистеме к общим модификациям относится 1 признак – ряд. По количеству отклонений испытуемые с НС превосходят испытуемых с ТНР в 1,6 раза. Качественный анализ при тяжелых нарушениях речи выявил 6 видов субституций в 5 фонемах. При нарушении слуха 17 видов субституций в 8 фонемах свидетельствует о широком диапазоне индивидуального варьирования реализаций английских гласных. Количество отклонений и их качественный характер свидетельствуют о том, что у лиц с нарушением слуха эти замены хаотичны и носят более индивидуальный характер.

5. По результатам проведенного эксперимента можно констатировать следующее: каждый испытуемый с НС допустил в среднем 7,8 модификаций вокалических элементов слога, с ТНР – 4,7 модификации, при норме слуха и речи – 2 модификации. Каждый испытуемый с нарушением слуха допустил в 1,7 раза больше отклонений в вокализациях по сравнению со школьниками с ТНР, таким образом, в вокальной подсистеме выявлена более высокая степень аппроксимации сегментов в английском произношении испытуемых с ТНР.

Необходимо отметить, что I группа испытуемых с НС в процессе изучения языка и тестирования речи пользовалась визуально-фонетической системой коммуникации – специальной технологией, помогающей дешифровке артикулем с губ говорящего. Качественный анализ вокализаций у детей с НС и ТНР свидетельствует о начале формирования фонологических обобщений в языковых представлениях испытуемых. В вокальных составляющих слога всех испытуемых наблюдается ряд типичных и индивидуальных отклонений от фонетической нормы английского языка. Однако положительно выделяется речь учащихся с тяжелыми нарушениями речи, которая близка к нормативной.

И. А. Лапицкая

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЕГМЕНТНОГО И ПРОСОДИЧЕСКОГО ПОДУРОВНЕЙ ФОНЕТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В АССИМИЛЯТИВНЫХ ПРОЦЕССАХ

(на материале немецких заимствований в белорусском языке)

Многовековые культурные и этнические контакты немецкого и белорусского народов обусловили активное обогащение белорусского языка лексикой немецкого происхождения. Анализ лексикографических источников – «Слоўніка іншамоўных слоў» А. Н. Булыко (1999, в 2 томах), а также «Этымалагічнага слоўніка беларускай мовы» (1978–2017, в 14 томах) – выявил, что в результате взаимодействия обеих культур современный белорусский язык насчитывает 1 295 лексем немецкого происхождения, заимствованных устным либо письменным путем.

Немецкоязычные лексемы, пришедшие в белорусский язык, постоянно подвергались воздействию его фонологической системы, изменяя свой звуковой облик на сегментном и просодическом подуровнях. Отличительной чертой процесса фонетической ассимиляции немецких заимствований в белорусском языке является его комплексный характер, выражающийся во взаимодействии нескольких языковых уровней и подуровней. Так, тесная связь сегментного и просодического подуровней фонетической системы в ассимилятивных процессах проявляется в следующих явлениях:

– изменении типа слогов (просодический подуровень) в связи с реорганизацией фонемной структуры немецких гласных, а именно, в связи с нейтрализацией признака «краткость/долгота», а также в связи с ослаблением силы отступа кратких гласных, что уменьшает силу притяжения гласным предшествующих и последующих согласных (сегментный подуровень). Так, например, открытыми в белорусском языке становятся начальные слоги лексем:

н.-в.-нем. *das Stemm-eisen* – *ста-меска*;

н.-в.-нем. *der Kur-'ort* – белорус. *ку-порт*;

н.-в.-нем. *die Rin-ne* – ст.-пол. *ry-na* – белорус. *ры-на*;

н.-в.-нем. *die Ras-se* – пол. *ra-sa* – белорус. *ра-са*;

– изменении ряда и подъема безударных кратких и долгих гласных [о:] и [э], процесс «аканья» (сегментный подуровень) в результате смещения словесного ударения (просодический подуровень). Типичное смещение ударения вправо ближе к концу слова в соответствии с нормами белорусской акцентуации является определяющим фактором для превращения немецких ударных долгих и кратких гласных [о:] и [э] в белорусское [а] в безударной позиции. Данное явление зафиксировано в 28 % случаев с долгим гласным [о:] и в 22,6 % случаев с кратким гласным [э], например:

н.-в.-нем. *die 'Vorstadt* – белорус. *фарштат*;

н.-в.-нем. *der 'Rohstein* – белорус. *раштэйн*;

н.-в.-нем. *das 'Blockhaus* – белорус. *благгаўз*;

– сужении и расширении количественно-слогового состава заимствованных лексем, а также изменении типов слогов (просодический подуровень), вызванных выпадением конечного редуцированного [э] или появлением дополнительных финальных гласных ([а], [о], [i]/[ы]) в слове (сегментный подуровень).

Анализ материала показал, что процессу увеличения слогового объема подвержены как малосложные, так и многосложные лексемы, среди немногосложных лексических единиц данная модификация в максимальной степени (32 %) затрагивает односложные лексемы с закрытым слогом, например:

н.-в.-нем. *das Wachs* – белорус. *вак-са*;

н.-в.-нем. *die Post* – пол. *poczta* – белорус. *пошта*;

н.-в.-нем. *das Pfand* – пол. *fanty* – белорус. *фáнты*.

Следует отметить, что возникновение дополнительных сегментов в белорусском языке в конечных абсолютно закрытых слогах в составе слов немецкого происхождения, наблюдаемое в 5 % выборки, является результатом действия тенденции к открытым слогам в славянских языках.

В ходе исследования было установлено, что сокращение слогового объема лексем затрагивает группу дву-, трех-, четырех- и пятисложных единиц. Примечательно, что утрата двусложным словом одного из слогов характерно только для небольшой части лексем, объем этих слов изменяется прежде всего в результате выпадения конечного редуцированного [ə]:

н.-в.-нем. *die Klas-se* – белорус. *клас*;

н.-в.-нем. *die Sprit-ze* – белорус. *шпрыц*;

н.-в.-нем. *die Bin-de* – белорус. *бінт*;

– увеличению слогового состава слова в результате открытия исходных слогов (просодический подуровень), основой чего стали возникшие на стыках согласных разделительные гласные (сегментный подуровень). Эпентеза в немецких заимствованных словах – появление разделительных гласных *e*, *a* – приводит к открытию слогов в лексемах с консонантными цепочками *nz/lz*, *nsch*, *ng/nk* и увеличению слогового объема слов, например:

н.-в.-нем. *der Glanz* – белорус. *гля-нец*;

н.-в.-нем. *das Schmalz* – пол. *śma-lec*, *szma-lez* – белорус. *шма-лец*;

н.-в.-нем. *der Flansch* – белорус. *фла-нец*;

н.-в.-нем. *die Gat-tung* – пол. *ga-tu-nek* – белорус. *га-ту-нак*;

н.-в.-нем. *die Rau-bank* – рус. *ру-ба-нок* – белорус. *ру-ба-нак*.

Разделительный гласный [a] может расщеплять соседство сонорного язычкового [r] и шумного взрывного заднеязычного согласного [k] в ходе коартикуляционного процесса – диссимиляции одинаковых согласных: *rk* → *rl*, например: н.-в.-нем. *das Vorwerk* – пол. *folwerk* – белорус. *фаль-ва-рак*. Модифицирующим фактором в данном случае выступают фонотактические особенности белорусского языка. Так, в конце белорусского слова двучленные сочетания сонорных с шумными согласными встречаются ограниченно.

Таким образом, в процессе ассимиляции немецких заимствований в белорусском языке тесно взаимодействуют два подуровня фонетической системы – сегментный и просодический. Просодические модификации в языке-реципиенте – например, смещение словесного ударения ближе к концу слова в соответствии с нормами белорусской акцентуации – в большой степени определяют реализацию единиц сегментного уровня, прежде всего безударных гласных. Особенности сегментного уровня в слове – степень спаянности согласного и гласного в звуковой последовательности, нейтрализация признака «длительность» у гласных, выпадение либо появление отдельных звуковых сегментов – становятся причиной трансформаций просодической структуры заимствованной лексемы, что проявляется в открытии слога, преобразовании количественно-слогового состава слова.

ФОНЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В ИНФОРМАЦИОННОМ ТЕКСТЕ

Впервые введенный в научный оборот философом Людвигом Витгенштейном в работе «Философские исследования» термин *языковая игра* (ЯИ) приобрел наибольшую популярность в лингвистике последних десятилетий, но до сих пор не получил должного и наиболее полного толкования, хотя сфера употребления этого языкового явления весьма широка. Одни языковеды трактуют ЯИ как некоторое нетрадиционное, неканоническое использование языка с ориентацией на скрытые эстетические возможности языкового знака (Б. Ю. Норман), как варьирование планов выражения и содержания языковых единиц вплоть до нарушения приемлемых норм, или как некую неправильность и неточность в изложении высказываемого, но в пределах адекватного понимания всеми коммуникантами возможностей такого нарушения (В. З. Санников, В. И. Шаховский). Иные лингвисты рассматривают ЯИ как особую форму лингвокреативной деятельности, допускающей определенную степень творческой свободы при осознанном нарушении языковых канонов и подчеркивающей целенаправленное намерение говорящего к демонстрации широты собственной языковой компетенции (Т. А. Гридина, С. В. Ильясова). Другие ученые относят ЯИ к области свободного речевого общения и определяют ее как реализацию поэтической, оценочной, эстетической функции языка в виде установки на комический эффект с характером балагурства, остроты и шутки (Е. А. Земская, М. В. Китайгородская).

Аналогичную точку зрения на ЯИ выражают зарубежные лингвисты (R. Harris, G. Grant, D. Crystal), закрепляя за ЯИ иную терминологию (*word play, quibble, pun*) и подчеркивая широкий потенциал ее применения в поэтической, разговорной речи, а также факты всевозможных ее манипуляций в детском фольклоре.

Однако, по мнению D. Crystal, не всякая речевая ситуация подходит для использования ЯИ, поскольку существуют определенные «public legal settings», в которых языковые вольности совершенно недопустимы: политические, парламентские речи, религиозные проповеди. В иных же сферах речевого общения некоторые нарушения языковых правил ЯИ воспринимаются не только позитивно, но и желательно, что привносит своеобразную «изюминку» в актуализованный текст, придает ему большую степень экспрессивности и одновременно раскрывает словотворческие возможности коммуникантов.

Многогранность и полифункциональность ЯИ проявляется в информационных текстах на всех языковых уровнях – лексическом, морфологическом, словообразовательном, грамматическом, графическом, фонетическом, последний из которых демонстрирует различные звуковые и просодические модификации для усиления выразительности текста и его экспрессивной значимости. Среди наиболее рекуррентной звуковой вариативности ЯИ следует признать

а л л и т е р а ц и ю – повтор однородных согласных в 24 % нашего материала: *You'll wonder where the yellow went when you brush your teeth with Pepsodent*. Обилие губно-губного сонанта |w/ и носового |n | в сочетании с огубленной гласной |u| придает особую звучность и мелодичность тексту. Не менее выразителен пример *Don't miss the chance to see Saturn at its closest this Saturday*, в котором преобладание сибиллянта |s/ в 21 % и взрывных глухих 24 %, согласно правилам звукового символизма создают некую декоративно-звуковую, свистящую картину реализации текста. И как справедливо отметил D. Crystal, «the similarity of sounds prompts similarity of sense».

Концентрированная редупликация одинаковых гласных звуков в сильноударной позиции придает тексту особую ритмичность и благозвучие в данном случае на основе повторов дифтонга |ei/: *Start the day with great taste of a homemade cake and a cup of frothy coffee*.

Дальнейший анализ отобранного языкового материала показал большую вариативность ЯИ с привлечением таких звуковых эффектов, как редупликация однородных начальных или конечных константных сочетаний в слове: *You must know how dancers learn their steps: music, muscle memory and mystery of movement* (анафора, 19 %) или *Reach your destination on a path called innovation* (консонанс, 13 %). Менее частотными были отмечены звукоподражание – *Ding-dong, the dynasty is dead...* (ономатопея, 8 %) и повтор одинаковых по значению, но разных по звучанию слов – *Our jeans fit your genes: more sun and air for your son and heir* (омофония, 6 %), а также пролонгирование гласных или сонорных звуков (4 %) – *'innnk –crrredible| Do tattoooos count as art?*. Иногда встречается использование целого комплекса различных звуковых приемов в создании ЯИ, которые демонстрируют своеобразную игровую экспрессивность и комическую привлекательность текста: *Plop, plop, fizz, fizz, oh what a relief it is!* (сочетание ассонанса, эпифоры, омонимии и рифмы).

Арсенал указанных фонетических эффектов ЯИ не может считаться полным без определения ее просодических характеристик в озвученных информационных текстах с выделением акцентной, ритмической, тональной и динамической структуры высказывания. Все семантически значимые лексические единицы, образующие ЯИ, отмечены сильным или эмфатическим ударением, что способствует созданию четкой ритмической структуры с частотным соотношением ударных и безударных слогов 1:1, 1:2, 1:3. Мелодический контур односинтагменных высказываний имеет среднее или высокое нисходящее тональное завершение, а в двусинтагменных структурах отмечена большая вариативность в неконечной синтагме от низкого восходящего (35 %), нисходящего-восходящего (24 %) и среднего нисходящего тона (42 %) в нефинальной синтагме в сочетании с высоким нисходящим, иногда эмфатическим (28 %), тональным завершением в финальной синтагме.

В текстах многосинтагменного построения (тональная) мелодическая картина выглядит несколько иначе, ибо они представляют собой сверхфразовое единство, сбалансированное ритмическим и тональным параллелизмом нефинальных интонационных групп, произнесенных в большинстве случаев

нисходящим тоном с градуированным повышением регистра его начала от низкого, среднего до полного нисходящего тона. Замедление темпа в последней синтагме звучит как итоговое завершение всему сказанному ранее: *Your bank wants to see the figures. / Your partner wants to see the plans. / Your client wants to see the results. / Your girlfriend just wants to see you. / We can help you with the first three. / But number four is up to you (Siemens).*

Следует отметить, что представленные в работе варианты ЯИ не отличаются семантическим или грамматическим нарушением языковых канонов, поскольку основное внимание при анализе текстов было акцентировано на их фонетическом (звуковом и просодическом) оформлении, как факторе осознанного выделения оценочно-эстетической функции ЯИ с установкой на преднамеренное создание комического эффекта.

Таким образом, языковая игра, трактуемая как осознанное и целенаправленное и в ряде случаев ненормативное употребление языковых единиц, является проявлением прагматической установки в информационном тексте на привлечение внимания реципиента для достижения эффекта воздействия на его интеллектуальную и эмоциональную сферу. В результате ЯИ возникает своего рода игрема, понимаемая как коммуникативная единица, представляющая собой языковую аномалию того или иного уровня языковой системы, функционирующую в ассоциативном игровом поле, где фонетический аспект ее реализации играет далеко не последнюю роль.

Л. Д. Маркарова, Д. Л. Новикова

ВАРИАТИВНОСТЬ ТОНАЛЬНЫХ КОНТУРОВ В УСЛОВИЯХ ИДЕНТИЧНОЙ ПУНКТУАЦИОННОЙ СЕГМЕНТАЦИИ АНГЛИЙСКОЙ ФРАЗЫ

Важная роль пунктуации в фонетической интерпретации письменного текста доказана в многочисленных исследованиях, посвященных проблемам соотношения пунктуации и просодической структуры высказывания. Экспериментально установлена способность пунктуационного оформления определять локализацию и выбор типа внутрифразового синтагматического членения и мелодического типа синтагмы. Наиболее общим выводом проведенных исследований является заключение о том, что интонационная (просодическая) структура высказывания при чтении вслух обусловлена его пунктуационным оформлением. Следует указать при этом, что с точки зрения обучения иностранному языку знаки препинания могут выступать, с одной стороны, как средство оптимизации процесса чтения вслух, а с другой стороны, как фактор, тормозящий данный процесс, вследствие различий в пунктуационных системах родного и изучаемого языков.

В плане просодического выражения наибольшее затруднение для билингов представляет запятая как самый многозначный знак препинания. Существует большое число синтаксических конструкций, требующих употребления запятой:

однородные члены предложения, вводные слова, обращения, причастные обороты и т. п. Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает рассмотрение способов просодической реализации предикативных единиц в составе сложносочиненных предложений, бессоюзных и союзных. Их пунктуационное разделение является обязательным в русском и белорусском языках. В английском языке оно высоковероятно в союзных сочинительных и обязательно в бессоюзных предложениях.

Целью предпринятого нами исследования являлось определение роли логико-семантических отношений между частями сложносочиненного предложения как основного фактора, влияющего на выбор тонального контура, в условиях идентичной пунктуационной сегментации высказывания.

В качестве экспериментального материала были выбраны сложносочиненные союзные и бессоюзные предложения, предикативные единицы (клаузы) которых были разделены запятой.

Испытуемым, студентам-билингвам, для устного воспроизведения были даны фрагменты английских аутентичных текстов, содержащие названные выше типы предложений. Отобранная выборка позволяла установить особенности интонационного и пунктуационного соотношения в следующих разновидностях сочинительной связи в синтаксически сложных предложениях.

1. Соединительная (*copulative coordination*) – связь между предикативными единицами сложносочиненного предложения, при которой информация, выраженная во второй предикативной единице, расширяет информацию всего предложения: *I wanted to get some Christmas presents, and I needed to find some books for my course at college* ‘Я хотел купить подарки к Рождеству, а также мне нужно было найти учебники для колледжа’ (здесь и далее перевод наш. – Л. М., Д. Н.).

2. Разделительная (*disjunctive coordination*) – связь, которая предполагает выбор между двумя альтернативами, равноценными по информационной значимости: *You can stay at home, or you can go with me* ‘Ты можешь остаться дома или пойти со мной’.

3. Противительная (*adversative coordination*) – связь предикативных единиц в составе сложносочиненного предложения: *The exam was pretty complicated, but we managed to pass it* ‘Экзамен был достаточно сложным, но мы его сдали’.

4. Причинно-следственная (*causative-consecutive coordination*) – связь, при которой смежные предикативные единицы поясняют друг друга: *Marco doesn't speak any English, he doesn't understand you* ‘Марко не говорит по-английски, он тебя не понимает’.

Экспериментальные фразы в контекстах были записаны носителем произносительного стандарта английского языка и оценены аудиторами-информантами с точки зрения реализации в них обозначенных выше логико-семантических связей. Экспериментальный материал далее был проанализирован аудиторами-фонетистами с целью получения его просодической разметки и сравнения ее с воспринимаемой просодической структурой фраз-эталонов,

т.е. реализаций носителей языка, полученных из оригинальных аутентичных записей текстов. Важнейшим признаком для сравнительного анализа был признак внутрифразовой сегментации. В частности, важно было, прежде всего, установить соответствие локализации и типа членения между предикативными единицами, разделенными запятой.

При сопоставлении локализации членения было отмечено стопроцентное совпадение в чтении испытуемых-билингвов и носителей языка, что подтверждает роль запятой как эксплицитного сигнала членения фразы.

Аудитивный анализ экспериментального материала позволил также выявить основные тенденции в степени автономизации первой интонационной группы сложносочиненного предложения и в выборе ядерного тона в ней.

Доминирующим типом стыка, как у дикторов-носителей языка, так и у билингвов, был автономизирующий стык (|), свидетельствующий о наибольшей степени самостоятельности и завершенности отделяемых частей высказывания (100 % случаев у дикторов-носителей языка и 88 % – у билингвов).

Преобладающими типами мелодического завершения синтагмы у дикторов-носителей языка были средний нисходящий (85 %) и нисходяще-восходящий (13 %) тоны, в то время как у билингвов эти типы мелодического завершения составляли 57 и 9 % соответственно. Характерно, что при реализации данной синтаксической конструкции билингвы значительно чаще использовали низкий или средний восходящий тон (34 %), по сравнению с носителями языка, в речи которых лишь 2 % предложений были произнесены с низким восходящим тоном в первой интонационной группе. Эта тенденция особенно заметно прослеживается в речи билингвов в сложносочиненных предложениях с разделительной и противительной связью, а также в предложениях с соединительной связью, при наличии в них дополнительного значения контраста: *The 'day is 'short, {and the 'work is \long* 'День короткий, а работы много'. Немногочисленные случаи (2 %), когда носители языка использовали низкий восходящий терминальный тон в неконечной интонационной группе, приходится на союзные сложносочиненные предложения с разделительным и противительным типом связи.

Наибольшее число расхождений в речи дикторов-носителей языка и билингвов отмечено в выборе типа мелодического завершения неконечных синтагм в бессоюзных сложносочиненных предложениях. Преобладающим терминальным тоном в этой позиции в реализациях билингвов был низкий или средний восходящий (75 %), в то время как дикторы-носители языка произносят подобные неконечные интонационные группы в указанных типах предложений со средним/высоким нисходящим (87 %) или с нисходяще-восходящим тоном (13 %): *You start to feel hot and \shaky, / your heart beats \faster, / your knees feel \weak / and the whole experience seems to last for\ever* 'Тебя начинает знобить; пульс учащается; ноги становятся ватными; и создается впечатление, что все это длится бесконечно'.

Семантическое содержание, присущее частям данной синтаксической структуры, отделяемым пунктуационно (,), интерпретируется билингвами как смысловая незавершенность, хотя каждая из неконечных синтагм (предикативных единиц) представляет собой синтаксическую структуру, не имеющую сигналов структурной зависимости. Таким образом, подтверждается гипотеза исследования о том, что на когнитивном уровне у билингвов семантика запятой ограничена незавершенностью, и, следовательно, многозначность запятой представляет определенную трудность в плане соотношения просодического выражения, и что обучение правильной просодической интерпретации знаков препинания является необходимым условием овладения навыками чтения вслух.

Таким образом, анализ просодии синтаксических конструкций, выражающих относительную самостоятельность и завершенность при отделении предикативных единиц в составе английского сложносочиненного предложения, выявил значительное сходство просодических структур в речи билингвов с родным русским языком и носителей английского языка, относящееся к локализации и типу синтагматического стыка. В то же время тип мелодического завершения неконечной синтагмы в речи билингвов, в отличие от носителей языка, чаще обусловлен позицией неконечной синтагмы, чем ее структурой, не имеющей сигналов зависимости, и семантической связанностью с последующей предикативной единицей. Как следствие, билингвы преимущественно выбирают восходящий или нисходяще-восходящий терминальный тон.

Л. П. Морозова

О ФОНОЛОГИЧЕСКОМ ОПИСАНИИ ЭМФАТИЧЕСКИХ ТОНАЛЬНЫХ КОНТУРОВ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

В сегодняшних дискуссиях об эмоционально-экспрессивной составляющей звучащей речи вопрос о лингвистическом статусе экспрессивной просодии уже снят с повестки дня. Большинство исследователей признают, что экспрессивная просодия по полному праву принадлежит грамматике языка (в широком понимании слова), поскольку процесс овладения языком со всей очевидностью предполагает не только усвоение слов и синтаксических структур, но и просодических средств выражения различного рода модально-эмоциональных отношений (A. Lacheret, 2011).

В связи с этим встает вопрос о лингвистическом – фонологическом – описании экспрессивных тональных контуров, которое на начальном этапе предполагает выявление структурных признаков, обеспечивающих дифференциацию эмоционально маркированных и немаркированных мелодических структур.

В описании эмоционально окрашенной просодии преимущественно используется понятие эмфазы, которая, в отличие от эмотивности, не принадлежит к разряду языковых средств, используемых для называния и дифференциации разнообразных чувств и эмоций. Она содержит эмоциональную оценку говорящим находящегося в центре его внимания явления или собеседника.

По мнению многих авторов, просодия является основным, если не единственным, средством выражения эмфазы. Как известно, эмфатический компонент содержания может просодически воплощаться в рамках всего высказывания, диффузно проявляясь на всех его участках (И. Г. Торсуева, 1979; Т. М. Николаева, 2004; O. Bagou, A. Di Cristo, 2000), и на отдельном участке как выделение эмоционально-оценочного слова или интенсификатора. Исходя из этого, с точки зрения синтагматических рамок приложения следует различать локальную и глобальную эмфазу. Очевидно, что в зависимости от типа эмфазы анализ просодических характеристик проводится по-разному и применительно к мелодическому компоненту он либо охватывает все компоненты линейной структуры тонального контура, либо ограничивается тоном, реализуемом на выделенной лексической единице.

И в том и в другом случае встает ряд вопросов, без ответа на которые невозможно дальнейшее продвижение в исследовании эмфазы. Признание существования эмфазы в виде эмфатического выделения отдельного слова (локальной эмфазы) предполагает ее отграничение от фокализации (акцентного выделения, в терминологии Т. М. Николаевой). Во французском языке эта проблема в определенной степени осложняется тем, что в связи с прямым порядком слов рематизация подлежащего и дополнений путем инверсии невозможна, и для этого используются так называемые выделительные конструкции *c'est...qui*, *c'est...que*, требующие преобразования просодической организации высказывания, а именно, реализации нисходящего рематического тона в инициальной части тонального контура на слове, помещенном в такую конструкцию. Смещение рематического тона с финальной позиции воспринимается как просодическое выделение, которое может отождествляться с эмфазой, чему также способствует наличие конструкции *c'est...qui* (*c'est... que*). В то же время исследователи фокализации отмечают, что перенос ремы в начало (инверсия) не обязательно выражает эмфазу, и предлагают различать нейтральную, интенсифицированную и эмфатическую фокализацию.

Если эмфаза представляет собой особый вид просодического выделения, возникает естественный вопрос о том, в терминах каких фонологических признаков могут быть описаны различия между видами просодической проминантности. В исследованиях эмфазы на материале разных языков подчеркивается, что она характеризуется резким увеличением значений признаков по сравнению с не-эмфатическим выделением: более широким интервалом, большей длительностью и интенсивностью (S. Herment, 2013). Использование такого рода относительных характеристик содержит в себе, как минимум, два негативных момента: 1) субъективность оценки значений признаков и 2) сугубо параметрическое, фонетическое, описание эмфазы.

Во французском языке, в котором эмфаза может выражаться посредством не только ядерного тона, но и так называемого эмфатического ударения, локализация которых в слове не совпадает, так как эмфатическое ударение падает на первый или второй слог многосложного слова, также встает вопрос о возможной градации данного ударения, одно из которых, очевидно, можно рассматривать как простую проминантность, а другое – как эмфазу.

Что касается глобальной эмфазы, которая диффузно проявляется на всех участках тонального контура, то ее фонологическое описание также предполагает выявление совокупности просодических признаков, определяющих ее специфику. Распределение просодических признаков, создающих эффект эмфазы, на всей длине тонального контура, требует выявления участков, характеристики которых оказываются перцептивно релевантными. В ранних работах по мелодии (интонации) французской речи в качестве участков, значимых для передачи модальных и модально-эмоциональных оттенков, французские авторы отмечали высотный уровень начального слога высказывания, характер мелодических изменений на неядерных ударных слогах, относительный тональный уровень первого предъядерного слога (*L'intonation. De l'acoustique à la sémantique*, 1981). Дальнейшие исследования показали, что в предцентровой части, включающей участок тонального контура от начального до ядерного слога, перцептивно релевантными оказываются следующие признаки: 1) общее направление движения тона, 2) характер изменения высоты голоса на ударных слогах (статический/кинетический тон), 3) мелодический контраст между предударным и ударным слогами, 4) мелодический контраст между ударным и следующим безударным слогами, 5) тональный уровень первого ударного слога, 6) относительный тональный уровень предъядерного слога (Л. П. Морозова, 2007). Характерно, что за исключением характера изменения высоты голоса на ударных слогах все остальные признаки носят количественный характер, т.е., как и в случае ядерного тона, существует некая шкала, которая, как любая шкала, требует нулевой отметки. В принципе нулевая отметка, как утверждают Д. Костауэк и Ф. Герен (2007), может быть установлена для любого высказывания в отношении всех языковых средств, поскольку для выражения содержания определенной мысли существуют очевидные минимальные средства, своего рода нуль естественной речи. А в тех случаях, когда говорящий ставит перед собой цель произвести особый эффект на слушающего, у него есть возможность использовать фигуры речи, обороты, в результате чего выражение мысли отдалается от простого, естественного, обычного выражения. Применительно к просодии установление такого рода «нулевого» варианта тонального контура высказывания возможно, как полагает П. Мертенс (2009), путем выявления налагаемых на него ограничений со стороны акцентуации лексических единиц, синтаксиса, метрической организации. Это позволяет специфицировать мелодическую структуру высказывания «по умолчанию», немаркированную, которая затем используется как

«нулевой» вариант для сравнения с просодическими формами, употребляемыми говорящим. Любое отклонение от него будет представлять собой маркированную просодическую форму. Как полагает автор, поскольку все упомянутые выше ограничения эксплицируются, такой метод дает возможность свести к минимуму субъективность интерпретации исследователя.

При всей привлекательности предлагаемого метода он не позволяет решить проблемы, стоящие перед исследованием эмфазы, поскольку, как уже было отмечено, ее отграничение от других видов просодической выделенности основывается на градуальных признаках. Это предполагает не только выявление распределения разной степени ударений, паузального членения, тональных движений, но и определение значений просодических признаков как для «нулевого» варианта, так и для возможных градаций (от «нуля» до эмфазы), на основании чего и могут быть сформулированы фонологические признаки эмфатических тонов и тональных контуров. При этом задача осложняется тем, что, как показали исследования на материале английского языка (S. Herment, 2013), восприятие эмфазы определяется целым рядом параметров, включающих контекст, семантику, стиль речи, а также индивидуальность говорящего.

Представляется, что начальный этап в исследовании просодических средств эмфазы может заключаться в разработке методики выявления немаркированных просодических форм для определенных типов лексико-синтаксических конструкций с целью последующего установления числа возможных градаций просодической проминатности и их семантики, а затем их акустического содержания и фонологической интерпретации признаков.

Т. М. Насонова

МОДАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОСОДИИ РАЗДЕЛИТЕЛЬНОГО ВОПРОСА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Разделительный вопрос является уникальной конструкцией в системе синтаксиса английского языка, он характеризуется особым синтаксическим строением и лексическим составом. Лингвоспецифичность разделительного вопроса заключается в сочетании двух компонентов – повествовательной и вопросительной части, между которыми существует жесткая грамматическая связь. Таким образом, разделительный вопрос включает в себя одновременно два речевых акта – утверждение и вопрос, которые имеют своеобразное мелодическое оформление, отличающееся от мелодики русских вопросов подобного типа.

Основная особенность в употреблении разделительного вопроса в английском языке состоит в его уникальной функциональности. Существует мнение, что разделительные вопросы – это не вопросы, а просто некая форма речи, благодаря которой собеседник высказывает комментарий и тем самым

поддерживает беседу. Указывается, что в структуре разделительного вопроса находит наиболее яркое выражение именно стратегия уважения мнения адресата. Это объясняется, прежде всего, культурологическими факторами, а именно стремлением носителей английского языка признавать вероятность наличия у собеседника другого мнения и выражать свое мнение в некатегоричной форме (С. С. Коготкова). Отмечается, что данный тип вопросов обладает самой высокой степенью воздействия, в связи с чем они активно используются в ситуациях, требующих оказания определенного воздействия на слушателя, например, при допросе свидетелей на судебном заседании, где, по данным исследователей, они составляют около 53 % всех вопросов (Н. В. Кожедуб).

Популярность и специфичность разделительного вопроса в английском языке объясняется исследователями сравнительно малым в данном языке количеством усилительных частиц, функции которых взял на себя разделительный вопрос. Отмечается, что в английском разделительном вопросе лексико-грамматическое значение вопросительной части очень подвижно, его семантический объем широк и служит для выражения разного рода грамматических, логических и экспрессивных отношений (О. В. Богуславская).

Результаты специальных исследований просодических характеристик английского разделительного вопроса позволили сделать вывод об использовании сложного комплекса супrasegmentных средств, таких как выразительная пауза, вариативность мелодики, варьирование ритма, темпа и тонального диапазона, дополнительная тембральная окраска звучания, для передачи модально-эмоциональных значений как компонента коммуникативной направленности разделительного вопроса.

Нами было проведено исследование корреляции мелодического контура разделительного вопроса и его модально-прагматического содержания на материале английского языка. С этой целью аудитивному анализу были подвергнуты 57 разделительных вопросов в контексте диалогов, отобранных из британских учебных пособий. Выбор данных источников объясняется их соответствием современной британской произносительной норме. При подборе исследуемого материала мы сделали следующий вывод: разделительный вопрос является чертой исключительно диалогической речи, при этом все диалоги характеризуются общей коммуникативной целью – обсуждение какой-либо тематики (например, результатов экзаменационного теста, поведения соседей, объявлений по сдаче квартир в наем, погоды). Использование разделительного вопроса стимулирует поддержание разговора, выражение согласия/несогласия, во время интервью переносит диалог из вопросно-ответной формы, похожей на допрос, в форму обсуждения.

Анализ просодического оформления исследуемых разделительных вопросов показал, что наиболее частотным мелодическим контуром разделительного вопроса в исследуемом материале является сочетание нисходящего контура в повествовательной части вопроса с нисходящим контуром в вопросительной части (41 %) или восходящим контуром в вопросительной части (23 %). Реже используются сложные терминальные тоны (нисходяще-восходящий

и восходящее-нисходящий) во второй части вопроса в сочетании с нисходящей повествовательной частью (7,5 %). На долю разделительных вопросов, произнесенных с восходящим контуром в первой части вопроса, приходится 19,5 % исследуемого материала, при этом восходящий контур в первой части сочетается, как правило, с нисходящим контуром во второй части разделительного вопроса. Остальные случаи (8%) составляют сочетание сложных тонов в обеих частях разделительного вопроса (например, сочетание двух нисходяще-восходящих контуров). Таким образом, несмотря на тот факт, что первая часть разделительного вопроса представляет собой повествовательное высказывание, характеризующееся обычно завершенностью и, соответственно, нисходящим движением голоса, в нашем экспериментальном материале в 28,5 % реализаций первая часть вопроса была реализована с иным мелодическим контуром. Мелодическое оформление второй части разделительного вопроса характеризуется еще большей вариативностью – здесь отмечен нисходящий контур в половине реализаций, в остальных случаях наблюдаются восходящий, нисходяще-восходящий и восходяще-нисходящий контуры. В дополнение к анализу мелодического контура разделительного вопроса необходимо отметить, что нисходящий контур в первой части вопроса сочетается в нашем экспериментальном материале, как правило, со средней степенью синтагматического членения, то есть не сопровождается значительной паузой и иными перцептивными признаками полного внутрифразового членения. В то же время восходящий контур первой части разделительного вопроса, имеющий значение незавершенности, сопровождается предпочтительно полной степенью синтагматического членения для достижения эффекта разделения. Таким образом, можно сделать вывод о компенсаторности просодических средств речи.

Для анализа модально-прагматического содержания разделительного вопроса нами было проведено анкетирование аудиторов-фонетистов с целью определения имплицативного содержания (сомнения/уверенности), коммуникативной цели (запроса информации/утверждения факта), а также эмоциональной окраски разделительных вопросов. При анализе корреляции мелодического контура разделительного вопроса с оценками аудиторов-фонетистов были выведены следующие закономерности: 1) мелодический контур первой части разделительного вопроса (повествовательной) показывает коммуникативную цель вопроса – утверждение факта или запрос информации – нисходящий контур соотносится с утверждением, восходящий с запросом информации; 2) мелодический контур второй части вопроса отвечает за импликацию уверенности или сомнения – нисходящая концовка выражает уверенность, восходящая – сомнение; 3) сочетание мелодических контуров обеих частей отвечает за эмоциональный фон вопроса – редупликация простых терминальных тонов звучит, как правило, немаркированно (нисходящий/нисходящий, восходящий/восходящий); сочетание разнонаправленных простых терминальных тонов или сочетание сложных терминальных тонов в обеих частях разделительного вопроса придает эмоциональность разделительному вопросу.

Таким образом, необходимо отметить, что просодическая реализация разделительного вопроса не соотносится напрямую с его лексико-грамматической структурой, а является результатом тесного переплетения прагматического и модального содержания речевого акта, а также речевых стереотипов и современных тенденции к частотному употреблению разделительного вопроса в речи.

О. В. Ниживинская

НЕВЕРБАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ КАК ХАРАКТЕРИСТИКА РЕЧЕВОГО АКТА

В докладе обсуждаются результаты исследования, которое представляет проблему невербальных средств общения на материале английского медийного дискурса. Анализируется речевое поведение двух групп говорящих – ведущих и гостей – в программе британского телевидения “HardTalk” («Серьезный разговор») на канале Би-би-си.

Непосредственная цель обсуждаемого этапа исследования состояла в выявлении вариативности в невербальном поведении говорящих в зависимости от степени экспрессивности речи, т.е. постулировалось, что характер невербального поведения говорящего коррелирует с оценкой высказывания по шкале экспрессивности. Эта гипотеза нашла полное подтверждение на разных этапах проведенного анализа. Как показало сравнение данных по двум группам говорящих и по разным видам речевых актов, в оценке степени экспрессивности невербального сопровождения речи говорящих обеих групп доминируют средняя и малая степени. При общем совпадении характера соотношения трех степеней жестовой экспрессивности по частотности, малая степень экспрессивности встречается чаще в речи гостей программы. Иную тенденцию демонстрирует высокая степень экспрессивности жеста: она не является доминирующей ни в одном виде речевого акта, но наиболее высокие показатели ее частотности характеризуют речь ведущих, а не гостей программы. Виды речевых актов, которые демонстрируют преимущественно среднюю и высокую степень жестовой активности, в целом, совпадают у обеих групп испытуемых, за исключением актов *побуждения к обсуждению* и *опровержения, отрицания, недоверия*. Аналогичным образом, совпадают виды речевых актов, характеризующихся преимущественно средней и малой степенью жестовой экспрессивности. Помимо выше названных видов, такую тенденцию демонстрируют *формулы речевого этикета; разъяснение ситуации; предположение; поддержка, одобрение* и *запрос об информации*.

Таким образом, для невербального поведения обеих групп говорящих наиболее характерной является средняя степень экспрессивности, на фоне которой высокая и малая степень служат цели маркирования части высказывания как наиболее или, наоборот, наименее важной.

Обобщение результатов анализа невербальных средств, используемых говорящими в экспериментальном материале, позволило описать их, во-первых, с точки зрения активности (насыщенности, экстенсивности и интенсивности) каждого из выделяемых жестовых параметров, и во-вторых, с точки зрения их сочетаемости. При этом учитывалась не только дифференцированная оценка экспрессивности жеста как самостоятельного компонента речевого поведения говорящего, но и комплексная оценка степени экспрессивности речевого акта. Анализ по названным характеристикам проводился отдельно по группам испытуемых и по видам речевых актов.

Т а б л и ц а 1

Средние показатели насыщенности интонационных групп жестом
(отдельно по каждому из ведущих программы)

Статистические параметры	Ведущий 1 (n=130)	Ведущий 2 (n=73)	Ведущий 3 (n=101)
\bar{X}	2,02	1,73	2,01
σ	1,06	0,75	1,08
V, %	52,5	43,4	53,7

В табл. 1 представлены усредненные данные о количестве невербальных явлений (жестов в широком смысле слова) в одной интонационной группе в речи ведущих программы. Как видно из таблицы, анализируемый показатель в речи всех говорящих характеризуется высокой вариативностью, свидетельствующей о неравномерности распределения жеста по частям фразы – интонационным группам. Эта особенность подтверждается значениями диапазона варьирования анализируемого признака, определяемого разницей между минимальным и максимальным числом жестовых фигур в интонационной группе. Согласно полученным величинам общий диапазон составил от 1 до 8 жестов в пределах одной интонационной группы.

В речи всех ведущих программы более частотными, по сравнению с другими, являются интонационные группы с насыщенностью в 1–2 жеста (62,4 % у ведущего 1, 72,3 % у ведущего 3 и 80,2 % у ведущего 2). Второе место по частотности занимают интонационные группы с 3–4 жестовыми явлениями (27,7 % у ведущего 1, 17,6 % у ведущего 2 и 24,7 % у ведущего 3). Интонационные группы, содержащие 5–8 жестов, наименее частотны (10 % в речи ведущего 1, 3 % в речи ведущего 3 и 2,5 % в речи ведущего 2). Таким образом, по количеству жестов анализируемые речевые отрезки можно условно разделить на интонационные группы малой жестовой насыщенности (1 жест), средней жестовой насыщенности (2–3 жеста) и высоко насыщенные жестом (4 и более жестов).

Критерии разграничения интонационных групп по анализируемому параметру, помимо абсолютного количества жестов, должны учитывать также полноту реализации потенциальной жестовой экстенсивности, т.е. вовлеченности всех или только отдельных акцентных единиц в невербальное сопровождение речи. По этому признаку разграничивались интонационные группы средней жестовой экстенсивности (содержащие количество жестов, равное количеству акцентных единиц), малой жестовой экстенсивности (количество акцентных единиц превышает количество жестов) и большой экстенсивности (количество жестов превышало количество акцентных единиц).

Учет частотности каждого из названных типов групп позволяет выделить наиболее и наименее типичные модели в экспериментальном материале:

- интонационные группы с большой жестовой экстенсивностью – 33,8 %;
- интонационные группы со средней жестовой экстенсивностью – 52,8 %;
- интонационные группы с малой жестовой экстенсивностью – 6,3 %.

Важной индивидуальной или типичной характеристикой невербального поведения участников изучаемого вида медиадискурса является относительная предпочтительность используемых жестовых параметров.

Дифференцированный анализ невербального поведения говорящих, отражающий активность каждого из потенциально выделенных жестовых параметров, подтвердил сходство и различие между говорящими в предпочтительном использовании разных жестовых параметров в экспериментальном материале (таблица 2).

Т а б л и ц а 2

Участие отдельных жестовых параметров
в невербальном поведении ведущих программы, %

Говорящий	Жестовый параметр			
	Руки	Лицо	Голова	Тело
Ведущий 1	46,3	24,7	22,1	6,8
Ведущий 2	22,2	28,2	43,6	6
Ведущий 3	53,7	17,9	26,9	17,9

Полученные данные указывают на то, что у всех ведущих программы наименее частотным параметром является движение тела. Остальные три параметра – рука, голова, лицо – при общей высокой частотности, распределены между собой неравномерно: у каждого из говорящих наблюдается ярко выраженная доминанта. Для ведущего 1 и ведущего 3 – это движения рук, для ведущего 2 – движения головы. Максимальное совпадение между говорящими наблюдается в частотности параметра «лицо» (изменения выражения лица).

Проведенный анализ выявил постоянные и вариативные черты невербального поведения, свидетельствующие о тесной связи активности жеста и степени экспрессивности речевого акта, обусловленной его модально-прагматическим содержанием и вовлеченностью говорящего в предмет (тему) разговора.

И. И. Панова

**ПРОДУКТИВНОСТЬ ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ
В ПРОСОДИЧЕСКОЙ ВАРИАТИВНОСТИ АНГЛИЙСКОЙ
ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОЙ РЕЧИ**

Вопрос о том, в какой мере просодические различия в структурировании определенного фоностиля устной речи больше или меньше подвержены воздействию того или иного экстралингвистического фактора, до настоящего времени остается открытым. В полифакторной множественности экстралингвистических факторов стилеобразования, даже независимо от отсутствия установленного до настоящего времени их единого инвентаря и предпочтительной взаимосвязанности его составляющих, определение произносительной стилистической нормы осложняет согласно многочисленным исследованиям на материале разных языков наличие как меж-, так и внутрителистических расслоений в равной мере в зависимости от характера отношений между говорящими, цели высказывания, размера аудитории, формы речи, социального и профессионального статуса говорящих, жанровой принадлежности, тематических, собственно текстовых и тектонических компонентов устного дискурса. Так, на материале польского языка, например, показано, что внутрителистическое расслоение речи в большей степени зависит от информативной ценности сообщаемого, т.е. обычное, информативно менее значимое, т.е. «пустое» высказывание реализуется интонационно иначе, чем содержательно насыщенный текст. Из сказанного следует, что при фонетическом описании определенного стиля как объективную закономерность необходимо учитывать тот факт, что сведение определенной ситуативно ограниченной реализации устной речи к одной ее произносительной норме значительно упрощает типологизацию фонетических средств реального спектра коммуникативного поведения говорящих в идентичном речевом пространстве.

В большинстве проведенных исследований стилистические маркеры в просодии устного текста сводятся к установлению количественного контраста межстилевой эксплицитности параметрических значений выделяемых признаков. В реальной речевой деятельности стилеобразующие и, следовательно, стиледифференцирующие характеристики устного текста гораздо сложнее и детальнее, поскольку в каждом устном тексте всегда имплицитно наличествует целый комплекс в разной степени актуализируемых функций, но при этом в каждом речевом акте доминирующим является коммуникативное намерение говорящего произвести определенный вид информационного воздействия на адресата путем планомерной избирательности адекватных вербальных и невербальных средств, что, следовательно, убеждает в том, что установление единой просодической нормы оказывается нереальным в каждом отдельном фоностилистическом исследовании.

В проведенной нами серии самостоятельных исследований было осуществлено сравнение официально-деловых публичных сообщений, которые контрастировали по одному экстралингвистическому фактору при максимально возможной нейтрализации действия ряда других стилеобразующих факторов. В каждой отдельной серии сравниваемых речевых образцов, реализованных носителями английской орфоэпической нормы, аутентичные тексты отличались только по а) социальному статусу говорящих; б) профессиональной занятости; в) тематике сообщений; г) цели высказываний; д) субъективной (позитивной/негативной) оценочности сообщенного факта или умозаключения.

Сравнение текстов было ориентировано на определение в рамках одного стилистического макрообразования официально-делового дискурса наиболее резких контрастов в просодических структурах инкорпорируемых в текстах фраз, а также градуальный характер степени эксплицитности каждого из указанных экстралингвистических факторов, иными словами, выявить равноценность/неравноценность их воздействия на интерстилистическую вариативность в отборе ожидаемого речевого поведения говорящих. Установление стабильных структурных образований в каждом бинарном противопоставлении текстов по указанным выше ситуативно детерминирующим факторам проводилось по базовым признакам акцентно-тональной и темпоральной просодических подсистем с учетом принятой в интонологии их типизации. Частотность совокупностей сравниваемых признаков в каждой отдельной выборке по величине их контрастивности оценивалась по шкале полярности или смежности их количественных показателей.

Попарное сравнение 30 разнофакторных текстов продолжительностью звучания 0,5 минуты каждого показало, что нормативность разнофакторной зависимости различий в просодическом структурировании фраз-компонентов официально-деловых публичных сообщений базируется на частотности предпочтительных совокупностей просодических признаков, устойчивая дистантность которых при этом имеет градуальный характер большего/меньшего размаха усредненных значений каждого признака по величине их интерстилистических различий, превышающих 75 % в каждой группе текстов, которые показаны в таблице.

	Терм. тон	Акценогенность	Тип слога-деленности	ЧОТ макс.	ЧОТ диап.	СДС
Цель	+	+	+	+	–	–
Соц. статус	+	+	–	+	+	+
Профессия	–	+	–	–	+	–
Тематика	–	+	+	–	–	+
Оценочность	+	+	+	+	–	+

Универсальными индикаторами внутрителистического различия английской официально-деловой речи является также ее разная акцентноритмическая организация, которая, помимо указанных пофразовых противопоставлений типов фразового ударения, имеет место в характере делимитации текста на просодические единицы в разнофакторных группах текстов.

Наличие тождества или многих близких признаков значений в просодических структурах фраз свидетельствует о сохранении требований орфоэпического стандарта английской официально-деловой речи, отклонения параметрических значений в которой не выходят за пределы ее стилистически идентичной нормативности, образуя тем самым широкую зону ее как однофакторной, так и полифакторной обусловленности.

Л. В. Рускевич

ОВЛАДЕНИЕ АНГЛИЙСКОЙ ЭКСПРЕССИВНОЙ ИНТОНАЦИЕЙ СТУДЕНТАМИ ЛИНГВИСТАМИ

Все возрастающие требования к иноязычной речи специалистов, активно использующих иностранный язык в своей профессиональной деятельности, предполагают владение ими иноязычным произношением в той степени, в которой оно не препятствует общению. Как следствие, возрастают требования к лингвистической компетенции преподавателей иностранных языков, которые должны, во-первых, сами владеть иноязычным произношением если не как носители языка, то, во всяком случае, с минимальным иностранным акцентом. Во-вторых, преподаватель обязан уметь корректировать произношение обучаемого, опираясь на знание сегментного состава, коартикуляционных явлений, правил расстановки фразового ударения, ритмизации, выбора и реализации просодических структур иностранного языка. В связи с этим очевидна связь между практикой преподавания фонетики в языковом учреждении высшего образования и научными исследованиями в области фонетики иностранных языков в целом и фонетической интерференции в частности.

Минскую фонетическую школу можно по праву считать одним из ведущих центров научно-экспериментального исследования просодической интерференции. Исследования данного типа были основаны и продолжают основываться на понимании обусловленности интерференции признаками различного рода (подсистемами тона, фразовой акцентуации, ритма и темпа), совокупность которых обусловлена степенью проникновения родного языка индивида в его иноязычную речь. Обязательной частью указанных исследований является привлечение носителей английского языка в качестве аудиторов, обладающих способностью узнавать и реагировать на отклонения в реализации сегментных единиц и просодических структур в речи билингва, а в отношении последних и на уместность/неуместность их употребления.

Одним из аспектов, которым обучается студент в рамках курса «Просодия речи», является фонетическая экспрессивность. Задачей обучения является точная реализация интонации (фразовой просодии) экспрессивного высказывания. Мы поставили задачу изучить степень владения экспрессивной интонацией студентами третьего курса, изучающими английский язык

в качестве основной специальности. Мы провели экспериментально-фонетическое исследование звукозаписей экспрессивных фраз на английском языке, реализованных русскоговорящими белорусскими студентами. Целью нашего исследования, в частности, было установление наиболее значимых отклонений просодической организации интерферентной речи от речи носителей английского языка как в экспрессивных, так и в нейтральных высказываниях. В качестве испытуемых выступили девять студентов третьего курса факультета английского языка, получивших на втором курсе отметки «девять» и «восемь» по практической фонетике английского языка по десятибалльной шкале. Студентам было предложено прочесть вслух для аудиозаписи 60 предложений на английском языке, содержащих одно экспрессивное слово, и аналогичных по структуре высказываний, в которых экспрессивное слово было заменено на его более слабый (нейтральный, оценочный) синоним, например: *He looks horrible* 'Он выглядит ужасно' (здесь и далее перевод наш. – Л. Р.) и *He looks upset* 'Он выглядит расстроенным'. Каждое предложение было напечатано на отдельной карточке, предложения предлагались для записи вперемешку, чтобы избежать интонации контраста. Аудиозапись осуществлялась в студии звукозаписи МГЛУ в цифровом формате mp3. Затем аудитору – носителю английского языка – было предложено оценить записи студентов по двум критериям: степень иностранного акцента (слабый – умеренный – сильный) и характер интонации (нейтральная – умеренно экспрессивная – высокоэкспрессивная). В целом аудитор оценил акцент студентов как слабый и умеренный. Мы изучили некоторые акустические характеристики полученных записей по параметрам частоты основного тона (ч.о.т.) и интенсивности и сравнили их с аналогичными характеристиками, полученными при исследовании интонации этих же фраз, записанных пятью носителями британского варианта английского языка в тех же условиях. В частности, мы измерили максимальные общесловесные значения частотных и динамических максимумов в целом во фразе, на экспрессивных и нейтральных лексических единицах, а также изучили локализацию во фразе максимальных значений указанных параметров.

Схожесть акустических характеристик интерферентной речи и речи носителей обнаружилась при сравнении значений ч.о.т. на экспрессивных и нейтральных фразах, которые отличались в сторону их увеличения на экспрессивных словах в среднем на 15–20 Гц у всех без исключения испытуемых обеих групп. Кроме того, максимальные значения обоих параметров отмечались на экспрессивных словах на 15–20 % чаще, чем на нейтральных, как в речи носителей языка, так и в речи студентов. Однако конкретные значения частотных максимумов у русскоговорящих студентов оказались ниже, чем у носителей языка. Разница между ними составила от 20 до 40 Гц.

По данным нашего анализа, наиболее значительные различия у всех без исключения испытуемых носителей русского языка – низкие значения амплитуды интенсивности во всех исследуемых частях фразы. В то время как

значения интенсивности в экспрессивных фразах в речи всех носителей английского языка находились в диапазоне в среднем от 58 до 85 дБ, а нейтральных – от 60 до 78–79 дБ, то у носителей русского языка они ограничивались 63–74 дБ в обоих типах фраз. Различия между амплитудами интенсивности на экспрессивных и нейтральных словах в составе экспериментальных фраз и на первой акцентной единице (первом полноударном слоге) фраз в речи студентов практически отсутствовала. Данное отклонение, на наш взгляд, можно объяснить интерферирующим влиянием родного языка дикторов, а именно, меньшей ролью силового компонента в слоговыделенности в русском языке.

Еще одним признаком, отличающим просодическую организацию фраз, реализованных русскоязычными испытуемыми, от просодии носителей английского языка, является отсутствие у студентов различий общефразовых значений ч.о.т. и интенсивности между экспрессивными и нейтральными фразами. В речи носителей английского языка, в свою очередь, наблюдалась четкая тенденция к превышению общефразовых значений ч.о.т. и особенно интенсивности экспрессивных высказываний над аналогичными значениями в нейтральных фразах.

Таким образом, наибольшее сходство наблюдается на локальном участке фразы, занимаемом экспрессивной лексической единицей. Студенты понимают связь между семантикой экспрессивного слова и его просодической выделенностью во фразе. Однако, по сравнению с носителями языка, они недостаточно точно реализуют форму экспрессивного просодического контура всей фразы, что выражается в нечетком разграничении экспрессивных и нейтральных просодических контуров. То есть экспрессивный потенциал интонации целого высказывания остается не полностью раскрытым, хотя экспрессивность в любом языке, как известно, представляет собой комплексное явление, в котором взаимодействуют все языковые средства и которое охватывает всю фразу в целом. Таким образом, по нашему мнению, отклонения от интонации носителя языка могут быть обусловлены не только интерферирующим влиянием просодии родного языка обучаемого, но и неравноценности владения родным и неродным языком при последовательном (сукцессивном) билингвизме.

Е. Н. Терехова

АКЦЕНТНАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО НАМЕРЕНИЯ В ПУБЛИЧНЫХ СООБЩЕНИЯХ Б. ДЖОНСОНА О COVID-19

Объектом фонетического исследования являлись публичные сообщения премьер-министра Великобритании Б. Джонсона о COVID-19. В цель исследования входили анализ акцентной структуры эмотивных центров политических высказываний, выявление позитивной и негативной тенденций

оценивания. Для анализа были взяты 3 публичных выступления Б. Джонсона на еженедельных брифингах по вопросам о COVID-19. В сравнение с ними также было проанализировано видеосообщение премьер-министра на платформе Twitter о выявленной у него коронавирусной инфекции. Продолжительность каждого монологического выступления была подведена к равному временному отрезку в 7 минут.

В задачи исследования входили анализ дистрибуции ядерного и эмфатического ударения по параметрам позиции во фразе и частеречного отношения; анализ совпадения ядерного ударения и слов повышенной экспрессивности (*emphatic words*); выявление тенденций позитивного и негативного оценивания ситуации.

Актуальность данного исследования представлена интересом к изучению акцентных моделей воздействия и информирования в политическом дискурсе в условиях жизненной важности, а также план языкового выражения данных моделей; выявление тенденций оценивания ситуации в условиях нарастающей угрозы пандемии. Жизненно важная ситуация исключает нейтральное отношение и позволяет проанализировать просодическую структурированность эмотивных центров в сообщениях политического деятеля с точки зрения функции воздействия.

При анализе общих просодических характеристик сообщений Б. Джонсона можно отметить четкую ритмическую организацию высказываний, умеренный темп речи, постановку пауз после каждого слова, замедление темпа речи при выделении важной информации, использование различных видов ударений, наиболее частотным из которых является нисходящий терминальный тон. Сравнение четырех сообщений Б. Джонсона показало, что акцентная структура идентичной информации совпадает. К примеру, фраза *Stay at home. Protect the NHS. Save lives* произносилась во всех сообщениях премьер-министра без акцентных колебаний. Таким образом, ритмическое строение схожих высказываний в различных выступлениях не менялось.

Анализ акцентных структур показал, что во фразах, содержащих важную и новую информацию, было использовано эмфатическое ударение с целью маркирования премьер-министром степени информационной значимости. Фразы с эмфатическим ударением были зарегистрированы в 38 % случаев, ядерное ударение было отмечено в 69 % высказываний. Всего было выявлено 76 слов, выделенных эмфатическим ударением. Из них наибольшей степенью эмфатического выделения обладали прилагательные (27 % случаев). Например: *fantastic, amazing, frustrating, special, entire, huge, tough, incredible, constant*. Добавим также, что большинство обозначенных прилагательных включают в себя компонент позитивной оценочности.

Глаголы составили 18 % случаев от общего списка слов. Эмфатическим ударением были выделены следующие глаголы: *defeat, protect, delay, shield, follow, interact, repeat, hesitate*. Стоит подчеркнуть, что большинство из них были маркированы в призывах и рекомендациях Б. Джонсона, а также статистических сводках информации за прошедшие дни пандемии.

Местоимения и наречия были выделены в равном количестве случаев (13 %). Например: *absolutely, effectively, massively; your, any, everyone*. Необходимо отметить, что эмфатическое ударение на местоимениях и наречиях было зафиксировано в словах благодарности Б. Джонсона всем, кто прилагал усилия к уменьшению распространения коронавируса. Существительные, наряду со сравнительной степенью прилагательных, составили 9 % в каждом из случаев. Например: *scale, implementation, efforts; faster, harder*. Следует подчеркнуть, что среди слов с эмфатическим ударением также были зарегистрированы предлоги *in, at*. Таким образом, анализ соотношения эмфатического ударения с частями речи дает основание полагать, что эмфатическая выделенность не зависит от частеречной принадлежности, так как маркированными могут быть не только знаменательные слова, но и служебные. Однако отдельные классы слов обладают большей способностью выступать в качестве носителя эмфатического тона.

Положение ядерного ударения во фразе в 53 % случаев зафиксировано на конечной позиции в высказывании. Важно отметить, что наличие ядерного ударения в начале и середине фразы обусловлено появлением слов и фраз, требующих дополнительного выделения и акцентирования внимания. С целью убедить и воздействовать на поведение слушающих Б. Джонсон употреблял наиболее значимые в данной ситуации слова, которые выступали в качестве интонационных центров высказывания вне зависимости от положения во фразе. К примеру, *We have to take special steps to protect the particularly vulnerable; We protect those whose livelihoods are threatened*.

Эмфатическое ударение было зафиксировано в середине фраз в 55 % случаев. Появление слов, несущих экспрессивную нагрузку, разрушало типичный для высказываний акцентный шаблон и сигнализировало об эмоциональном наполнении тех или иных участков высказывания. К примеру, *We'll do more than any other single measure; We will not hesitate to go further in the days and weeks ahead; We'll take right measures at the right time; A huge national testing program is being rolled out*.

Некоторые высказывания выделялись наличием нескольких интонационных центров, образованных комбинацией ядерного и эмфатического ударения. Подобные высказывания приобретали большую степень важности и весомости. Например: *We are coping very well indeed under the most challenging circumstances*. Данное высказывание отличается высокой степенью убеждения и воздействия в ситуации нарастающей паники за счет акцентирования подходящих для этой функции слов.

В публичных выступлениях Б. Джонсона также были установлены примеры эксплицитных оценочных фраз. Общее количество составило 8 высказываний. Из них 36 % являлись фразами негативной оценки, 64 % – позитивной оценки. Тенденция к позитивному оцениванию ситуации совпадает с целью уменьшения панического настроения в обществе и выявления положительного опыта в борьбе с коронавирусной инфекцией. Например: *The measures are exceptional and extraordinary; The national effort is amazing;*

The response has been incredible (фразы с эксплицитной положительной оценкой). *We are here under the most challenging circumstances; This will be frustrating* (фразы с эксплицитной негативной оценкой).

Можно сделать вывод о том, что одной из целей в выступлениях премьер-министра, наряду с информированием и выражением благодарности, являлось воздействие на эмоциональное состояние слушателей и поддержание спокойствия в общественном мнении.

Л. И. Трибис, В. В. Лопатько

БИЛИНГВИЗМ И ДВУЯЗЫЧНАЯ СИТУАЦИЯ

Определение понятия *билингвизм* зависит от того, с какой точки зрения это понятие рассматривается. В социологическом плане под ним понимают практику попеременного пользования двумя языками, а также зависимость между речевым поведением двуязычных коммуникантов и социальной ситуацией общения. В психологии билингвизм понимают как речевые механизмы, позволяющие человеку использовать для общения две языковые системы, и изучают речемыслительные процессы, позволяющие воспринимать и порождать речевые произведения, принадлежащие двум разным языкам. В центре лингвистических исследований билингвизма находятся следствия лингвистических явлений, лежащих в основе языковых контактов. В лингвистическом плане задачи изучения билингвизма включают сопоставление контактирующих языков на всех языковых уровнях, описание их различительных признаков и выявление возможных нарушений нормы одного языка под влиянием другого языка (М. К. Бородулина).

Основополагающими чертами билингвизма являются уровень владения родным и иностранным языками, способ соотнесенности речевых механизмов и степень их устойчивости. Степень различия между контактирующими языками (количество расхождений и соответствий между элементами и структурами родного и изучаемого языков) выявляется при сопоставлении моделей языков на фонологическом, лексическом и грамматическом уровнях (М. К. Бородулина).

При сопоставлении языков складывается двуязычная ситуация, которая реализуется в системе (в сфере виртуальных языковых знаков) и в речи (в функционировании актуальных знаков). В первом случае рассматривается суперструктура, представляющая множество элементов входного языка и соответствующих ему элементов выходного языка. Виртуальной единицей суперструктуры является структура, образуемая соотнесением входного виртуального знака и выходных виртуальных знаков на основе общности выражаемого содержания (Р. Г. Пиотровский). Эта единица выступает как

функция двух переменных: соотношения входного и выходных знаков и соотношения означающего и означаемого каждого знака. Асимметричное соотношение означающего и означаемого отражается в явлении внутриязыковой неоднозначности, а при межъязыковом соотнесении – в двуязычной неоднозначности. В общем плане сочетание семантических характеристик в рамках виртуальной суперструктуры может принять следующий вид: внутриязыковая однозначность – межъязыковая однозначность; внутриязыковая однозначность – межъязыковая неоднозначность; внутриязыковая неоднозначность – межъязыковая однозначность; внутриязыковая неоднозначность – межъязыковая неоднозначность.

На уровне актуальных знаков двуязычная ситуация включает в себя процесс межъязыкового перекодирования информации на основе системы соответствий между эквивалентными единицами соотносимых языков. Хотя процесс перевода детерминируется соотношением между системами двух языков, отношения эквивалентности устанавливаются между актуальными языковыми знаками (соответствующими отрезками речевых произведений). Поскольку система соответствий между парой языков не сводима к формально-структурному, «поштучному» калькированию, преобразование речевого произведения на одном языке в речевое произведение на другом языке ставит билингва перед сложной проблемой выбора оптимального варианта перевода из числа возможных. Этот выбор определяется суммой разнообразных факторов: сложностью и гетерогенностью системы естественного языка, избыточностью и дифференцированностью его структуры, полисемией и синонимией языковых единиц, отсутствием однозначных соответствий между планом выражения и планом содержания, почти неисчерпаемыми ресурсами контекстуальной синонимии (А. Д. Швейцер). Детерминантой процесса перевода выступают лингвистический контекст, элементы речевой ситуации и многообразные экстралингвистические факторы. При этом отрезки входного и выходного текстов, соотносящиеся при переводе, могут находиться в отношении калькируемости, квазикалькируемости и некалькируемости (В. А. Чижиковский).

Лингвопереводческий аспект проблематики билингвизма нашел отражение в исследованиях английской лингвистической школы. Ее представитель Дж. К. Катфорд подошел к механизму фонетической интерференции с точки зрения своей концепции перевода. Он писал, что в обычном переводе фонология языка-источника не переводится, а замещается тем, что (неэквивалентная) фонология языка-цели получает в результате отбора грамматических и лексических элементов языка-цели. Если при определенных обстоятельствах переводчик пытается воспроизвести по крайней мере некоторые признаки фонологии языка-источника в тексте языка-цели, он осуществляет частичный перевод на фонологическом уровне. Дж. К. Катфорд отмечал, что фонологический перевод специально используется актерами

и имитаторами, когда они копируют иностранное или диалектное произношение. Он реализуется также неумышленно в несовершенном произношении человека, говорящего на иностранном языке. Последний случай Дж. К. Катфорд относил к фонологической (или фонетической) интерференции – переносу родной (L_1) фонологии в иностранный язык (L_2). Вместе с тем с точки зрения своей концепции перевода данное явление он рассматривал как частичный перевод с языка L_2 на язык L_1 на фонологическом уровне, поскольку здесь происходит замена фонологии L_2 эквивалентной фонологией L_1 .

Таким образом, понятие билингвистического переноса получило в концепции Дж. К. Катфорда лингвопереводческую интерпретацию.

В. В. Устинович

О ПРОСОДИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ С ОДНО- И ДВУХКОМПОНЕНТНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ СТРУКТУРОЙ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ СПОНТАННОЙ РЕЧИ

Просодия выполняет в устной спонтанной речи различные функции: иерархической организации сообщения, указания на границы компонентов высказывания, выражения степени участия говорящего, его эмоционального состояния и отношения к сообщаемой информации (Fónagy, 1983; Mertens, 2008; Lacheret-Dujour et al., 2014 и др.). Кроме того, просодия взаимодействует с синтаксической структурой высказывания при формировании его коммуникативной структуры (КС) (Beysade, 2012; Morel et Danon-Boileau, 1998 и др.). Однако вопрос о том, под воздействием каких факторов формируется просодическая структура высказывания, а также каким образом связаны просодическая и коммуникативная структуры высказывания, остается открытым и требует дальнейшего изучения.

В настоящем исследовании проанализированы *мелодические* характеристики подлежащего в утвердительных высказываниях с прототипической синтаксической структурой – подлежащее и сказуемое, имеющие различную КС – бинарную (в которой присутствуют оба основных компонента КС) и тетическую (в которой отсутствует тематический компонент). Определение состава КС высказываний осуществлялось посредством контекстного анализа, а также методом постановки вопроса.

В нейтральной бинарной КС подлежащее (группа подлежащего) и сказуемое (группа сказуемого) составляют тематический и рематический компонент соответственно:

Et (связка) *elle* (Т) *essaye de surfer dessus* (R) ‘И она пытается пропьяриться за этот счет’ (здесь и далее перевод наш. – В. У.);

Et (связка) le pic (Т) est plutôt attendu vers le début du mois d'avril (R) 'И пик ожидается скорее к началу апреля'.

Высказывания с аналогичной синтаксической структурой могут состоять и из «неактивированных» в сознании собеседника элементов, т.е. представлять собой цельную рему:

Des mesures seront prises par le gouvernement (R) (досл.) 'Меры будут предприняты правительством';

A partir de la Première guerre mondiale (топик), les canons de beauté changent (R) (досл.) 'После Первой мировой войны каноны красоты изменились'.

В рамках данного сообщения рассмотрены случаи, в которых подлежащее, выраженное местоимением, именем или именной группой (ИГ) не отделено в самостоятельную просодическую синтагму, следовательно, формирует общий тональный контур с расположенным за ним сказуемым.

Личное местоимение в статусе подлежащего рассматривается как а priori тематическое (Lacheret-Dujour, 1998) в силу того, что оно представляет собой известную информацию. В высказываниях с местоименным подлежащим, составивших исследовательский корпус, оно действительно в 51,8 % выступает в коммуникативном статусе темы. Однако нельзя исключать возможность того, что высказывание с местоименным подлежащим может быть тетическим, т.е. нерасчлененным на тему и рему:

(Qu'est-ce qui va se passer?) Nous allons passer tout simplement au treizième régime dérogatoire depuis le début des négociations (R) 'Что произойдет? Мы попросту перейдем к тринадцатому дерогационному режиму с начала переговоров'.

Ряд авторов определяют коммуникативный статус местоименного подлежащего по статусу глагола, к которому оно относится, а именно, если последний известен, то местоимение вместе с ним является темой, а если глагол упоминается впервые, то местоимение, как и глагол, входит в состав ремы КС высказывания. Таким образом, роль местоимений может быть сведена к роли аффиксов (Elsig, 2009; Avanzi, 2009).

Во всех проанализированных высказываниях с местоименным подлежащим оно, вне зависимости от статуса, остается атоническим, что обусловлено природой французского местоимения. Между тональным уровнем местоимения и ударного слога сказуемого, как в высказываниях с бинарной КС, так и в тетических высказываниях, отмечен статистически значимый разрыв. Тональный пик в высказываниях для двух рассматриваемых типов КС приходится на сказуемое (глагол или именную часть), входящее во всех случаях в состав ремы. Таким образом, коммуникативный статус местоименного подлежащего просодически не выражен.

Именное подлежащее во французском языке по своей природе акцентогенно. В большинстве проанализированных высказываний (68,8 %) оно имеет коммуникативный статус темы КС. В таких случаях наблюдаются значимые различия в уровне ч.о.т. начального и ударного слога, а также ударного

и следующего за ним безударного слога. В проанализированных тетических высказываниях границы подлежащего также отмечены значимыми тональными «разрывами» между начальным и ударным слогом, а также между ударным и следующим безударным слогом. Тональные интервалы между началом и завершением имени, как в статусе темы КС, так и элемента тетического высказывания, а также конечным слогом имени и следующим безударным слогом имеют сходные значения: $0,3$ н.е. (начальный и ударный слог имени) и $0,28$ н.е. (ударный слог имени и следующий безударный слог) – в тетических высказываниях; $0,29$ н.е. (начальный и ударный слог имени) и $0,27$ н.е. (ударный слог имени и следующий безударный слог) – в высказываниях с бинарной КС.

В высказываниях с именным подлежащим в статусе темы мелодическая вершина локализована на ударном слоге подлежащего в 83 % случаев, то есть высказывания имеют, главным образом, восходяще-нисходящий тональный контур с мелодическим «переломом» между компонентами КС. В то же время в тетических высказываниях тенденции к локализации тонального пика на подлежащем не наблюдается. Так, в 40 % случаев он оказывается смещенным на сказуемое. Следовательно, притом что в двух статусах именное подлежащее сохраняет просодическую выделенность (что подтверждено значимыми тональными разрывами между его начальным и конечным, ударным, слогом, а также между конечным слогом и следующим за ним безударным слогом), локализация тонального пика может указывать тип КС.

Для **подлежащего-ИГ** статус темы высказывания характерен в 67,9 %. Для такого тематического компонента значимыми оказываются тональные скачки на ударных слогах по сравнению с его начальным слогом, а также следующим за ним безударным слогом – первым слогом ремы. Тональный пик стремится к конечному ударному слогу тематического компонента (67 %). В высказываниях с подлежащим-ИГ, являющихся цельной ремой, также наблюдается статистически подтвержденная разница между ч.о.т. начального слога подлежащего и ч.о.т. первого ударного слога, а также между ч.о.т. начального слога и ч.о.т. конечного ударного слога. Вместе с тем разница в тональном уровне между конечным слогом ИГ и следующим за ним безударным слогом оказывается статистически не значимой. Это указывает на отсутствие релевантного мелодического «перелома», что отличает тетические высказывания от тех, в которых такой «перелом» характерен на границе основных компонентов КС.

Таким образом, просодическое воплощение подлежащего обусловлено, главным образом, его акцентогенной/неакцентогенной природой, синтаксической структурой, и в меньшей степени выражением его коммуникативной роли. Основным признаком, коррелирующим с составом КС, оказывается локализация тонального пика и наличие мелодического «перелома» в высказываниях с подлежащим, выраженным именем или ИГ.

А. А. Цурканова

МУЛЬТФИЛЬМ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПРОИЗНОСИТЕЛЬНОГО ЭТАЛОНА У ДЕТЕЙ

Спецификой формирования произносительных навыков дошкольников есть неосознанная имитация. Слуховое восприятие речи и ее имитация являются основополагающими в овладении особенностями артикуляции детьми дошкольного возраста. Усвоение звуков происходит не изолированно, а осуществляется в речевых структурах и моделях. Артикуляционные правила имеют аппроксимированный характер, поскольку опора на транскрипцию и звуко-буквенное соотношение в данном случае отсутствует. Хорошие имитационные способности детей позволяют с легкостью воспроизводить различные речевые структуры.

Общеизвестно, что языковой эталон формируется под влиянием территориальных особенностей, а также окружения ребенка. Такой фактор, как мультфильм, до настоящего времени не играл определяющей роли в формировании акцента у детей, что противоречит последним данным в этой области. Согласно одному из февральских выпусков «Daily Mail» (2019) американские дети заговорили с британским акцентом (RP) под влиянием мультфильма «Perra Pig». Очевидно, выбор данного произносительного эталона стал неосознанным для маленького (2–3 лет) зрителя. Однако не стоит оставлять без внимания оказанное мультфильмом влияние. Вот, что пишут в интернет-источнике Twitter озадаченные происходящим родители:

1) ‘Еще у чьих-то детей появился легкий британский акцент после просмотра «Свинки Пеппы»? Кроме того, дочь хрюкает как свинка, но это ожидаемо’;

2) ‘Благодаря «Свинке Пеппе» у моего трехлетнего сына развился британский акцент. Это заметно, когда он произносит слово *tomatoes* [tə'mɑ:təʊz]’;

3) ‘Надеюсь, все думают, что у моей дочери легкий британский акцент, потому что мы очень образованные, а не потому что она растет на мультике «Свинка Пеппа»;

4) ‘Любимое шоу моей дочери Эрин – британское, что отражается на ее речи. Она произносит *compost* на RP ['kɒmpɒst] вместо ['kɑ:mpəʊst] с американским акцентом’;

5) ‘Моя двухлетняя дочь произносит *zebra* ['zebrə] (RP) вместо ['zi:brə] (American)’;

6) ‘Я благодарна создателям данного мультфильма за прекрасный акцент моей дочери’.

По всей вероятности, в условиях отсутствия окружения, способствующего поддержанию RP, данное произношение вряд ли будет превалировать у детей по мере взросления, когда просмотр данного мультфильма потеряет для них свою актуальность. Тем не менее кажется интересно наблюдать за тем, как просмотр мультфильма на данном этапе жизни маленьких зрителей конкурирует с ролью окружения в формировании произносительного эталона у детей.

Л. Г. Щербакова, Е. В. Ваценко

ПРОЯВЛЕНИЕ НЕМЕЦКО-АНГЛИЙСКОЙ И АНГЛО-НЕМЕЦКОЙ
ФОНЕТИЧЕСКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ НА СЕГМЕНТНОМ УРОВНЕ

Одной из проблем при изучении иностранного языка является фонетическая интерференция, которая обусловлена влиянием языковых систем родного языка. В условиях многоязычия при изучении двух иностранных языков причину иноязычного акцента следует искать во взаимном приспособлении языковых систем контактирующих языков, вследствие которого неизбежны отклонения от языковой нормы второго иностранного языка.

Задачей нашего исследования является выявление фонетических ошибок на сегментном уровне в английских и немецких текстах, реализованных студентами МГЛУ на начальном и заключительном этапах обучения в учреждении высшего образования при изучении данных языков как второй иностранный язык.

Общее количество ошибок в анализируемых немецких материалах в реализации студентов 3 курса факультета английского языка на 22 % больше по сравнению с их количеством в материалах студентов 5 курса. При сопоставлении количества ошибок в двух формах речи было выявлено, что студенты 3 курса допускают больше ошибок (примерно в 2,5 раза) в диалогах, а студенты 5 курса – в текстах.

Объяснением данных показателей, возможно, является недостаточное владение студентами 3 курса навыками реализации немецких фраз различной коммуникативной направленности в диалогах. Тексты для студентов 5 курса вызывают у них значительные трудности, возможно, из-за их лексического наполнения (например, многосложные слова, сложные существительные, глаголы с отделяемыми и неотделяемыми приставками и т.д.), хотя тематика текстов входит в программный материал.

Что касается количества ошибок в системе гласных и согласных, следует отметить их увеличение в системе согласных в монологах и диалогах на начальном этапе изучения немецкого языка в 1,6 раза (15 ошибок и 9 ошибок соответственно). Различия в системе гласных не выявлены (12 ошибок на начальном этапе обучения и 13 ошибок на заключительном) (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Количество фонетических ошибок в немецких экспериментальных текстах
(на 100 слогов теста)

Форма речи	Этап	
	начальный	заключительный
Тексты	гласные – 5 } 9 согласные – 4	гласные – 9 } 15 согласные – 6
Диалоги	гласные – 7 } 18 согласные – 11	гласные – 4 } 7 согласные – 3
Всего	27	22

Анализ интерферентных ошибок в английских текстах, реализованных студентами факультета немецкого языка, также выявил значительное увеличение их количества на начальном этапе изучения второго иностранного языка примерно в 2 раза, независимо от формы речи, от проявления интерференции в системе гласных или согласных (табл. 2).

Таблица 2

Количество фонетических ошибок в английских экспериментальных текстах
(на 100 слогов текста)

Форма речи	Этап	
	начальный	заключительный
Тексты	гласные – 17 } 26 согласные – 9	гласные – 7 } 13 согласные – 6
Диалоги	гласные – 9 } 21 согласные – 12	гласные – 6 } 11 согласные – 5
Всего	47	24

Интересные данные были получены в ходе сопоставления количества фонетических ошибок в немецких и английских текстах на начальном и заключительном этапах изучения второго иностранного языка (табл. 3).

Таблица 3

Сопоставление количества интерферентных фонетических ошибок в немецких и английских текстах (на 100 слогов текста).

Форма речи	Текст			
	немецкий		английский	
	начальный этап	заключительный этап	начальный этап	заключительный этап
Тексты	9	15	26	13
Диалоги	18	7	21	11
Всего	27	22	47	24

На начальном этапе изучения второго иностранного языка имеет место увеличение общего количества ошибок в 1,7 раза в английских текстах по сравнению с их количеством в немецких текстах (47 ошибок и 27 ошибок соответственно). Данные, полученные при сопоставлении количества ошибок на заключительном этапе обучения, показывают довольно близкие значения: общее количество ошибок в немецких материалах – 22 ошибки, в английских – 24, в немецких текстах – 15 ошибок, в английских – 13. Небольшие количественные различия выявлены в диалогах (7 ошибок в немецких и 11 – в английских диалогах).

В ходе анализа полученных данных были выявлены также типы ошибок в речи испытуемых на немецком и английском языках, обусловленные фонологическими различиями. В системе гласных это, прежде всего, длительность (60 % от их общего количества), т.е. произнесение долгих гласных вместо кратких в немецких текстах (например: *Mutter, frischer, Erkältung*) и кратких гласных вместо долгих в английских текстах (например: *speak, forty, fifteen, walk*).

Вследствие недодифференциации фонем первой и второй фонологических систем имеет место взаимозамещение немецких гласных фонем переднего ряда [e:], [ɛ:], [ɐ] и английских гласных [e], [ə], [æ] (например, [e] вместо [æ]: *spanish, absend*; [ɛ] вместо [æ]: *mass, glad*; [ɐ] вместо [e:]: *Nordsee, Verkehr*; [e] вместо [ɛ]: *gerne, Sterne* и т.д.).

Наибольшие трудности интерференция представляет для испытуемых, первым иностранным языком которых является немецкий язык, произнесение английских дифтонгов (32 % от всех ошибок в системе гласных). Один и тот же дифтонг может обозначаться на письме различными буквами и буквенными сочетаниями в английском языке, например: дифтонг [ai] – *like, child, high, type, eye*. В английских текстах отмечены как отклонения неправильные варианты следующих звуков: [ai] вместо [ɪ] – *since, units*; [a] вместо [au] – *county*; [ɪ] вместо [ai] – *finally*; [u] вместо [uə] – *poor*; [əa] вместо [iə] – *hearing* и т. п.

В системе согласных типичной ошибкой в английских текстах является оглушение звонких согласных в конце слова под влиянием немецкого языка (52 %) (например: *live, ride, days, girls*) или их озвончение в немецких текстах, например: *Urlaub, Abend, sobald, Straßenrand*. Другими типичными ошибками является замена согласных на соответствующие в первом иностранном языке, если их фонетические характеристики различаются по одному из признаков (например, [s], [z] → [θ], [ð]: *health, together*; [v], [w]: *weather, weekend*) или неправильное употребление звуков, не существующих в первом иностранном языке (например: [ç], [x] вместо [h] – *hier, dahin, erholsam*; [x] вместо [ç] – *recht, München* и т.д.).

Таким образом, сопоставление количества допущенных ошибок в речи испытуемых на начальном этапе изучения второго иностранного языка позволяет заключить, что большие трудности для студентов факультета немецкого языка представляет изучение английского произношения, вследствие англо-немецкой фонетической интерференции. Количество ошибок в английских текстах вдвое больше, чем в немецких текстах, реализованных студентами факультета английского языка, вследствие немецко-английской фонетической интерференции. На заключительном этапе обучения в учреждении высшего образования количественные показатели допущенных ошибок в текстах на немецком и английском языках примерно одинаковы, следовательно, их количество зависит от уровня владения вторым иностранным языком.

СТАТУС ГОВОРЯЩЕГО КАК ФАКТОР ПРОСОДИЧЕСКОЙ ВАРИАТИВНОСТИ

Известно, что при декодировании устно-речевого сигнала человек способен не только уловить смысл высказывания, но и довольно четко и быстро получить представление об эмоциональных состояниях, о гендерной принадлежности и многих других чертах, составляющих социальное лицо говорящего.

Экспериментально доказано, что характеристики голоса существенно меняются одновременно с изменением статуса собеседника. В частности отмечается, что во время устной беседы с начальником, то есть человеком, априори, обладающим более высоким статусом, подчиненные, как правило, смещают тональные характеристики в более высокий регистр диапазона голоса. Некоторые исследователи полагают, что это одна из стратегий демонстрации подчинения или избегания потенциальной конфронтации.

Противоположная тенденция понижения уровня голоса заметна в отношении людей, занимающих более высокое положение по своему статусу, свидетельствует о попытке продемонстрировать доминирование. Более низкий голос ассоциируется с мужественностью и, соответственно, силой.

Интерес также представляет собой варьирование темпа речи, который заметно замедляется при повышении статуса собеседника, поскольку медленный темп свидетельствует о большей степени важности высказывания, что, в свою очередь, подчеркивает социальную значимость.

В настоящей работе нами был проведен фонетический эксперимент, позволяющий подробно изучить тонально-мелодические, динамические и темпоральные особенности в речи разностатусных собеседников. Для данного эксперимента нами была привлечена женщина, носитель южно-английской произносительной нормы. Испытуемой предлагалось прочесть несколько диалогов между начальником и подчиненным, в которых собеседники решают рабочие проблемы. Для строгости эксперимента обе роли были записаны одним и тем же человеком. Это позволило избежать процедуры нормирования, поскольку анализировался один голос. Осуществление аудиозаписи одним и тем же человеком также помогло проникнуть в когнитивную картину речевого имиджа говорящего, связанного с его статусом в устном дискурсе. Полученные диалоги были снабжены просодической разметкой, в результате анализа которой нами были выявлены некоторые просодические тенденции. В таблице приведены данные о распределении различных видов тонального завершения в синтагмах и фразах из речи собеседников.

Из представленной ниже таблицы видно, что в речи начальника ярко доминируют нисходящие тоны (80 %), по сравнению с речью подчиненного (64 %). При этом необходимо отметить, что средний и низкий варианты в речи начальника в сумме составляют 18 %, что придает высказыванию большую степень весомости. В речи подчиненного, напротив, 14 % нисходящих тонов были идентифицированы аудиторами как тоны высокой узкой разновид-

ности, которые ассоциируются с меньшей степенью завершенности и категоричности. В целом речи начальника характерна директивность, а речи подчиненного мягкость и имплицативность. Последняя черта находит свое отражение в повышенной частотности нисходяще-восходящих тонов в репликах подчиненного (34 %), что практически в три раза больше, чем в репликах начальника (12 %). Наиболее частотные импликации включают мягкое несогласие и извинение.

Распределение терминальных тонов
в речи собеседников с разным статусом, %

Начальник						Подчиненный							
m	m \	m \	m /	m /	/m	m	m \	m \	m /	/m	m,m		
2	7	1	7	1	2	4	1	4	2	2	4	2	10

Что касается предтерминальной части, нами был проведен акустический анализ с целью верификации известного в литературе утверждения о более низких регистровых показателях в речи говорящих с более высоким статусом. В качестве контрольных параметровых признаков нами были избраны пиковые показатели частоты основного тона на первых полноударных слогах, которые, как правило, произносятся на самом высоком уровне во фразе, а также точка начала высоких нисходящих тонов, характеризующихся наибольшей частотностью в речи. Статистическая обработка полученных данных позволяет внести некоторые уточнения. В частности, понижение наблюдается только в терминальной части и в среднем составляет 13 %. Начало шкалы, напротив, в речи начальника оказывается на 16 % выше.

Замеры интенсивности осуществлялись в аналогичных контрольных позициях, что позволило проанализировать разницу в динамических показателях. Согласно полученным данным реплики подчиненного по сравнению с начальником оказываются на 7 % тише как в начале, так и конце фразы.

Для изучения темповых вариаций нами была изучена скорость речи, выраженная в слогах в секунду. При замерах учитывались только отрезки фонации синтагмами и вычитались паузы. Усредненные показатели темпа речи свидетельствуют о том, что темп речи говорящего с более высоким социальным статусом замедляется на 5 %. Обращает на себя внимание тесная взаимосвязь между тональными и темпоральными характеристиками. Все фразы с постепенно-нисходящими шкалами произносятся гораздо медленнее, чем фразы со смешанными и скользящими шкалами. В речи начальника особенно доминируют постепенно-нисходящие шкалы, которые звучат более догматично. Это, в свою очередь, приводит к общему замедлению темпа.

Проведенное исследование позволило выявить существенные различия в речевой когнитивной картине носителей английского языка, связанные с социальным статусом говорящего. Эти различия четко прослеживаются в тонально-мелодических предпочтениях, уровне громкости речи и темповых вариациях.

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА

Е. В. Будник

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ В АНГЛИЙСКИХ ИДИОМАХ

Группа прилагательных цветообозначения традиционно вызывает особый интерес у лингвистов в силу специфики их семантических характеристик в различных языках мира. Данная разновидность прилагательных претендует на статус лингвистической универсалии, так как цветообозначения присутствуют в различном виде во всех языках мира. В языках, имеющих большое разнообразие обозначений цвета, наибольшей частотой употребления выделяются ядерные прилагательные цветообозначения. Каждое из них используется для описания различных свойств предметов (а не только цвета волос или масти животных) и не являются производными от названий других объектов.

Системы цветообозначения в языках различны: к примеру, английское *blue* соответствует в русском цветам 'синий' и 'голубой'. В обоих языках, как и в белорусском, немецком, французском и многих других, есть большое разнообразие цветообозначений. Однако не обо всех языках можно сказать то же самое: некоторые малые народы имеют названия только для «белого/светлого» и «черного/темного» цветов, у других к этим двум добавляется «красный». При этом вне зависимости от языка у всех людей одинаковый зрительный аппарат и свойства видимого излучения в природе постоянны.

Одним из языковых явлений, интересующих лингвистов, являются идиомы – обороты речи, значение которых не определяется отдельными значениями входящих в них слов. Изучение идиом показывает черты языка и культурные особенности его носителей, раскрывает ассоциации с предметами и явлениями, выявляет устаревшие реалии и феномены.

В нашем исследовании мы отобрали идиомы, содержащие базовые прилагательные цветообозначения *red, orange, yellow, green, blue, purple, pink, white, black, grey, brown* 'красный, оранжевый, желтый, зеленый, синий/голубой, фиолетовый, розовый, белый, черный, серый, коричневый' из онлайн-словаря The Free Dictionary. В выделенном корпусе практического материала были проанализированы признаки импликационала – вторичные компоненты значения этих слов. В процессе отбора и анализа материала мы обнаружили большое количество идиом, в которых выражается признак, не повторяющийся больше ни в одной идиоме с этим цветообозначением. В связи с этим было принято решение выделять и анализировать только те вторичные значения, которые повторяются три или более раз.

Например, у прилагательного *red* 'красный' обнаружилось три вторичных значения. В пяти идиомах выражалось значение «связанный с потерей денег»: *red ink* 'потеря денег', *in the red* 'иметь задолженность', *out of the red* 'выплатить задолженность', *be bleeding red ink* 'иметь большую задолжен-

ность'. Это значение объясняется тем, что во времена, когда бухгалтерский учет велся в рукописных журналах, расходы записывались красными чернилами. Пять идиом выражали вторичное значение «злость, гнев»: *a red flag to a bull* 'как красная тряпка для быка', *go red* 'рассердиться', *red in tooth and claw* 'сердитый', *red mist* 'злость, гнев', *see red* 'сердиться'. В трех идиомах цветообозначение выражало вторичный компонент «опасность»: *run a red light* 'сделать что-то опасное', *be on red alert* 'объявить чрезвычайное положение', *a red flag* 'знак опасности'. Возможно, это значение объясняется международным символом дорожного движения – красным сигналом светофора, а также цветом человеческой крови.

Разнообразны значения идиом с цветообозначением *blue* 'синий'. Чаще всего встречались идиомы, выражающие вторичное значение «относящийся к полиции», к примеру, *blue boys/girls, men/women in blue, blue suits* 'полицейские', *blue and white* 'относящийся к полиции'. Такую связь можно объяснить цветом униформы полицейских. В пяти идиомах выражалось значение «грустный, печальный», к примеру: *feel blue, have the blues* 'грустить', *a blue funk* 'грусть'. Значение «плохое самочувствие, интоксикация» выражалось в трех идиомах: *go blue* 'посинеть от холода', *do something until you are blue in the face* 'делать что-то до до плохого самочувствия', *blue around the gills* 'нездоровый, пьяный'.

У прилагательного *green* 'зеленый' было обнаружено три вторичных значения. Первое из них выражает «связь с деньгами» и обусловлено зеленым цветом банкнот доллара США: *green folding stuff, green paper, green stamps, greenback, greenlong* обозначают 'деньги', а *greenwash* – так называемое 'отмывание денег', легализацию нечестно заработанных средств. Пять идиом выражали значение «неопытность, незрелость»: *(as) green as grass, a little green, green as a gooseberry, greenhorn* 'незрелый, неопытный человек', *not as green as one is cabbage-looking* 'человек, обманчиво кажущийся неопытным' и еще три – «процветание»: *a hedge between keeps friendship green* 'дружбе необходимо расстояние', *flourish like a green bay tree* 'процветать', *green shoots* 'позитивные изменения'.

Значения *black* 'черный' и *white* 'белый' вполне ожидаемо контрастны: у *black* обнаружены восемь идиом с импликационалом «плохой, злой»: *black mark* 'черная метка', *black spot* 'пятно на репутации', *black sheep* 'паршивая овца', *be in (one's) black books* 'быть на плохом счету', *black hat* 'злодей', *black list* 'черный список', *black magic* 'черная магия', *the black ox has trod upon (one's) foot* 'черная кошка перешла дорогу'. Четыре идиомы выражали значение «печальный, мрачный»: *black day* 'черный день', *black look* 'мрачный вид', *paint (one) black* 'описать в мрачных красках', *black dog* 'печаль, депрессия'. С цветообозначением *white* 'белый' в целом было найдено меньше идиом: три из них выражали значения «хороший, положительный»: *white knight, white hat* 'положительный герой, спаситель', *white magic* 'белая магия', а еще три – «чистый, безвредный, безгрешный»: *white lie* 'белая ложь', *white marriage* 'неконсуммированный брак', *white sheep* 'послушная овца'. Интересна история появления идиом *black hat* 'злодей'

и *white hat* ‘положительный герой, спаситель’: в американских вестернах 1930-х годов принадлежность героя к положительным или отрицательным в черно-белых фильмах показывалась с помощью нехитрого символизма – цвета его шляпы.

По одному повторяющемуся вторичному элементу было найдено у *yellow* ‘желтый’ («трусливый, достойный презрения»), *grey* ‘серый’ («вызывающий старение»), *brown* ‘коричневый’ («грязный, загрязняющий»), *pink* ‘розовый’ («женский»). У *purple* ‘фиолетовый’ и *orange* ‘оранжевый’ не было обнаружено ни одного повторяющегося вторичного значения – это можно объяснить относительной редкостью этих цветов в природе.

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что у абсолютного большинства идиом с базовыми прилагательным цветообозначения присутствуют повторяющиеся вторичные значения. Это говорит о том, что существуют сильные ассоциации с базовыми цветами, находящие свое проявление в устойчивых выражениях с ними.

М. П. Булгакова

СТРУКТУРИРОВАНИЕ АДЪЕКТИВНЫХ ПОЛИСЕМАНТОВ В НЕМЕЦКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ

В основе объединения лексических единиц в лексико-семантические поля лежат общие компоненты значения. Говоря о прилагательных, в первую очередь необходимо обратить внимание на следующие элементы, составляющие семантику слова.

Компонент ‘норма’ для описания семантики параметрических прилагательных был предложен Э. Сепиром. Однако следует заметить, что данный компонент используется некоторыми авторами для описания семантики любых прилагательных. Бесконечное разнообразие признаков, характеризующих индивидуальные предметы, вынуждает наше сознание осуществлять обобщение и типизацию, что происходит в ходе мыслительного соотнесения признака с имеющимся в сознании «эталонном», «точкой отсчета», «нормой». У каждой разновидности признака (размерных, цветовых, вкусовых, запаховых и т.д.) и у каждого класса предметов имеется своя особенная норма.

Прилагательные размера или, иначе говоря, параметрические, в своем первичном значении дают предметам пространственные и количественные характеристики. В содержании параметрических прилагательных (ПП) «количественный» признак выступает в виде указания на относительное количество как на отклонение от некоторых средних размеров, характерных для объекта – эталона класса, который и формирует понятие нормы: ср. фр. *un long canal – un long nez* ‘длинный канал – длинный нос’; *une haute montagne – une haute chaise* ‘высокая гора – высокий стул’; нем. *ein großes Land – ein großes Stück* ‘большая страна – большой кусок’, *ein kleines Land – ein kleines Stück* ‘небольшая страна – небольшой кусок’.

Признается тот факт, что 'норма' – это весьма сложное понятие, которое взаимообусловлено другими компонентами значения. Соотнесение с нормой обозначается в исследованиях различным образом. Для параметрических прилагательных наиболее удачным представляется обозначение, предложенное М. Бирвишем (+Pol) / (–Pol) – полярность, так как оно наглядно отображает пространственную ориентацию параметра относительно точки отсчета, которая ассоциируется с нормой.

Компоненты (+Pol) / (–Pol) являются основанием для разбиения прилагательных на антонимы и играют большую роль в производстве и структурировании вторичных значений параметрических прилагательных. Компонент 'норма' разделяет лексико-семантическое поле прилагательных размера на две сферы, при этом семантические дериваты прилагательных сферы больших размеров ориентированы преимущественно на выражение положительных оценок, тогда как вторичные значения прилагательных сферы малых размеров выражают большей частью негативные характеристики: фр. *grande âme* 'большая душа', *le vaste et puissant génie* 'разносторонний и мощный талант', *grand travailleur* 'большой труженик', *écrivain profond* 'выдающийся писатель' (букв. 'глубокий'); нем. *eine große Sache* 'великое дело, великое достижение', *ein großer Politiker* 'крупный политический деятель', *eine kleine Seele* 'мелкая душонка', *ein kleiner Geist* 'ограниченный ум, умишко'.

Прилагательные, не имеющие в своей семантике компонентов (+Pol) / (–Pol), обнаруживают другие принципы организации лексико-семантических полей как в первичных значениях, так и во вторичной семантике. Прилагательные цветообозначений, например, не характеризуются антонимическими связями и организуются в полицентрическое поле, в отличие от параметрических прилагательных, группирующихся вокруг гиперонимов *большой* и *маленький*, которые формируют два ядра данного лексико-семантического поля. Это отличает организацию структур данных полей и обуславливает различные принципы регулярных семантических переносов, лежащих в основе образования вторичных значений прилагательных цвета и размера.

Тем не менее для прилагательных цветообозначений компонент 'норма' также имеет принципиальное значение. В этом классе прилагательных норма – это базовый образ, т.е. исходное значение слова, которое мы можем найти в словаре. Данный образ формируется в результате предметно-сенсорного мышления и, как правило, соотносится с определенным предметом действительности, носителем данного цвета: нем. *blau* 'голубой' – *von der Farbe des wolkenlosen Himmels* 'цвета безоблачного неба', *grün* 'зелёный' – *von der Farbe frischen Grases, Laubes* 'цвета свежей травы, листвы', *rot* 'красный' – *von der Farbe frisches Blutes* 'цвета свежей крови'. Когнитивная и эмоциональная значимость образа, лежащего в основе понятия *норма* для данного цвета, обуславливает развитие семантической структуры полисеманта. Так, из прилагательных цвета одной из наиболее многоэлементных семантических структур обладает прилагательное *красный*, ассоциирующееся со свежей кровью и образующее вторичные значения в самых разнообразных семантических сферах:

нем. *rote Literatur* ‘марксистская литература’, *rote Zaren* ‘советские министры’, *in den roten Zahlen sein* ‘терпеть, нести убытки’, *rot sehen* ‘потерять голову от ярости, выйти из себя’, *Roter Hund* ‘летняя милиария, потница’, *der rote Meister* ‘палач’;

фр. *compte en rouge* ‘пассивный счет’, *être au rouge, être dans le rouge* ‘быть в затруднительном или опасном положении’, *colère rouge* ‘гнев, ярость’, *boule rouge* ‘посредственная оценка на экзамене’, *avoir la crête rouge* ‘быть горячим, вспыльчивым’.

Ю. С. Войтович

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ЛЕКСИКИ, ВОСХОДЯЩЕЙ К ЛАТИНСКОМУ ПРИЛАГАТЕЛЬНОМУ *SOLIDUS*

Значительное количество латинских слов попало в английский язык в период XI–XIII веков. Но эти слова, в своем большинстве, уже подверглись в большей или меньшей степени фонетическим, грамматическим и семантическим изменениям в нормандском диалекте французского языка, который заимствовал эти слова из латинского.

Наибольшее количество слов, заимствованных английским языком из латинского языка, представляют так называемые книжные заимствования. Эти слова проникли в язык не в результате непосредственного, живого общения между народами, а посредством письменных документов и книг. Книжные заимствования качественно отличны от других видов заимствований. Прежде всего, они менее подвержены всякого рода изменениям, в особенности семантическим, ограничены сферой своего употребления и обычно носят отвлеченный, абстрактный или терминологический характер.

Перед нами стоит задача установить заимствованную лексику английского языка, этимологически связанную с латинским прилагательным *solidus*, и выяснить влияние латинского языка на английский. Для этого необходимо обратиться к этимологическим и толковым словарям английского языка.

Среди заимствованных слов английского языка, восходящих к латинскому прилагательному *solidus*, можно выделить *solidus, soldier, solid, solidarity, solidary, solidism, solidungulate, consolidation* и их производные.

Рассмотрим, какими дефинициями обладает слово *solidus* в английском языке. Толковый словарь английского языка выделяет следующие значения: первое значение связано с понятием денег ‘a gold coin introduced by Roman Emperor Constantine’, следующее значение касается делительной черты в полиграфии ‘short oblique stroke used in text to separate items of information, such as days, months, and years in dates (18/7/80), alternative words (*and/or*), numerator from denominator in fractions (55/103)’. В химии *solidus* обозначает ‘the maximum temperature at which all components of a mixture can be in a solid state. Above the solidus some or all of the mixture will be in a liquid state’.

Также в химии используется сочетание *solidus curve*, что обозначает ‘a curve in a graph of the temperature and composition of a mixture, below which the substance is entirely solid’. Проанализировав все вышеперечисленные определения, можно сделать вывод, что заимствованное слово *solidus* укоренилось и широко используется в научной сфере английского языка. Таким образом, мы видим, что слово полностью сохранило фонетическую структуру латинского языка и продолжает первичную семантику в значениях ‘монета’ и ‘косая черта’, так как последнее связано с понятием денег, все остальные значения являются вторичными.

Перейдем к слову *soldier*, которое этимологически связано с латинским прилагательным *solidus*. Толковый словарь дает следующее определение: ‘one serving in an army for pay’. В зоологии употребляется в значении ‘an individual in a colony of social insects, especially ants, that has powerful jaws adapted for defending the colony, crushing large food particles’.

Рассмотрим прилагательное *solid*. В английском языке слово имеет следующие дефиниции: 1) ‘firm and stable in shape; not liquid or fluid’, оно также употребляется в значении ‘strongly built or made of strong materials; not flimsy or slender’; 2) ‘having three dimensions’; 3) ‘not hollow or containing spaces or gaps’; 4) ‘dependable; reliable’. Также прилагательное *solid* используется для обозначения длительности времени ‘uninterrupted; continuous (time)’. Следует отметить, что слово обозначает как характеристики конкретных материальных предметов (*solid door, the stream was frozen solid, solid rock*), так и отвлеченных понятий, относящихся не к материальным предметам (*solid defence, solid support, solid evidence*). На основе этого можно сделать вывод, что слово унаследовало как первичную, так и вторичную семантику латинского прилагательного *solidus*.

Перейдем к существительному *solidarity*, которое имеет значение ‘union or fellowship arising from common responsibilities and interest, as between members of group’. Оно было заимствовано из французского (от слова *solidarité*) в XIX веке. Фонетическая структура сохранилась практически неизменной. Одновременно со словом *solidarity* в английский язык входит прилагательное *solidary*, что означает ‘characterized by or involving community of responsibilities or interests’. *Solidary* пришло из французского языка (во французский язык *solidaire* ‘солидарный, действующий заодно’ пришло из латыни). Данное слово продолжает вторичную латинскую семантику.

Среди заимствованной лексики английского языка, восходящей к латинскому прилагательному *solidus*, необходимо выделить слово *solidism*, используемое в медицине. Впервые *solidism* упоминается в английском языке в 1832 году. Это слово употребляется в значении ‘the doctrine or theory which refers all diseases to the state of, or to morbid changes in, the solid parts of the body’. Приобретает вторичное значение.

Solidungulate стало использоваться в английском языке в XIX веке. Образовалось слово при помощи сочетания латинского *solidus* в значении ‘сплошной, нераздвоенный’ и *ungula* ‘копыто’. Таким образом, дословно в пере-

воде с латыни *solid ungula* означает ‘нераздвоенное копыто’. Толковый словарь дает следующую дефиницию: ‘having a single, undivided hoof on each foot, as a horse’. То есть речь идет о непарнокопытных. Термин широко используется в зоологии. Продолжает первичную латинскую семантику, так как связан с понятиями ‘сплошной, твердый’.

Consolidation имеет следующие значения в английском словаре: ‘the act of consolidating or state of being consolidated’, ‘something that is consolidated or integrated’. В юриспруденции обозначает ‘the combining of two or more actions at law’, а также ‘the combination of a number of Acts of Parliament into one codifying statute’, в геологии – ‘the process, including compression and cementation, by which a loose deposit is transformed into a hard rock’, в психологии – ‘the process in the brain that makes the memory for an event enduring; the process is thought to continue for some time after the event’. Слово пришло из латыни в XV веке (*consolidationem*). В результате апокопирования приобрело современную фонетическую форму в английском языке. Сохраняет вторичные значения латинского *solidus*.

Анализируя вышеперечисленный материал, можно сделать выводы, что первичную латинскую семантику наследует слово *solidungulate*, связанное с понятием ‘цельный, твердый’. Слова *solidus* и *soldier* в английском языке приобретают также вторичные значения. Слово *solid* продолжает как первичную, так и вторичную семантику, а слова *solidarity*, *solidary*, *solidism* и *consolidation* сохраняют только вторичные значения. Следует заметить, что для большинства заимствованных слов английского языка, этимологически связанных с латинским прилагательным *solidus*, посредником при заимствовании из латыни стал французский язык. Все заимствования, связанные с *solidus*, закрепились и широко используются чаще в научной сфере, нежели в обиходной речи. Таким образом, латинский язык оказал сильное влияние на обогащение английского языка новыми словами.

Е. Ю. Зубовский

ПАРАМЕТРЫ СРАВНЕНИЯ В СЕМАНТИКЕ АНГЛИЙСКИХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ КОМПАРАТИВНОГО ТИПА

В основе деривации английских прилагательных компаративного типа лежит словообразовательное значение «подобие». Как утверждает З. А. Харитончик (З. А. Харитончик 1988, с. 71), данный тип прилагательных примечателен тем, что, наследуя качественные характеристики производящих баз, они приобретают тем самым возможность в свернутом виде именовать как один признак или свойство, так и целую совокупность свойств, по которым происходит сравнение. Однако возникает вопрос о том, как выявить параметр или параметры сравнения в семантике компаративного прилагательного.

Прежде чем пытаться ответить на поставленный вопрос, необходимо, в первую очередь, знать, какие параметры свойственны той или иной субстантивной производящей базе производного компаративного прилагательного, т.е. исходной точке, с которой проводится сравнение. Как правило, субстантивными производящими базами для компаративных прилагательных выступают классы субстантивных лексических единиц, характеризующиеся множеством как определенных, так и окказиональных свойств. На базе уже выполненных исследований (С. Е. Паромчик, А. А. Синичкина, З. А. Харитончик и др.) известно, что к таким классам относятся наименования животных, птиц, рыб, растений, предметов вещественного мира, явлений природы и т.п. Данные классы слов воспринимаются как носители множества ассоциаций, связанных с деятельностью, поведением, функциональностью, физическими характеристиками и т.п., обозначаемых ими объектов, тем самым образуя открытую систему с возможностью выбора параметров сравнения.

С целью установления параметров сравнения можно обратиться к лексикографическим источникам, однако компаративные прилагательные в современном английском языке, как правило, получают определения отсылочного характера: «characteristic of or suitable for...», «like a ...», «of...», «relating to...», «having qualities of ...», «resembling a ...». Несмотря на вариативность, данные толкования фиксируют только операцию сравнения. Трудность заключается в том, что выделение параметра сравнения в семантике компаративного прилагательного происходит тогда, когда говорящему и слушающему известен объект, т.е. то, с чем сравнивается, и субъект сравнения, т.е. то, что сравнивается (например, *catlike eyes* ‘кошачьи глаза’, *catlike reflexes* ‘кошачьи рефлексy’), и значение такого прилагательного можно уточнить, как подчеркивает Е. А. Земская, лишь в составе словосочетания, а иногда и более широкого контекста.

Задача нашего исследования – установить пути выявления параметров сравнения в семантике компаративных прилагательных. В качестве материала используются английские прилагательные с компаративным значением: *elephantine* ‘слоновй’, *wolfish* ‘волчий’, *bearlike* ‘медвежий’ и т.п. Источником примеров употребления послужил Британский национальный корпус.

Как было сказано выше, субстантивные производящие базы образуют открытую систему с возможностью выбора параметров сравнения. Следовательно, операция сравнения в семантике компаративного прилагательного может происходить по разным параметрам, тем самым образуя свободу выбора параметров сравнения. Например, в семантике компаративного прилагательного *elephantine* ‘слоновй’ актуализируется параметр сравнения с внешностью слона, а именно по параметру размера: Tickets were sold beside the staff restaurant for three cuddly tomatoes ranging in size from the *elephantine* to the furry handful. ‘Билеты можно было купить возле офицерской столовой за три аппетитных помидора, начиная от *слоновьих* размеров (огромных размеров) и заканчивая размерами, напоминающими шерстяную горстку’ (Sainsbury’s magazines). В следующем примере наблюдается актуализация параметра сравнения на основе еще одной перцептивной характеристики: шум, издаваемый топотом слона: Seconds

later, there was an *elephantine* thud from the bathroom as the man tried the door. ‘Спустя несколько секунд из ванной комнаты донесся *слоновий* грохот (очень громкий грохот), когда мужчина попробовал открыть дверь’ (Stone cold. Francome, John. London: Headline Book Pub. plc, 1990, p. 61–197). Параметры сравнения по внешнему образу и поведенческим характеристикам также можно наблюдать и у компаративного прилагательного *bearlike* ‘медвежий’: A knock at the door. A *bearlike* man comes in. ‘Стук в дверь. *Медвежьего* размера человек заходит’ (большого размера). (Lucker and Tiffany peel out. Mildmay, Eroica. London: Serpent’s Tail, 1993, pp. 57–181]; “Hi, Ma”, he said mechanically and then realized that his grandmother was also present. His face lit up. “Hi, Gran”, he said with more enthusiasm, went across to her and embraced her with a *bearlike* hug. ‘«Привет, мам», – сказал он машинально и затем понял, что и бабушка была здесь. Его лицо загорелось. «Привет, бабушка», – сказал он с большим восторгом, подошел к ней и стиснул ее в *медвежьем* объятии’ (в очень крепком объятии), (The latchkey kid. Forrester, Helen. London: Fontana Press, 1990);

В ходе исследования было установлено, что в контексте не всегда однозначно можно определить параметр сравнения в семантике компаративных прилагательных. Нельзя, на наш взгляд, утверждать со всей определенностью, какие параметры сравнения актуализируются, например, в словосочетании *wolfish eyes* (или цвет, или форма) в высказывании The boy was drying his wet, naked brown body in the sun. His hair was wet too, and he had long, golden, *wolfish eyes*. ‘Мальчик сушил на солнце свое мокрое, смуглое тело. Волосы тоже были мокрыми, и у него были выпуклые, золотистые, *волчьи* глаза’ (Tooth and claw: Oxford Bookworms edition. Border, Rosemary and Saki. Oxford: OUP, 1991, p. 1–54); или *wolfish lope* (или быстрый, или размашистый шаг) в следующем контексте: She walked round Gabriel with the same *wolfish lope*; then said, “Hide in the wagon until we’re out of town. You could get us all into trouble”. ‘Она ходила вокруг Габриэла все тем же *волчьим* шагом, затем сказала: «Спрячься в фургоне, пока мы не уедем из города. Ты можешь доставить нам неприятности»’ (A little lower than the angels. McCaughrean, Geraldine. Oxford: OUP, 1987, p. 13–133); или *wolfish face* (форма или выражение лица) в The man’s *wolfish face* broke into a grin, displaying a set of decay-blackened teeth. ‘Мужчина с *волчьим* лицом оскалился, показывая почерневшие от кариеса зубы’ (Crown in darkness. Doherty, P C. London: Headline Book Pub. plc, 1991, p. 27–151). В целом ряде словосочетаний понять, какой признак стоит за компаративными прилагательными, еще труднее.

Таким образом, семантика компаративных прилагательных характеризуется свободой выбора параметров сравнения, и контекст помогает их установить. Тем не менее, как было показано на вышеприведенных примерах, в семантике компаративных прилагательных сохраняется возможность неоднозначной интерпретации параметра сравнения даже в контексте. Поиск новых критериев определения признака, актуализируемого в контексте, – задача дальнейшего исследования.

С. А. Колесник

ИНТЕРФЕРЕНЦИИ ИСПАНСКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ НА ЛЕКСИЧЕСКОМ УРОВНЕ

Взаимодействие разных народов и культур неизменно приводит к их языковому контакту, при котором обязательно происходит взаимодействие и языков. При этом идет процесс обогащения словарного состава данных языков, как правило, за счет заимствования слов. Как показывает практика, заимствуется больше всего лексем из соседних языков, которые постоянно тесно контактируют друг с другом. Что касается испанского языка, то по количеству заимствований в нем первое место по праву принадлежит ближайшему соседу, французскому языку. Но другой его сосед, португальский язык, занимает всего лишь одну из последних позиций. Второе же место по данному показателю завоевал английский язык.

Английские заимствования, или англицизмы, начали регулярно появляться в испанском языке довольно поздно, в XIX веке, в эпоху промышленной революции и романтизма. Мариано Хосе де Ларра и Хосе де Эспронседа, испанские писатели той эпохи, впервые ввели в испанский язык некоторые английские термины. Это *revólver* ‘револьвер’, *club* ‘клуб’, *esplín* ‘тоска, хандра’. И только с середины XX века происходит настоящее вторжение англицизмов в испанский язык, особенно в таких областях, как экономика, техника и оборудование, досуг. В обиход испанцев прочно входит множество английских заимствований. Например, *trust* ‘трест’, *dumping* ‘демпинг’, *estándar* ‘стандарт, образец’, *stock* ‘запас, резерв’, *escáner* ‘сканер’, *router* ‘маршрутизатор’, *folk* ‘народный’, *golf* ‘гольф’, *bar* ‘бар’, *lunch* ‘закуска, легкий завтрак’, *bacon* ‘бекон’ и т.п.

В XXI веке англицизмы становятся все более и более заметными в испанском языке благодаря включению новых технологических, спортивных, социальных и образовательных терминов. Это *internet* ‘Интернет’, *pen drive* ‘USB флеш-накопитель’, *wifi* ‘беспроводная сеть’, *blog* ‘блог’, *fitness* ‘фитнес, физическая подготовка’, *piercing* ‘пирсинг’, *retweet* ‘цитирование сообщения одного пользователя Twitter другим’ и многие другие.

Из последних примеров видно, что благодаря господству Интернета и информационных технологий, которые стали незаменимым средством коммуникации в современном мире, процесс вхождения английских заимствований в испанский язык практически во всех сферах социальной жизни происходит очень быстро, не успевая претерпеть какие-либо изменения. Однако стоит отметить, что испанский язык Латинской Америки более восприимчив к заимствованиям из английского языка, чем его пиренейский вариант, во многом благодаря соседству с США. Так, например,

слово *компьютер* на испанский язык Пиренейского полуострова переводится как *ordenador*, а в испанском языке Латинской Америки в этом случае употребляется англицизм *computador(a)*. Точно так же, как и термин *компьютерная мышь* на испанском языке Пиренейского полуострова звучит *ratón*, а в испанском языке Латинской Америки используется англицизм *mouse*. И действительно, большинство испанцев ратует за чистоту своего родного языка, поэтому часто в испанском языке (пиренейском варианте) одновременно существуют и употребляются два термина – испанский и англицизм. Например, *on line* и *en línea* ‘в сети’, *sponsor* и *patrocinador* ‘покровитель, спонсор’, *manager* и *gerente* ‘управляющий’, *marketing* и *mercadotecnia* ‘маркетинг, изучение рынка’ и т.п.

Но иногда некоторые козыряющие своей эрудицией испанцы вместо существующих испанских лексем употребляют английские заимствования. Например, вместо *hacer negocios* ‘заниматься бизнесом’ используют выражение с англицизмом *hacer business*, который имеет такое же значение, вместо *tomar un café* ‘выпить чашку кофе’ – *tomar un coffe*, вместо *hacer un alto* ‘сделать перерыв, остановку’ – *hacer un break* и т.п.

Расширение и укрепление испано-английских контактов продолжается динамично и сегодня, что приводит к активному пополнению испанского языка заимствованиями из английского.

Т. В. Корбачёва

ВТОРИЧНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ НАИМЕНОВАНИЙ КОНСТИТУЕНТОВ ТЕМПОРАЛЬНЫХ ЦИКЛОВ

Любое динамичное явление проходит в своем развитии некоторые этапы; в самом обобщенном виде в процессе выделяются начало, середина и конец. Лексические циклы, репрезентирующие в языке, последовательно сменяющие друг друга временные отрезки, активно используются для обозначения этапов динамичных процессов и в русском, и в испанском языках. В ходе исследования установлено, что в подобных переносах имен задействованы такие темпоральные циклы: суточный, сезонный, 12-месячный годовой, суточный цикл положений солнца и освещенности небосклона (*рассвет, заря, восход, полдень* и т.д.), годовой цикл астрономических явлений (*весеннее равноденствие, летнее солнцестояние* и т.д.), в испанском языке к этому перечню добавляется лунный цикл (*новолуние, растущая луна* и т.д.).

В ходе анализа выявлены два типа переносов наименований конституентов темпоральных циклов на этапы динамичных процессов с разным количественным составом этапов и разной денотативной отнесенностью.

Во-первых, наименования конstituентов темпоральных циклов употребляются для обозначения начала, середины или окончания разнообразных динамических явлений, при этом спектр таких явлений достаточно широк, например, *на самом восходе всесоюзно-мещанского класса; на рассвете века; рассвет сознания; на заре битломании; на закате христианства; la aurora de su felicidad* (букв.) ‘заря его счастья’; *la aurora de una sonrisa* (букв.) ‘заря улыбки’; *el crepúsculo del verano* (букв.) ‘сумерки лета’; *el orto de la Edad Contemporánea* (букв.) ‘восход современной эпохи’; *el alba de la lotería* (букв.) ‘рассвет лотереи’; *el primer albor de las naciones* (букв.) ‘самый рассвет наций’; *al ocaso de su gloria* (букв.) ‘на заходе его славы’; *al ocaso de su hermosura* (букв.) ‘на заходе ее красоты’ и т.п. Временные номинации, задействованные в переносах на этапы динамических явлений, представлены в табл. 1.

Таблица 1

Временные номинации, задействованные в переносах
на этапы динамических явлений

Тип цикла	Этапы динамических процессов		
	Начало	Середина	Окончание
Суточн. положений солнца и освещенности небосклона	<i>amanecer, albores, alborada, aurora, alboreo, orto, crepúsculo</i>	<i>mediodía</i>	<i>ocaso crepúsculo</i>
	<i>рассвет, заря, восход</i>	<i>полдень</i>	<i>закат</i>
Суточный	—	—	—
	<i>утро</i>	—	<i>вечер</i>
Сезонный	<i>primavera</i>	—	—
	—	—	—
Лунный	<i>cuarto creciente</i>	<i>plenilunio</i>	<i>cuarto menguante</i>
Годовой астрономических явлений	—	<i>equinoccio</i>	—
	—	<i>летнее солнцестояние</i>	—

Во-вторых, наименования конstituентов темпоральных циклов репрезентируют этапы жизненного цикла человека: рождение, юность, середина (расцвет) жизненного пути, старость, смерть. Следует также отметить, что в русском и испанском языках конstituенты суточного цикла *день* и его испанский эквивалент *día* (обычно в форме множественного числа) не участвуют в репрезентации какого-либо отдельного этапа жизни, а представляют в переносном значении весь жизненный период, т.е. употребляются в значении ‘жизнь’. Временные номинации, задействованные в переносах на этапы жизненного цикла человека, представлены в табл. 2.

Временные номинации, задействованные в переносах
на этапы жизненного цикла человека

Тип цикла	Этапы жизненного цикла человека				
	Рождение	Молодость	Расцвет жизни	Старость	Смерть
Суточный	–	<i>mañana</i>		<i>tarde</i>	<i>noche</i>
	–	<i>утро</i>		<i>вечер</i>	<i>ночь</i>
Сезонный	–	<i>primavera</i>	<i>verano</i>	<i>otoño, invierno</i>	–
	–	<i>весна</i>	<i>лето</i>	<i>осень, зима</i>	–
12-месячный годовой	–	<i>abril</i>	–	–	–
	–	<i>апрель</i>	–	–	–
Суточн. положений солнца и освещенности небосклона	<i>amanecer</i>	<i>alba</i>	<i>mediodía</i>	<i>ocaso</i> <i>anohecer</i> <i>atardecer</i> <i>crepúsculo</i>	<i>ocaso</i>
	<i>восход</i>	<i>рассвет</i> <i>заря</i> <i>восход</i>	<i>полдень</i>	<i>заход</i> <i>закат</i>	<i>заход</i>

Анализируя данные приведенных выше таблиц можно сделать следующие выводы.

1. Не все члены цикла могут быть задействованы в означивании этапов динамичных процессов и этапов жизни человека. Например, в такого рода переносах не участвует конститuent суточного цикла положений солнца и освещенности небосклона *полночь* и его испанский коррелят *medianoche*; из всех конституентов 12-месячного годового цикла только компонент *апрель* и его испанский коррелят *abril* востребованы в переносах; в годовом цикле астрономических явлений в переносах задействована только одна номинация: рус. *летнее солнцестояние* и исп. *equinoccio* ‘равноденствие’; в испанском языке в переносах на этапы динамичных явлений не участвуют конститuent *madrugada* ‘предутреннее время’ в суточном цикле и конститuent *novilunio* ‘полнолуние’ в лунном цикле.

2. Не все номинации, участвующие в переносах на этапы динамичных явлений, также задействованы в переносах на этапы жизненного цикла человека, и наоборот. Так, во вторичном означивании этапов жизни человека участвуют все конститuentы сезонного цикла и в русском, и в испанском языках. Однако в репрезентации этапов других динамичных процессов в испанском языке участвует только один конститuent сезонного цикла *primavera* ‘весна’, в то же время в русском языке конститuentы сезонного цикла в такого рода переносах не задействованы. Конститuentы годового цикла астрономических явлений и лунного цикла в испанском языке

участвуют только в переносах на этапы динамичных явлений. Обращает на себя количественная разница в переносах наименований конstituентов суточного цикла положений солнца и освещенности небосклона на этапы динамичных явлений и этапы жизни человека. Так, из семи номинаций, используемых для репрезентации начального этапа динамичных явлений, только одна номинация *alba* 'рассвет' используется для репрезентации этапа жизни человека. Обратная картина наблюдается при переносах временных номинаций этого цикла на конечный этап динамичных процессов и жизни человека: лишь две номинации участвуют в переносах на конечный этап динамичных явлений, в то время как этап жизни человека (старость) может быть репрезентирован четырьмя временными номинациями этого цикла.

3. Очевидны значительные межъязыковые сходства способов репрезентации этапов динамичных процессов и этапов жизни человека посредством наименований конstituентов темпоральных циклов. Это позволяет сделать вывод о том, что в русском и испанском языках структуры знания, опыта и ассоциаций, которые стоят за наименованиями конstituентов темпоральных циклов, имеют значительные сходства, и при означивании этапов динамичных явлений носители русского и испанского языка выбирают в качестве когнитивной опоры для метафорического переноса одни и те же элементы когнитивной структуры.

4. Имеют место некоторые расхождения в выборе номинаций для репрезентации того или иного фрагмента динамичного явления или этапа жизни человека в русском и испанском языках. В основе таких расхождений лежат либо различия в когнитивных структурах, представляемых в языке временными номинациями, либо в выборе когнитивной опоры, на которой строится вторичное значение лексической единицы.

Ю. А. Король

**О МНОГОЗНАЧНОСТИ ОТСУБСТАНТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ,
ОБРАЗОВАННЫХ ПО КОНВЕРСИИ
(на материале английского языка)**

Исследователи не раз отмечали, что многозначное производное слово обладает особой семантической структурой, отличающей его от слова непродуванного. Отличительной особенностью производных слов является опосредованный характер их деривационно-мотивированных значений, т.е. значений, связанных друг с другом не непосредственно, а через одно или несколько значений производящего слова (см. подробнее Костенко 1955; Соболева 1959; Харитончик 1971; Янценецкая 1979 и др.).

На материале суффиксальных производных слов (Тихонов 1961, Харитончик 1971, 1986 и др.) также установлено, что в семантике производных единиц реализуется лишь часть значений полисемантических производящих

основ, что делает семантическую структуру производных, как правило, менее разветвленной. Вместе с тем деривационно-мотивированные значения производных слов могут явиться базой для появления новых, уже непосредственно связанных значений внутри семантической структуры соответствующих слов.

Данное исследование ставит *целью* проверить, насколько названные особенности семантики многозначных производных слов свойственны отсубстантивным глаголам, образованным по конверсии в современном английском языке.

Материалом послужили 190 отсубстантивных глаголов, отобранных методом сплошной выборки из словаря «Collins English Dictionary Complete & Unabridged». Как показало исследование, конверсия как специфичный способ словообразования в английском языке характеризуется теми же тенденциями в формировании семантики образованных по ней слов, что и суффиксация: во-первых, меньшим количеством значений у производных единиц (в семантике абсолютного большинства производных глаголов реализуется чуть более 40 % семантического потенциала производящих основ), во-вторых, формированием преимущественно однозначных дериватов (из анализируемых глаголов 103, или 55 %, оказались однозначными: *castle, chapter, cellar, craft* и т.д.), в то время как многозначные производные глаголы (*chant, clown, curtain, censor* и т.д., имеющие от 2 до 9 значений) составили 45 % от общего числа.

Анализ семантической структуры многозначных глаголов, образованных по конверсии, и их соотносительности с производящими именами (как однозначными, так и многозначными), позволил выделить три группы глаголов.

1. Глаголы, в семантической структуре которых все значения мотивированы соответствующими значениями производящих баз. Например, *cord (v)* ‘1) to bind or furnish with a cord or cords; 2) to stack (wood) in cords’ мотивированы двумя из 7 значений (ЛСВ 1 и 7) исходной единицы *cord (n)* ‘**1) string or thin rope made of several twisted strands; <...> 7) a unit of volume for measuring cut wood, equal to 128 cubic feet**’. Глаголы данного типа составляют 55 % от общего количества единиц.

2. Глаголы, в семантике которых наряду с деривационно-мотивированными значениями содержатся также деривационно не мотивированные значения, которые являются результатом переноса наименований одних признаков или характеристик на другие, нуждающиеся в обозначении признаки.

Целый ряд выделенных значений связан с использованием наименований активных действий для обозначения внешне схожих действий и способов их осуществления: *chug (n)* ‘1) a short dull sound, esp one that is rapidly repeated, such as that made by an engine’ → *chug (v)* ‘1) (of an engine, etc) to operate while making such sounds; 2) *slang* to drink (a liquid) quickly or greedily’. ЛСВ 2 глагола основано на образном сравнении прерывистых, приглушенных звуков мотора и звуков, издаваемых человеком, который залпом (жадно) пьет. Одно из значений глагола *cradle* ‘6) *lacrosse* to keep (the ball)

in the net of the stick, esp while running with it' – 'удерживать мяч в сетке клюшки, особенно при беге' связано с прямым значением '1) to rock or place in a cradle' – 'убаюкивать, или класть в колыбель' на основании сближения этих действий по их внешнему сходству.

Толчком для развития семантической структуры глаголов, образованных по конверсии, может стать также переосмысление активного действия и его объекта: например, в первом значении глагола *crater* '1) to make or form craters in (a surface, such as the ground)' – 'формировать кратеры (на поверхности вроде земли)' содержится признак 'падение, разрушение поверхности', который становится основанием для использования этого глагола для обозначения действия разрушения: '2) *slang* to fail; collapse; crash'.

Доля глаголов данного типа составила 14 % от общего числа производных единиц.

3. Глаголы, в семантической структуре которых присутствуют значения, представляющие собой результат совместного действия операций словообразовательной и семантической деривации. Такие значения мотивированы соответствующими значениями производящих баз, но при этом имеет место акт семантического развития, основанного на метафоре.

Например, в паре *crane* (*n*) '1) **any large long-necked long-legged wading bird** of the family Gruidae, inhabiting marshes and plains in most parts of the world; 2) **any similar bird**, such as a heron; 3) **a device for lifting and moving heavy objects**, typically consisting of a moving boom, beam, or gantry from which lifting gear is suspended; 4) *cinema* a large trolley carrying a boom, on the end of which is mounted a camera' → *crane* (*v*) '1) to lift or move (an object) by or **as if** by a crane; 2) to stretch out (esp the neck), as to see over other people's heads; 3) (*of a horse*) to pull up short before a jump' в ЛСВ 1 глагола *crane*, мотивированного значением 'кран' (ЛСВ 3), усложняется тип соотносительности с производящей основой посредством модификатора 'as if'. Основанием для метафорического переноса наименования глагола во втором значении становятся внешние характеристики журавля или цапли, а именно 'длинная шея птицы – вытянутая шея человека', а в третьем значении значима поведенческая характеристика журавлей, которые известны своей осторожностью и пугливостью: 'осторожность журавля' – 'осторожность/нерешительность лошади перед прыжком'. Семантический сдвиг в производном слове может быть вызван оценочными представлениями говорящего о денотате: *clown* (*n*) '1) a comic entertainer, usually grotesquely costumed and made up, appearing in the circus; 2) any performer who elicits an amused response; 3) someone who plays jokes or tricks; 4) a person who acts **in a comic or buffoon-like manner**; 5) a coarse clumsy rude person; boor' → *clown* (*v*) '1) to perform as a clown; 2) to play jokes or tricks; 3) **to act foolishly**'. Глагольное значение 'вести себя глупо' (ЛСВ 3) мотивировано ЛСВ 4 производящего имени и основано на пейоративной оценке комичного поведения.

Глаголы третьего типа составляют 31 % от общего массива производных слов.

4. Согласно результатам проведенного исследования формирование многозначности отсубстантивных глаголов является результатом действия процессов словообразовательной и семантической деривации, которые характеризуются разной степенью представленности в семантической структуре производных слов. Наиболее распространенным типом глагольных значений являются деривационно-мотивированные значения, которые могут осложняться одновременным действием процесса семантической деривации, основанной на метафоре. Наименее представлены глаголы, в семантике которых присутствуют два типа значений: деривационно-мотивированные значения и значения, мотивированные внутри семантической структуры глаголов.

Таким образом, проведенное исследование демонстрирует, что отмеченные особенности семантики суффиксальных производных слов свойственны отсубстантивным образованиям по конверсии, что позволяет поставить вопрос об универсальности данных тенденций для словообразования в целом. Проведение исследований на большем материале и в сравнении с другими словообразовательными способами уточнит сделанные выводы об источниках многозначности производных слов и типах соотносительности производных и производящих единиц.

Н. В. Кузьменко

СОБСТВЕННО МЕРОНИМЫ В СВЕТЕ ТЕОРИИ ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ

Собственно меронимами (собственно партитивами) называются в лингвистике меронимические имена существительные, в чьих дефинициях в качестве холонима (обозначения делимого целого) содержится конкретизатор ‘something/some/any...’, указывающий на безграничный круг членимых денотатов, в силу чего собственно меронимы обладают широким значением и сочетаемостной потенцией, способны выражать многообразные смыслы, обозначая при этом общий признак «часть», присущий большому числу предметов. Данная подсистема лексики в современном английском языке весьма неоднородна и включает в себя как общие наименования какой-либо части (*part* ‘часть’, *portion* ‘порция, часть’, *piece* ‘кусочек, часть’, *element* ‘элемент, компонент’ и т.д.), так и наименования ингерентных (intrinsic) частей предметов окружающей действительности (*top/head 9/crown 7* ‘верхняя часть чего-л.’ – *bottom 1, 2/base 1/foot 4* ‘нижняя часть чего-л.’, *front 1* ‘передняя часть’ – *back 3/rear 1/behind* ‘задняя часть’ и т.д.), единицы измерения жидкостей, вязких субстанций, твердых тел, сыпучих веществ (*drop* ‘капля’, *ball* ‘шарик краски и др. вязкой субстанции’, *lump* ‘кусок’, *wedge* ‘клин чего-л.’, *grain* ‘гранула, песчинка’, *pinch* ‘щепотка’ и т.д.) – 302 ЛЕ. Ср., например: *particle 1*. ‘a very small piece of something’ ‘очень маленькая частица чего-л.’, *daub* ‘a small amount of a **substance such as paint** that has been spread carelessly’ ‘небольшое количество небрежно нанесенного на поверхность **вещества, например, краски**’.

Мы полагаем, что собственно меронимы образуют неоднородную подсистему и обладают рядом особенностей (размытое значение, синсемантичесность) по причине их грамматикализованности. Проверке данной гипотезы посвящено наше сообщение.

Грамматикализацией в лингвистике именуется процесс утраты словом лексической самостоятельности, обобщение, отвлечение от конкретного лексического содержания (Т. М. Майсак), в результате чего полнозначное слово переходит в разряд служебных. В процессе грамматикализации лексические единицы проходят следующие этапы: десемантизация (*desemantization*, *bleaching* ‘выветривание’), или утрата лексического значения; расширение сочетаемости (*context generalization*) и декатегоризация (*deategorization*), или потеря морфосинтаксических свойств, характерных для лексических единиц или менее грамматикализованных форм.

Согласно результатам нашего исследования, грамматикализация имеет градуальный характер, и собственно меронимам разных лексико-семантических групп присуща разная степень грамматикализации. Так, самые частотные меронимы, выступающие в дефинициях идентификаторами части, *part* и *piece*, а также *portion*, *lump*, *fragment*, *drop*, *bit*, *share* и т.п. подвержены процессам генерализации значения и десемантизации. Они оказываются задействованными и в механизме расширения сочетаемости. Данные ЛЕ развивают до 13 значений в структуре слова. При этом семантическая структура большинства ЛСВ обладает простым (обедненным) семным составом, что обуславливает их широкую сочетаемость. Как иллюстрируют примеры в словаре, исследуемые меронимы обозначают как часть чего-либо, так и выступают квантитативом при обозначении членимого множества: *Add three parts wine to one part water* ‘Соедините вино и воду в пропорции три к одному’ (*part* 12). Синтаксические конструкции с исследуемыми меронимами весьма своеобразны. Выступая формально главным словом (опорным компонентом) в словосочетании, синсемантические меронимы утрачивают свойства синтаксической полноценности. Специфика подобной конструкции заключается в смещении смыслового центра на зависимое существительное, которое в содержательном плане является необходимым компонентом. Иначе говоря, для существительных-наименований целого характерна автономность и независимость, в то время как для наименований части присуще свойство смысловой зависимости. Более того, в семантической структуре исследуемых наименований отсутствует указание не только на целое, но и на особенности самой отделяемой части: это нечто без определенной формы, некоторое количество этого «нечто». Ср., например: *bit* 4. ‘a part of something larger’ ‘часть от чего-то большего’.

Таким образом, исходя из полученных результатов, можно утверждать, что в наибольшей степени грамматикализованными выступают меронимы *piece* и *part*, затем следуют ЛЕ *portion*, *lump*, *fragment*, *drop*, *bit*, *share*, *layer*, *area*, *particle*, *element*, *item*, *strip*, *section*, *period*, *amount*. Именно данные единицы являются идентификаторами в дефинициях к меронимам и составляют ядро категории меронимии в современном английском языке.

Данное утверждение не в полной мере справедливо, однако, для остальных меронимов подсистемы, таких как *pillar, segment, sector, section, bulk, aspect, strand 2, constituent, rest, half, facet, dose* и т.п. Выступая многозначными существительными, в значении которых зачастую отсутствует указание на конкретное целое, данные ЛЕ отличаются от вышеописанных собственно меронимов гораздо более богатым семным составом, в структуре которых имеется указание на форму, размер выделяемой части, а также очерчивается круг возможных целых. Ср., например: *pillar* 3. ‘a mass of something that is shaped like a **pillar**’ ‘большая часть чего-л. в **форме столба**’: *A pillar of smoke/rock* ‘**столб дыма, горной породы**’; 6. ‘basic part or feature of a system, organization, belief, etc.’ ‘основная часть или характеристика **системы, организации, убеждения** и т.п.’: *The central pillar of this theory* ‘основная часть теории’. Любопытно, что данные меронимы членят в большинстве случаев сущности по принципу «важная, основная часть – неосновная, любая другая часть». Из выявленных фактов следует, что данные меронимы не утратили полностью своего лексического значения, т.е. до конца не десемантизировались и находятся на определенном этапе процесса превращения в грамматический показатель.

Не до конца грамматикализованными являются также меронимы-номинации ингерентных частей предметов окружающей действительности (*top/head* 9 ‘верхняя часть чего-л.’ *bottom 1, 2/base 1* ‘нижняя часть чего-л.’, *front* ‘передняя часть’, *back* 3 ‘задняя часть’ и т.д.): они синсемантичны, однако уже не так широкозначны, поскольку в своей семантике очерчивают гораздо меньший круг денотатов – объектов, обладающих материальной оболочкой и формой, либо пространственные области. Необходимо отметить, что большинство данных номинаций являются семантическими производными от наименований частей тела человека. Наименования частей тела человека в своих производных значениях «выветривают» целый ряд сем и обозначают пространственную область, теряя некоторые свои субстантивные характеристики и превращаясь из имени существительного в наречие места. Вместе с тем данные меронимы не могут употребляться самостоятельно без лексемы-конкретизатора, уточняющей целое: *We climbed to the very top of the hill* ‘Мы взобрались на самую **вершину холма**’ *Snow was falling on the mountain tops* ‘Снег ложился на **вершины гор**’. Иными словами, подгруппа собственно меронимов обозначений ингерентных частей объектов, пройдя три стадии грамматикализации, приобрела более абстрактное значение – «некоторая пространственная область», не «выветрив», однако, из своей семантической структуры ключевых сем (‘верхняя часть’, ‘нижняя часть’, ‘боковая сторона’, ‘центральная часть’, ‘лицевая сторона’). Следовательно, можно утверждать, что данная подгруппа меронимов частично грамматикализована и занимает на шкале промежуточное положение.

Таким образом, в современном английском языке выделяется подсистема собственно меронимов, единиц с наиболее широким сочетаемостным потенциалом и широкой семантикой, которые находятся на разных стадиях грамматикализации, что обуславливает их такие специфические свойства, как синсемантичность и обобщенное значение. Собственно меронимы реализуют в языке значение части, отражая и обобщая многообразные реальные зависимости вещей.

Н. А. Курило

**ЗАИМСТВОВАНИЕ И ЕГО РОЛЬ
В СОЗДАНИИ НАИМЕНОВАНИЙ БРЕНДОВ
(на материале английского языка)**

Предпринятое исследование посвящено выявлению степени продуктивности заимствования при создании наименований брендов в английском языке.

В современном мире около 10 % рынка приходится на долю новых продуктов и услуг, которые, несомненно, нуждаются в наименовании. Источником наименования бренда могут стать как средства родного языка, так и заимствованные лексические единицы. Широко известно, что доля заимствований в английском языке достаточно высока (по имеющимся данным лексические единицы, заимствованные из приблизительно 50 языков, составляют около 70 % словарного состава современного английского языка, включая различные пласты лексики, появившиеся в английском языке в различные исторические эпохи и под влиянием различных факторов). Однако, несмотря на это, заимствование в современном английском языке весьма непродуктивно и в количественном отношении значительно уступает другим процессам номинации, например, морфологической деривации и семантической деривации. Так, согласно данным, полученным в результате анализа одного из приложений новых слов к словарю *Webster*, на долю заимствований приходится лишь 7,5 % новообразований. Сколько же процентов приходится на долю названий брендов, являющихся результатом процесса заимствования?

Для ответа на этот вопрос мы проанализировали происхождение более ста наименований наиболее известных и популярных американских брендов и можем с полной уверенностью сказать, что случаи использования заимствованных лексических единиц в качестве названий брендов носят в американском национальном варианте английского языка единичный характер и в основном ограничиваются заимствованиями из латинского и греческого языков, например: *NVIDIA Corporation* или *Nike*.

NVIDIA Corporation – американская технологическая компания, разработчик графических процессоров и систем на чипе, основанная в 1993 году. Название компании придумано накануне ее регистрации и представляет собой производное от латинского слова *invidia* ‘зависть’, содержащего сочетание букв *nv* – сокращение словосочетания *next version* ‘следующая версия’, которым создатели бренда обозначали всю документацию по новому проекту.

Nike – американская компания, основанная в 1964 году и специализирующаяся на спортивной одежде и обуви. *Nike* ‘Ника’ (*Нике*, от греч. *Νίκη*) – богиня победы в древнегреческой мифологии.

Причина столь низкой степени продуктивности заимствования кроется, на наш взгляд, в самой сути названия бренда – оно призвано создать у потребителя первое впечатление о бренде. Название может увеличить потенциал бренда или ограничить его. Несомненно, отклик у целевого потребителя

вызовет «правильное» название бренда, а именно, название, отвечающее основным принципам нейминга: легкость произношения, простота написания, быстрота запоминания и свобода прочтения, например: *ABC (American Broadcasting Company)*, *Apple*, *CNN (Cable News Network)*, *DEEP*, *GAP*, *HP (Hewlett-Packard)*, *Mars*, *REASON* и т.п. Отвечают ли этим требованиям заимствованные лексические единицы?

Очевидно, что заимствования могут привлечь внимание и оказать определенный прагматический эффект на потребителя в силу свежести и неожиданности своей формы (как графической, так и звуковой). Но не будет ли этот эффект отрицательным и не вызовет ли он недоумение, непонимание и, как следствие, полное неприятие бренда? Вполне закономерно, что создатели брендов не желают рисковать и широко используют средства родного языка для образования названий различных компаний, корпораций, организаций, учреждений и т.п.

Ф. Т. Михасенко

ПУТИ СОЗДАНИЯ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В СОВРЕМЕННОМ ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

Требования коммуникации, связанной со специфическими сферами социальной и профессиональной жизни общества, лежат в основе образования терминологии, т.е. совокупности терминов специальной области знания, отражающей понятия этой области. Другими словами, это – лексический состав языка науки и техники. Кроме того, сообщество специалистов в определенной области знаний нуждается в терминологии принятой на международном уровне и с минимальными отличиями, вызываемыми адаптацией терминов к каждому из языков (см. рус. *электрон*, итал. *elettrone*, англ. *electron*, нем. *Elektron*). Поэтому научная лексика характеризуется высоким уровнем интернационализации. Вклад научно-технической лексики в образование итальянской лексики был и остается очень значительным.

Сегодня в Италии первичные результаты научных исследований распространяются, главным образом, через научные журналы, которые расходятся по всему миру. Публикуемые в них статьи написаны на английском языке, который фактически превратился в главный язык научного общения. Среда, в которой научное содержание передается на итальянском языке, сводится к вторичным текстам, связанным с взаимодействием специалиста с человеком недостаточно компетентным в данной области (например, врач – пациент), с популяризацией научной деятельности в средствах массовой информации, в преподавании. В этом случае научный язык, который обязан передавать информацию в четкой, логически организованной форме со строгим отбором языковых средств, теряет присущие ему свойства, приближаясь к литературному языку. Этот стиль можно назвать научно-популярным

стилем, задача которого – ознакомить неспециалиста в доступной и понятной форме с научными знаниями. В этом случае общелитературный язык и терминологические системы взаимодействуют и обмениваются ресурсами, в результате чего происходит непрерывный процесс детерминологизации специальной лексики и использования литературного языка для формирования терминов. Эта тенденция характерна для любого современного языка и связана с быстрой популяризацией научно-технических новостей в обществе со стороны средств массовой информации: газеты, журнал, телевидение (через рекламу, которая широко пользуется специализированной лексикой для создания впечатления точности, авторитетности в описании товаров), с актуальностью каких-либо явлений и особым интересом, который общество проявляет к ним. Терминологическая лексика является сегодня главным источником инноваций в итальянском языке, по крайней мере на уровне лексики. Новые общеупотребительные лексические единицы приходят из медицины и химии (*ormone, vitamina, anabolizzante, genetica, residuo fisso*), из экономики (*analista, bilancio, deficit*), из информатики (*banca dati, interattivo, virtuale, connettersi*), из психологии (*fobia, ossessione, psicosi*). Все более заметным становится расслоение терминологической лексики с точки зрения сферы функционирования лексики: нейтральный термин, его разговорный вариант и ярко окрашенный жаргонизм. Считается, что именно термин-метафора будет набирать силу в ближайшее время. К такому выбору слова толкает стремление приблизить науку к жизни, придать ей более «гуманный облик», объяснить сложное и неизвестное через нечто знакомое и понятное.

Как специальные отраслевые языки, так и итальянский язык научно-популярной литературы, с трудом противостоят постоянному притоку англицизмов. Чаще всего они проникают в оригинальной форме, без изменений: *hardware, software, backup, default* и т.п. Иногда наблюдаются случаи фонетической адаптации (как в *compatibile, interattivo*).

Более часто наблюдается морфологическая деривация (*formattare, scannerizzazione, computerizzato*), свидетельствующая об ассимиляции этих англоязычных заимствований в лексической системе итальянского языка. В некоторых случаях общеупотребительное слово приобретает особое техническое значение под влиянием английских слов с той же формальной основой и схожим произношением и написанием (*installazione, linguaggio, procedura, supporto*). Из английского языка информатики пришла в итальянский язык тенденция к использованию многочисленных сокращений, расшифровка которых, впрочем, даже для многих хорошо информированных итальянских пользователей Интернета остается загадкой: *BIOS, MIDI*.

В последние годы, на волне все большего распространения знаний о процессах, происходящих в области информатики, и появления в этой сфере различных версий переводов с английского языка наиболее популярных компьютерных программ, отмечается увеличение замены неадаптированных англицизмов соответствующими итальянскими словами, которые

в ряде случаев оказываются более удобными в общении. Это можно объяснить стремительным превращением компьютеризации в массовое явление, как в Италии, так и во многих других странах, что, естественно, вызывает отторжение чрезмерного, а порой неуместного употребления английской терминологии. Итальянцы предпочитают использовать слово *carattere* вместо *font*; *invio*, а не *enter*; *disk* и *disco rigido*, *scheda madre* и *motherboard*.

Следует отметить, что подтверждением глубокого укоренения англицизмов технического происхождения в общеупотребительном языке является их использование в переносном смысле: *interfacciare* (*mettere a contatto, fare da intermediario* ‘связать с, выступить посредником’), *feedback* (*risposta, reazione* ‘ответ, реакция’), *file* (*argomento* ‘тема разговора’ во фразах типа *ora basta, cambia file!* – ‘а сейчас хватит, меняй тему разговора!’), *budget* (*risorsa* – ‘ресурсы, запас’).

Сегодня в итальянском языке существуют, главным образом, три пути создания терминологической лексики:

- 1) воспользоваться заимствованием из другого языка;
- 2) обратиться к возможностям (ресурсам) лексической морфологии.

Тенденция к моносемии, которая вообще свойственна научно-технической лексике, просматривается и при словообразовании (образовании новых слов). Часто науки прибегают к суффиксам с легко извлекаемым однозначным смыслом. Например, в языке физики суффикс *-one* используется для обозначения элементарных частиц: *neutrone, elettrone, fotone, protone*. Совсем недавно появились *bosone, fermione*, образованные от фамилий физиков – *Bose, Fermi*. Аналогично прозрачными являются термины, созданные благодаря уже привычному классическому словосложению: по модели, используемой для создания названий научных дисциплин или направлений, в последние годы появились *astropsicologia, nanotecnologia, archeozoologia*.

3) третий путь – переосмыслить значения уже существующего слова или словосочетания. Этот процесс получил название пересемантизации и может пойти разными путями: а) от общеупотребительного языка к специальному языку: *forza, campo, momento, massa* в физике; *altezza, profondità* в геометрии; б) от одного специального языка к другому. Например, *rivoluzione* и *orbita* изначально являются астрономическими терминами. Первый из них перешел в язык политики, второй прошел два пути: в язык медицины (так называемая глазная орбита) и в язык физики (траектория движения электронов вокруг ядра атома). Могут отмечаться также случаи перехода слова из специального языка в повседневный язык: примером тому может служить в молодежном языке использование выражения *non ti fare troppe paranoie* ‘не создавать себе ненужных проблем’. *Paranoia* – это термин в психиатрии и указывает на психическое заболевание. Некоторые науки, физика, например, предрасположены к переосмыслению уже существующих слов, другие (например, химия) из-за огромной нужды в лексических единицах и в системной организации многих наименований предпочитают новые словообразования.

СТРУКТУРА ГИПЕРО-ГИПОНИМИЧЕСКОЙ ИЕРАРХИИ «ПТИЦЫ»
(на материале английского языка)

Гиперо-гипонимия лежит в основе организации лексикона языка (Никитин 1997) и активно исследуется лингвистами (Berlin 1973, Cruse 1986, Fillmore 1978; Lyons 1978; Ю. С. Степанов 1981, Ю. Н. Караулов 1976; Д. Н. Шмелев 1998). Одним из наиболее важных направлений является изучение устройства гиперо-гипонимической иерархии, тесно сопряженное с поисками ответа на вопросы: какова природа связи между гиперонимом и его гипонимами, как происходит и от чего зависит развертывание иерархии, каким образом задается ее общая структура и конфигурация и т.п.

В данной работе мы ставим целью установить структуру и конфигурацию иерархии «Птицы». В качестве материала взят соответствующий фрагмент лексической базы английского языка WordNet. Анализ иерархии проводится по таким принятым при описании таксономий параметрам, как *объем* (общее количество членов в иерархии или в том или ином отрезке иерархии), *ширина* (соответствует числу когипонимов на одном уровне), *глубина* (представлена общим числом уровней и характером связи между гиперонимами и гипонимами разных уровней), *конфигурация* (выражается в соотношении параметров ширины и глубины). Возможны следующие типы конфигурации:

- 1) радиальная: все гипонимы непосредственно связаны с гиперонимом;
- 2) цепочечная: каждый член иерархии связан с ближайшим предшествующим членом;
- 3) радиально-цепочечная: возникает при смещении радиальной и цепочечной.

Иерархия «Птицы» объемна (включает 858 членов) и имеет сложную, разветвленную, радиально-цепочечную конфигурацию. На втором уровне иерархии находится 23 гипонима – названия семейств (*gallinaceous bird* ‘курообразная птица’, *apodiform bird* ‘стрижеобразная птица’, *caprimuliform bird* ‘козодоеобразная птица’ и т.д.), а также более широкие названия, объединяющие семейства (*bird of prey* ‘охотничья птица’, *flightless bird* ‘нелетающая птица’). Как и следовало ожидать, на начальном уровне мы имеем дело исключительно с членами иерархии, называемыми наиболее абстрактные и инклюзивные категории. Из 23 гипонимов 11 имеют собственные подчиненные члены, а значит, выступают по отношению к ним в качестве гиперонимов.

На третьем уровне насчитывается 72 члена иерархии, из них три называют группы птиц, объединенных по общему признаку места обитания (*jungle fowl* ‘джунглевая птица’, *seafowl* ‘морская птица’, *waterfowl* ‘пресноводная птица’), два по признаку (не)прирученности (*game bird* ‘птица-дичь’, *domestic fowl* ‘домашняя птица’), три называют семейства (*columbiform bird* ‘голубеобразная

птица', *tyrannid* 'тиранновая птица', *hoatzin* 'хоациновая птица'), а остальные 64 гипонима – это более узкие и употребительные названия родов (*ostrich* 'страус', *woodpecker* 'дятел', *wader* 'кулик', *hawk* 'ястреб', *owl* 'сова', *eagle* 'орёл', *swan* 'лебедь' и т.д.). На данном уровне мы отмечаем начало перехода от максимально широких категорий к более узким. Из 72 гипонимов 33 имеют собственные подчиненные члены и, соответственно, являются одновременно их гиперонимами.

На четвертом уровне находится 194 члена иерархии, из которых семь называют семейства (*warbler* 'древесницевая птица', *babbler* 'тимелиевая птица', *corvine bird* 'врановая птица' и т.д.), 136 – обозначают роды (*starling* 'скворец', *accentor* 'завирушка', *wagtail* 'трясогузка', *flicker* 'шилоклювый дятел', *sapsucker* 'дятел-сосун' и т.д.) и 51 – является видовым термином (*green woodpecker* 'зеленый дятел', *whooper swan* 'лебедь-кликун', *chicken hawk* 'ястреб-цыплятник' и т.д.). На данном уровне продолжается переход к более частным названиям: наряду с большим числом родовых появляются видовые термины. Из 194 членов только 71 имеет собственные гипонимы; по сравнению с предыдущим уровнем число членов, ставших терминальными точками иерархии, увеличилось на 84.

На пятом уровне иерархия «Птицы» достигает наибольшей полноты и ширины и насчитывает 273 члена. В их число входят названия шести семейств (*penguin* 'пингвиновая птица', *New World warbler* 'древесницевая птица и т.д.'), 113 родов (*pheasant* 'фазан', *duck* 'утка', *goose* 'гусь', *snipe* 'бекас' и т.д.) и 154 видов (*razor-billed auk* 'гагарка', *gilded flicker* 'золотистый дятел', *yellow-bellied sapsucker* 'желтобрюхий дятел-сосун' и др.). На этом уровне продолжает усиливаться конкретизация, широких и общих наименований почти не остается: даже родовые термины потеснены видовыми, которые численно начинают преобладать. Из 273 гипонимов 65 являются гиперонимами по отношению к членам следующего уровня; растет число терминальных членов иерархии.

На шестом уровне число членов начинает снижаться (230 гипонимов). Из них 217 членов являются видовыми терминами (*black duck* 'черная кряква', *blue goose* 'голубой гусь') и лишь несколько называют роды птиц (*teal* 'чирок', *goldeneye* 'гоголь', *bobwhite* 'куропатка'), характеризуют птиц по стадии их развития (*cockerel* 'молодой петух', *pullet* 'курица-молодка', *duckling* 'утенок', *gosling* 'гусенок'), половой принадлежности (*drake* 'селезень', *gander* 'гусак' и т.д.), а также функции (*brood hen* 'наседка', *layer* 'несушка' и т.д.). Практически все гиперонимы по достижении данного уровня уже исчерпали потенциал к большей конкретизации и более дробному делению. Это особенно заметно по числу членов, которые стали конечными точками иерархии: из 230 членов лишь 31 имеет собственные гипонимы на следующем уровне.

Седьмой уровень мал по объему и насчитывает 55 членов, почти все из которых являются подвидами или разновидностями предшествующих видовых терминов (*willet* 'перепончатопалый улит', *northern bobwhite* 'виргинская куропатка', *Barrow's goldeneye* 'исландский гоголь', *scoter* 'синьга', *merganser* 'крохаль' и т.д.), пять проводят разграничение по

половой принадлежности внутри одного вида или подвида (*peacock* ‘павлин-самец’, *peahen* ‘павлин-самка’). На уровне дальнейшее деление затруднено, выделение более частных видов, подвидов и разновидностей почти невозможно. Потенциал к делению окончательно исчерпывается на восьмом уровне, на котором находится всего 6 подвидов (*common scoter* ‘синьга обыкновенная’ и подвиды *merganser*: *American merganser* ‘американский большой крохаль’, *red-breasted merganser* ‘средний крохаль’ и т.д.).

Из описания следует, что объем иерархии растет вплоть до максимально широкого пятого уровня. Параллельно с ростом объема иерархии наблюдается и качественное изменение лексического состава: постепенно снижается число названий семейств и иных крупных объединений птиц, растет число более конкретных родовых терминов, ближе к пятому – видовых. Продолжается углубление дифференциации (различения) разных видов птиц; названия птиц соотносятся со все более узким экстенционалом: на шестом уровне мы имеем дело с видами, на седьмом и восьмом с подвидами и разновидностями птиц. Необходимо отметить, что родовидовая дифференциация оказалась гораздо более проработанной и подробной (на уровнях, где преобладали родовые и видовые термины, более 200 членов), чем видо-подвидовая (на уровнях, где разграничивали виды, подвиды и разновидности, число членов не достигает 100).

Анализ иерархии «Птицы» позволяет сделать следующие выводы.

1. *Иерархия «Птицы» в WordNet весьма объемна.* Для рассмотренного фрагмента WordNet характерно широкое использование научных терминов, в том числе двухсловных сочетаний, которые распространены в англоязычной естественнонаучной номенклатуре и биосистематике. В ситуации повседневного общения подобные термины не употребляются. Избыточная терминологизация заметна как на ранних (названия семейств), так и на поздних уровнях (названия подвидов и разновидностей).

2. *Иерархия «Птицы» в WordNet имеет весьма сложную и разветвленную структуру.* Обычно число уровней в иерархии варьируется от трех до шести (Д. А. Круз, Б. Берлин, Э. Рош), но рассмотренный фрагмент представлен восьмиуровневой иерархией, которая обладает весьма сложной радиально-цепочечной конфигурацией. Предположительно, столь сложная структура могла возникнуть в результате частичного включения научных знаний в базу WordNet. При этом была утрачена строгость биологической классификации: на одних и тех же уровнях иерархии зачастую соседствуют названия родов, видов и подвидов птиц.

3. *Распределение членов по уровням иерархии «Птицы» в WordNet протекает неравномерно.* Распределение происходит следующим образом: число членов растет по мере приближения к пятому уровню и затем уменьшается с шестого по восьмой уровни. Подобное нарастание объема вплоть до среднего уровня иерархии и резкое сужение на последующих уровнях, в целом, характерно для гиперо-гипонимических иерархий (Б. Берлин). Вероятно, средний уровень иерархии достигает максимального объема и ширины, потому что содержит наибольшее число употребительных видовых и родовых терминов.

Л. М. Надумович

**ПОЛИМОТИВИРОВАННЫЕ СЛОВА
СО СЛОЖНОЙ ОСНОВОЙ В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА**

(на материале слов с начальным *благо-*, *добро-*)

Явление множественности мотивации наблюдается в тех случаях, когда слову, имеющему единственное денотативное значение, приписывается более одной словообразовательной структуры. Лексические единицы, обладающие множественностью мотивации, с синхронной точки зрения могут интерпретироваться как относящиеся к разным способам образования. «Неединственные, мотивации, – указывает И. С. Улуханов, – это мотивации одного и того же слова несколькими словами, отличающимися от мотивированного равным количеством формантов» (И. С. Улуханов, 1977, с. 43). Ср.: *неравенство* ← *неравный* и *неравенство* ← *равенство*. Такие слова называют еще многоструктурными, а само явление – множественностью словообразовательной структуры слова (А. Н. Тихонов, 1970, с. 83). На него впервые обратил внимание В. В. Виноградов. В своих работах он приводил примеры двойственной членимости слов. К проблеме множественности структуры слова обращались Г. О. Винокур и Н. М. Шанский и использовали определение «омонимия словообразовательной формы». В. В. Лопатин и И. С. Улуханов предложили позже употреблять термин «множественность мотиваций» (В. В. Лопатин, 1997, с. 85). Наконец, А. Н. Тихонов, более основательно исследовав проблему полимотивированности, под которой он понимал множественность словообразовательной мотивации, или множественность словообразовательной структуры производного слова, сделал вывод о том, что множественность структуры слова – объективно существующее в языке явление, которое отражает взаимодействие различных словообразовательных типов.

Вопросы множественности словообразовательной структуры и семантической соотнесенности слов рассматривали в своих работах также Е. А. Земская, В. М. Марков, Г. А. Николаев, В. Н. Немченко, В. И. Мальцева, П. В. Стецко и другие авторы. Полимотивированные образования они рассматривали в системе других дериватов.

Для наиболее полного описания словарного состава русского языка предварительно должны быть тщательно исследованы системы лексических единиц XI–XIV вв., XV–XVII вв., XVIII в., XIX в., чтобы на основе их описания показать эволюцию слов, выявить ее закономерности. Основные же трудности при изучении деривационных процессов в истории языка связаны с невозможностью адекватного восстановления лексической системы определенного временного отрезка. Недостаточность лексикографической базы в русском и белорусском языках (работа над историческими словарями русского языка XI–XVII вв., XVIII в., как известно, еще не завершена), отсутствие четких дефиниций и широких контекстов употребления слов не всегда позволяют назвать единственное в каждом конкретном случае

производящее слово. Поэтому при анализе фактов древнерусского и старорусского языка есть необходимость в использовании такого понятия, как множественность мотивации, или полимотивированность.

В русском языке XI–XVII вв. явление множественности мотиваций легко обнаружить, если подойти к исследованию материала со строго синхронных позиций. Так слово *благоволение* может рассматриваться как сложение, мотивированное сочетание *благое воление* (воление – ‘желание, воля’) и как суффиксальное слово, соотносимое с глаголом *благоволити*. Ср. также: *благоизволение* ← *благое изволение* и *благоизволение* ← *благоизволити*; *благодарение* ← *благое хваление* и *благодарение* ← *благодарити*.

Для определения статуса неединственных мотиваций применяется следующий системно-словообразовательный критерий: неединственность мотивации наблюдается лишь в тех случаях, когда каждая из параллельных мотиваций представлена в части слова аналогичной структуры в качестве единственной (В. В. Лопатин, 1997, с. 94).

Двумотивированность подобных дериватов поддерживается, с одной стороны, наличием таких структур, как *доброхваление*, *доброрадѣние* и т.п., обладающих единственной мотивацией – сочетанием прилагательного и существительного законченного действия, а с другой стороны, существованием образований типа *благодарение*, *благословение*, мотивированных лишь глаголами *благодарити*, *благословити*.

Таким образом, в разряде слов со сложной основой русского языка XI–XVII вв. характерным явлением была множественность мотивации, присущая в большей степени категории субстантивов. Она обнаруживалась в таких именах существительных, как *доброевоняние* ‘благоухание’, *добродѣяние*, *доброхваление*, *доброрадѣние* и т.п., мотивированных, с одной стороны, сочетанием адъектива и субстантива со значением действия, а с другой стороны – глаголами *доброевоняти* ‘благоухать’, *добродѣяти*, *доброхвалити*, *доброрадѣти* и т.п.

К. Г. Никитенкова

ПРОБЛЕМА ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНОСТИ ВТОРОГО КОМПОНЕНТА В ИМЕННЫХ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Наряду с проблемой выделения вторых переходных компонентов в языке существует проблема проведения границ между «переходными» и «непереходными» словообразовательными элементами. Оба этих вопроса связаны с полифункциональностью компонента конструкции, на базе которого формируется второй переходный компонент (ВПК). Под полифункциональностью здесь понимается «разнозначность» статуса второго компонента, который в силу многозначности самостоятельного коррелята может быть

и частотным компонентом, и нечастотным компонентом, и полусуффиксом, и суффиксом. Так, одинаково звучащий второй компонент *-werk* в ряде слов может рассматриваться как второй частотный (нечастотный) компонент, в других словах – как полусуффикс (суффикс), а в некоторых случаях – как «компонент с индивидуальным переосмыслением». Комплексная, непрерывная связь между отдельными элементами определенной совокупности или плавные переходы между отдельными стадиями развития элемента отражаются в виде семантического континуума. Не вдаваясь в подробности разграничения частотных, нечастотных компонентов и полусуффиксов, рассмотрим полифункциональность второго компонента *-werk* в семантическом континууме (рис. 1).

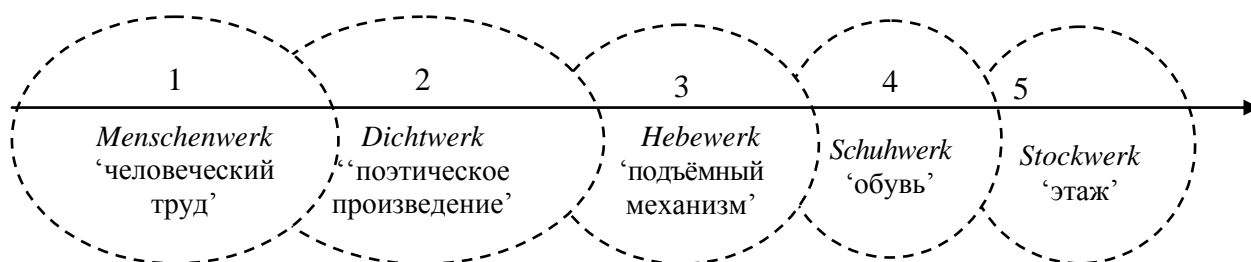

Рис. 1. Семантический континуум значений компонента *-werk*

В первом примере компонент *-werk* функционирует как «нечастотный компонент» и называет действия. Во втором – *-werk* функционирует как «частотный компонент» и именуется произведениями. В третьем – компонент *-werk* является «полусуффиксом» и имеет инструментальное значение – название механизмов и инструментов. В четвертом – компонент *-werk* выступает в качестве «суффикса» и имеет значение собирательности. В пятом – «компонент с индивидуальным переосмыслением». С одной стороны, данный пример подтверждает континуальность словообразовательной системы немецкого языка и позволяет заключить, что полусуффиксация находится в континууме между словосложением и суффиксацией. С другой стороны, семантический континуум выявляет размытость границ и переходов между отдельными стадиями процесса формирования полноценного суффикса из самостоятельного слова, что, в свою очередь, создает трудности для обозначения многозначного компонента *-werk*, который иногда функционирует и как полусуффикс, и как суффикс, и как частотный (нечастотный) компонент. В этой связи предлагается более общо трактовать подобные полисемные компоненты – как компоненты с переходным статусом. Введение понятия *второй переходный компонент*, с одной стороны, снимает проблему выбора обозначения для многозначных компонентов, демонстрирующих разный словообразовательный статус в сочетании с первым компонентом, с другой – подчеркивает словообразовательную динамику компонента за счет присутствия лексической единицы «переходный» в предлагаемом термине.

Кроме того, проблема полифункциональности второго компонента отражается и на отборе ВПК, а также лексических единиц с ними. Так, например, с компонентом *-reif* образовано 72 конструкта, среди которых имеют место как конструкты с ВПК (*kinoreif* ‘готовый к съемкам фильма/в фильме’, *urlaubsreif* ‘испытывающий потребность в отпуске’, *produktionsreif* ‘готовый к серийному производству’ и т.д.), так и сложные слова со вторым компонентом (*erntereif* ‘созревший, готовый к уборке урожая’, *pflückreif* ‘готовые к сбору (плоды, цветы и т.д.), букв.: готовый к тому, чтобы быть сорванным, собранным’ и т.д.). Второй компонент имен существительных *-fluss* в таких словах, как *Stadtfluss* ‘городская река’, *Alpenfluss* ‘река в Альпах’, *Amurfluss* ‘река Амур’ сохраняет полностью основное значение лексемы *Fluss* ‘река’, но иногда претерпевает метафорическое переосмысление, например: *Geldfluss* ‘денежный поток’, *Nachrichtenfluss* ‘информационный поток’ и т.п. Таким образом, разграничение сложных слов, слов со вторым частотным/нечастотным компонентом, слов с полусуффиксом, а также единиц с ВПК на этапе отбора является затруднительным. Выявление полифункциональности второго компонента становится возможным в ходе компонентного анализа конструктов с ним.

Таким образом, полифункциональность компонента сказывается, во-первых, на выявлении вторых компонентов с переходным статусом, во-вторых, на обозначении их, в-третьих, на их количественном отборе и отборе конструктов с ними. При этом примеры вторых компонентов с разным статусом являются доказательством динамических процессов, происходящих в словообразовательной системе немецкого языка.

М. И. Святощик

ПЕРЕВОД МНОГООБЪЕКТНОЙ СЕМАНТИКИ В ОДНООБЪЕКТНУЮ КАК СПОСОБ МИНИМИЗАЦИИ СЕМАНТИЧЕСКИХ ВЫЧИСЛЕНИЙ

Сегодня общение, обмен информацией, восприятие людьми друг друга – это действительно роскошь. В суете различных жизненных ситуаций мы часто стремимся по своим делам, к своим целям, забывая о самом простом – общении с друзьями, близкими. Коммуникация двух и более говорящих – это не что иное, как кодирование и декодирование информации. Говорящий всегда пытается донести все свои мысли как можно коротко и ясно, экономя при этом время и энергию, чего не приемлет слушающий, который, в свою очередь, хочет слышать максимально развернутую информацию, совсем не учитывая при этом отрезок времени.

Минимизируя всевозможное количество слов при общении, говорящий производит свертку макропроцессов, семантических элементов, под чем мы и понимаем термин минимизация в комбинаторной семантике.

Мы предлагаем рассмотрение перевода многообъектной семантики в однообъектную как один из способов минимизации семантических вычислений. Семантика, как голова Медузы, всегда в центре языка, околдовывая тех, кто ее созерцает.

А. Н. Гордей физические и информационные процессы разграничивает, поскольку на предельно абстрактном семантическом уровне физический процесс рассматривался как воздействие одного индивида на другой посредством своей оболочки, а информационный – посредством своей среды.

Действительно, для передачи информации необходим материальный носитель, который оказывает на объект физическое воздействие, а по изменениям, которые происходят в предметах после их физического взаимодействия, можно судить о характере самого взаимодействия. Например, в процессе обучения (информационного процесса) преподаватель или лектор использует голосовые связки, напрягая их, он увеличивает амплитуду звуковых волн (материального носителя) и может оглушить учеников, т.е. оказать на них физическое воздействие.

В физическом мире могут проходить всевозможные изменения и действия. Для того, чтобы передать все эти изменения и действия, В. В. Мартынов классифицирует глаголы («акции»). Он утверждал, что нет других акций, кроме внешнего движения («воздействует», «трогает» и т.д.), внутреннего движения («колеблется», «прорывается» и т.д.), создания, сохранения, уничтожения, противодействия. Все это многообразие описывается трехчленной структурой САО – субъект, акция, объект.

А если рассмотреть предложение *дедушка идет*, сразу же возникает вопрос о том, где же тут трехчленность. Она легко воспроизводится: *Дедушка (С) совмещает (А) себя с самим собой (О) в пространстве.*

Семантические единицы, являющиеся языковым соответствием участников ситуации, называются семантическими ролями.

Рассмотрим свертку физических макропроцессов на следующем примере.

1. *Мама (Субъект) набирает (Акция) дочери (Ориентир)*
(набирать – процесс физический, в значении «звонить»).

В любом процессе есть физическая и информационная составляющая.

В данном случае наблюдатель делает акцент на физической составляющей.

При помощи рекурсивной реконструкции мы можем восстановить или сжать цепь макропроцессов. При этом необходимо соблюдать 3 правила реконструкции: 1) простота; 2) минимальность; 3) наглядность.

При восстановлении полной цепи макропроцессов получаем следующее.

1. Мама фиксирует устройство (*телефон – инструмент*).
2. Нажимает (затрагивает) при помощи пальцев *кнопки (Объект)*.
3. Кнопки вызывают запрос.
4. Набирается соответствующий номер.
5. Инициация сигнала.
6. Поступает соединение.
7. Распознавание абонента.
8. Инициация информационного запроса.

В данном примере наблюдаются физические макропроцессы: *сообщение* – запуск первичного сигнала, *прижатие* – нажатие на кнопки.

Исходя из данной цепи, четко прослеживается векторный (однозначный) переход между макропроцессами, когда один процесс становится условием протекания второго.

«Множество примитивов должно не постулироваться, а рекурсивно исчисляться, для чего примитивы должны быть распределены в семантическом поле по степени близости», неоднократно подчеркивал В. В. Мартынов.

Данные макропроцессы, являясь разными объектами, также могут преобразоваться, исходя из таблицы семантических элементов, в категорию одного семантически сходного макропроцесса, что доказывает возможность перевода многообъектной семантики в однообъектную. Это поможет открыть новые перспективы для семантических вычислений, а также избежать чрезмерного усложнения в формализованном описании события.

Р. В. Соловьёва

ИНГЕРЕНТНАЯ И АДГЕРЕНТНАЯ ЭНАНТИОСЕМИЯ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Энантисемия – явление специфичное и уникальное, хотя базируется на привычной для осознания категории противоположности, которая исследована и исследуется в наши дни как в рамках философии и логики, так и в рамках лингвистики в качестве основы антонимии. Энантисемия является по сути «противоположностью внутри себя» и зиждется на способности слова (морфемы и т.д.) выражать антонимические значения, что позволяет рассматривать энантисемию как частный случай синкретизма в языке. Соответственно, языковая или внутрисловная энантисемия представляет собой единицу, заключающую в своей семантике «противосмысл» (*Gegensinn*). Например, *nesteln* – «1. связывать, завязывать (шнурком); шнуровать, зашнуровывать; 2. развязывать, расшнуровывать».

Возникновение энантисемичной семантики в пределах одной лексической единицы зависит от наличия в ней определенной предпосылки для реализации противоположного смысла. Глагол *nesteln* является, с одной стороны, многозначным: *nesteln* – а) *mit den Fingern an etwas zu schaffen machen*; б) *nestelnd von einer Stelle entfernen*. С другой стороны, имеет в своей семантике ингерентный смысл «*zu schaffen machen*», т.е. *Schwierigkeiten, große Mühe machen/haben*. Оба показателя являются одним из условий возникновения энантисемии. В данном случае словосочетание «доставлять трудности» релевантно как для «завязывания», так и для «развязывания» шнурков. Глаголы *borgen* и *leihen*, являясь синонимичными и имеющими энантисемичную семантику, выказывают также смысловые предпосылки разновекторной направленности, как бы «улицу с двусторонним движением», имеющие, однако, ингерентный объединяющий элемент (*gegen das Versprechen*

der der Rückgabe), что демонстрирует, например, дефиниция глагола *leihen* – 1. (*gegen das Versprechen der Rückgabe*) *vorübergehend aus seinem Besitz zur Verfügung stellen*-←----→ 2. *sich (gegen das Versprechen der Rückgabe) etwas aus dem Besitz oder dem Verfügungsrecht eines anderen erbitten*. Данный тип энантиосемии можно назвать системной или ингерентной (от лат. *inhaerens* – ‘прилипший, укоренившийся, присущий, неотъемлемый’). Такой тип энантиосемии достаточно широко распространен в глагольной сфере и, прежде всего, в глагольном префиксальном (полупрефиксальном) словообразовании немецкого языка, что объясняется, на наш взгляд, определенной семантической диффузностью префикса (полупрефикса), который и является модификатором основы глагола. Например, полупрефикс *auf* при основах глаголов движения имеет значения: «1. направленности движения вверх; 2. Направленности движения сверху вниз». Семный анализ глагола *aufrollen* показывает полное совпадение всех как лексико-грамматических, так и лексических сем, кроме сем, манифестируемых полупрефиксом: *aufrollen* – «1. *auf eine Rolle, zu einer Rolle wickeln, zusammenrollen*; 2- *auseinanderrollen*».

Aufrollen: развернуть (рулон)

aufrollen: свертывать, скатывать
(в рулон)

Лексико-грамматические семы:

1. Процесс действия
2. Предельность.
3. Переходность

1. Процесс действия
2. Предельность
3. Переходность

Лексические семы

1. Корневые семы: понятие материала; процесс качения, вращения.
2. Полупрефиксальная сема: кручение в направлении разворачивания, развёртывания.

1. Корневые семы: понятие материала; процесс качения, вращения.
2. Полупрефиксальная сема: кручение в направлении сворачивания, свертывания.

Интересно отметить, что подсистема ингерентной энантиосемии практически полностью является глагольной. Производные от энантиосемичного глагола существительные теряют признаки внутрисловной антонимии, сохраняя какое-либо одно значение. Например, *leihen*-1. (*Gegen das Versprechen der Rückgabe*) *vorübergehend aus seinem Besitz zur Verfügung stellen*-←----→ 2. *sich (gegen das Versprechen der Rückgabe) etwas aus dem Besitz oder dem Verfügungsrecht eines anderen erbitten* -----> *Leihe, die: etw. in die Leihe bringen*. В данном случае существительное сохраняет только значение ‘сдавать в наем, давать займы’. Это же значение сохраняется и в сложных существительных. Приведем следующие примеры.

Leihfrist, die: Frist, für die etw. offiziell ausgeliehen wird.

Leihgabe, die: teilweise zur Verfügung gestellter Gegenstand.

Leihstimme, die: Stimme, die der Stammwähler einer Partei ausnahmsweise einer anderen Partei gibt, um diese im Interesse der eigenen Partei zu stärken.

В сфере прилагательного, которое инкорпорирует системные качественные признаки, можно было бы ожидать достаточно большой пласт ингерентной энантиосемии. Однако в результате исследования здесь выявлены лишь единичные случаи ингерентной энантиосемии. Примером может служить полисемантическое прилагательное *reizend* – *besonders hübsch, sehr angenehm, besonderes Gefallen erregend*. Например, *Es ist eine reizende Überraschung!* – ‘Это приятная неожиданность!’. Второе системное значение прилагательного *reizend*, зафиксированное в немецком универсальном словаре Дуден, имеет прямо противоположное значение: *iron. Schlimm, unangenehm*. На наш взгляд, в таком случае номинативная функция подавляется эмотивной. Вместе с тем качественные прилагательные в целом допускают, в силу своей специфики, эмотивность, что и побудило к изучению «возможной предрасположенности» качественных прилагательных к развитию энантиосемичной семантики. Единичные случаи ингерентной энантиосемии наблюдаются в коллокациях типа:

Gott Strambach! -Ausruf: 1. verhüllend für die Fluchformel; 2. als Ausdruck der Verwunderung, Entzückung. Gott Strambach! Die AfD ist endlich im COVID-19-Problem mit der CDU einverstndend!

В отличие от ингерентной энантиосемии большой диапазон возможностей у энантиосемии адгерентной, под которой мы понимаем внутрисловную антонимию, не зафиксированную словарями, где в одно из значений включается прагматически обусловленное противоположное значение. Обычно это единицы с оценочным компонентом, допускающие изменения смысла на противоположный. Например, фразеологизм *In Schwung kommen* означает в буквальном смысле ‘начать **мощно и быстро** двигаться, набирать обороты’. Стремительное движение может быть как физическим, так и эмоциональным, т.е. мыслиться как проявление эмоционального напряжения. При этом эмоции могут быть как положительные, так и отрицательные. В данном случае номинативная функция подчинена эмотивной и энантиосемия является эмоционально-оценочной, что характерно прежде всего качественным прилагательным. Адгерентная энантиосемия сопровождается, как правило, коннотацией от шутки и легкой иронии вплоть до сарказма. При этом каких-либо сдвигов в лексико-семантическом плане не наблюдается. Ирония – это сатирический прием, в котором истинный смысл скрыт, его «прочтение» реципиентом обеспечивается в основном ситуацией и с помощью просодических средств. На примере прилагательного *lieb* в значении: *Liebe, Freundlichkeit, Zuneigung, Herzlichkeit zum Ausdruck bringend* и соответствующего словосочетания *lieb von Ihnen* можно выразить двоякое, прямо противоположное отношение к человеку, событию, ситуации. Если Вам уступили дорогу, место в транспорте и т.п. вы употребите словосочетание *lieb von*

Ihnen в прямом смысле, с положительной коннотацией и соответствующей просодией речи. В противном случае возможно употребление того же выражения в противоположном смысле, в качестве порицания. Вербальный посыл может сопровождаться невербальными (просодическими и мимическими) средствами. Объект поймет ваш истинный эмотивный посыл и значение слов даже в случае нейтральной подачи, благодаря ситуативной картинке.

Возможности адъективной адгерентной энантиосемии с системной позитивной коннотацией практически безграничны и служат в основном в прагматических целях для соблюдения политкорректности: *Sie sind in Unrecht, lieber Freund!*

Чаще всего адгерентная энантиосемия реализуется в коллокациях, например, *Meine Güte!*; *Lieber Gott!*

Т. В. Тропец

ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ ЗАИМСТВОВАННОЕ СЛОВО В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

При исследовании лексических заимствований оказывается важным очертить границы заимствованных слов. Это необходимо для определения состава иноязычных слов в языке-реципиенте.

Как показал анализ исследований, выполненных на материале различных языков, в разряд заимствованных слов в зависимости от критериев, положенных в основу выделения данного явления, ученые включают лексические единицы, которые по своей природе представляют достаточно разнородные явления.

В ряде исследований достаточным условием для отнесения слова к заимствованию является наличие в его составе одной или нескольких иноязычных морфем. Таким образом, в разряд заимствованных, наряду со словами, перенесенными из языка-источника в язык-реципиент, оказываются включенными и слова, появившиеся на базе заимствованных основ и корней в языке-реципиенте в результате словосложения или аффиксации (Е. Г. Басалаева; З. М. Галимуллина; К. Ласорса Съедина; Л. Ферм).

Среди образованных на почве языка-реципиента полиморфемных единиц можно выделить две группы слов: 1) слова, состоящие только из иноязычных морфем; 2) слова, состоящие из иноязычной и исконной морфем.

Структурно слова первой группы, как правило, ничем не отличаются от слов, существующих в языке-источнике. Однако, несмотря на внешнее сходство, в предполагаемом языке-источнике отсутствуют формально и семантически идентичные ЛЕ. Так, например, включенная Л. Ферм в состав английских заимствований в русском языке лексема *телеклин*, имеет ту же словообразовательную модель, что и англ. *television* 'телефильм', но в английском языке отсутствует прототип этого слова.

Слова второй группы, в отличие от первой, не имеют в языке-источнике внешне схожих ЛЕ. Они создаются из заимствованных и исконных морфем на почве языка-реципиента по нормам данного языка. З. М. Галимуллина, например, считает заимствованиями словообразовательные производные, образованные во французском языке от заимствованных из английского языка существительных при помощи французского суффикса *-iste*, например, англ. *drugstore* – фр. *drugstoriste*; а также прилагательные, образованные при помощи суффиксов *-ique* и *-able*, например, англ. *clan* – фр. *clanique*, англ. *mixer* – фр. *mixable* и под. Е. Г. Басалаева к латинизмам в русском языке относит и словообразовательные производные, возникшие в русском языке, на том основании, что они восходят к латинским корням. В итальянском языке в разряд заимствованных К. Ласорса Съедина включает такие слова, как, например, *vippaio* ‘собрание ВИПов’, *vipperia* ‘группа ВИПов’, образованные от английского слова *vip* ‘ВИП’ путем добавления итальянских суффиксов.

Одним из противников причисления к заимствованиям описанных выше групп слов является Н. М. Шанский, согласно которому: «Под исконно русским словом понимается всякое слово, возникшее в русском языке... независимо от того, из каких этимологических частей (исконно русских или заимствованных) оно состоит». С. А. Беляева также относит подобные образования к особой группе исконных слов: «Дериваты, образованные от англицизмов, не являются иноязычными по происхождению. Несмотря на содержащиеся в них иноязычные элементы, они оригинальные порождения русского языка и составляют особую группу среди его исконных слов». О необходимости различения заимствования и словообразования на базе заимствованных слов говорят и другие лингвисты; см., например, В. Г. Гак; Л. Гальди; Л. П. Крысин; Д. С. Лотте; Е. В. Маринова; Э. Хауген; М. Fanfani; R. Gusmani.

Понятие лексического заимствования в других исследованиях строится на обязательном существовании иноязычного прототипа (модели/образца), перенимаемого языком-реципиентом из языка-источника (В. М. Аристова; Л. П. Ефремов; Л. П. Крысин; Ю. С. Маслов; R. Filipović; H. Moss; R. Gusmani). Однако наличие прототипа, как показал анализ, по-разному понимается исследователями.

Английский лингвист Х. Мосс к заимствованиям относит только лексические единицы формально и семантически тождественные своим прототипам в языке-источнике. Слова, отличающиеся от прототипов на орфографическом (ср.: итал. *week-end*, *gol*, *vafer*, *stop and go*, *no-stop*, *country-western* и соответственно англ. *weekend*, *goal*, *wafer*, *stop-go*, *non-stop*, *country and western*), грамматическом (слова, изменившие в процессе заимствования свою частеречную принадлежность либо утратившие одну из частей, например, итал. *night* – англ. *night club*, итал. *smoking* – англ. *smoking jacket*, итал. *holding* – англ. *holding company*, итал. *top* – англ. *top model*) и семантическом (в итальянском языке заимствованное из английского языка слово *toast*

используется для наименования бутерброда, приготовленного из обжаренного в тостере хлеба, а в английском – только в отношении обжаренного в тостере хлеба) уровнях, по мнению ученого, нельзя считать заимствованиями.

Другие ученые допускают возможность существования тех или иных несоответствий между заимствованным словом и его прототипом. Ведь сложно предположить, что системы двух языков могут быть настолько идентичными, что в процессе заимствования отсутствует какое-либо преобразование. Ю. С. Маслов подчеркивает тот факт, что «При материальном заимствовании (заимствовании в собственном смысле) перенимается не только значение (либо одно из значений) иноязычной лексической единицы (или морфемы), но и – с той или иной степенью приближения – ее материальный экспонент». Л. П. Ефремов определяет заимствование как «слово, созданное на базе иноязычного лексического материала (в том числе содержащего общие для отдающего и воспринимающего языка морфемы), *восходящее к прототипу по звуковой форме и значению, каким бы изменениям они ни подвергались*» (курсив наш. – Т. Т.).

Как следует из сказанного выше, в языке-реципиенте материальная оболочка и семантика слова, выступившего в качестве прототипа, могут сохраняться либо подвергаться различного рода преобразованиям. На основании вышесказанного, заимствованным словом следует считать лексическую единицу, проникшую из одного языка (язык-источник) в другой (язык-реципиент), которая имеет формальный и семантический прототип в языке-источнике. К заимствованным словам при таком подходе относятся лексические единицы, как полностью сохранившие внешнюю форму и семантику прототипов, так и те, которым свойственны различного рода преобразования, но которые обладают при этом необходимым для их идентификации с прототипом сходством материальной оболочки и значения.

Д. И. Тупик

К ВОПРОСУ О ЛЕКСИЧЕСКОЙ ИЗБЫТОЧНОСТИ: ДИСКУРСИВНЫЙ МАРКЕР *LÀ* В СИСТЕМЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА И ФРАНКОФОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

На фоне развивающейся дискуссии о будущем английского языка в условиях его исключительной распространенности как в рамках национального функционирования, так и в контексте международного языка-посредника, франкофонное сообщество разворачивает собственные размышления на этот счет в отношении французского языка. Постколониальное развитие франкофонии в целом характеризуется либерализацией и уточнением норм на различных уровнях языка. Так, в 1996 году Канаде была опубликована работа «*La norme du français québécois*» ‘Норма квебекского французского языка’, вслед за которой появилась серия изданий, представляющих собой стандарты обучения канадскому французскому, начиная с его фонетической системы.

В сферу нашего внимания попадает электронный ресурс, созданный в 2004 году по эгидой Агентства франкофонных университетов, Панфранкофонная база лексикографических данных (*Base de données lexicographiques panfrancophones*). В нем представлены региональные семантические варианты различных лексических единиц со звуковым сопровождением их произнесения. Данные касаются восемнадцати франкофонных стран, канадской провинции Квебек и американского штата Луизиана. При активации полного перечня стран и регионов по каждой букве алфавита система предлагает уникальные региональные наименования и ЛСВ, а также (другим шрифтом) слова и выражения с зональными семантическими различиями.

Первичный анализ представленной лексико-семантической информации свидетельствует о некоторой асимметричности региональной лексики. Например, в канадском Квебеке английское *lucky* означает 'удачливый', но вопреки ожиданиям это слово отсутствует в речи франкофонных жителей американской Луизианы. Одно и то же слово (выражение) может совершенно не использоваться в географически соседних странах (*faire ça* 'иметь интимные отношения' в Центральноафриканской Республике и Конго отсутствует в соседнем Чаде) или имеет существенные семантические различия в рамках одной страны (*caïd* 'суровый чиновник, бескомпромиссно следующий закону' и 'строгий преподаватель' в Конго).

Указанный ресурс может быть успешно использован для достаточно широкого исследования в области лексической семантики и дискурсологии, но мы остановимся лишь на одном конкретном примере, изучение которого внесет определенный вклад в определение тенденций развития французского языка. Толковый словарь французского языка *Le Robert* определяет *là* как наречие и междометие через следующие значения:

1) наречие места и времени, отсылающее к более или менее удаленному месту или моменту, фразе, обстоятельствам: *Qu'avez-vous fait là, Rob ?* 'Что Вы там делали, Роб?';

2) усилительная наречная частица указательного местоимения, существительного с указательным прилагательным: *celui-là, ce gars-là*;

3) эмфатическое междометие: *oh là là, alors là, là franchement*.

Обращение к региональным вариантам указанных значений свидетельствует прежде всего о более развитой стилистической вариативности, обусловленной отчасти просторечным регистром и устным неформализованным общением. Так, в Центральноафриканской Республике, Конго и Чаде вместо указательного прилагательного может употребляться определенный артикль или притяжательное прилагательное с такой же усилительной функцией частицы *là*: *le gars là, ton enfant là*. Отмечается, что такие употребления свойственны малообразованным слоям населения. В региональных вариантах употребляется больше наречий места и времени с использованием *là*: *asteur-là* (Луизиана), *là là* (Каледония), *ici là* (Чад). Эмфатическое употребление *là* может сопровождать практически любое наречие, местоимение или союз: *c'est lui là qui...* (в Африке повсеместно), *pis là* 'et puis' (Ньюфаундленд), *là-bas-là* (Антильские острова).

Франкофонные исследователи отмечают, что маркер *là* приобрел свои основные дискурсивные функции во Франции в устных регистрах XVI–XVII вв., а затем был передан естественным миграционным образом заморским территориям и иным франкофонным сообществам. С течением времени наблюдалась десемантизация частицы в постпозиции, сопровождавшаяся особым интонационным контуром: отсутствие ударения, низкая интенсивность, падение тона. Примечательно, что эти черты были характерными для широкого лингвистического ареала (например, Кот-д’Ивуар и Квебек).

Панфранкофонное развитие *là* сопровождалось и грамматикализацией этого дискурсивного элемента. В придаточных относительных предложениях он может выполнять так называемую функцию правой скобки, приводящую даже к опущению союза: *tiens, je lisais ton truc (que) tu m’as passé là*.

Изучение дискурсивных возможностей частицы *là* продолжалось с помощью анкетирования представителей различных франкофонных сообществ с целью выявить наиболее релевантные ее употребления в устных регистрах. В результате было выявлено, что для маркера *là* наиболее характерной является дискурсивная функция закрытия, или заключения. Более конкретно это выражается в следующих ситуациях:

1) закрытие именной группы с детерминантой: *les gros coqs-là* (Антильские острова), *où est le pantalon-là que tu avais hier ?* (Мартиника);

2) закрытие именной группы без детерминанты: *elle a cassé œuf là* (Кот-д’Ивуар);

3) закрытие именной группы с указательным прилагательным: *est-ce que ça peut se régler avec toutes ces machines-là là* (Акадия);

4) закрытие группы с личным местоимением: *le bateau vous voyez en arrière de lui là* (Квебек, Акадия);

5) закрытие наречий места или времени: *C’est vous qui allez là là ?* (Каледония);

6) закрытие и усиление недискурсивного текстового маркера: *Ha non, mais là là ! c’est même plus la peine !* (Реюньон);

7) закрытие глагольной группы: *Tue-le, tue-le là* (франкофонная часть Африки);

8) закрытие придаточного предложения, главным образом относительного: *Il est où, çui qu’on a acheté hier là ?* (Швейцария);

9) закрытие главного предложения в составе сложноподчиненного, главным образом с придаточным относительным: *Elle a écrit un livre là qui était en vente* (Акадия).

В целом отмечается, что вышеназванные тенденции употребления характерны для неевропейского франкофонного пространства. Следовательно, эталонный толковый словарь французского языка Le Robert, регистрирующий по согласованию с Французской академией исключительно «материковые» семантические явления, не учитывает рассмотренные факты, несмотря на то, что они известны уже достаточно долгое время. На этой

почве и возникает вопрос об избыточности изучаемого элемента, и для анализа явлений различных уровней в контексте франкофонного языкового и культурного пространства особую важность приобретают ресурсы экзогенного по отношению к материковой Франции порядка типа используемой нами *Панфранкофонной базы лексикографических данных*. Существует ряд исследований, посвященных просодическому оформлению *là* в представленных нами контекстах и позициях (Г. Дости, М. М. Жослин, И. Нойман-Хольцшу, К. Плог, Е. Визингер), что также свидетельствует о наличии некоторой тенденции к системности и стабильности употреблений.

Таким образом, на основе незначительных, на первый взгляд, фактов мы попытались показать противоречивый характер систематизации окказиональных дискурсивных моделей французского языка, с одной стороны, и языковое разнообразие его экзогенного развития, с другой стороны. Отметим также, что в современных условиях глобализации, условности географических границ и свободы передвижения перед лексикографией станет задача пересмотреть пометы типа *familier, Québec* во избежание дискриминации явлений «не из Франции» и самих внешних языковых сообществ.

З. А. Харитончик

СЕМАНТИЧЕСКИЕ КЛАССЫ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ: ТАКСОНОМИИ VS НЕТАКСОНОМИЧЕСКИЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ

Многоплановость отношений и параметров, благодаря которым языковые единицы образуют единую сложноструктурированную систему, детерминировала разнообразие существующих классификаций, отражающих в своей совокупности неоднородность принципов системной организации языка, с одной стороны, и ограниченность систематики, предлагаемой в рамках той или иной классификации, с другой. В области лексикона языка с его огромным и открытым набором лексических единиц попытки их систематизации привели к установлению разного типа объединений, из которых семантические классификации, несомненно, наиболее интересны и сложны. Из них общее признание получили таксономические описания в семантических словарях, которым предшествовали глубокие теоретические разработки, например, семантическая классификация имен существительных английского языка И. В. Арнольд, семантическая классификация глаголов Г. Г. Сильницкого и др.

Таксономические ориентиры, принимаемые разработчиками систематизирующих описаний лексикона, согласно которым классифицируемые объекты выстраиваются в древовидную иерархию «таксономических рангов (категорий), связанных отношением последовательного включения от низшего ранга к высшему» (Лингвистический энциклопедический словарь, 1990 с. 504), опора на категориальные компоненты значений слов в попытке так или иначе охватить «наивную систематику мира» имеют, помимо трудностей, выте-

кающих из диффузности границ между классами, возможности принадлежности одной и той же единицы к разным классам, ряд следствий. Главное из них – то, что за рамками словарной систематики остаются единицы, семантически связанные, но формирующие иные по сравнению с принятыми таксономиями лексические группы. Гораздо менее изученные по сравнению с семантическими таксономиями разных типов и получившие название нетаксономических (Д. Круз, М. В. Никитин), они также неоднородны.

Не ставя перед собой цели исчерпывающего освещения нетаксономических лексических объединений, в предлагаемом докладе мы остановимся на некоторых их разновидностях, а именно, на тех группах лексических единиц, которые формируются в результате деривационных процессов – словообразования и семантической деривации, действующих как отдельно, так и совместно, на базе устанавливаемых в ходе деривации общих семантических оснований, связывающих цели и источники номинации. Наиболее очевидными нетаксономическими объединениями словозначений, различных по своим денотативным характеристикам и соответственно относящихся к разным таксономическим классам и подклассам, являются образные (*figurative*), или аналогические группы. Возникая в итоге метафорических переносов, они объединяются общим интегральным признаком (своеобразной формой, позицией и т.д.), которым связываются основные и переносные значения слов. Так, на базе наименований частей тела в английском языке (*head, arm, hand, nose, leg, finger* и др.), их коррелятов в русском (*голова, рука, нос, нога, палец*) в результате деривационных процессов формируется объемное множество денотативно разношерстных, но объединяемых наличием признака формы единиц. Согласно лексикографическим данным под 5-м и 6-м значениями слова *head* ‘голова’ в английском языке скрываются части артефактов, тела, небесных тел, строений, растений и т.д. (более 20 денотативных классов согласно «Англо-русскому словарю общей лексики» (2008), пополняемых многочисленными аналогичными переносными значениями других наименований частей тела). Ср. также существование аналогичных структур с метафорическими обозначениями частей типа **ножка** (*мебели, утвари, прибора, какого-н. устройства, тюльпана, гвоздики, ландыша, одуванчика, лисички, сыроежки, циркуля* и т.д.), **ушко** (*иголки, медали, брелока, часов, сапога, бомбы, сердца* и т.д.), **носик** (*чайника, кувшина, рукомойника, башмачка* и т.д.) и многих других в русском языке.

Нетаксономические объединения могут строиться также на общности локативных, темпоральных, других перцептивных и т.п. семантических компонентов, присущих значениям лексических единиц в качестве второстепенных или потенциальных, латентных. Это означает, что говорящие, улавливая многочисленные возможные связи объектов и явлений реального мира, расширяют за их счет линии, дополняющие сеть таксономических отношений. Формируемые на их основании нетаксономические лексические объединения, усложняя общую картину системной организации лексики, упрощают поиск необходимых выражений при порождении речи и облегчают их понимание при ее восприятии и декодировании.

И. Г. Цеханович

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ ДЕФИНИЦИЙ
(на материале сленговой лексики
интерактивного онлайн-словаря Urban Dictionary)

Развитие интернет-технологий привело к созданию особой, отличной от уже существующей, электронной лексикографической продукции – онлайн-словарей, суть которых заключается в том, что пользователи словарного портала могут добавлять новые слова (неологизмы, сленгизмы и т.д.) и их толкования, а также дефинировать общеупотребительную лексику. Появление достаточного количества таких лексикографических проектов в разноязычных сегментах Интернета (английский, русский, немецкий, французский, польский и т.д.) дает основание выделить их в отдельный тип электронных словарей, наиболее известным и самым большим из которых является Urban Dictionary. Для обозначения данного феномена в научной литературе встречаются такие термины, как «волонтерские или партнёрские» (О. М. Карпова), «самодеятельные» (Б. Л. Бойко), «народные» (Е. Г. Лукашанец), «свободные» (В. Селегей), «краудсорсинговые» (Ф. Сайос) словари. Мы будем использовать термин «интерактивный онлайн-словарь», так как считаем, что он наиболее полно отражает суть данного типа словарей.

Большинство лексикографов признают тот факт, что «одной из труднейших и важнейших проблем лексикографии является проблема толкования». Учеными широко освещена проблема типологии дефиниций в традиционных толковых словарях, однако исследования способов толкования в интерактивных словарях практически не проводилось. При этом такого рода исследование является актуальным, так как изучение способов дефинирования сленгизмов в интерактивном словаре может расширить представление о метаязыковой деятельности личности. Поэтому в исследовании предпринята попытка разработки типологии дефиниций¹ на примере сленгизма *retard* (существительного со значением лица с ограниченными умственными способностями), которое взято из Urban Dictionary и количество дефиниций которого составило 243. Их анализ позволил выявить следующее.

Во-первых, в «полотно» толкования могут вводиться так называемые инклюзивные элементы, которые не связаны непосредственно с семантикой вокабулы и в традиционном словаре выносятся за рамки дефиниции в виде системы помет. Инклюзии могут содержать 1) стилистические характеристики: *A slur against autistic/other mentally-disabled people; Ol' Fashioned Term being the mentally disabled person that has problems with logic;* 2) информацию о способе образования, в том числе «фальсифицированную»,

¹ Дефиницией (толкованием) мы будем называть информацию, размещенную авторами словарных статей в поле «Definition».

основанную на буквализации внутренней формы слова: **(R)eply (E)veryone (tard)** *Someone who has not mastered the very simple difference between email's "reply" and "reply all" actions.* Возможно, инклюзиями также можно считать дублирование заглавного слова в толковании: **Retard.** *It defines a specific person.* Инклюзии встречаются в ~ 4,5 % дефиниций.

Во-вторых, для реализации функции дефиниции в толкованиях используются метаязыковые маркеры, такие как *a word to describe, a term to categorize, the term doesn't refer to, a word for, the term is used when.* Также встречаются случаи отсылки к другой словарной статье (*See Subhuman*) и указание на синоним (*Synonym for liberals*). Удельный вес таких дефиниций – 4 %. В 6,6 % дефиниций обнаруживаются как инклюзивные, так и метаязыковые элементы: **An official medical term in the 1970's to categorize the mentally disabled; A derogatory term used to describe someone with a mental disability; A name for a fuckhead at school.**

В-третьих, явным отличием дефиниций в интерактивном словаре от дефиниций в словарях традиционного типа является отсутствие ограничений по объему, поэтому здесь семантизация слова может осуществляться как при помощи одного слова, так и связного текста. С точки зрения количества компонентов, входящих в состав дефиниций, можно выделить следующие их разновидности: монологемные, бинарные, трех-, четырех- и многокомпонентные. Монологемные дефиниции представляют собой одно значимое слово, чаще всего это синоним вокабулы: *An idiot; boomers; Liberals.* Удельный вес таких дефиниций составляет порядка 11,5 %. Бинарные дефиниции (13,1 %) – «двухкомпонентные номинативные единицы» (М. А. Ряполова). Структурно данные толкования состоят из существительного и адъектива (т.е. прилагательного либо причастия): *dumb people; a retarded person.* Трехкомпонентные толкования (7,8 %) представлены следующими структурами: 1) сущ. + адъект. + сущ.: *people with mental disabilities;* 2) нареч. + адъект. + сущ.: *a mentally unstable person.* Четырехкомпонентные толкования в данной группе дефиниций малочисленны (всего 5, что составляет менее 2 %): *A very mentally insane person.*

Наибольшую по численности группу (61,9 %) составляют многокомпонентные дефиниции, в которых ядро толкования представлено семантически неинформативным субстантивом (местоимение или существительное), основной же акт семантизации осуществляется периферийно, в придаточной части дефиниции. Наиболее частотными субстантивами в данной группе являются следующие: *someone, one, a person, an individual, a creature;* также встречаются существительные с меньшей степенью обобщенности, например, *adult; a man/woman/girl/boy; a friend; the guy.* В данную группу мы также включили те толкования, ядро которых имеет уточняющие определения: *A stupid person, A very dumb person.* Встречаются словарные статьи (3,7 %), представленные в виде связного текста, в который инкорпорирована дефиниция. (*People shouldn't call actual retarded people retarded. That is not politically*

correct. People have to call them developmentally challenged. People who are called retarded now are people who act stupid. A lot of liberal minded people get pissed off if you call someone retarded...).

Отличительной особенностью ряда дефиниций является их интерактивный характер, о чем свидетельствует частое использование личного местоимения *you*, обращения (*you still owe me my vacuum, Taylor!!!*), использование графических средств (например, ключевые фрагменты толкования напечатаны прописными буквами), видимо, с целью акцентуации внимания читателя или усиления эмоционального эффекта (*Someone who makes the EXACT SAME MISTAKE repeatedly*); встречаются дефиниции, напоминающие реплики из чата (*Someone who doesn't know the difference between video games and...wait retards arn't even smart enough to play video games. OK i'll restart [...]*).

В-четвертых, в толкованиях наблюдаются случаи девиации¹: 1) референтный характер значения, прямая соотнесенность слова с «предметом» из реального мира, при полном отсутствии сигнификативного слоя значения (26 %); чаще всего такие дефиниции выражены именами собственными (*Loic Jacobs; Ian Gully; Raily Velez Jr.*), однако встречаются и нарицательные существительные (*my math... professor, my neighbor...*); 2) частеречное несоответствие вокабулы и ядра толкования (2,8 %). В данной группе дефиниций обнаруживаются толкования, представленные сочетаниями с главным словом – прилагательным: *locally developed; having no brain; Being a fucken dumb hoe hoe dosent know anything they be called idiots*. Считаем, что такого рода дефиниции содержат так называемый нулевой компонент, который может быть потенциально реконструирован. Об этом свидетельствуют иллюстрации, из которых явно следует, что речь идет о существительном со значением лица: *Slow in the brain (See that person over there? He is a retard, he doesn't know how to do maths)*; 3) большое количество ошибок, в том числе орфографических (*an ediot; Someone that dosent know anything*).

В-пятых, нетипичным для традиционной лексикографии, но достаточно частотным для интерактивного словаря является включение в толкование ненормативной лексики и сленгизмов (14,4 %): *a fucking retard, stupid ass, my dumbass math professor*.

Таким образом, типология дефиниций интерактивного онлайн-словаря должна, на наш взгляд, включать не только те признаки, которые характерны для типологии толкований традиционного словаря (количество компонентов, входящих в структуру толкования, включение метаязыковых маркеров), но и те, которые релевантны только для этого типа словарей: наличие инклюзивных элементов, девиаций, использование субстандартных лексических единиц вторичной подсистемы языка. Эти последние признаки являются, на наш взгляд, явным проявлением отсутствия единого подхода к толкованию, связанного с публикацией словарных статей большим числом авторов.

¹ Девиациями будем считать отклонения от общепринятых лексикографических правил при построении толкования.

Чжан Аньци

О ХАРАКТЕРЕ ВЫХОДА СОЦИОЛЕКТИЗМОВ ИЗ УПОТРЕБЛЕНИЯ (на материале русского интернет-сленга)

Сейчас почти никто не сомневается в том, что Интернет и его продукция всесторонне меняет нашу жизнь, необратима также и тенденция роста интернет-сленга. Новые интернет-сленгизмы неожиданно появляются в нашем языке, но спустя время некоторые из них из языка уходят. При этом большинство исследователей уделяет свое внимание именно возникновению и способам образования интернет-сленга. Нами же была предпринята попытка выяснить, каким образом интернет-сленгизмы устаревают и в конце концов перестают употребляться.

Исследование базируется на данных Генерального интернет-корпуса русского языка ГИКРЯ, потому что ГИКРЯ может дать нам достаточные данные о живом интернет-общении за 2004–2014 годы. Материалом исследования послужили сленгизмы из «Словаря языка Интернета-ру» М. А. Кронгауза. Из всех единиц словаря нами отобраны только сленгизмы, не омонимичные словам литературного языка (87 слов). Проверка частотности сленгизмов осуществлялась по подкорпусу «Живой Журнал» (ЖЖ) ГИКРЯ, который занимает 40 % объема всего ГИКРЯ и содержит контексты более чем за 10 лет, что может обеспечить возможность исследования интернет-сленга в его развитии. Поскольку количество словоупотреблений в подкорпусе за каждый год был разным, мы высчитывали частоту каждого слова на миллион употреблений (ipm).

По годам наибольшей частотности употреблений (по «пику» частотности) слова распределяются по 11 группам (табл. 1). Но, поскольку в нашей работе поставлена задача рассмотрения уменьшения частотности употребления интернет-сленгизмов в течение 5 лет после его «пики» частотности, мы берем только слова, «пики» которых попали в 2004–2009 гг. (отмечены темным цветом, всего 53 слова).

Таблица 1

Год	Слова, демонстрирующие максимальную частотность в данный период
2004	ессно, лже-юзер, мессага, офлайн, офтопик, ржунимагу, сабж
2005	ИМХО, лан, лол, лытдыбр, офтоп, плз, реал, сорьки, флейм, флуд, щаз
2006	бнопня, бугага, зы, йух, кароч, оч, превед, прив, респект, спасибо, типо, ужоснах, улыбнуть, хз, чмоки
2007	нзч, нуб, спс, стайл, труь, што, штоле, ыыы
2008	адиначин, многобукаф, упячка
2009	ахаха, втф, какбэ, кек, лулз, омг, пышь-пышь, уг, холивар
2010	негодуэ, прон, трололо, хаюшки, хд
2011	котэ, онлайн, стопицот, фейл, чсв
2012	баттхерт, гуглить, детектед, мимими, няшка, печалька, развиртуализация, троллфейс, ящитаю
2013	развидеть, фейспалм
2014	анон, бомбануло, ванговать, жыр, котаны, нуок, пруф, расрас, слоупок, срач, тп, троллинг, шушпанчик

Далее, мы высчитали ежегодный процент убывания частотности употребления в сравнении с предыдущим годом в течение 5 лет после года «пика». Например, для слова *ессно* («пик» в 2004 году) это оказались следующие цифры: -1,92 % (2005), -15,05 % (2006), -9,78 % (2007), -21,77 % (2008) и -20,68 % (2009). После этого была проведена статистика количества слов по ежегодному убыванию частотности употреблений слов в течение 5 лет (табл. 2).

Таблица 2

процент убывания частотности	1-й год	2-й год	3-й года	4-й год	5-й год
≥ 0		3	4	8	4
0 ~ -1%	3	1	0	0	0
-1% ~ -10%	18	8	7	4	6
-10% ~ -20%	16	10	12	10	5
-20% ~ -30%	6	15	16	22	25
-30% ~ -40%	0	7	7	6	7
-40% ~ -50%	5	4	0	1	2
-50% ~ -60%	3	5	5	1	1
-60% ~ -70%	2	0	2	1	1
-70 \geq					2

Эти данные показывают, что в первый год у 34 слов процент убывания очень невелик (от -1 до 20). Во второй, третий и четвертый годы у основного числа сленгизмов происходит падение частотности чуть больше: на -10 ~ -30 %; в пятый год – еще чуть больше (-20 % ~ -30 %). То есть в целом процент убывания частотности большинства слов постепенно увеличивается по годам.

Если же суммировать все «потери» частотности за пять лет, то получится, что через 5 лет средняя «потеря» составляет 69 %, а у более 60 % слов частотность убывает на 60 % – 90 %, то есть довольно значительно.

Чтобы более четко показать пятилетнюю тенденцию изменения частотности каждого слова после года «пика» частотности употреблений, мы составили графики. Оказалось, что в соответствии с видом графика можно разделить слова на следующие четыре группы.

1-я группа (9 слов: *ессно*, *оффлайн*, *лытдыбр*, *нуб*, *стайл*, *штоле*, *многобукаф*, *холивар*, *ахаха*): небольшие волнообразные колебания кривой графика (рис. 1).

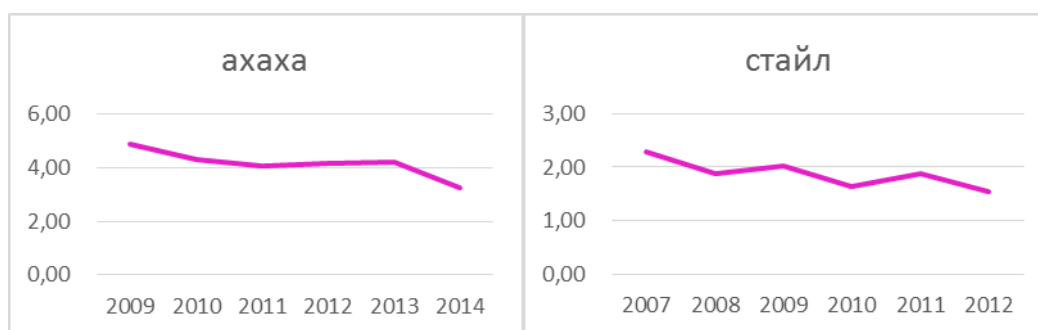

Рисунок 1

2-я группа (*втф, ИМХО, оффтоп*): кривая графика этих слов имеет форму дуги, то есть резкое падение только в конце (рис. 2).

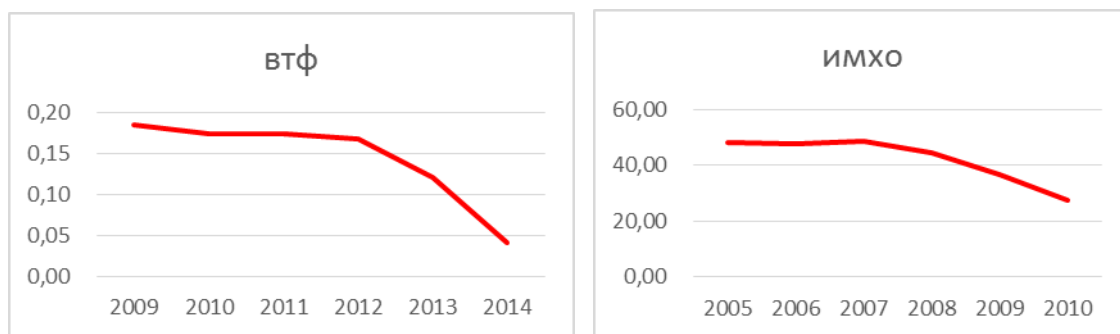

Рисунок 2

3-я группа (10 слов: *превед, бнопня, ужоснах, труь, спс, нзч, адинадин, пышь-пышь, мессага, упячка*): графики с резким падением в начале кривой (рис. 3).

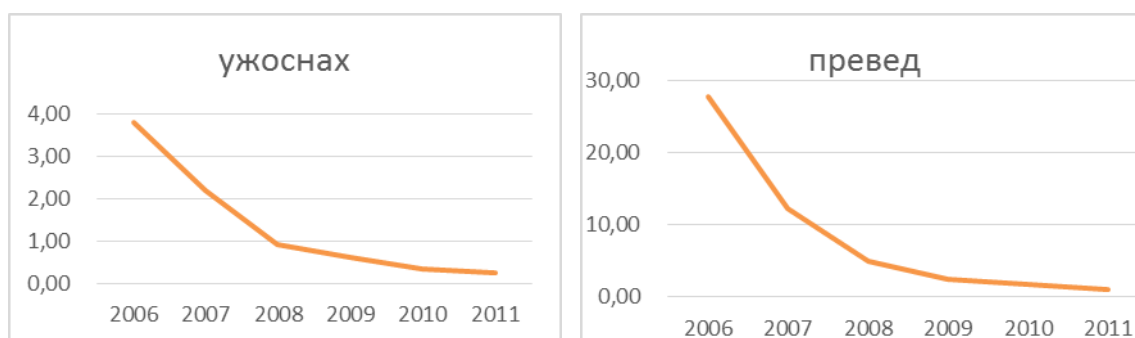

Рисунок 3

4-я группа (остальные 31 слово): линия графика по годам плавно снижается (рис. 4).

Рисунок 4

По данным исследования оказалось, что в 3-й группе (с резким падением в начале) собраны многие интернет-сленгизмы из языков субкультур: «упячки» и «падонков». Именно эти слова демонстрируют короткий «цикл жизни» в Интернете: после периода увлечения носителями сленга такими словами интерес к ним быстро падает. В целом же процент убывания частотности большинства слов постепенно увеличивается в «последипиковые» годы: за пять лет у 70 % слов «потеря» частотности употреблений составляет более 60 %, а средняя «потеря» для всех 53 слов равна 69 %. Это касается слов, имеющих «пик» частотности в разные годы и обладающих разными *ipm*.

Таким образом, временной цикл употребления отдельного интернет-сленгизма невелик, хотя сам феномен интернет-сленга продолжителен во времени. Это говорит о том, что накопление материала по интернет-сленгу даст в будущем возможность выявления более точных закономерностей его развития.

СТИЛИСТИКА И ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА

Е. В. Глинка

СУБЪЕКТИВИЗМ НОВОСТЕЙ В СМИ

Под новостью в СМИ понимается актуальная информация, представляющая политический, социальный или экономический интерес для широкой аудитории. Ей свойственна лаконичность и объективная тональность изложения. Новостной материал состоит из фактов, поэтому любые языковые или стилистические изыски приравниваются к комментированию фактов, приводящему к их субъективной оценке.

Но информационное сообщение – это, по сути, речевая интерпретация событий, и доля авторского комментария в той или иной мере в ней может проявляться.

Существует три типа комментария в информационных сообщениях: явный, завуалированный и нечаянный. Первые два – осознанные, третий – ненамеренный, случайный. При явном комментарии журналист открыто высказывает свой взгляд или мнение. Например, новостная заметка «По собственному желанию» (Новости TUT.by) снабжена подзаголовком: *Глава Кореличского района покинул свой пост (говорят, не просто так)*. И здесь уже выражен намек на обстоятельства увольнения должностного лица.

Завуалированный комментарий может быть выражен разнообразными языковыми средствами. Основное средство скрытого и нечаянного комментирования – эмоционально окрашенные слова. К примеру, в косвенной речи употребляются нейтральные глаголы *сказал* и *сообщил*. Они лишь передают информацию, что цитируемые слова были произнесены. К ним же относится и ныне популярное *озвучил*, а также новоиспеченное *артикулировал* (*Премьер артикулировал отношение правительства к состоянию экономики* (БелГазета, № 43, 12.11.2019). Эти слова часто заменяются синонимами с дополнительными коннотациями: *признал*, *допустил*, *предположил* и т.п. Семантика передачи информации в этих глаголах дополнена значениями ‘вынужденности’, ‘неуверенности’, ‘сомнительности’. *Признал* подразумевает признание (или допущение) вины; в то время как *утверждает* может дать понять, что автор не верит сказанному; *подчеркнул* означает, скорее всего, поддержку и одобрение. В нескольких вариантах представленной информации – «*Лукойл*» *не планирует как-либо компенсировать потери Белоруссии из-за налогового маневра/не намерен компенсировать.../отказался компенсировать...* – семантика глаголов и их форм содержит скрытый комментарий отказа: от нейтрального *не планирует* до резкого *отказался*. Таким же образом выражена оценочность в подаче информации в разных изданиях: *Россия не разрешает Казахстану поставлять нефть в Беларусь* (naviny.by)/*Возможно, Казахстан сможет поставить нам нефть, если Россия согласится с этим* (БелТА). Жесткий императив выражен глаголом

не разрешает, и уступка, возможность – в форме сослагательного наклонения *если Россия согласится*. То есть объективной частью информации остается зависимость от России, а субъективно оценивается запрет или возможность согласия (России).

Оценка – это признак значимости. И автор устанавливает свое отношение к оцениваемому объекту с целью определения его значения для жизни и деятельности общества.

Способы выражения субъективной оценки многообразны. Оценка может быть имплицитной, т.е. заложенной в значение слова, и эксплицитной, присутствующей не конкретному слову, а его употреблению. К средствам выражения имплицитной оценки относятся метафоры, эвфемизмы, «скорненные» слова. Метафоры в публицистике призваны создать у читателя яркий образ, влияющий на восприятие информации: *безвоздушное пространство союзной интеграции* (БелГазета, № 1, 14.01.2020). Эвфемистические замены позволяют создать положительный образ или нейтрализовать негативный: *Тунеядцы, отбой!*. В лиде пейоратив *тунеядцы* заменен эвфемистическим словосочетанием: *Правительство изменило срок полной оплаты услуг теплоснабжения «не занятым в экономике гражданам»* (БелГазета, № 39, 15.11.2019). Прием так называемого скорнения построен на контаминации слов, в результате чего создается новая, семантически прозрачная форма, выражающая определенную оценку: *Пуховичикаго (Пуховичи + Чикаго), Булбамбия Пикчерс*.

Скрытая, или эмплицитная, оценка может содержаться в контексте, квазицитате и квазисинонимическом ряду. В определенном контексте оценка закладывается не в основное значение номинации, а в ее словесное окружение. Например, *красные директора* в контексте белорусских СМИ обозначают руководителей старой формации. Переносное значение лексемы *красный* в современном экономическом дискурсе обозначает уже не преданность революционным или советским идеалам, а косность. Вырванные из контекста цитаты (квазицитаты) – весьма распространенный прием скрытого манипулирования общественным сознанием, так как он основан на правдоподобии, но имплицитно выражает субъективное мнение. Так, слова А. Г. Лукашенко о Минске как столице США при проведении «матча века», вырванные из общего контекста (*На эти дни, если вы нам доверите, Минск станет столицей США...*), стали мишенью для острословия, а их смысл был искажен.

Дополнительные субъективные оттенки смысла могут вносить в текст пунктуационные знаки. Это и дополнительные знаки препинания, и их отсутствие, а также особая роль кавычек. Например, многоточие в заголовке *Наступная станция... «Кавальская слабада»* выполняет роль театральной паузы перед названием новой станции: *остаётся 200 дней до пуска 3-й линии Минского метрополитена* (Звезда, № 240, 18.01.2020). Восклицательный знак в контексте информации выражает эмоцию, жест или другую реакцию, ожидаемую или вызываемую у читателя: *В Бресте началась общественно-экологическая экспертиза проекта аккумуляторного завода. Представитель компании-проектировщика заявил, что максимально возможный выброс*

свинца в атмосферу составит 29 кг в год (!), а не 3 кг, как сообщалось ранее («Салідарнасць»). Употребление кавычек в новостном заголовке *Власти обещают «изучить» предложение сделать 31 декабря выходным* (Свободные новости плюс, № 42, 12.11.2019) вносят оттенок иронии. В следующем контексте кавычки уже выполняют другую семантическую функцию: *Беларусь не получит 460 млн долларов от «перетаможки» российской нефти в 2020 году* (Свободные новости плюс, № 42, 12.11.2019). Название механизма изменения таможенных условий, помещенное в кавычки, передает негативную оценку подобного маневра под белорусским углом зрения. В новостных заголовках *Простить нельзя наказывать, Данамагчы нельга пакінуць* двусмысленность создается отсутствием запятой.

Таким образом, несмотря на общепринятые требования объективности, предъявляемые к новостной заметке в СМИ, в действительности мы наблюдаем многочисленные случаи явного или завуалированного авторского комментария и наличие обширных языковых ресурсов для выражения субъективной оценки. И по этой же причине существует реальная опасность обесценивания новостей, когда новости и комментарии смешивают: при этом факты мутнеют и теряют свою ценность.

Н. М. Грищенко

ЭСТЕТИЧЕСКИЕ СТИМУЛЫ ИСПАНСКОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Поэтический текст, как художественное произведение, обладающее эстетической ценностью, исходя из концепции итальянского философа и семиотика У. Эко, трактуется как «открытое» произведение. *Открытое произведение* (как законченная и совершенная форма) понимается как принципиальная неоднозначность художественного сообщения, характерная для любого произведения в любое время. Оно предоставляет возможность читателю (адресату эстетического сообщения) трактовать себя разными способами, не утрачивая присущего тексту своеобразия.

В открытом произведении на основе *количественной* (семантической) информации образуется более глубокий вид информации – информация *эстетическая*. Одной из особенностей эстетического сообщения является побуждение адресата к применению новых кодов при прочтении этого сообщения. Информация первого уровня, семантическая, может быть представлена как система отношений, не зависящая от конкретного физического носителя. Информация второго уровня, эстетическая, представляет собой сложный информативный комплекс, который передается в процессе поэтической коммуникации помимо смысловой информации. Она заключается в соотношении результатов первой информации с органическими свойствами произведения, осознаваемыми как их источник, т.е. сознательное формотворчество адресата становится источником наслаждения.

Автор создает поэтический текст, находясь в определенном философско-созерцательном состоянии, которое можно трактовать как чувственно-понятийное постижение автором мира. В поэтическом тексте всегда присутствует интерпретационный план. Сущность фактов, представленных в нем всегда образно-эмоциональна и субъективна. Постоянное преобразование денотаций в коннотации заставляет читателя постоянно наполнять форму сообщения новыми означаемыми, которые в то же время согласовываются с логикой означающих. Таким образом, устанавливается относительное равновесие между свободой интерпретации и структурированным контекстом сообщения. Эстетическая функция в поэтическом произведении состоит в том, чтобы открывать адресату нечто новое. Преобразовываясь, эстетическое сообщение становится источником новой коммуникативной цепи и, следовательно, источником возможной новой информации.

Открытость произведения является условием эстетического восприятия. Можно постулировать, что эстетическое обращение к любому языку предусматривает эмотивное использование референций и референциальное использование эмоций. При воздействии на адресата эмотивные стимулы в эстетическом сообщении воспринимаются как система коннотаций, управляемая и контролируемая структурой этого сообщения. Все символы и архетипы, составляющие код культуры, представляют собой сообщения, открытые для новых осмыслений и реакций, т.е. речь идет о своеобразных отсылках к исторической памяти культуры.

Наличие эстетической информации в поэтическом тексте позволяет выделить два вида читателя, формируемых этим текстом: *образцовый (идеальный)* читатель (*аристократический* – в терминологии Р. Барта) и читатель *эмпирический* (в концепции У. Эко).

Под эмпирическим читателем подразумевается любой адресат, получающий сообщение. Такой читатель воспринимает текст с учетом уже имеющихся знаний, опыта и под воздействием эмоций, вызванных произведением. При разных обстоятельствах и в разных условиях чтение, как процесс приобретения информации, может приводить к разным для адресата результатам, так как достоверность интерпретации зависит от исторического знания, которым обладает читатель, от понимания им жизненных ситуаций. Зачастую собственные эмоции мешают эмпирическому читателю корректно воспринимать сообщение.

Образцовый читатель – это идеальный вид читателя, который становится для автора соратником, а также которого автор пытается создать. Такой читатель, как субъект восприятия текста, должен быть включенным в мировую культуру, иными словами, обладать интертекстуальной компетенцией, позволяющей ему узнавать в тексте произведения цитаты, аллюзии, отсылки в плане их смысловой идентификации. Автор художественного произведения прогнозирует динамику читательской точки зрения, а «идеальный» текст формирует определенную систему, которая способна стимулировать сотворчество автора и образцового читателя. Можно допустить, что хорошо организованный текст создает определенную компетенцию своего читателя и в то же

время заранее предполагает наличие этой компетенции. Здесь соединяются прошлое (текст с заложенной в нем традицией) и настоящее (читатель со своим предпониманием текста). Истинно художественное произведение в своей открытости не столько подвигает читателя «воссоздавать» внутренний мир автора, сколько вызывает в памяти читателя опыт, ситуации, моменты, созвучные атмосфере произведения, таким образом, порождает цепочку ассоциаций, извлеченных художественным произведением из глубин памяти читателя. Представляется, что такое домысливание по ходу чтения составляет обязательный эмоциональный аспект чтения, связанный с переживаниями читателя.

Рубеж XIX–XX веков в испанской литературе ознаменован приданием автономного статуса художественному сознанию в целом и поэтическому в частности. В своем творчестве испанские поэты-модернисты исходили как из опыта латиноамериканских авторов, так и из идей различных нереалистических течений европейской литературы: в их работах использовались отсылки к произведениям прерафаэлитов, символистов, импрессионистов, неоромантиков, неоклассиков.

Испанской поэзии присущ глубокий философский смысл, в ней прослеживается явственная связь с мифотворчеством, поднимаются проблемы символизма, она многозначна и предполагает наличие у читателя определенной компетенции.

Испанский поэтический текст задает читателю темп прочтения произведения. При этом ритмичность в поэтическом произведении носит смысло-различительный характер.

Указание на многозначность сообщения в испанском поэтическом тексте может быть выражено графически в виде различных типографских приемов (например, чистое пространство вокруг того или иного слова, выделение слова многоточием или тире с двух сторон) или же пространственной композицией текста. К тому же в поэтическом произведении один из элементов самобытности эстетической речи обуславливается как раз нарушением вероятностного порядка языка, способного сообщать обычные значения, и это приводит к увеличению числа обычных смыслов.

Поэтический текст может также приобретать характер саспенса (*stretching* ‘растягивание’ – в терминологии С. Чатмана), замедляющего темп прочтения: зачастую растянутые описания предметов, персонажей, пейзажа, осложнение текста большим количеством деталей – это не стилистические приемы, а способы замедлить время чтения, постепенно задать читателю ритм, который автор считает необходимым для полноценного восприятия текста, т.е. сам текст как будто «принуждает» читателя читать его медленно. Это характерно для творчества таких испанских поэтов XIX–XX веков, как Сальвадор Руэда, Франсиско Вильяэспеса, Антонио Мачадо. Целью поэтического текста является раскрытие душевной жизни человека, его эмоций, глубинных характеристик его внутреннего мира. В испанском поэтическом тексте слово тяготеет к актуализации своих скрытых смыслов, а сам текст ориентирован на эмотивность и сопереживание.

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ СТРУКТУРЫ КРАТКОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ СТАТЬИ

Пространственно-временная (далее П-В) структура текста является сложным образованием, состоящим из нескольких отдельных систем, которые относятся к различным денотатам и обладают различными свойствами. В тексте каждая такая система выражена группой П-В маркеров, объединенных денотативной общностью и обладающих сходными характеристиками, которые обычно противопоставлены характеристикам другой группы маркеров того же текста. Эти конституирующие элементы П-В структуры текста мы, следуя бахтинской традиции, называем хронотопами.

П-В структура информационной статьи сфокусирована на отношениях между субъектами, доминирует противостояние субъектов в рамках одного хронотопа. Важной характеристикой П-В структуры в информационной статье является статичность, в фокусе – пространственный компонент. В данном типе текста присутствуют физические, моделирующие и смешанные хронотопы, больше половины из них – простые, наиболее частотная модель – «1 основной хронотоп + 1 вспомогательный хронотоп».

Основными элементами ситуации в информационной статье являются в большинстве случаев субъекты. Данный тип текста дает следующие типы отношений субъект – субъект и субъект – хронотоп (на материале 40 кратких информационных статей) статей:

Типы отношений	Противостояние 29 статей; 72,5 %				Единство 4 статьи; 10 %		Единичный 7 статей; 17,5%	
Модели	[S vs. S]	[S] vs. [S]	[S vs. O]	[S] vs. [O]	[S+S]	[S]+[S]	S	O
Кол-во статей	20 50 %	5 12,5 %	2 5 %	2 5 %	2 5 %	2 5 %	6 15 %	1 2,5 %

Самой распространенной моделью отношений элементов в информационной статье оказалось противостояние 2 субъектов в рамках одного (основного) хронотопа [S vs. S] – 50 % статей. Субъекты, находящиеся в первой аргументной позиции очень разнообразны: от стран и крупных организаций до частных лиц (*Turkey; Siemens, the German industrial group; European Union diplomats; rural doctors; Unilever co-chairman; a Canadian jogger*). Противостояние 2 субъектов из двух различных хронотопов (основного и вспомогательного) [S] vs. [S] встретилось в 12,5 % статей. Противостояние субъекта и объекта обнаружено два раза в рамках одного (основного) хронотопа [S vs. O] (5%) и два раза – в разных хронотопах [S] vs. [O] (5 %). Выявленные объекты включают в себя, например, бактерию (*superbug that kills 4,000 a year*), огонь (*fire is finally under control; before firefighters got it*

under control), молнию (*when lightning traveled through his music player's wires*). Единичный субъект в основном хронотопе [S] обнаружен в 15 % статей (вторая по распространенности модель), единичный объект [O] – только в одной статье (2,5 %). Наименее представленным является в информационной статье единство субъектов: единство в рамках одного хронотопа выявлено в 5 % статей, в рамках разных хронотопов – в 5 % статей.

Итак, в информационной статье преобладающим типом отношений основных элементов ситуации является противостояние (72,5 % статей), что выражает имплицитную интенцию адресанта, как представителя общественной группы, которую поддерживает издание, исходя из интересов этой группы, показать противостояние как основной тип отношений между субъектами, а мир – разделенным на «своих» и «чужих». Прагматическим значением П-В структуры, таким образом, является представление противостояния как основного типа отношений между элементами, его составляющими (чаще всего субъектами), без возможности развития или изменения, что соотносится с общей коммуникативно-прагматической направленностью данного типа текста на убеждение, формирование общественного мнения.

Рассмотрев отношения «субъект – хронотоп», можно сделать вывод о том, что отображение действительности в краткой информационной статье является фотографичным, т.е. представлено некоторое положение вещей, но развитие ситуации отсутствует. Несмотря на динамичность отдельных хронотопов, П-В структуру информационной статьи в целом можно обозначить как статичную с преобладанием пространственного компонента. В прагматическом фокусе здесь не развитие ситуации, не динамика, а статичное представление отношений между субъектами, чаще всего в рамках одного хронотопа. Здесь отсутствует изменение, переход элементов из одного хронотопа в другой, а в прагматическом фокусе находится структура системы, отношения между ее элементами, которые и служат основой для формирования прагматического содержания и выполнения прагматической функции.

На материале информационных статей выявлены базовые типы хронотопа, из которых может состоять П-В структура текста – физический (34,9 % хронотопов), моделирующий (31,3 % хронотопов), смешанный (33,7 % хронотопов). Первые два типа различаются, прежде всего, природой отражаемых явлений: естественные П-В отношения отображаются в физическом хронотопе, в то время как системные отношения, моделируемые в пространственных терминах, – в моделирующем. Смешанный хронотоп объединяет в себе элементы и физического, и моделирующего. В информационной статье хронотопы достаточно четко делятся на физические и моделирующие, в одном тексте присутствуют чаще всего (75 % статей) несколько хронотопов и того и другого типа, что обусловлено стремлением автора вместить максимум информации в минимум текстовой протяженности. Пространственные параметры выходят на первый план там, где надо показать системные отношения, а информационную примарность времени наблюдаем, если в фокусе П-В параметры физического мира.

Наиболее распространенной моделью П-В структуры информационной статьи является модель «1 основной хронотоп (в котором разворачивается основной конфликт) + 1 вспомогательный хронотоп». Подобная модель, а также большой процент (53 %) простых хронотопов в информационной статье обусловлены, с одной стороны, требованиями жанра (краткость, сжатое представление информации, акцентирование информационного ядра). С другой стороны, одномерность, неразветвленность большинства хронотопов объясняется прагматической направленностью данного типа текстов на воздействие, убеждение, формирование мнений и оценок, навязывание определенной точки зрения на событие. Прагматическое содержание П-В структуры состоит в том, что информация подается в наиболее удобном виде, с готовым делением на «черное» и «белое», простой хронотоп с одной системой координат не предполагает критического осмысления и разностороннего толкования явлений.

А. С. Жук

ПРАГМАТИКОН ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПОДРОСТКА-АУТИСТА В СОВРЕМЕННОМ БРИТАНСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Современная лингвистика проявляет особый интерес к личности говорящего и к особенностям ее речевого поведения, исследования которых позволяют определить индивидуальные и прототипические характеристики самой личности говорящего.

Структура языковой личности традиционно представлена в виде трехуровневой модели, репрезентирующей три уровня владения языком: 1) вербально-семантический, или лексикон вместе с грамматиконом; 2) лингвокогнитивный, или тезаурус ЯЛ; 3) прагматический, или прагматикон.

Для реконструкции прагматического уровня языковой личности подростка-аутиста по роману современного английского писателя Марка Хэддона «The Curious Incident of the Dog in the Night-Time» использован метод контекстуального анализа, с помощью которого выявлены цели, мотивы, интересы, установки и интенциональности аутиста, оказывающие влияние на его коммуникативное поведение в различных ситуациях.

Цели, установленные мальчиком-аутистом, условно разделены на три вида в соответствии с временной перспективой: *ближайшие, дальние, самые далекие*. В связи с отсутствием у подростка опыта в социальном взаимодействии и аутистическими особенностями его психического развития реализация данных целей происходит постепенно и предполагает выход героя из зоны комфорта.

Первоначально в ближайшие цели входят расследование убийства соседской собаки и выявление личности убийцы. Так как эти цели были достигнуты в ходе ведения расследования, приоритетными для мальчика

становятся новые цели – убежать из дома, после чего уехать в Лондон, отыскать там свою мать и жить с ней: *I'm going to live with my mother, because Father killed Wellington and he lied and I'm frightened of being in the house with him.*

В качестве дальнейших планов устанавливается успешная сдача экзамена на степень А по математике, к которому подросток усиленно готовится на протяжении всего романа: повествование сопровождается примерами, квадратными уравнениями, математическими задачами, которые герой часто решает в уме. При этом не исключается возможность его внутреннего проговаривания при произведении подсчетов.

Подросток намерен сдать экзамен несмотря на часто возникающие на этот счет споры с матерью. В своем коммуникативном поведении герой использует следующие аргументы: невозможность перенести дату экзамена, договоренность с наблюдателями экзамена, – это подчеркивает не только свойственную аутистам приверженность к следованию установленным правилам, но и настойчивое стремление Кристофера к достижению высоких академических целей:

And I said, "But I have to go because it's been arranged and the Reverend Peters is going to invigilate."

And she said, "Look. It's only an exam. I can ring the school. We can get it postponed. You can take it some other time."

And I said, "I can't take it another time. It's been arranged. And I've done lots of revision".

Стоит также отметить одну из приоритетных целей подростка – написание им самим книги детективного характера, в которой отражены выше-названные ближайшие и дальнейшие цели мальчика, их успешное достижение, а также включены подробности его ежедневной жизни, описание происходящих с ним событий. Все это становится доступным для анализа через внутреннюю речь подростка, точное воспроизведение диалогов и косвенной речи.

В самой далекой перспективе протагонист планирует сдать экзамен на продвинутый уровень по физике и поступить в университет (*And after I've taken A-level maths I am going to take A-level further maths and physics and then I can go to university*), продвигаться в научной деятельности и получить новую научную степень (*I will get a First Class Honours Degree and I will become a scientist*).

Коммуникативное поведение подростка-аутиста исследовалось на основе анализа реализации его целей, мотивов, интенциональностей во всем романе. В результате установлена частичная нехватка прагматической компетенции у героя, а также выявлены прагматические неудачи, под которыми понимается неспособность понять то, что имеется в виду посредством того, что говорится. У мальчика-аутиста это проявляется, во-первых, в трудностях в осуществлении фатического общения. Целью последнего есть установление, поддержание, прерывание контакта с собеседником, при котором не происходит обмена информацией:

I went up to Mrs Alexander and said, "Do you know anything about Wellington being killed?"

...And she said, "You're Christopher, aren't you?"

I said, "Yes. I live at number 36."

Данный фрагмент из романа показывает, что подросток-аутист обращается к незнакомому человеку напрямую с интересующим его вопросом, избегает уместного приветствия и самопредставления, не дает пояснительных комментариев, кроме этого предлагает избыточную с точки зрения успешной коммуникации информацию о себе в конце беседы. По ходу развития этого диалога становится очевидным, что Кристофер неспособен поддержать беседу в соответствии с принятыми в обществе нормами и правилами.

Кроме подобных прагматических неудач, в прагматиконе языковой личности подростка-аутиста зафиксировано нарушение основных принципов успешной коммуникации: принципа кооперации Г. П. Грайса, принципа вежливости Дж. Лича, принципа сохранения имиджа С. Левинсона и П. Браун.

Так несоблюдение принципа кооперации Г. П. Грайса у протагониста отражается в затруднениях при дифференциации релевантной и незначимой информации, неумении определить из ситуации ожидаемую от него в ответ информацию, вследствие чего наблюдается как недостаточная, так и избыточная информативность его реплик в диалогах. В произведении отмечены нарушения подростком следующих максим Г. П. Грайса: количества (Quantity) – излагай, не больше и не меньше требующейся информации, ясности (Manner) – будь краток, а также релевантности (Relation) – не отходи от темы.

Также среди причин коммуникативных неудач протагониста выявлены трудности с образным языком, неумение расшифровывать переносное значение слов и метафоры. Подросток чувствует себя сбитым с толку, так как представляет буквальные значения выражений: *And she said lots of things I didn't understand, e.g. 'I'm going to hit the hay,' ...And I didn't like it when she said things like that because I didn't know what she meant.*

Особенностью коммуникативного поведения героя является его стремление говорить правду в любых обстоятельствах, даже в таких ситуациях, где в исполнении максимы качества по Г. П. Грайсу (Quality) – не говори того, что считаешь ложным, и того, на что у тебя нет достаточных аргументов – допускается послабление: *He (the policeman) said, "Are you telling the truth?" I said, "Yes, I always tell the truth." "...we are going to keep a record of what you did, that you hit a policeman but that it was an accident and that you didn't mean to hurt the policeman." I said, "But it wasn't an accident".* Кристофер подчеркивает, что он ударил полицейского не случайно, несмотря на то, что его утверждение могло бы повлечь за собой серьезные негативные последствия.

При анализе коммуникативного поведения протагониста также установлено неоднократное нарушение им принципов вежливости Дж. Лича и сохранения имиджа С. Левинсона и П. Браун. Это проявляется в за частую

неумышленных, прямолинейных осуждениях и негативных оценках аутистом других людей, что может создавать впечатление о его невежливости, грубости, бесчувственности: *Some dogs were cleverer and more interesting than some people. Steve, for example, who comes to school on Thursdays, needs help to eat his food and could not even fetch a stick.* В этом случае Кристофер нарушает максимум одобрения (Approbation) Дж. Лича, которая предполагает минимизировать осуждение собеседника.

Максима скромности (Modesty) Дж. Лича, требующая от собеседников минимизировать похвалу в свой адрес, также не соблюдается. Кристофер часто подчеркивает свои уникальные способности в математике и других науках, открыто заявляет о своем интеллектуальном превосходстве над сверстниками: *All the other children at my school are stupid. Except I'm not meant to call them stupid, even though this is what they are.*

Итак, в ходе исследования установлено, что прагматикон языковой личности Кристофера Буна отражает как естественное для человека стремление к развитию и самоутверждению, так и аутистические особенности протагониста, очевидные на уровне его речевого поведения. Установлена частичная нехватка прагматической компетенции у протагониста, что проявляется в его неспособности дешифровки переносного значения слов, трудностях в осуществлении фатического общения. Кроме этого, отмечено нарушение основных правил успешной коммуникации.

Подросток-аутист достигает все поставленные цели благодаря собственной любознательности, интересу, целеустремленности, а также заботе семьи, помощи специализированной школы и общества в целом.

Г. А. Каспирович

НОВООБРАЗОВАНИЯ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ (на примере глагола и прилагательного)

В исследованиях, где речь идет о языке рекламы, среди **глаголов** неологизмы встречаются крайне редко. Нами обнаружено лишь 3 глагольных композита (*Full Service fliegen, Test fahren, weiter denken*) и 3 деривата *mitleben, mitleiden* и *mitgewinnen* (приближающихся по своим функционально-семантическим характеристикам к композитам), зафиксированных в одном рекламном объявлении.

group rufino

ixtern Marketing Professional

„Die intern agierende und extern organisierte Marketing Ressource. Eben; ixtern.“

Überall da, wo eine interne dedizierte Marketing Ressource keinen Sinn macht aber ein professioneller und nachhaltiger Marktauftritt gefordert ist, da ist ixtern Marketing Professional die erste Wahl. Auf Basis eines Mandats – definierte

Stunden pro Woche – wird die Zukunft aktiv und nachhaltig gestaltet. Wir verstehen uns nicht als Projektmitarbeiter. Wir wollen mit Ihrem Unternehmen mitleben, mitleiden und mitgewinnen!

Префикс *mit-* соотносится с предлогом *mit*, демонстрируя сходство значений: он выражает совместность, соучастие, сопровождение.

Обращает на себя внимание орфография вербальных композитов *Full Service fliegen, Test fahren, weiter denken*: в ней явно прослеживается тенденция в сторону синтаксической конструкции, хотя в первых двух примерах отсутствуют необходимые для синтаксической интерпретации предлоги: *mit Full Service fliegen, zum Text fahren*. Правда, в первом примере допустим и вариант без предлога: *Er flog Full Service*. Семантическая модель в первом случае – обозначаемое глаголом *flog* действие содержит словосочетание *Full Service*. Во втором примере обозначенное глаголом *fahren* действие имеет при себе существительное *Test* для маркирования цели. Что касается новообразования *weiter denken*, то, в первую очередь, заслуживает внимания раздельное написание элементов, хотя узуальным является как раз их слитное написание. Можно предположить следующую семантическую модель этого новообразования: обозначаемое глаголом *denken* действие протекает каким-либо образом, а компаративный объект, коррелируемый с *weiter*, обладает величинами (параметрами), выходящими за некие усредненные рамки.

Хотя конверсия как переход слова из одной части речи в другую без изменения формы довольно продуктивный способ пополнения словарного состава языка, в немецкоязычных рекламных текстах нами не обнаружены глаголы, образованные от имен существительных.

Что касается **прилагательных**, то они в рекламе представлены гораздо шире. Правда, отвербативные и отсубстантвинные прилагательные, являют собой довольно большую группу. Как указывает известный немецкий лингвист В. Фляйшер, в диапазоне имени прилагательного в рекламном тексте наиболее характерны производно-сложные единицы с суффиксами *-ig, -lich, -isch, -bar, -mäßig* весьма интенсивно используемые: *ein viertüriger Kombi, hitzebeständiges Material, bankmäßige Sicherheit, Kleinwagenmäßige Züge eines Autos, faulige Tomaten, eine hautfreundliche Creme, essbare Pilze, ein zusammenklappbarer Tisch, trinkbares Wasser, unzerbrechbares Geschirr, ein akzeptierbares Angebot, lang haltbare Lebensmittel, unentrinnbare Erinnerungen, eine aufblasbare Weste, waschbare Tapeten, ein benutzbares Mittel, straßenmäßige Kleidung, eine ratenmäßige Abzahlung*.

В языке рекламы встречаются отдельные интересные новообразования с суффиксом *-bar*, образованные, вопреки правилам словообразования, от прилагательных. Большую известность получило представленное в нашем корпусе прилагательное *unkaputtbar*, созданное для рекламы специально разработанной пластиковой бутылки для напитков: прилагательное выступает здесь в значении ‘суперпрочный, дословно: такой прочный, что не может испортиться, прийти в негодность, спуститься (здесь: о колесе)’. Следующее рекламное объявление иллюстрирует необычность данного новообразования.

*PU Schubkarrenrad / Rad / Karrenrad 95x400 „nie mehr platt“ –
pannensicher und unkaputtbar!*

Nie mehr platte Reifen, nie mehr teure Reparaturrechnungen, immer sofort einsetzbar – unmöglich? Nein!

Mit unseren neuartigen PU Polyurethanrad Rad sind Sie immer sicher vor Dornen, Glassplittern, Nägeln, Schrauben etc. – eben alles, was einem „normalen Reifen“ den sicheren Tod bringt.

Das Pannensichere PU-Rad (Polyurethan-Rad) besteht nicht, wie normal, aus Mantel und Schlauch, sondern aus Polyurethan Vollmaterial.

Durch viele kleine eingeschlossene Luftbläschen ist das Material nicht hart wie Gummi, sondern garantiert Robustheit und Zuverlässigkeit.

Und das bei fast gleichem Fahrverhalten einer herkömmlichen Luftbereifung.

Ausstattung:

PU Vollmaterial

Kugelgelagerte Achsaufnahme

Robuste Metallfelge

Reifenbezeichnung: 4.80/4.00 - 8

Not for Highway use

Своеобразие этой рекламы состоит еще в том, что неологизм *unkaputtbar* выносится в заголовок, чтобы сразу обратить на себя внимание реципиента, выдвигая на передний план уникальный товарный продукт.

Следует отметить, что первоначально неологизм *unkaputtbar* был запущен компанией «Кока-Кола» для характеристики небьющихся бутылок многократного использования. Между тем это прилагательное сейчас используется в отношении и других товаров, например, в вышеприведенном рекламном тексте, в котором предметом рекламы являются особо прочные колеса для садовой тачки. Прилагательное образовано от прилагательного *kaputt* при помощи префикса *un-* и суффикса *-bar*. Необычным здесь является сам способ образования от прилагательного при помощи суффикса *-bar* (крайне редкий случай в немецком словообразовании).

Неологизмы-прилагательные, образованные от существительных, например, дериваты *leistungsmäßig* и *doppelschlitzig*, а также композиты *feinstaubfrei*, *iPod-kompatibel*, *atem-frei* не очень многочисленны. Два первых прилагательных входят в разряд композитов управления: *feinstaubfrei* = frei von Staub; *Das Radio ist mit iPods kompatibel* – Das Radio ist iPod-kompatibel. Третий композит *Atem-frei* активизирует значение самостоятельной лексемы, вводя определенное семантическое ограничение: *frei in Bezug auf den Atem*. Неологизм *doppelschlitzig* – это дериват, образованный от прилагательного *doppelt* и существительного *Schlitz* с добавлением словообразовательно форманта суффикса *-ig*.

Тот факт, что имя прилагательное как часть речи наиболее широко представлено в немецкоязычных рекламных текстах по сравнению с глаголом, объясняется, скорее всего, особенностью функционирования этой части речи, способностью прилагательных выражать разную степень положительной оценки продукта, подчеркивая его привлекательность для потребителя, создавая нужный имидж рекламируемого товара.

Л. С. Крохалева

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ТЕКСТОВОЙ АКТУАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ ДИАЛОГИЧНОСТИ

Исследование теории диалога в его широком бахтинском понимании и описание моделей диалогических отношений в конкретных речевых разновидностях текста является одним из интенсивно развивающихся направлений современной дискурсивной стилистики. Вместе с тем выделяемые типы диалогов не всегда соотносятся с коммуникативно-познавательной сферой, в которой функционирует анализируемый текст, что вызывает разночтения как самого понятия диалогичности текста, так и его терминологического оформления.

Так, относительно научного стиля обосновывается статус диалогичности как одной из основных функциональных семантико-стилистических категорий, размежевываются в рамках общего понятия *диалог* такие его варианты, как «внешний» (межтекстовый/интертекстуальный) диалог, реализуемый цитатами, сносками, референциями, библиографическими списками, intersubъектный диалог между автором и читателем, актуализируемый равноуровневыми языковыми средствами и конструктивными приемами, и так называемый когнитивный диалог, трактуемый как «переключка компонентов старого и нового знания в процессе превращения научной интенции автора в завершённый научный дискурс» (М. Н. Кожина, И. В. Данилевская, М. П. Котюрова и др.).

Применительно к сфере художественной коммуникации перевод литературоведческой проблематики полифонии текста в лингвистическую плоскость связан, прежде всего, с выявлением языковых средств, передающих одновременное звучание нескольких «голосов» во «внешне линейном тексте». В рамках широкого лингвопоэтического подхода в качестве базовой единицы анализа признается бахтинское «диалогическое слово», которое благодаря своей особой семантике способно полифонизировать художественный текст не только на собственно языковом, но и на композиционном, образно-тематическом и идейно-художественном уровнях (А. Н. Морозова, Т. Г. Никитина, А. С. Сидоренко).

В контексте современных дискурсивно ориентированных разработок значительно расширяется и уточняется содержательное наполнение категории диалогичности, в частности, за счет описания различных типов внутритекстовых диалогических отношений (Т. Ф. Плеханова). При этом понятие/термин *intersubъектный диалог* трактуется не только и не столько как явно или не явно лингвистически маркированные голоса героев, сколько сочетание «множественности равноправных сознаний с их мирами» (В. В. Кожин). Такого рода подход, составляющий методологическую базу дискурсивно-диалогических исследований, позволяет, не прибегая к использованию вариативного и во многом спорного для лингвистов термина *интер-*

текстуальность, не замыкаться в рамках традиционных сюжетно-прагматических схем при анализе художественного произведения, а выходить в широкое внетекстовое пространство.

С учетом новейших исследований в области дискурсивно-категориальной стилистики и лингвистической типологии обозначились и определенные различия интертекстуальности как субкатегории диалогичности в зависимости от того, на базе какого текстового материала исследуется проблематика межтекстового взаимодействия. Так, при интерпретации художественно-речевого целого внимание исследователей акцентируется на «репрезентативном аспекте» межтекстового диалога, когда к его сфере относят не только интекстные включения в виде модифицированных и немодифицированных цитат, аллюзий, реминисценций, интекстных имен и топонимов, целостных текстовых отрывков, сохраняющих языковое своеобразие и «конструктивную упругость» прецедентных стилей и жанров, но и случаи так называемой интердискурсивной интертекстуальности (Н. В. Петрова). Применительно к художественному стилю последняя может трактоваться как полная содержательно-жанровая корреляция анализируемого и прецедентного текстов, маркированная наличием компонентов, характерных для структур других жанров/текстотипов (в литературоведческой терминологии *композиционная полифоника*), и зачастую дополненная заимствованиями хрестоматийных сюжетно-тематических линий и образов. Примерами могут служить, в частности, рассказы, композиционно построенные по законам эпистолярного жанра, сказки или анекдота.

Категория интертекстуальности рассматривается в настоящее время и в более широкой перспективе как проблема типологической открытости конкретного текстового экземпляра более общим функционально-стилевым и дискурсивным системам. Интертекстуальная открытость, таким образом, предполагает воспроизводимость некоего набора инвариантных, строго обязательных признаков, «обладающих прототипической повторяемостью в процессе создания новых текстов одной типологической принадлежности» (В. И. Чернявская). В рамках обозначенной парадигмы такого рода системно-текстовые референции терминируются как «прототипическая/типологическая интертекстуальность», за которой признается статус дискурсивной категории. Данная концепция является методологической основой исследования текстов, трудно атрибутируемых в жанрово-стилевом аспекте ввиду контаминации в них маркеров (языковых, композиционных, стиливых, для художественных текстов – сюжетных) различных текстотипов. Примерами могут служить рекламные тексты, построенные по стандартам научно-популярных статей, беллетризованные биографии и очерки, научно-фантастические рассказы и другие гетерогенные жанры. В практическом плане владение текстотипологической компетенцией в совокупности с другими видами дискурсивно-стилистической компетенции обеспечивает более успешную идентификацию сигналов информационно-диалогической многослойности конкретного текстового экземпляра, значительно расширяя тем самым возможности интерпретации текстотипов, функционирующих в непривычных коммуникативных условиях.

Л. М. Надумович

ИЗМЕНЕНИЕ СТИЛИСТИЧЕСКОЙ ОТНЕСЕННОСТИ КОМПОЗИТ В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

В системе русского словообразования композиты занимают особое место. Их специфика состоит в том, что они включают две и более корневые морфемы, их структура отражает семантику составляющих частей. Сложные слова реализуют тенденцию языка к компрессии, они в лаконичной форме выражают разнообразное содержание.

Важную роль играет словосложение в лексико-семантической системе русского языка. Этот способ является одним из источников пополнения словарного состава русского языка за счет имеющихся в его распоряжении функционально-структурных единиц. Слова со сложными основами активно вступают в системные связи, многозначностью и функционально-стилистическими признаками лексем, и тем самым участвуют в формировании системных, синтагматических и парадигматических отношений в лексике.

После аффиксации словосложение является наиболее продуктивным способом словообразования. Новые слова образованы при помощи тех же способов словообразования, по тем же словообразовательным моделям, которые наиболее распространены в русском языке.

Значителен удельный вес сложных слов среди новообразований русского языка. По данным исследователей в этой области, основную часть собственно лексических неологизмов составляют лексико-словообразовательные неологизмы как результат действия деривационных процессов в русском языке. В свою очередь, среди лексических неологизмов первое место занимают сложные слова, составляя 40,5 % всей лексики современного русского литературного языка.

Сложные слова имеют свои особенности, которые обнаруживаются в способе выражения действительности и способе представления ее в расчлененном виде. Русский язык начала XXI века, имеющий разветвленную систему номинативных средств, при необходимости обозначения новых предметов и явлений часто идет по пути уточнения и конкретизации уже существующих в языке номинаций. Поэтому среди сложных слов наиболее активно образуются сложносоставные наименования.

Роль композитов в развитии и функционировании языка исторически изменчива. В древнерусском и старорусском языках их относят преимущественно к изобразительным средствам высокого стиля, и в этой связи приводят в первую очередь сложения с начальными *благо-*, *бого-*, *зло-*, *добро-*, *веле-*, *все-* и т.п. Действительно, слова с указанными компонентами были тесно связаны с церковнославянской лексикой и преимущественно употреблялись в качестве элементов книжно-славянского языка.

Как и все слова русского языка, они стилистически неоднородны. Среди них встречаются стилистически маркированные слова. Вместе с тем наличие в русском языке XVII века многочисленных стилистически немаркированных композитов свидетельствует о том, что уже в тот период «сложные слова были живой и продуктивной категорией русской народно-разговорной речи, что сложные слова – не исключительно книжный по своему происхождению разряд лексики». Об этом свидетельствует функционирование в составе общеупотребительной лексики старорусского языка обширного пласта сложений типа *богадѣльня, бѣлорукий, винокуранный, водоворот, вислоухий* и т.п.

В результате взаимодействия и слияния стилистически разнородных (книжно-славянского и народно-разговорного) пластов лексики в словосложении возникали ряды дублетных наименований, стремящихся к семантической и стилистической дифференциации. Эти процессы во многом способствовали распаду деактуализировавшихся (*великоумный – умный, всеполный – полный*) и синтезу новых сложных наименований (*сукно из бѣлой сермяги – бѣлосермяжное сукно*).

Состояние словосложения в переходный период развития литературного языка определялось тем, что в условиях лексической полиномии накопилось большое количество корневых морфем, способных принимать участие в образовании различных типов сложных слов. Тенденция к упразднению этой избыточности элементов словосложения была причиной многих перемен в структурном оформлении и семантическом наполнении композитов.

В семантическом развитии сложных слов XVII–XX вв. отмечается формирование отвлеченно-оценочного значения у многих слов, первоначально связанных с хозяйственно-бытовой сферой: *бѣлоземець, бѣлопашець* ‘владелец земли, свободный от феодального земельного обложения, не тяглый’, *бѣломѣстный* ‘свободный от феодальных повинностей, не тяглый’.

В отношении семантики интерес представляют отфраземные образования, отличительной чертой которых является образность и метафоричность, обусловленные генетическими связями.

В русском языке рубежа XX–XXI столетий в связи с неологизацией лексики наблюдается процесс возрождения ранее бытовавших в языке сложений. В последние годы стали активизироваться прежде всего слова, относящиеся к общественно-политической лексике. Среди них слова с первым компонентом *благо-*: *благополучие, благоденствие, благотворительность, благоразумие, а также слова милосердие, правопреемница, миротворческий* и т.п.

Вместе с тем изменение словообразовательной характеристики отдельных основ в словосложении происходит не только под влиянием деривационного окружения, но и под воздействием лексико-семантических процессов, характерных для данного этапа развития языка. В тесной связи с этими процессами формируются и общие правила порождения лексических единиц со сложной структурой.

Г. А. Назина

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА В МЕДИАДИСКУРСЕ

В настоящее время современный военно-политический конфликт становится объектом пристального внимания лингвистики. Он активно рассматривается в русле критического дискурс-анализа; коммуникативно-функционального направления; когнитивной лингвистики; лингвокультурологии.

Проведенный анализ ряда современных лингвистических исследований, посвященных описанию военно-политического конфликта в медиадискурсе демонстрирует определенные результаты в этой области.

В целом, это выявленные семантические особенности экспликации военно-политического конфликта в русскоязычном/англоязычном/немецкоязычном медиадискурсе с позиций когнитивной лингвистики и лингвокультурологии, а также установленная специфика идеологической направленности медиатекстов о военно-политическом конфликте.

Так, основной целью докторской диссертации П. Н. Хроменкова является исследование вербальной составляющей, а именно языка вражды, ненависти, конфликта в русле лингвопрагматики. «Язык вражды» или «риторика ненависти» (*hate speech*) является специфическим лингвокультурологическим феноменом, под которым понимается «обобщенное обозначение языковых средств выражения резко негативного отношения человека по отношению к представителям иной системы религиозных, национальных, политических, социальных, культурных или же более специфических, субкультурных ценностей».

В данной работе подтверждена гипотеза о том, что при высокой частотности использования конфликтосодержащих лексем/лексем «языка вражды» (*conflict* ‘конфликт’, *enemy* ‘враг’, *war* ‘война’ и т.д.) существует угроза перехода от вербальной к активной фазе конфронтационности.

В таких условиях актуальной проблемой выступает прогнозирование возникновения конфликтов по результатам лингвопрагматического анализа текстов квантитативными методами.

Исследование Е. Н. Ермолаевой посвящено выявлению, анализу и систематизации многообразных лексических и фразеологических средств, а также метафорических моделей объективации конфликта в современном английском языке. В фокусе внимания – системное описание сущности и лингвокультурных особенностей когнитивного измерения конфликта, представленного в сознании англоязычной личности.

Структурно-содержательные характеристики и средства языковой вербализации концепта «вооруженный конфликт» в немецкоязычном новостном дискурсе выявлены в кандидатской диссертации Д. А. Бородько [1]. Особенности экспликации вооруженных конфликтов в изучаемом типе дискурса состоят в том, что они описываются и оцениваются сквозь призму позиций интересов Германии, ее союзников, а также морали современного немецкого и западного общества.

Явный идеологический уклон в разоблачение власти носит исследование И. В. Жукова, в котором выявлены тактики и стратегии воздействия на массового читателя в ходе описания военно-политического конфликта. Военно-политический конфликт рассматривается здесь в рамках военного дискурса посредством метода критического дискурс-анализа на предмет места и роли военно-политической сферы коммуникации в дискурсивном воспроизводстве идеологии.

Под военным дискурсом исследователь понимает тексты СМИ о войне в любом ее проявлении. Важным аспектом данной работы является рассмотрение концепта «традиционная война», главным образом, изменения в его толковании в настоящее время. По мнению ученого, «современные формы войны отличаются от традиционных, исторических форм (наступлений, маневров, атак, штурмов и взятий)». Сегодня вместе с традиционными формами войны существуют психологические и информационные войны.

Резюмируя результаты вышеупомянутых работ, можно сделать некоторые выводы об особенностях медиатекстов о военно-политическом конфликте, к которым относятся следующие: основной функцией рассматриваемого типа текста является персуазивная функция идеологической направленности, которая актуализируется посредством целого ряда языковых средств, в особенности лексических и стилистических; наличие определенной системы лексическо-семантических средств для экспликации военно-политического конфликта в медиадискурсе; непосредственное влияние культурно-идеологической составляющей военно-политического медиадискурса на структурно-семантические особенности экспликации современного военно-политического конфликта. Все полученные особенности характерны для исследуемых нами текстов, которые будут учтены и дополнены в нашей научной работе.

Мы рассматриваем особенности экспликации военно-политического конфликта в аналитическом медиадискурсе в рамках текстотипологического подхода дискурсивно-стилистической парадигмы, что не было сделано ранее другими лингвистами. Это означает выявление типологических характеристик военно-аналитического медиатекстотипа как тематической разновидности аналитического медиадискурса, обусловленных глобальной темой «Военно-политический конфликт» и особой прагмаустановкой; установление зависимостей между структурно-тематической организацией изучаемого текстотипа и его языковым своеобразием; а также раскрытие языковой специфики актуализации военно-политического конфликта в трех англоязычных культурах – США, Великобритании и Канады.

Таким образом, в рамках проводимого исследования предполагается расширить текстотипологическую классификацию медиадискурса комплексным описанием выявленных параметров военно-аналитического текстотипа медиадискурса; дополнить уже полученные ранее результаты другими лингвистами о семантических особенностях экспликации военно-полити-

ческого конфликта с акцентом на глобальную тему «Военно-политический конфликт» как доминирующим экстрапризнаком исследуемого типа текста и установить также особенности экспликации ее структурирования в аналитическом медиадискурсе в этой связи, чего не было сделано ранее. Кроме этого, влияние уже выявленного в этой области культурно-идеологического фактора на структурно-семантическую организацию военно-аналитического текстотипа медиадискурса будет дополнено и детализировано с учетом трех англоязычных культур.

Н. В. Подгорная

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ЭМОТИВНЫХ ЗНАЧЕНИЙ МОДАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ В РЕЧЕВОМ ЭТИКЕТЕ (на материале романа Дж. Остен «Гордость и предубеждение»)

Передача оттенков модальности в устной и письменной речи тесным образом связана с многозначностью модальных глаголов и эмотивностью их значений. С точки зрения лингвистики исследование эмотивности отвечает антропоцентрическому подходу к изучению языка, согласно которому на первый план выступает человек с его переживаниями, чувствами и потребностями. По мнению Пиотровской, э м о т и в н о с т ь – это функция языковых единиц выражать эмоциональное отношение говорящего к объективной действительности.

Следует иметь в виду, что между русскими и английскими модальными глаголами нет прямого соответствия, поэтому все время необходимо опираться на контекст. Этим объясняется отсутствие единого способа передачи эмотивного содержания текста с одного языка на другой, так как при этом происходит потеря достоверных оттенков оценки. Традиционно выделяют объективную и субъективную модальности. Объективная модальность связана с категорией времени и лежит в основе любого текста, поскольку соотносит высказывание с реальностью и степенью его осуществимости. Субъективная модальность передает личное отношение говорящего к содержанию высказывания, его индивидуальные мотивы и особенности восприятия действительности. Именно поэтому субъективная модальность неразрывно связана с любым художественным текстом, поскольку она наилучшим образом реализуется в диалогах персонажей, богатых экспрессивно-эмоциональными оттенками высказываний. В процессе коммуникативного взаимодействия персонажи при помощи модальных глаголов выражают не само действие, а отношение к нему. А само действие, которое необходимо, желательно или возможно передает временная отнесенность. Для получения более наглядного представления о реализации эмотивного значения в речевом взаимодействии рассмотрим особенности функционирования некоторых модальных глаголов на примере романа Джейн Остен «Гордость и предубеждение».

В ходе анализа произведения было выявлено, что наибольшей эмотивностью обладают модальные глаголы *can/could*, *must* и *should/ought to*, за ними следуют *may/might*, *be to u dare*. Их эмотивные значения при переводе выражаются интонацией, которая показывает различные виды субъективной оценки, а также лексическими средствами – вводными словами, модальными выражениями, лексическими повторами и побудительными предложениями. Наиболее часто встречается в романе глагол *can/could*, который передает физическую и умственную способность, возможность согласно обстоятельствам. Стоит обратить внимание на использование при переводе эмоциональных слов-усилителей: *раз уж, вдруг, право, можно ли*. А наличие повторов делает речь героев более экспрессивной:

She could not imagine what business he could have in town ‘Она не могла вообразить, какое дело **вдруг** призвало его в столицу’.

Особую роль играют в романе специальные и общие вопросы с оттенком удивления, негодования, сомнения, возмущения, которые усиливают впечатление эмоциональности. Каждый из персонажей воспринимается как типичный для определенного социального круга и в то же время обладает своими индивидуальными особенностями в общении с представителями других слоев общества, а потому запоминается как яркий зрительный образ:

Could he expect that her friends would not step forward? ‘Не может же он полагать, что ее близкие не вступятся за нее?’;

But who could have foreseen such an attention as this? ‘Но кто бы мог предвидеть знак внимания, подобный этому?’

Употребление эмоционального глагола *must* является еще одной особенностью данного произведения. В романе он выражает необходимость совершения действия в силу личного убеждения, моральных принципов. Этот глагол самый категоричный, поэтому при выражении настоятельного совета в произведении переводится на русский язык словами *неприменно должен, следует, обязан, пожалуй*:

I must have you dance ‘Ты **неприменно должен** пойти танцевать’.

В значении предположения в утвердительных предложениях и эмоционального восклицания в вопросах *must* звучит наиболее убедительно в репликах героев, которые передаются русскими эквивалентами *вероятно, наверное, разумеется, верно, с какой стати*:

Your mother must have been quite a slave to your education ‘Ваша матушка, **верно**, совсем измучилась, занимаясь вашим образованием?’;

Why must she be scampering about the country, because her sister has a cold? ‘С какой стати должна она бегать по лугам, если ее сестра простудилась?’.

Встречающиеся повторы с *must* усиливают эмфатическую настойчивость, делая побудительными не только высказывания, но и фразовые единства, создавая цепочку настоятельных требований:

A woman must have a thorough knowledge of music, singing... she must possess a certain something in her air... ‘Женщина, чтобы удостовериться такой похвалы, **должна** в совершенстве играть, петь... она **должна** иметь нечто особенное...’.

Поскольку данный роман является произведением классической английской литературы, то довольно часто в нем в качестве глагола долженствования употребляется *ought to* и очень близкий ему по значению глагол *should*. Они выражают необходимость совершения действия в силу индивидуального мнения ‘следует’, которое в переводе отражено словами *должен, не мешает быть, не пристало, сумею* и т.п.:

When a woman has five grown-up daughters, she ought to give over thinking of her own beauty ‘Женщинам с пятью взрослыми дочерьми **не пристало** думать о собственной красоте’.

В сочетании с перфектным инфинитивом глагол *should* выражает сожаление, упрек, порицание по поводу того, что совершилось нежелательное действие. В романе это соответствует русскому переводу *следовало (бы), должен был (бы)*:

Your mother should have taken you to town every spring for the benefit of masters ‘Вашей матушке следовало бы возить вас в столицу каждую весну и брать вам учителя рисования’.

Модальный глагол *may/might* встречается в романе гораздо реже, чем *can*. В основном, он используется для выражения оттенков возможности, сомнения (неуверенности), разрешения, осуждения, упрека. Поэтому сцены романа полны эмоций, которые передаются на русский язык разнообразностью лексических эквивалентов *возможно, могли бы, можем, казалось, быть может, почему бы не*:

...though Mrs. Bennet's sour looks and ill-natured remarks might have been enough to drive happiness away ‘...хотя кислый вид миссис Беннет и ее язвительные замечания, **казалось**, должны были омрачить это счастье’.

Глагол *be (to)* в модальном значении долженствования выражает необходимость совершения действия, обусловленную планом. Данный глагол используется в романе как в утвердительных, так и в вопросительных предложениях и передается на русский язык интонацией:

And this is all the reply which I am to have the honour of expecting! ‘И это единственный ответ, которым меня удостоят!’;

Good Heaven! What is to become of us? What are we to do? ‘Боже правый, что с нами станется? Что нам делать?’.

Появление глагола *be (to)* в отрицательной форме происходит в приказаниях, распоряжениях и инструкциях:

...and I could wish, miss Bennet, that you were not to sketch my character at the present moment... ‘И мне бы хотелось, мисс Беннет, чтобы вы пока не брались за набросок моего характера...’

Экспрессивность речевого этикета в романе усиливается при помощи глагола *dare*, который совмещает в себе оттенки других модальных глаголов и тем самым придает речи многогранность. Характерными эквивалентами в русском языке выступают слова: *не посмеешь, право, конечно же, сдается мне, полагаю, возможно, смею сказать*:

I dare say he often hears worse things said than I am going to say ‘И конечно же, он частенько слышит вещи, куда хуже той, о которой я сейчас расскажу’;

You dare not, you cannot deny, that you have been the principle... ‘Вы не посмеете, вы не можете отрицать, что вы были главным...’.

Анализ произведения показывает, что речевой этикет помогает одним персонажам смягчить свою точку зрения и избежать открытой конфронтации, в то время как для других это способ проявить настойчивость, лукавство и недоброжелательность.

Наличие эмотивности модальных значений в речевом этикете героев художественного текста говорит о его большей субъективности и оценочности. Она выдвигает на первый план нравственные и эстетические ценности, которые определяют мировоззрение, характер персонажей и их взаимоотношения.

О. Е. Рымкевич

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ МОДАЛЬНОСТИ В РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ УБЕЖДЕНИЯ (на материале немецкой газетной публицистики)

В текстах газетной публицистики модальность не только непосредственным образом участвует в самом процессе текстообразования, но и, будучи коммуникативно-прагматической категорией, способствует реализации автором стратегии убеждения. Данная функция модальности проявляется в различных жанрах газетной публицистики: как в информационных, так и, в особенной степени, тех, где на передний план выдвигается высказывание личного мнения и позиции автора. Прагматика текстов становится социально ориентированной, поскольку должна влиять на формирование общественного мнения. Сообразно этому адресант использует различные модально-оценочные средства, способствующие вариативному воплощению запланированной интенции.

Через придание тексту различных оттенков модальные средства выражения способны модифицировать смыслы, позволяя адресанту прямо или имплицитно воплощать стратегию убеждения адресата.

Текстообразующая природа модальности задается уже самим коммуникативно-прагматическим потенциалом этой категории, в особенности субъективной модальности, способной модифицировать предикативные связи, придавая им каждый раз нюансы личностного отношения, а именно: уверенность или неуверенность, сомнение, предположение, категоричность и т.п. Публицистический дискурс, для которого характерны процессуальность и динамичность, в основном полимодален.

В связи с реализуемой в публицистических текстах стратегией убеждения, для них характерна передача модального смысла долженствования, что формирует у адресата определенное отношение к высказываемому. Например:

...Der Blick ins Ausland lehrt ein paar Dinge. Dazu zählt die Erkenntnis, dass Kinder, die mit mehreren Sprachen aufwachsen, vier bis acht Jahre systematischer Sprachförderung *benötigen*, um mit ihren einsprachigen Mitschülern in der Unterrichtssprache gleichziehen zu *können*. Mit ein paar Zusatzstunden für einen begrenzten Zeitraum – so wie es in Deutschland häufig versucht wird – ist es nicht getan. Außerdem *darf* sich Sprachförderung *nicht* auf den Deutschunterricht beschränken. <...> Sie *muss* in mehreren, eigentlich allen Fächern stattfinden – Kinder, die zweisprachig leben, *müssen* mehr leisten, als Kinder, deren Muttersprache Unterrichtssprache ist. Wenn sie eine Matheaufgabe bekommen, *müssen* sie ausdrücklich in die Sache und in die Sprache eingeführt werden, die die Matheaufgabe enthält (Frankfurter Rundschau. 29.08.2007).

В данном контексте семантика необходимости выражается повтором на протяжении всего текстового фрагмента модального глагола *müssen* в значении объективного долженствования и глагола *benötigen* с синонимичной семантикой. Кроме того, данное модальное значение необходимости усиливается за счет введения в аргументативный смысловой блок модального глагола *können* с семантикой возможности, далее смысл необходимости подчеркивается контрастным модальным значением запрета *nicht dürfen*. Итак, в приведенном примере модальный глагол *müssen*, участвуя в формировании общей модальной когезии, организует в сущности своей семантикой модальную структуру текстового фрагмента, становясь доминантным. Развертывание содержания собственно и происходит за счет передвижения данного смысла внутри текста по мере выстраивания его когезии. Другие же модальные смыслы, коррелируя с общим содержанием и друг с другом, в своей совокупности выполняют функцию очерчивания интенциональной перспективы текста.

Все потенциальные значения лексических единиц и синтаксических форм учитываются отправителем информации с точки зрения достижения максимального прагматического эффекта. Важно отметить, что через варьирование языковых средств, реализующих модально-оценочные характеристики, адресантом создается не только непосредственно эксплицированный текст, но и определенный подтекст, имплицитно выражающий отношение автора к событиям – его уверенность, неуверенность, иронию, скептическое или позитивное отношение. Суть прагматики при этом всегда такова, что адресант, выражая свое отношение к какому-либо факту или явлению, стремится вызвать адекватное отношение у адресата. Интенцией адресанта является, таким образом, выработка общего с адресатом мнения, что может вызывать изменение сложившихся стереотипов в сознании последнего. Действует в целом тактика убеждения, в первую очередь за счет придания достоверности сообщаемой информации. Но это выстраивается

в публицистическом дискурсе таким образом, что события в его информационно-новостных жанрах представляются максимально объективно, а личная субъективность должна угадываться имплицитно.

Особым потенциалом в текстовой реализации обладают модальные слова с широким спектром значений – от уверенности до сомнения в достоверности высказывания. Модальные слова, выражающие высокую степень уверенности адресата, непосредственным образом прагматически настроены на убеждение адресата в истинности пропозиционального содержания высказывания. Замечено, что в текстах публицистики подобные модальные слова в препозитивном употреблении нередко предполагают уступительно-противительное логическое развитие ситуации, а адресат получает возможность самостоятельно прогнозировать дальнейшую «схему» размышлений отправителя информации, что приводит к «нагнетанию» прагматического ожидания адресата. Например:

...Die USA haben in Momenten nationaler Tragödien immer schon ungeahnte Kräfte entwickelt, wenn die machtvolle Figur an der Spitze des Landes ihre versöhnende Wirkung ausspielte. Von Roosevelt bis Obama ist die Geschichte voller Beispiele, wie ein Präsident aller Amerikaner von Krisen profitieren und das Land stärken konnte. *Sicher* ist, dass Trump ein solcher Präsident nicht ist. Weil das Land aber empfänglich ist für den messianischen Anführer in der Not, wird die Marktlücke immer größer. *Wird Joe Biden sie füllen können?* (Süddeutsche Zeitung. 20.04.2020).

В приведенном выше отрывке модальное слово *sicher*, выражая высокую степень уверенности адресанта в высказываемом, доводит до адресата соответствующую интенцию убеждения. А заключительная фраза содержит в себе предикат с семантикой предположения, настраивая адресата на дальнейшие размышления в заданном адресантом ключе.

Таким образом, можно констатировать, что модальность в различных ее проявлениях выполняет в текстах газетной публицистики семантически и прагматически насыщенную функцию, в первую очередь по линии реализации авторской стратегии убеждения.

О. Е. Рымкевич, Н. Ярошевич

ЗАИМСТВОВАНИЯ КАК СПОСОБ ПОПОЛНЕНИЯ КОМПЬЮТЕРНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Займствование как процесс осуществляется в результате контакта носителей различных языков, результатом которого выступают лексические единицы иноязычного происхождения, освоенные заимствующим языком на фонетическом, графическом и грамматическом уровнях.

Предпринятый в рамках исследования анализ выборки заимствованных единиц, функционирующих в немецкой компьютерной терминологии, позволил зафиксировать следующие языки, из которых заимствования перешли в не-

мецкую компьютерную терминологию: английский, французский, латинский. При этом ведущим языком-донором заимствований оказался английский язык. Например, *Spyware, surfen, User*.

В немецкой компьютерной терминологии представлены заимствования, относящиеся к таким частям речи, как имя существительное, глагол и имя прилагательное. Доминируют при этом субстантивы (*Webapp, Weblog, Screenshot*). В основном заимствования соотносятся с различным программным обеспечением, функциями программ, их частями (*Quellcode, Plug-in*).

В структурном аспекте заимствованные термины представлены простыми, сложными или составными словами, аббревиациями и сокращениями, а также сложными словами с усечением. При этом доминирование в рассмотренной выборке продемонстрировала группа простых слов (морфологически мотивированных и немотивированных): *Option, Modem, Bug*.

Анализ заимствований предметной области «Информационные технологии» свидетельствует о том, что употребление заимствованных терминов в немецком компьютерном дискурсе обусловлено внутренними и внешними факторами. Так, основной интралингвистической причиной употребления заимствований в подязыке программистов является отсутствие в немецком языке однозначного и/или однословного эквивалента или аналога заимствованной единицы. К экстралингвистическим причинам относится более короткий вариант заимствованного слова по сравнению с немецким аналогом, что обеспечивает экономию языковых средств и времени.

В качестве вывода отметим, что употребление избыточных заимствований, то есть заимствований, имеющих однозначные эквиваленты в немецком языке, обусловлено не столько объективной необходимостью лингвистического или экстралингвистического характера, сколько стремлением участников компьютерного дискурса идентифицировать таким образом свою принадлежность к определенной профессиональной группе.

О. Е. Рымкевич, А. Яхновец

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ СИНЕСТЕЗИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (на материале немецкого языка)

Исследователи-лингвисты считают синестезию разновидностью метафоры и говорят в этой связи о синестетической метафоре. Синестезия может быть разделена на узуальную и окказиональную; первичную и вторичную. Первичная синестезия, в свою очередь, имеет следующие виды: зрительная, слуховая, вкусовая, осязательная или обонятельная.

Анализ романа П. Зюскинда «Парфюмер. История одного убийцы» показал, в частности, что вследствие взаимодействия формальной и смысловой сторон произведения в его построении развивается система художественно-языковых образов. Ведущая роль принадлежит стилистическому приему – виду метафоры, синестезии. Употребление ее в качестве главного стилисти-

ческого приема объясняется особенностями сюжетных линий произведения. Главный герой Жан-Батист Гренуй – гений обоняния, его интересы не выходят за рамки мира запахов (*die riechbare Welt*). Благодаря «пропитывающим» все уровни образно-речевой структуры романа средствам синестетических переносов, эта сфера восприятия получает в данном художественном произведении всеобъемлющее поэтическое значение.

Являясь основным композиционным приемом и стержневым элементом лейтмотивных образов романа, среди которых ведущее место занимает главный герой, синестезия по-разному проявляется в различных частях повествования. Благодаря синестезии, образ Гренуя воспринимается читателем как бы в «отраженном виде», глазами самого автора и других персонажей.

В романе «Парфюмер. История одного убийцы» синестезия чаще всего встречается в группе сказуемого. Например: *Grenouille sah den ganzen Markt riechend*. В данном случае это глагол *sehen* с семантикой зрительного восприятия и обстоятельство *riechend* со значением запаха. На втором месте находятся атрибутивные сочетания типа: *beißend scharfer Duft*. В тексте встречаются также примеры синестезии-сравнения: *den Duft... wie eine Haut von ihr abziehen*.

Анализ примеров показывает, что в современном немецком языке используются различные виды синестезии, такие как зрительно-обонятельная, зрительно-слуховая, зрительно-вкусовая и зрительно-осязательная. Синестезия в художественном произведении реализуется на текстовом уровне, создавая уникальные средства образной характеристики главного героя и является частью смысла текстового целого и композиции.

Т. А. Силаева

ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНЫЙ КОМПОНЕНТ В СТРУКТУРЕ МЕДИАТЕКСТОВ

Процессы глобализации, охватившие все сферы человеческой деятельности, «уплотнившие» нашу жизнь во времени и пространстве, кардинально изменили наше информационно-коммуникативное пространство, следствием чего стало появление информационного общества, в котором информация представляет одну из основных составляющих общественного прогресса. Данный факт способствовал, с одной стороны, возрастанию социальной значимости средств массовой информации: СМИ вовлекают в коммуникационные отношения не только отдельных людей, но и целые сообщества. А с другой – обусловил техническую эволюцию информационных и коммуникационных каналов: наряду с традиционными печатными и эфирными СМИ, то есть аудиовизуальными (радио, телевидение), появилась сетевая коммуникация – Интернет, являющийся на сегодня *глобальным* носителем информации, доступным широким массам населения.

СМИ не только информируют общество о происходящем, не только отражают жизнь социума, но тиражируют, распространяют то или иное представление об этой жизни, комментируют и интерпретируют события, формируя тем самым определенное общественное мнение. В этой связи стоит привести слова известного французского социолога Пьера Бурдьё: «Как известно, сказать – значит заставить увидеть, создать, вызвать к жизни. И слова могут натворить много бед...». Как «работает» слово в СМИ, каковы особенности языка СМИ, исследует новый раздел лингвистической науки – медиалингвистика, одним из ключевых понятий которой является медиатекст – «динамическая сложная единица высшего порядка, посредством которой осуществляется речевое общение в сфере массовых коммуникаций» (Н. А. Кузьмина).

Из выделяемых в медиалингвистике типов медиатекстов объектом нашего рассмотрения стали новостные материалы, комментарии и аналитика, но не в плане анализа их содержательных характеристик, а в плане эмоционально-оценочной, то есть эстетической информации, которая передается не только языковыми, но и графическими средствами. Последние широко используются в печатных СМИ-текстах. В электронных СМИ таким средствам, по нашим наблюдениям, уделяется значительно меньшее внимание. С другой стороны, придавать большое значение графическим средствам воздействия на восприятие адресата не следует уже и потому, что тематическое разнообразие новостного дискурса требует от авторов владения разнообразной лексикой и умения пользоваться стилистическими средствами с целью не только успешной передачи разноплановой информации, но и желаемого воздействия на адресата. А это значит, что медиатекст должен содержать, помимо фактологической информации, еще и эмоциональный компонент. Экспрессия медиаречи достигается с помощью разных форм и разных языковых средств, которые, однако, должны соответствовать следующему требованию – быть понятными и общедоступными.

В качестве основных средств, выявленных нами в проанализированном материале, следует назвать:

1) единицы со сниженной стилистической окраской, в основном относящиеся к фамильярно-разговорному стилю, иногда с уничижительным оттенком, например: *Deal, Kadaver, Trara, Gepolter, Schweinearbeit, herumstolpern, zerpfücken, beschränkt, gaga, Rauswurf, etwas im kleinen Finger haben, da liegt der Hase im Pfeffer, unter den Tisch fallen* и т.п.;

2) слова-эмотивы, например: *feiern, bejubeln, einschüchtern, hassen, verabscheuen, Trara, Angst, Verblüffung, schäbig, freundlich, fröhlich* и т.п.;

3) метафоры и метонимии, которые, образно представляя эмоционально-оценочную информацию, повышают экспрессивность медиатекста и тем самым активизируют внимание адресата, например: *die goldenen Jahre der frühen Bundesrepublik; eine neue Eiszeit im Verhältnis zu Russland; toxische Politiker*;

4) словообразовательные средства с эмотивным воздействием на адресата: *Gepolter, Schweinegeld, Bombenerfolg, stinkbürgerlich, BRDler, DDRler, AfDler*;

5) синтаксические средства, представленные вопросительными и восклицательными предложениями, в основном, в заголовках, но иногда и в финальной части статей, например: *Ich hasse die Schule, die Lehrer, alles hier!; Ohne mich!; Putin, Merkel, Erdogan, das solltet ihr sehen!; Ob ich Sympathie für den Teufel habe? Ja. Ja!; Ein Hoch auf die EU!*;

б) стилистические средства, среди которых наиболее сильным эмоциональным воздействием на читателя медиатекста обладают антитезы. Являясь стилистической фигурой контраста, противопоставляя друг другу события, позиции и оценки, антитеза придает тексту яркость и убедительность, способствует актуализации внимания адресата на важных аспектах описываемого события, например: *Viele wissen Bescheid – niemand handelt; Arm trotz Arbeit; Weltweit wächst die Mittelschicht, die Entwicklungsländer holen auf; Asymmetrie zwischen Realwirtschaft und Finanzwirtschaft; Demokratie statt Arroganz der EU-Kommission.*

Ощутимый стилистический эффект достигается с помощью сравнений (*Unternehmer und Kapitalgeber bedürfen einander wie die Henne und das Ei*), а также перечислений, часто представляющих собой квинтэссенцию авторской мысли в определенном фрагменте текста, который при этом становится более четким и ритмичным, например: *Immerhin hat sie ja auch schon den toxischen Stoiber, Kohl und Merz entsorgt; AfDler in den Landtagen: AfD-Abgeordnete, Biedermänner, Ex-Kommunisten.*

Ярким средством является и прием «соединения несовместимого», в результате которого возникает алогичная смысловая структура – парадокс: в одном ряду оказываются далекие по своей семантике и прагматическим показателям единицы, ср.: *Der Guerilla-Krieger im Kreml; Globaler Siegeszug der Gaga-Politiker; Ob ich Sympathie für den Teufel habe?* и т.п. Такие формулировки выразительны и образны, иногда ироничны, но всегда неожиданны и необычны, что вызывает живой интерес у адресата.

Следует отметить, что средства эмоционального воздействия распределяются в медиатексте не равномерно. Соответственно, и эффект воздействия на адресата также будет различным. Наиболее действенными являются заголовки и вводка. Заявленная автором в этих структурных частях медиатекста позиция, обозначенная единицами эмоционально-оценочного характера, находит свое развитие и подтверждение в основной части – описании главного события. В этой части текста доминирует нейтральная, общеупотребительная лексика, на фоне которой экспрессивность эмоционально-оценочных единиц возрастает. Для наглядности приведем несколько примеров использования таких единиц в заголовках и вводке медиотекстов из различных источников:

1) ***Brexit, Trump & Co.: Globaler Siegeszug der Gaga-Politiker***

Brexit-Lustspiel, Trump-Trara, Italo-Dramen, AfD-Gepolter: Was wie eine wundersame Häufung irrer Unfälle aussieht, hat gemeinsame Ursachen. Und die drohen auch den Deutschen bald Chaos zu bescheren;

2) ***Brexit-Chaos: Das bedeutet die Brexit-Entscheidung für Deutschland und die EU***

Das Nein des britischen Parlaments zu Theresa Mays Brexit-Deal kann schwere Folgen haben – auch für Deutschland und Europa insgesamt;

3) Ein Hoch auf die EU!

Die EU hat Schattenseiten. Die EU ist nicht perfekt. Aber wenn das Chaos um den Brexit eines zeigt, dann dies: Nämlich wie vernünftig, wie zivilisiert, wie fortschrittlich das Friedensprojekt EU ist;

4) Viele wissen Bescheid – niemand handelt

Laut einer Studie arbeiten in Deutschland 150.000 Pflegekräfte irregulär – Tendenz steigend. Die Reaktion der Behörden fällt verhalten aus. Man weiß: Die Schwarzarbeit ist eine Säule des Pflegesystems.

В заключение следует сказать, что независимо от типа СМИ эмоциональная информация в той или иной степени присутствует во всех медиотекстах, однако языковые средства с эмоционально-оценочным компонентом по-разному представлены в текстах разных жанров и даже в структуре одного текста. Но во всех случаях подобные единицы «оживляют» информационный фон медиатекста, придавая ему экспрессивность, необычность и выразительность, что активизирует внимание и поддерживает интерес адресата, а также способствует более полному восприятию информации и осознанию позиции автора по рассматриваемому вопросу.

М. А. Соловьёва

РОЛЬ ФОНОВЫХ ЗНАНИЙ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Сложно не согласиться с постулатом герменевтики о том, что текст часто превосходит замысел автора и «перерастает» свою эпоху, поэтому его интерпретация предполагает непосредственное обращение читателя к тексту с целью адекватного понимания (Г. Г. Гадамер). Данное обстоятельство не исключает активное участие читателя в интерпретации, однако представляется, что волюнтаристское толкование текста, основанное на личных ассоциациях, не всегда можно считать адекватным. При этом фактическое понимание языкового плана текста еще не означает действительного, т.е. полного, понимания и не включает в себя полноценной интерпретации.

Разумеется, фоновые знания интерпретатора неизбежно оказывают влияние на понимание текста. Можно предположить, что такие знания и суждения являются продуктивными, если они базируются на представлениях о закономерностях использования языка и на глубоком знании исторического и культурного контекста, к которому относится анализируемое произведение. Однако антиципации могут оказаться и причиной ложного понимания. Это происходит тогда, когда интерпретатор имеет представления, не оправданные содержанием и смыслом текста. То есть понимание текста является адекватным, когда оно основано не только на интерпретации формальных текстообразующих средств, но и на использовании читателем релевантных фоновых знаний.

Часто такие знания детерминированы культурой, так как она является средой существования художественного текста. Культура задает ориентиры, в соответствии с которыми автор придает тексту определенную структуру, отвечающую принятым требованиям к его языковому оформлению. В то же время культура как коллективное знание направляет интерпретацию текста читателем. Ю. М. Лотман высказывает мнение, что художественный текст – это «конденсатор культурной памяти», сохраняющий релевантные предшествующие контексты. При этом понимание достигается за счет единства кодирующих систем автора и интерпретатора, в первую очередь, единства языка и культурной традиции, т.е. за счет принадлежности одной семиосфере (Ю. М. Лотман).

Можно предположить, что немаловажным аспектом в интерпретации художественного текста является тот фактор, что кодирование осуществляется, как правило, исходя из требований культуры, в то время как декодирование может осуществляться с точки зрения субкультуры. Поэтому адекватное понимание требует от интерпретатора необходимой переориентировки на общекультурные рамки. В случае же обратного отношения между автором (и соответственно, текстом) и интерпретатором адекватное понимание может вызывать гораздо большие затруднения или вообще являться доступным только для определенного круга людей.

Очевидно, что предпосылкой адекватной интерпретации являются общие знания как 1) результат понимания, например, осознание намерений автора (Г. Г. Кларк, К. Маршал), воссоздание авторской ментальной модели текста и как 2) фоновые знания, характерные для определенной социокультурной и исторической общности, релевантные, например, для установления референции имен (В. З. Демьянков). В. З. Демьянков противопоставляет общее знание совместному. Под общим знанием подразумевается известное в силу общности культурного фона, образования и т.п. Совместные знания подразделяются на два типа: 1) знания о мире, 2) метаязыковые совместные знания о конвенциональном и единообразном употреблении символов и знаков в языковом сообществе. Т. А. ван Дейк определяет общие знания как фрейм – единицу, организованную вокруг определенного концепта, содержащую конвенциональную, характерную для данного общества «основную, типическую, потенциально возможную информацию», ассоциирующуюся с этим концептом.

В когнитивной лингвистике (Е. С. Кубрякова) считается, что интерпретация реального значения слов осуществляется в социальном контексте. Верно также и то, что при интерпретации некоторых номинаций, существенных для понимания посыла автора и формирования читателем возможного мира текста, важна культурологическая информация. Это и собственно феномены иноязычной культуры, и в более широком смысле сведения о мировой культуре. Во многих британских произведениях культурологическая информация, необходимая для понимания текста, неотрывна от социального контекста, так как британское общество является классовым. Последний факт может определять речь персонажей, их вербальную характеристику повествователем, другими персонажами, интерпретацию поведения и мотивации героев вследствие знания о неких социальных фреймах.

В лингвопоэтике предполагается, что непонятные места текста восстанавливаются не столько на основе знания реальности, сколько под влиянием других текстов (Р. Ингарден, В. Руднев). Это утверждение может быть верно в нескольких отношениях: например, при рассмотрении интертекстуальных связей конкретного произведения (Ю. Кристева), при необходимости полагаться в интерпретации на дополнительные источники (справочные издания, энциклопедии, информацию из Интернета). Иначе адекватная интерпретация требует глубокого погружения читателя в культуру, знания культурных и социальных реалий, наличия соответствующих фреймов. Это верно для понимания текстов, оригиналы которых написаны на иностранном языке и относятся к культуре, отличной от той, к которой принадлежит читатель. Особенности затруднения может вызывать толкование текстов, которые изначально задуманы их авторами как культурно специфические.

В качестве примера можно привести роман И. Во «Возвращение в Брайдсхед». Роман был написан в последние годы Второй мировой войны как гимн британской и, в частности, католической аристократии и английскому дворянскому поместью. Сам автор считал, что высший класс уже не сможет вернуть себе былое положение, хотя в предисловии к изданию 1959 года признавался, что «оплакивал пустой гроб».

Толкование некоторых элементов текста может быть непрозрачным, но при этом важным как для элементарной референции по отношению к объектам действительности или возможного мира, создаваемого романом, так и для понимания идей и тем произведения. Как пример можно привести номинацию *All Souls* во фразе *My father in his youth sat for All Souls*. Не зная культурологического контекста, эту номинацию можно трактовать по-разному. Глагол *sat* в данном контексте может означать 'готовился, учился, слушал проповеди'. Перевод глагола и знание его семантических связей в пропозиции не намного облегчает понимание избранной номинации. *All Souls* может означать праздник поминовения предков 2 ноября, название церкви. Только хорошее представление о системе высшего образования в Великобритании или наличие соответствующего фрейма за счет погружения в среду позволяют правильно интерпретировать эту номинацию как название престижнейшего колледжа в Оксфордском университете, что объясняет, почему отец главного героя, не пройдя туда по конкурсу, уже не мог рассматривать свои последующие успехи как достойные, что наложило отпечаток и на сына. Таким образом, толкование одной номинации является существенным для всего возможного мира текста: осознания характера персонажа, его внутреннего мира, мотивации. Следует отметить, что и для носителей английского языка референция названия колледжа также не является абсолютно прозрачной, о чем свидетельствует внесение специальной ссылки в справочники о романе (Д. Клифф).

Еще одним, более сложным, аспектом произведения, требующим некоторого знания культурно-исторического, политического и социального контекста Британии, является тема католицизма. Известно, что И. Во с пиететом

относился к старинной католической аристократии, считал себя правоверным католиком, видел в католической вере обретение милости Божией для героев своего произведения. Однако характеристики аристократов-католиков устами некоторых персонажей, а также отношение к этому слою общества со стороны аристократов англиканского вероисповедания XX–XXI веков сложно назвать комплиментарными или дружелюбными (Дж. Феллоуз), что отражает социальные тенденции британского общества. Следовательно, адекватная интерпретация темы религии в романе предполагает либо дополнительное исследование, либо наличие фоновых знаний за счет погружения в соответствующую языковую и культурную среду общения, знакомства с иными текстами на указанную тематику.

Таким образом, для интерпретации художественного текста немаловажными оказываются те фоновые знания, обладание которыми предполагается самим текстом. Это относится к номинациям, пропозициям, образам, обусловленным социальным, политическим и культурным контекстом эпохи. Данный вывод релевантен для интерпретации тех текстов иностранной литературы, которые связаны с явлениями, не существующими в социально-политической системе читателя (например, классовое общество, религиозное своеобразие общества), либо со специфическими явлениями, факторами, реалиями, присущими той культуре, к которой принадлежит произведение.

Е. Н. Труш

ФОНЕТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ

Для того, чтобы выжить в условиях жесточайшей конкуренции, отправителю рекламной информации необходимо понимать, каким образом продвигать себя и свой товар на рынке и позаботиться о том, чтобы потенциальные потребители четко понимали отличия от конкурентов. Реклама должна привлечь внимание потребителя, сообщить, например, о новой модели автомобиля известной марки и о ее преимуществах, или о том, что появился очередной товар, и при этом сформировать у адресата такое отношение к товару, которое побудило бы его к действию, то есть к покупке.

Информируя потенциального потребителя о рекламируемом объекте, рекламист должен сообщить об его отличительных особенностях, которые останутся в памяти адресата. Авторы рекламных текстов ищут меткие, выразительные, емкие, яркие и оригинальные средства языка для описания рекламируемого объекта. Поиск языковых средств, способных удовлетворить эти потребности, приводит среди прочего к использованию в рекламных текстах различных фонетических средств.

Чтобы добиться определенного благозвучия, многие авторы рекламных текстов часто используют аллитерацию – повторение однородных согласных звуков в строке, строфе, фразе рекламного текста.

Рассмотрим некоторые примеры рекламных текстов:

1) *Deutsche Bank: Leistung aus Leidenschaft? Eher nicht...* (SZ. 06.11.2018);

2) *Mars macht mobil: bei Arbeit, Sport und Spiel!* (<http://www.body-attack-leipzig.de/news/mars-macht-mobil-bei-arbeit-sport-und-spi1519749238.html>).

Первый пример посвящен рекламе Банка Германии. Во втором примере представлена реклама шоколадного батончика «Mars». Эти два слогана несомненно выделяются из ряда им подобных оригинальным звуковым оформлением, что способствует более эффективному восприятию. Благодаря аллитерации делается упор на ключевые слова. В последнем примере аллитерация выступает в сочетании с рифмой, которая придает тексту четкость и лаконичность: *mobil* – *Spiel*. У таких рифмовок больше шансов закрепиться в сознании/подсознании адресата и в нужный момент оказать соответствующее воздействие.

Наряду с аллитерацией, рекламисты часто прибегают к использованию консонанса – повтора конечных согласных. В качестве примера приведем рекламу крема «Nivea»: *Was die Haut zum Leben braucht* (<https://www.youtube.com/watch?v=kFnsx4C98Ds>).

Консонанс особенно эффективен при создании звуковой рекламы, так как именно повторяющиеся конечные звуки очень легко и надолго запоминаются своей четко заданной ритмической организацией.

Характерным явлением в рекламных сообщениях является ассонанс – повтор ударных гласных внутри строки или фразы. Ассонанс способствует созданию особого ритмического рисунка, который придает высказыванию интонацию настойчивого повтора.

Для иллюстрации приведем пример рекламы авторучки «Parker Contact»:

Genauso wie es unzählige Möglichkeiten gibt sich auszudrücken, lässt einem dieser Stift die Freiheit, ihn zu tragen wie man will. Und dass man ein Schreibgerät von Parker trägt, sagt noch viel mehr (<http://www.bensching.de>).

В качестве средства усиления изобразительного контраста в рекламных текстах выступает также парцелляция, акцентируя внимание на той части предложения, которая становится темой следующего повествовательного звена. Парцелляция позволяет избегать сложных синтаксических конструкций и «облегчить» структуру текста, сконцентрировать внимание адресата на отдельных составляющих конструкциях. Например:

*Entwickelt, um Ihr Leben sicherer zu machen. Sollten wir nicht sicherheitshalber beide Fahrräder in die Ferien mitnehmen? Sollten wir nicht sicherheitshalber eine Ersatz-Golf-Ausrüstung ins Wochenende mitnehmen? Sollten wir nicht den Passat als Variante nehmen? **Sicherheitshalber?*** (Der Spiegel. № 26. 2006).

Успешным является применение в рекламных текстах звукоподражания, т.е. использование слов, фонетический состав которых напоминает называемые в этих словах предметы и явления.

Рассмотрим один из известных примеров звукоподражания:

Iglo Rahmspinat – der mit dem Blubb (<https://www.youtube.com/watch?v=kQofBtWu2Fw>).

Данный текст представляет рекламу шпината со сливками. Использование в тексте звукоподражания *Blubb* ‘буль-буль’, которое в телевизионной рекламе произносит ребенок, ориентировано, прежде всего, на женскую аудиторию. Адресной группой являются матери. В результате, рекламируемый товар не только привлекает внимание, но и вызывает ассоциации с названием рекламируемого продукта. Поскольку рассматриваемая телевизионная реклама не менялась в течение последнего десятилетия, звукоподражание теперь можно рассматривать как товарный знак продукта, который хорошо известен и другим целевым группам.

Таким образом, можно утверждать, что в рекламных сообщениях довольно распространено использование изобразительно-выразительных фонетических средств, которые придают языку рекламы экспрессивность и способствуют воздействию на потенциального потребителя. Следует также отметить, что фонетические средства выразительности могут сочетаться в рамках одного рекламного сообщения.

М. В. Турчинская

ИДЕНТИФИКАЦИЯ И НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ ГЕНДЕРА В СОВРЕМЕННОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ, РУССКОЯЗЫЧНОМ И БЕЛОРУССКОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ

Гендерная нейтральность является одной из значимых характеристик современного английского языка, которая влияет как на его лексическую, так и на морфологическую специфику. Зарождение лингвистической гендерологии во второй половине XX в. и знаковые для этой отрасли языкознания работы Р. Лакофф акцентировали внимание на андроцентричности языка и ущербности женщины в языковой картине мира. Употребление грамматически (или лексически) гендерно маркированных существительных и местоимений подвергалось критике и рассматривалось как гендерно асимметричное. Стратегия устранения этой асимметрии в современном английском языке заключается в так называемой гендерной нейтрализации или «de-gendering», способствующей реализации гендерно-нейтрального дискурса, в котором для обозначения как мужчин, так и женщин используются существительные и местоимения, в семантике которых отсутствует указание на пол денотата. Например, носители современного английского языка предпочитают такие имена со значением общей характеристики лица, как *chairperson* ‘председатель’, вместо маркированных по половому признаку *chairman* ‘председатель-

мужчина' и *chairwoman* 'председатель-женщина'. В современном английском языке также, как правило, избегают использования лексических единиц с суффиксом *-ess*. Как свидетельствуют данные лексикографических изданий, использование слов с данным суффиксом для обозначения женщин по профессии и роду деятельности (например, *authoress* 'женщина-автор', *poetess* 'поэтесса', *manageress* 'управляющая' и даже *actress* 'актриса') считается сексистским, пренебрежительным или крайне устаревшим (Collins English Dictionary; Macmillan English Dictionary for Advanced Learners). Более того, указывается, что многие женщины предпочитают использовать гендерно-нейтральные эквиваленты данных единиц *author* 'автор', *poet* 'поэт', *manager* 'управляющий', *actor* 'актер' для наименования своей профессии.

Тенденция гендерной нейтрализации в современном английском языке повлияла на семантику и прагматику не только наименований лиц, но и на семантические и грамматические свойства местоимений. Так, местоимение множественного числа 3-го лица *they* 'они' и его производные формы *their*, *theirs*, *them*, *themselves* характеризуются не только как гендерно инклюзивные («gender inclusive» – используемые для обозначения референтов разных полов, без идентификации их гендерных характеристик), но и употребляются как местоимения единственного числа вместо гендерно маркированных *he/she* 'он/она', например, в следующих контекстах: *Every person does the best they can.* 'Каждый человек делает все возможное' (здесь и далее перевод наш. – М. Т.); *I'm not going to engage in a deal with somebody who changes their mind.* 'Я не собираюсь вступать в сделку с кем-то, кто передумает'; *The patient gets their whole genome sequenced* 'Пациент получает весь свой секвенированный геном' и т.п. (Corpus of Contemporary American English).

В отличие от современного английского языка, современный русский и белорусский языки используют стратегию «феминизации», которая стремится улучшить «видимость» женщин в дискурсе путем явного и симметричного обращения к женщинам и мужчинам. Наличие морфологической категории рода и, следовательно, большой спектр «женских» суффиксов в русском и белорусском языках позволяют формировать лексические оппозиции по признаку пола для преобладающего большинства русских и белорусских существительных, обозначающих людей: *спявак – спявачка, дакладчык – дакладчыца; учитель – учительница, блогер – блогерка* и так далее. Более того, для данных языков на современном этапе свойственна и специфическая грамматическая экспликация пола референта. Так, лексические единицы мужского рода могут использоваться для именованья не только мужчин, но и женщин. В последнем случае существительные мужского рода сопровождаются прилагательными, глаголами, притяжательными местоимениями и порядковыми числительными с грамматическими маркерами женского рода (женскими аффиксами), которые и выполняют функцию гендерной идентификации. Например: *Это уже была (ж. р.) прежняя (ж. р.) доктор (м. р.) Наташа; Профессор (м. р.) отказалась (ж.р.) сообщить какие-то подробности переговоров* (Русский национальный корпус); *Депутат (м. р.)*

заклікала (ж. р.) *Беларусь увесці мараторый на смяротнае пакаранне*; *Пра гэта рэктар* (м. р.) *паведаміла* (ж. р.) *БелаПАН*; *Маім гідам у манікюрны свет стала* (ж. р.) *маладая* (ж. р.) *майстар* (м. р.) *Алеся* (Белорусский национальный корпус).

Таким образом, устранение гендерной асимметрии в исследуемых языковых сообществах достигается благодаря использованию двух антагонистичных стратегий: «гендерной нейтрализации» в современном англоязычном дискурсе и «гендерной идентификации» в белорусскоязычном и русскоязычном дискурсах. Указанные стратегии сопряжены с целым рядом семантических, грамматических и прагматических особенностей единиц, используемых для обозначения референтов разных полов, и должны учитываться при обучении данным языкам как иностранным.

Л. М. Якубёнок

МОДАЛЬНОСТЬ НЕРЕАЛЬНОСТИ В ПРОЦЕССЕ УБЕЖДЕНИЯ (на примере немецкоязычных адвокатских речей)

Убеждение – словесное воздействие на людей, изменение их знания, мнения в нужном ключе. Речь адвоката направлена на убеждение судей в невиновности подсудимого или оправдание его действий, и для достижения данной цели адвокат применяет разнообразные языковые способы и приемы. Одним из способов убеждения является перенос содержания высказывания в нереальный план.

Модальность нереальности – это компонент категории модальности, одно из объективно-модальных значений наряду с модальностью реальности, возможности, необходимости. Суть данного модального значения состоит в выражении отношения высказывания к действительности, а именно определении явлений и событий, описанных в пропозиции, как нереальных, не сбывшихся или не осуществимых.

Основным средством выражения модальности нереальности является сослагательное наклонение. Значение нереальности передают также модальные глаголы. Их основному значению – возможности, необходимости, разрешению, долженствованию – сопутствует значение неосуществленности действия, которое они описывают, т.е. его нереальности. Значение нереальности могут также иметь некоторые лексические единицы с соответствующей семантикой, однако в данном случае речь идет скорее о лексическом значении ‘нереальность’, чем о модальном значении высказывания.

Рассмотрим несколько приемов убеждения, реализуемых основным средством модальности нереальности – конъюнктивом II.

Так, убеждение слушающих в том, что действия подзащитного были правильны, может осуществляться приемом «от противного», например:

*Wenn den Tochtergesellschaften **mitgeteilt worden wäre**, dass der Cashpool gekündigt sei, ohne eine Ersatzlösung anzubieten, **wäre dies als Untergangssignal aufgefasst worden**, und es **hätte die Gefahr bestanden**, dass die Tochtergesellschaften **begonnen hätten**, eigene Lösungen zu suchen, wodurch das Chaos **ausgebrochen wäre**.*

В приведенном фрагменте при помощи форм конъюнктива II представляется потенциально-возможное положение дел, а именно отрицательные последствия иного, воображаемого образа действий подсудимого, чем и оправдываются его реальные поступки.

Нереальная модальность, выраженная конъюнктивом II, в сочетании с оценочными средствами может служить выражению общей положительной оценки обвиняемого, например:

*Sie spielte in der kurzen Zeit ihrer Tätigkeit eher die Rolle der Cassandra, als dass sie irgendetwas **schöngefärbt hätte**.*

Нереально-сравнительное предложение с конъюнктивом II 'ничего не приукрашая' служит в данном фрагменте убеждению в том, что обвиняемой присущи правдивость и прямолинейность.

Желая убедить адресата в благих намерениях обвиняемого, адвокат при помощи средств модальности нереальности указывает на его ожидание положительного результата, что должно его оправдать, например:

*Die Höhe des Vorschusses war realistisch, und mein Mandant **konnte und durfte damit rechnen**, dass Arbeiten mindestens in der Höhe des Vorschusses **anfallen würden**.*

В данном примере при помощи формы кондиционалиса *anfallen würde* выражается убедительная мысль о том, что расчеты подсудимого, его чаяния и предположения были верны.

Кроме приемов, направленных на убеждение в правомерности действий обвиняемого и создание его положительного образа, нереальная модальность способствует убеждению в несостоятельности тезисов противника. Один из таких приемов – «сведение к абсурду». Суть его в том, что утверждаемое оппонентами положение дел должно иметь последствия, идущие вразрез со здравым смыслом и реальным положением дел, например:

***Wäre der Vorschuss seine eigene Idee gewesen, hätte er sich im Fax gegenüber Frau Anderegg nicht auf dieses Telefonat bezogen**. Und selbst wenn man entgegen den Aussagen meines Mandanten annimmt, es sei seine Idee gewesen, **hätte er diese zunächst am Telefon mit Frau Anderegg besprochen haben müssen**, denn ansonsten **hätte mein Mandant gar nicht erfahren dürfen**, dass Homburger ebenfalls einen Vorschuss verlangt hatte. Dies konnte ihm nur Frau Anderegg mitteilen.*

В данном фрагменте нереально-условные предложения, выступающие друг за другом в повторе, способствуют логичному и убедительному доказательству, что выдвигаемое прокуратурой обвинение несостоятельно и беспочвенно.

Нереальная модальность в сочетании с риторическим вопросом также служит убеждению в несостоятельности тезисов оппонента, например:

*Die Staatsanwaltschaft erklärt uns nicht, weshalb die Angeklagte eine solche getarnte Zahlung **denn überhaupt hätte anordnen sollen?** Was **hätte sie davon gehabt?***

В приведенном примере утверждаемое обвинителями положение дел подвергается сомнению, недоверию благодаря использованию конъюнктива II в рамках риторического вопроса.

Адвокат также убеждает судей в недостаточности обвинения, указывая на то, что обвинители не реализовали все возможности для сбора доказательств, например:

*Hat die Staatsanwaltschaft abgeklärt, welche Klienten mein Mandant vor der SAir betreute, wie es ihre Pflicht gewesen **wäre?** Sie **hätte feststellen können**, dass mein Mandant über eine grosse Anzahl international tätiger Grosskonzerne als Klienten verfügte, die er bereits vor seinem Wechsel zu SAir zu seinen Klienten zählen konnte.*

Нереализованная возможность, выраженная в данном примере формами конъюнктива II, модальным глаголом *können* и риторической вопросно-ответной группой, сопряжена с такими негативными смысловыми оттенками, как порицание, напоминание и упрек.

Анализ примеров позволяет сделать вывод о том, что конъюнктив II как основное средство выражения модальности нереальности в процессе убеждения реализует свой смысловой и прагматический потенциал различным образом. Приемы убеждения с использованием модальности нереальности в адвокатской речи могут служить как оправданию действий подзащитного, так выражению негативно заряженных смыслов, таких как упрек, недоумение, порицание, осуждение, нацеленных на убеждение в несостоятельности обвинения.

В завершении нужно отметить, что модальность нереальности гибко вплетается в целый арсенал языковых средств и способов воздействия на адресата. Ее особая прагматическая ценность заключается в том, что вынесение фактов, суждений и действий участников процесса в нереальный план обладает не явной, тонкой, но, возможно, поэтому более сильной убеждающей способностью.

ПРОБЛЕМЫ ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

А. А. Баркович

СПЕЦИФИКА ИНДЕКСАЦИИ СЕМАНТИКИ ТЕКСТА

Семантика, пронизывая всю языковую систему, позволяет получить объективное представление о приоритетах использования отдельных языковых единиц в том или ином *контексте*. В свою очередь, единицы, обладающие самостоятельным значением, формируют общую семантическую насыщенность текста. Степень содержательности текста зависит от дифференцированных данных, характерных речи и прямо представленных реализациями отдельной леммы и совокупности лемм. Впрочем, не менее существенна семантика контекста, ввиду сложности изучения которой задачи ее метаописания пока чаще формулируются, чем решаются на практике.

Одним из показателей, которые могут повысить лингвистическую убедительность результатов, полученных в речевой среде средствами прикладного инструментария, является цифровое представление насыщенности текстов кластеризованной и стратифицированной семантикой. Такую информацию относительно лексического уровня семантики КОД в корпусном формате можно получать, например, с помощью референтных статистических моделей.

Индекс семантической (англ. *Semanticity Index*), или I_S (количество словоупотребления текста/корпуса текстов, разделенное на количество словоупотребления отдельной леммы) позволяет устанавливать степень насыщенности текстов отдельными леммами и их группами, семантическими категориями. Например, среди двадцати самых частотных слов английского языка – только три глагола: *be* – ‘быть’, *have* – ‘иметь’ и *do* – ‘делать’ (см. British National Corpus). Соответственно, *индекс семантической* в первой двадцатке наиболее частотных слов British National Corpus (для 110 691 482 словоупотребления) будет колебаться от $I_S \approx 17,89$ для *the* (частотность – 6 187 267) – до $I_S \approx 214,03$ для *by* (частотность, соответственно – 517 171).

Выполнение подобных подсчетов вполне релевантно и для других языков – после создания репрезентативных текстовых массивов в электронном формате и доступа к исходным кодам разметки, если соответствующая спецификация будет отсутствовать по умолчанию.

Относительно употребления белорусских лексем статистические данные подтверждают общую тенденцию по межчастеречным отношениям в тексте. Согласно данным ресурса *Беларускі N-корпус* здесь с убедительной стабильностью преобладают служебные части речи. Так, четыре первые строки, представленные *у, і, на, з*, принадлежат предлогам и союзам, а три первые, кстати, соответствуют и русскоязычным вариантам (см. Беларускі N-корпус; МГУ–ЛОКЛЛ). Своеобразные маркеры устной речи местоимения *я, мы, ён* (рус. *он*) в содержащем существенный объем близкой к устной речи публи-

цистики (30 852 670 из 44 014 121 словоупотреблений) – здесь присутствуют в первой двадцатке: *я* – 16 позиция 44 014 121 единиц, *мы* – 17 позиция и 328 822 единиц, *ён* – 20 позиция и 292 791 единиц (см. Беларускі N-корпус).

Доступные для анализа данные относительно частеречного состава ресурса *Беларускі N-корпус* требуют дальнейшей обработки по причине «неснятой омонимии» в корпусе: например, определить пропорциональное соотношение союза *што* и местоимения *што* (рус. *что*) сегодня можно только приблизительно: контексты корпусного конкорданса свидетельствуют об относительно небольшом количественном преобладании союза *што* над местоимением *што*:

Ён пабачыў, што я хачу падняцца, а не падымуся;

Мы насталі: думалі спачатку – немцы, зірнулі – пазналі, што гэта ідуць партызаны;

Тое, што адбывалася з Вялікімі Прусамі, дзве гэтыя жанчыны бачылі, перажылі кожная па-свойму;

Пытанне: – А пра што яны ўвечары гаварылі з людзьмі? (Алесь Адамовіч, Янка Брыль, Уладзімір Калеснік. Я з вогненнай вёскі, 1975).

Таким образом, приведенные примеры корпусный менеджер ресурса *Беларускі N-корпус* сопровождал, к сожалению, недостаточно дифференцированным в отношении частеречной принадлежности единиц метаописанием. Аналогично, зачастую, организовано метаязыковое сопровождение текстов в большинстве лингвистических корпусов, при этом, например, в широко известном НКРЯ омонимия снята только для сравнительно незначительного объема (в сумме около 6 млн словоупотреблений) текстов – работа выполнена сотрудниками проекта «вручную» (см. Национальный корпус русского языка). Таким образом, качество исследования КОД пока в значительной степени обусловлено задействованностью в пред- и постобработке текстов человека.

Тем не менее, *индекс семантической*, представляя базовую информацию о конкретном параметре семантической идентичности текста, позволяет проводить достаточно широкие обобщения. Практика свидетельствует, что программными средствами можно обеспечить выполнение целого ряда алгоритмов лингвистической обработки текстов. Разработка узкоспециальных изначально задач в прикладном ключе часто характеризуется перспективностью, форматностью и возможностями включения в комплексные исследования.

Н. А. Богданова

ФОРМАЛИЗОВАННОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ВНУТРИЖАНРОВОГО ТЕКСТОВОГО СХОДСТВА НА ЛОГИКО-СЕМАНТИЧЕСКОМ УРОВНЕ

Формализация логико-семантической организации текста с последующим сопоставлением полученных моделей опирается на следующие исходные предпосылки.

Во-первых, в теории искусственного интеллекта допускаются некоторые огрубления, одним из которых является абсолютизация момента устойчивости психических процессов, т.е. сознание рассматривается не как процесс, а скорее как результат определенного развития биологической системы. В связи с этим приоритетное значение получает статичный аспект, ибо движение может пониматься как совокупность различных состояний моделируемого объекта.

Во-вторых, текст воспринимается, прежде всего, как носитель определенной информации. Моделирование изучаемого объекта предполагает фокусировку на значимой части объекта при одновременном выключении информационного шума. При таком подходе «за кадром» остается область коммуникативной цепочки, которая связана с личностью коммуникатора и коммуниканта, причинами и целями, условиями продуцирования текста. Они могут привлекаться для трактовки полученных результатов на более позднем этапе.

В-третьих, важнейшим фактором, влияющим на построение текста, признается давление системы. Так, исследуя особенности жанра, мы исходим из того, что «из конкурирующей пары жанр – личность автора более высокое место в иерархическом ряду занимает жанр, отношение между ними всегда разрешается в пользу жанра». Исследователи справедливо указывают на наличие определенной интуитивной жанровой рефлексии (Т. В. Шмелева), на существование определенных стереотипов, когниотипов (А. Г. Баранов).

Алгоритм формализованного описания содержания текста включает следующие этапы.

1. Построение для каждого текста таблицы основного статического содержания текста (ТОСС). ТОСС в сжатом виде передает основную информацию текста. В ТОСС входят обозначения действующих лиц и другие элементы номинационных цепочек, обозначающие персонажей, топонимы, определяющие художественное пространство произведения, темпоральные указатели, которые свидетельствуют о развитии, продвижении действия. ТОСС строится автоматически на основе алфавитно-частотного словаря и редактируется с целью устранения информационного шума. В формализованном виде в ТОСС входят главные и второстепенные субъекты (ГС, ВС), главные и второстепенные объекты (ГО, ВО), главные и второстепенные действия (ГД, ВД), главное и второстепенное время (ГВ, ВВ), главное и второстепенное место (ГМ, ВМ), главные и второстепенные признаки (ГП, ВП). Таким образом, процесс составления ТОСС включает обработку алфавитно-частотного словаря специальной компьютерной программой Unify, распределение опорных слов в ТОСС с учетом их референтной отнесенности и роли в сюжетодвижении, дополнение списка опорных слов полными словами из заглавия текста (в случае, если они не были выделены автоматически), удаление из списка ТОСС слов, содержащихся в «отрицательном» словаре, редукция списка ТОСС до 10 единиц на основе критериев частотности. Пример ТОСС одного из исследованных текстов представлен в таблице.

Основное статическое содержание текста В. Борхерта «Das Brot»

Тип опорного слова	Субъекты	Объекты	Действия	Время	Место	Признак
ГС ₁ ГС ₂ ГО ₁ ГД ₁ ГД ₂	SIE ER	BROT	SEHEN SAGEN			
ВО ₁ ВД ₁ ВВ ₁		BROT- TELLER	DENKEN		NACHT	

2. Создание метаязыка формализованного описания текста. Метаязык создается с использованием ТОСС, рематических доминант текстовых фрагментов и принадлежности фрагментов к одному из пяти речевых регистров: изобразительному, информативному, генеритивному, волюнтивному или реактивному (по Г. А. Золотовой).

3. Построение логико-семантических формул текстов (ЛСФТ) с использованием вышеописанного метаязыка. ЛСФТ представляет собой линейную последовательность микротем, организованных в регистровые блоки, которые отражают авторское членение текста на абзацы. Ниже приведен пример ЛСФТ рассказа В. Борхерта «Die Küchenuhr»:

0. Ио-1 (ИоМ001) 1. Ио-Ип-11 (ИпМ005 + ИоМ013) 2. Ио-Ип-19 (ИпМ002 + ИоМ018) 3. Ип-6 (ИпМ006) 4. Ио-Ип-20 (ИпМ005 + ИоМ018) 5. Ио-Ип-20 (ИпМ005 + ИоМ018) 6. Ип-2 (ИпМ002) 7. В-4 (ВМ009) 8. И-Р-1 (РМ001 + ИпМ006) 9. Р-5 (РМ022) 10. И-Инф-Р-11 (РМ001 + ИпМ005 + ИоМ019 + ИнфоМ003) 11. И-Инф-Р-12 (ИпМ006 + РМ004 + ИнфпМ002 + ИнфоМ003) 12. И-Инф-8 (ИпМ002 + ИнфпМ002 + ИнфоМ005) 13. Инфо-Инфп-1 (ИнфпМ002 + ИнфпМ005 + ИнфоМ004) 14. И-Инф-9 (ИоМ005 + ИпМ002 + ИпМ006 + ИнфоМ004) 15. В-И-10 (ИоМ005 + ИпМ012 + ВМ012) 16. И-Инф-Р-13 (ИпМ013 + РМ023 + ИнфоМ005) 17. Ип-4 (ИпМ004) 18. И-Инф-10 (ИпМ006 + ИнфоМ003) 19. Ип-10 (ИпМ009 + ИпМ005)

После формализации содержания исследуемых текстов сравнительному анализу подлежат ЛСФТ, их объем, состав, порядок следования микротем. В частности, для жанра немецкого короткого рассказа сравнительный анализ формул позволил выявить следующие общие черты текстов:

1) сравнительно небольшое число микротем информативного регистра, т.е. таких, которые представляют информацию, непосредственно не участвующую в сюжетодвижении;

2) для сильных позиций текста типичны микротемы волюнтивного и реактивного регистров. При обращении к вербальной составляющей микротем было отмечено наличие обратнаправленных (в начальных позициях) и прямонаправленных (в конечных позициях) элементов, что дало возможность говорить о так называемой «внетекстовой событийной оси» произведений. То есть в самом тексте описана как будто лишь часть происходящих событий, на наличие полной событийной картины указывают сильные позиции текста;

3) наличие большого числа повторяющихся микротем разных регистров, следующих друг за другом в неизменном порядке. Наличие подобной линейной симметрии наблюдалось в большинстве текстов на уровне микротем и даже регистровых блоков, что позволяет говорить об особом нарративном ритме жанра немецкого короткого рассказа.

Краткое ознакомление с текстами других жанров малых форм показывает, что выделенные для жанра короткого рассказа особенности могут присутствовать и в текстах других жанров, но не в совокупности, а по отдельности. Это дает основание говорить о существовании именно жанровых особенностей текстов коротких рассказов на логико-семантическом уровне. Однако для получения более достоверных результатов необходим выход за пределы жанра с использованием той же методики и верификации полученных данных на большем объеме фактического материала.

Т. В. Бусел

МОБИЛЬНЫЕ ПРИЛОЖЕНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ МОТИВАЦИИ СТУДЕНТОВ К ИЗУЧЕНИЮ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Прошедшие месяцы отмечены появлением большого количества научных работ, посвященных проблемам мобильного обучения. В них рассматриваются понятие и типы мобильного обучения, проблемы создания образовательных мобильных приложений, перспективы внедрения мобильных технологий в образование и т.п. Педагогические сообщества активно обсуждают внедрение мобильных технологий в практику преподавания, анализируют их достоинства и недостатки, делятся опытом на специальных форумах по использованию мобильных технологий.

Мобильные устройства (*smart mobile devices*) успешно используются при изучении различных учебных дисциплин, и иностранный язык не является исключением. Мобильные технологии в образовании базируются в основном на использовании мобильных телефонов, которые в силу постоянного совершенствования могут рассматриваться не только как средство связи, но и как средство обучения.

Как свидетельствуют данные, которые были опубликованы Институтом ЮНЕСКО по информационным технологиям в образовании, мобильные технологии позволяют существенно расширить и улучшить возможности для обучения в самых разных условиях. Студенты и педагоги, будь то в Великобритании или Беларуси, получают с помощью мобильных устройств доступ к обширным образовательным ресурсам, могут обсуждать информацию и делиться ею с другими студентами, получать поддержку от коллег и преподавателей, а также осуществлять эффективные коммуникации.

Мобильное обучение полностью меняет процесс обучения, поскольку мобильные устройства не только модифицируют формы подачи материала и доступа к нему. Обучение становится своевременным, достаточным и персонализированным (*“just-in-time, just enough, and just-for-me”*). Именно поэтому мобильное обучение, как справедливо отмечает британский исследователь Дж. Тракслер, – «это новая форма обучения, отличная от дистанционного или смешанного, характеризующая новый виток развития информатизации современного общества».

В настоящее время пользователям мобильных устройств доступно огромное количество приложений для изучения иностранных языков, направленных на формирование и развитие лексических и грамматических навыков, ориентированных на разные аспекты. Достаточно широкий их спектр и разнообразие позволяют выбирать их пользователям (обучающимся) приложения в соответствии с индивидуальными потребностями, интересами и уровнем языковой подготовки.

Современные мобильные приложения, специально разработанные для пользователей, которые изучают иностранные языки, можно условно распределить по следующим категориям:

- 1) приложения, связанные с изучением лексики;
- 2) приложения, связанные с аудированием и видеоматериалом;
- 3) приложения, связанные с коммуникативными ситуациями;
- 4) приложения, связанные с практикой отдельных грамматических тем;
- 5) комплексные приложения.

Актуальность использования мобильных приложений – относительно новый способ в обучении, который усиливает наглядность и увеличивает осознание обучающего материала, а также способствует индивидуализации и дифференциации обучения, повышая его качество и мотивацию.

Большое количество обучающих тестовых сервисов для Apple, Android и iOS как автономных, так и включенных в системы, появившихся за последнее десятилетие, имеет свой набор функций, и каждый преподаватель может подобрать тот сервис, который наиболее подходит для решения его дидактических задач. Например, Duolingo – бесплатное и доступное языковое приложение, в котором лексический материал тематически структурирован, представлен в виде текста и аудио, при этом имеется возможность замедления воспроизведения звукового ряда в зависимости от уровня развития навыков аудирования.

Главная цель Duolingo в том, чтобы способствовать изучению иностранного языка. Каждая тема обычно содержит от 1 до 10 вложенных уроков. Мобильное приложение позволяет отслеживать процесс усвоения каждой темы. Принцип его действия основан на том, что усвоенный материал забывается с течением времени в соответствии с определенной логарифмической зависимостью. Используя тщательно выверенные закономерности, это приложение заставляет обучающихся повторять новый материал оптимальное количество раз сразу же после изучения и перед тем, как, согласно ожиданиям, эти сведения могут быть забыты. Благодаря такому подходу новая информация перемещается из кратковременной памяти в долгосрочную. Для эффективной работы данной программы пользователи должны носить устройства с собой в течение дня. Мобильность в данном случае – решающий фактор успеха.

Исследование, проведенное экспертами Городского университета Нью-Йорка и Университета Южной Каролины, показало, что 34 часа на Duolingo дают столько же навыков чтения и письма, сколько дает начальный семестровый курс в американском высшем учебном заведении, занимающий около 130 часов.

Для данного сервиса характерно разнообразие видов деятельности при самоконтроле, что проявляется в переключении с ввода ответов на их произношение вслух или на выбор правильного ответа из набора ответов с множественным выбором, что уменьшает утомляемость. Однако данное приложение нацелено на пополнение словарного запаса через многократное повторение, но не позволяет развивать навыки говорения.

Другим популярным приложением является Babbel. Методическая база ресурса основана на использовании интерактивных инструментов и эффективных технологий, задействующих все виды памяти для более быстрого и эффективного обучения.

Приложение ориентировано на развитие навыков говорения и содержит непродолжительные (10–15 минут) уроки, имеющие дифференциацию по уровню владения языком (для начинающих и продвинутых обучающихся). Технология обучения в Babbel основана на изучении слов и фраз, которые необходимо повторить, запомнить и поместить в соответствующие пробелы в предложениях в виртуальных диалогах.

Также на развитие навыков говорения, но более высокого уровня, в процессе разговоров в чате (текстовом, аудио и видео) с носителем изучаемого языка ориентировано приложение Tandem. После регистрации через учетную запись в Facebook или Google, приложение помогает найти партнера-носителя языка, который в заранее оговоренное время будет готов коммуницировать с обучающимся в рамках определенной тематики.

Для расширения словарного запаса может быть использовано приложение Memrise, устроенное как игра с набором очков за правильные ответы. Приложение развивает долгосрочную память, так как после изучения новой лексики, представленной аудиозаписями различных слов и фраз, или видеозаписями носителей языка, произносящих их, оно предлагает воспроизводить их с заданными интервалами, которые увеличиваются от момента их первоначального изучения.

Безусловно, такая подача учебного материала с включением мобильного приложения в алгоритмы учебных действий делает интересным выполнение заданий обучаемыми. Правильный подход помогает поднять заинтересованность студентов к изучению иностранного языка, поскольку английский язык труден и требует дополнительной тренировки, а мобильные приложения как нельзя лучше подходят для решения данных проблем.

В заключение можно отметить, что мобильные приложения нацелены на то, чтобы максимально снизить языковые трудности, предоставить дополнительную тренировку сложных языковых моментов посредством серии тренировочных упражнений.

Вместе с тем практическое применение мобильных приложений несет в себе огромный потенциал, поскольку повышает мотивацию и познавательную активность студентов, интерес к предмету, помогает индивидуализировать обучение, устраняет психологический барьер при использовании иностранного языка как средства общения. Кроме того, использование интерактивных технологий способствует развитию иноязычных компетенций и интенсификации самостоятельной работы обучающихся (преимущественно внеаудиторной).

Е. С. Василенко, Н. В. Шалимо

ОБЛАЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И СЕРВИСЫ ВЕБ 2.0

Облачная технология – технология, предполагающая удаленную обработку и хранение данных, в которой вычислительные ресурсы и мощности предоставляются пользователю как интернет-сервис.

Облачная технология предполагает повсеместный и удобный сетевой доступ к общему набору конфигурируемых вычислительных и информационных ресурсов (сетям передачи данных, серверам, базам данных, приложениям, сервисам), которые могут быть оперативно предоставлены и освобождены по требованию пользователя.

Виды облачных услуг:

- инфраструктура как услуга – потребителю предоставляются базовые вычислительные ресурсы (процессоры, устройства для хранения информации, серверы, сети и т.д.) с возможностью развернуть и запустить произвольное программное обеспечение, которое может включать в себя операционные системы и приложения;

- платформа как услуга – потребителю предоставляется возможность развертывания в облачной инфраструктуре созданных или приобретенных приложений, разработанных с использованием языков программирования, библиотек, сервисов и инструментов, поддерживаемых провайдером;

- программное обеспечение как услуга – потребителю предоставляется возможность использования прикладного программного обеспечения провайдера, работающего в облачной инфраструктуре. При этом в «облаке» хранятся не только данные, но и связанные с ними приложения, а пользователю для работы требуется только веб-браузер.

Преимущества использования облачных технологий для образовательных учреждений:

1) возможность без дополнительных затрат использовать современные и постоянно обновляемые компьютерную инфраструктуру, программные средства и сервисы, предоставляемые поставщиком услуг;

2) создание удобной среды для доступа к образовательным ресурсам с разнообразных устройств;

3) синхронизация деятельности пользователя, осуществляемой с разных устройств.

Облачные хранилища данных:

- *Яндекс Диск* (10 Гб);
- *Облако@Mail.Ru* (25 Гб);
- *Microsoft OneDrive* (5Гб);
- *Google Диск* (15Гб).

Термин Веб 2.0 появился в сентябре 2005 года. Веб 2.0 – методика проектирования систем, которые путем учета сетевых взаимодействий становятся тем лучше, чем больше людей ими пользуются.

Отличительные особенности сервисов Веб 2.0:

1) самостроительство, привлечение пользователей к наполнению и многократной выверке контента;

2) комментирование;

3) взаимное оценивание содержания;

4) социализация, сообщество для общения, совместных действий;

5) возможность создания личной, индивидуальной зоны;

6) полнота и простота взаимодействия пользователя с контентом, широта возможностей взаимодействия без регистрации;

7) бесплатная среда (базовый набор возможностей).

Примеры сервисов Веб 2.0:

• вики – веб-сайт, структуру и содержимое которого пользователи могут самостоятельно изменять с помощью инструментов, предоставляемых самим сайтом;

• блоги и микроблоги – веб-сайт, основное содержимое которого – регулярно добавляемые записи, содержащие текст, изображения или мультимедиа;

• живой журнал;

• blogger;

• твиттер;

• социальные сети;

• социальные геосервисы – системы, предназначенные для сбора, хранения, анализа и графической визуализации географических данных и связанной с ними информации о представленных объектах (*Карты Google, Яндекс Карты*);

• социальные медиохранилища – сервисы для совместного хранения медиафайлов.

Использование облачных технологий и сервисов Веб 2.0 в образовании:

• создание электронных образовательных ресурсов;

• оценка учебных достижений обучающихся;

- организация учебного процесса;
- облачные системы управления обучением;
- вебинары (веб + семинар);
- организация совместной учебной деятельности и коммуникаций между участниками образовательного процесса;
- сервисы Веб 2.0;
- блоги;
- социальные сети;
- вики и т.п.

Плюсы дистанционного обучения:

- повышает качество образования при помощи технологий;
- дает студентам возможность работать самостоятельно;
- позволяет преподавателям следить за учебой каждого студента;
- экономит средства на расходы во время учебы;
- дает человеку возможность жить в одном регионе, а учиться в учреждении высшего образования другого.

Р. В. Детскина

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МЕТАФОРЫ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Метафора обладает особым статусом среди изобразительно-выразительных языковых средств, так как характеризуется широкой структурной вариативностью и большим потенциалом создания качественно новых семантических единств. Этим объясняется высокая частотность ее употребления в текстах разных функциональных стилей, в особенности художественных.

Все художественные тексты обладают особой структурно-семантической организацией, что дает возможность проследить в них закономерности функционирования лингвистических единиц разных уровней. В частности, функционирование метафоры определено структурно-семантическими и изобразительно-выразительными свойствами того типа текста, в котором она употреблена. Место метафоры в тексте и ее назначение тесно связано с особенностями ее внутреннего строения и общей семантикой, которую она в себе включает.

В настоящее время нет единых критериев, при помощи которых было бы возможно вычленивать из состава языка фразеологические единицы. Для выделения фразеологизмов сторонники различных концепций применяют различные критерии, что приводит к «расслоению» массива фразеологии и зачастую стирает границы между самобытными метафорами и клишированными фразами. Даже общепризнанные критерии могут трактоваться лингвистами по-разному. По этой причине проводимое исследование представляется актуальным.

Анализ структуры метафорических выражений представлен в следующей таблице (фрагмент).

Структура англоязычных метафорических выражений
в проанализированном массиве (фрагмент)

Тип сочетания	№ п/п	Структура метафорического словосочетания	Пример	Абсолютная частота употребления	Относительная частота употребления
	1	N + Pr + Adj + N	<i>maze of barbed-wire entanglements</i>	1	0,014
	2	V + PrN + N	<i>they were relics of the ancient world</i>	1	0,014
	3	Adj + N + Pr + N	<i>little knots of resistance</i>	1	0,014
Номинативные словосочетания	4	Adj + N + N	<i>smooth prizefighter's jowl</i>	1	0,014
	5	N + LV + Adv + Art + N	<i>the mouth was only a slit</i>	1	0,014
	6	N + Pr + N	<i>twinge of fear</i>	1	0,014
Глагольные словосочетания	7	N + LV + Num + Adj + N + Pr + N	<i>street was one blazing bulb of lights</i>	1	0,014
	8	N + PrN + Adj + Adj + N	<i>Nebraska <...> that selfsame dustcloud</i>	1	0,014
	9	N + LV + Pr + PrN + Adv + Conj + Art + N + N + LV + N	<i>bug was on me again and the bug's name was Dean Moriarty</i>	1	0,014
	10	PrN + PrN + N + LV + Part II	<i>all my bridges were gone</i>	1	0,014
	11	PrN + LV + Adv + Pr + PrN + N	<i>he was back in his element</i>	1	0,014
	12	N + Pr + Art + N	<i>angel of a man</i>	1	0,014
Адъективные словосочетания	13	N + Pr + Adj + N + V + PrN	<i>smell of sour beer hit him</i>	1	0,014
	14	N + V + Pr + N + N	<i>thought flitted through Winston's mind</i>	1	0,014
	15	N + V + PrN + N	<i>pavement tickled his feet</i>	1	0,014
	16	N + LV + Part II + Pr + PrN + N + N	<i>square was packed with several thousand people</i>	1	0,014
Адъективные словосочетания	17	Adj + N + Pr + Part I + Art + N	<i>lunatic project of renting the room</i>	1	0,014
	18	N + LV + Adj + Pr + N	<i>ground was misty with bluebells</i>	1	0,014
	19	N + LV + Adj + Pr + N	<i>Winston was gelatinous with fatigue</i>	1	0,014
	20	Adj + N + Pr + N	<i>fabled city of San Francisco</i>	1	0,014

Примечание. Условные обозначения: N – существительное, V – глагол, Adj – прилагательное, Adv – наречие, Num – числительное, PrN – местоимение, LV – глагол-связка, Part I – причастие настоящего времени, Part II – причастие прошедшего времени, Pr – предлог, Conj – союз, Pcl – частица, Art – артикль.

Компонентный анализ номинативных метафорических сочетаний показал, что большую часть словосочетаний данного типа составляют многокомпонентные номинативные метафорические словосочетания (48,6 %), состоящие из имени существительного и нескольких подчиненных ему слов, например, *pillow of brown moist earth*. Вторую по многочисленности группу составляют четырехкомпонентные номинативные метафорические сочетания – 28,6 %. В их структуру входят имя существительное и три подчиненных ему слова. Например, *shower of paper cylinders*. Трехкомпонентные номинативные метафорические сочетания, состоящие из имени существительного и двух подчиненных слов, составляют 17,1 %, например, *twinge of fear*. В ходе анализа меньше всего было выявлено двухкомпонентных метафор, состоящих из имени существительного и одного зависимого от него слов, например, *crazy cats* (5,7 %).

Полученные результаты положены в основу алгоритма выделения и перевода англоязычных метафорических выражений на русский язык.

Р. В. Детскина, Л. В. Шимчук

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МЕТАФОРЫ В ТЕКСТАХ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПЕЧАТНОЙ РЕКЛАМЫ

Рекламный текст представляет собой целенаправленное коммуникативное взаимодействие его автора и адресата по передаче и приему информации о предмете рекламы. Организация текста определяется спецификой рекламной ситуации, поскольку рекламный текст рассчитан на массовую и достаточно неоднородную аудиторию. Адресант всегда общается с большим количеством адресатов, что и делает рекламную коммуникацию массовой. В то же время реклама предполагает стремление адресанта сделать свое сообщение более индивидуализированным, создавая впечатление обращения к отдельному человеку.

Яркий рекламный образ формируется через систему изобразительно-выразительных средств языка. За счет стилистически окрашенной лексики создается конкретно-чувственный образ рекламируемого объекта. Однако выразительность и четкость рекламного образа зависят от мотивированности и функциональной обусловленности использования в каждом конкретном случае изобразительных средств.

Более того, все рекламные тексты обладают особой структурно-семантической организацией, что дает возможность проследить процессы создания текста и закономерности функционирования в нем лингвистических единиц. В частности, функционирование метафоры определено структурно-семантическими и коммуникативно-прагматическими свойствами того типа текста, в котором она употреблена.

Всего для анализа было отобрано 171 англоязычная метафора. Источниками послужили электронные варианты англоязычных печатных изданий, рекламирующие предметы роскоши, такие как «Panache», «Robb Report» и «Lusso».

Все проанализированные метафоры были разделены на три группы на основании особенностей их структуры. Все они являются словосочетаниями. Полученные данные представлены в табл. 1.

Т а б л и ц а 1

Структурные особенности проанализированных англоязычных метафор

№ п/п	Структура метафоры	Примеры	Абсолютная частота употребления	Относительная частота употребления
1	Структурно простые	<i>1,800 acres of tranquility; satiny taste; handful of producers</i>	152	0,89
2	Структурно усложненные многокомпонентные	<i>deep, rich blue lapis; keys that are graceful and feminine</i>	6	0,035
3	Структурно усложненные развернутые	<i>Bottled the luxurious sensation; these stunning timepieces brighten every ensemble; Caran d'Ache Reveals its Masculine Side</i>	13	0,075
Всего			171	

По результатам проведенного структурного анализа был сделан вывод, что наиболее многочисленными в проанализированном массиве являются англоязычные глагольные метафорические выражения, образующие свою структуру с помощью глагола. Вследствие этого дальнейшему анализу подвергаются именно глагольные метафорические словосочетания. Рассмотрев семантические особенности глагольных компонентов метафорических выражений исследуемого типа, можно сделать вывод, что глагольные метафорические выражения распространяются на ряд классов, обозначающих деятельность, движение, состояние, бытие. Эти данные представлены в табл. 2.

Т а б л и ц а 2

Лексико-семантические классы глаголов в англоязычных глагольных метафорах

№ п/п	Лексико-семантический класс англоязычного глагола	Примеры	Абсолютная частота употребления	Относительная частота употребления
1	Деятельность	<i>legacy can be sipped, mining a new market, long delays fed industry rumors, ideas bubbling around</i>	19	0,33
2	Состояние	<i>boats were born, brand has seen the light, hints of herbs and marries well with barbecued ribs</i>	29	0,51
4	Движение	<i>company strolls down the garden path, Sailing Through the Recession, the city bustles with excitement</i>	9	0,16
Всего			57	

Наиболее многочисленный класс – это глагольные метафорические выражения, с глаголом, обозначающим состояние, глаголы данного типа составляют 51 % от общего числа глагольных метафор, например, *boats were born*. Глаголы деятельности составляют вторую наиболее многочисленную группу (33 %), например, *long delays fed industry rumors*. Реже всего встречаются глаголы движения (16 %), например, *company strolls down the garden path*.

Полученные результаты положены в основу алгоритма выделения англоязычных метафорических выражений в текстах англоязычной рекламы.

Я. С. Детскина

СТРУКТУРНЫЕ МОДЕЛИ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЗАГОЛОВКОВ РЕФЕРАТОВ К ПАТЕНТАМ И ИХ ПЕРЕВОДЫ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

В настоящее время проведено значительное количество исследований, посвященных анализу заголовка как компонента текста. Однако при всей актуальности рассматриваемых в них проблем ряд вопросов организации заголовков остается все еще нерешенным. Так, например, не получил достаточного освещения вопрос о структурно-семантических свойствах заголовков научно-технических текстов, их связи с общим содержанием. Актуальность предпринимаемого исследования заголовков научно-технических документов обуславливается в общем плане их ролью в семантической организации текста, конкретно же потребностями разработки алгоритмов анализа языковых единиц как основы автоматической переработки текста.

Несмотря на многообразие структурных разновидностей заголовков, можно выявить их определенные структурные типы, отвечающие двум главным функциям заголовков – номинативной и коммуникативной. Материалом для анализа послужили 500 англоязычных заголовков рефератов к патентам и сами рефераты к патентам по нефтяной тематике, а также их переводы на русский язык.

Проведенный анализ англоязычных заголовков рефератов к патентам показал, что исследуемые конструкции носят именной характер и по своей структуре являются номинативными. Основная единица номинации в них – существительное, отличающееся семантической стабильностью.

Исследование заголовков показало, что существительное образует синтаксические модели в результате пре- и постпозитивного распространения именного ядра заголовка (табл. 1).

Таблица 1

Структурные модели проанализированных англоязычных заголовков рефератов к патентам и их переводы на русский язык (фрагмент)

№ п/п	Англоязычный заголовок реферата к патенту	Структура заголовка	Перевод
1	Marine oil leak recovery and marine petroleum mining method	A2 + N1 + N2 + N3 and A + N1 + Ing + N2	Способ сбора нефти после утечки в море и способ добычи нефти в море
2	Gravity separator, and a method for separating a mixture containing water, oil, and gas	A + N and N for Ing1 + N1 + Ing2 + N2 + N3 and N	Гравитационный сепаратор
3	Solid state device	A + N1 + N2	Приспособление в твердом состоянии
4	Electrokinetic actuator to titrate fluid flow	A + N to V + N1 + N2	Электрокинетический привод для титрования
5	Waste water treatment equipment in flue gas desulfurization facility	N1 + N2 + N3 + N4 in A + N1 + N2 + N3	Устройство для очистки сточных вод в системе десульфуризации дымовых газов
6	Enhanced separation of nuisance materials from wastewater	A + N of A + N from N	Способ выделения посторонних материалов сточных вод

Примечание. Условные обозначения: N – имя существительное; Ing – герундий, причастие, отглагольное существительное; V – глагол; Num – имя числительное; Pr – местоимение; Adv – наречие.

Формальными разделителями базовых моделей служат, главным образом, предлоги, союзы, знаки пунктуации (табл. 2).

Таблица 2

Разделители базовых синтаксических моделей проанализированных англоязычных заголовков рефератов к патентам

№ п/п	Разделители базовых синтаксических моделей англоязычных заголовков рефератов к патентам
1	and
2	from
3	of
4	for
5	or
6	to
7	in
8	with
9	on
10	at
11	,

Существуют заголовки, состоящие из одного существительного или нескольких существительных, соединенных союзами. Любая синтаксическая модель (за исключением моделей, включающих в себя одиночное ядерное существительное или несколько существительных, соединенных союзами *and* или *or*) состоит из главного (определяемого) и одного или нескольких зависимых элементов (определяющего). Например, *Barge oil skimmer*. При этом вполне закономерно, что словоформы, зависящие от ядерной словоформы (существительного), могут иметь при себе в свою очередь подчиненные словоформы второго ранга, а последнее, соответственно – словоформы третьего ранга и т.п. В приведенном примере словоформа *barge* имеет подчиненную словоформу *oil*, которая в свою очередь имеет свою подчиненную словоформу *skimmer*. В том случае если базовая синтаксическая модель содержит три или более членов, например, *Oil transfer bollard unit for an oil spill recovery vessel*, члены таких конструкций образуют группирующиеся компоненты, что позволяет выделить несколько структурных типов.

Анализ массива заголовков показал, что заголовки рефератов к патентам чаще всего представляют собой комбинации нескольких моделей. В их оформлении могут принимать участие различные предлоги: *for, of, with, on, in, from, to, at*. Например, *A device for collecting oil from the surface of a body of water comprising a buoyant conduit with an internal transfer means*. Наиболее типичными предлогами в составе предложной группы являются предлоги *for, from* и *of*, которые могут передавать целую гамму различных смысловых отношений.

Джебраил Челик

О ПРИНЦИПАХ ОТБОРА МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ЛЕКСИКИ ИЗ ДВУЯЗЫЧНЫХ ТЕМАТИЧЕСКИХ СЛОВАРЕЙ

На кафедре информации и прикладной лингвистики создается турецко-англо-русский автоматический словарь для перевода на английский и русский языки турецких текстов по международно-правовым проблемам.

В процессе создания этого словаря необходимо решить три следующие задачи.

1. Найти турецко-русские и турецко-английские словари по международно-правовым темам.
2. Используя лексику турецко-русских и турецко-английских словарей по международно-правовым проблемам, создать единый турецко-англо-русский словарь по международно-правовым проблемам.
3. Учитывая лингвистическую специфику организации автоматических турецко-русских и турецко-английских словарей, создать автоматический турецко-англо-русский автоматический словарь.

В процессе решения первой из задач оказалось невозможным найти турецко-английские словари. По этой причине для решения этой задачи стали изучаться русско-английские и англо-русские тематические словари по международно-правовым проблемам. Такие словари также отсутствовали. Поэтому лексику по международно-правовым проблемам извлекали из общей лексики англо-русских и русско-английских тематических словарей.

Например, «Англо-русский словарь. Говорим по-английски. Англо-русский тематический словарь с примерами словоупотреблений». Он содержал лексику по 157 темам.

Детальный анализ лексики этих тем позволил включить в английскую лексику по международно-правовым проблемам лексику следующих тем этого словаря:

- 1) «Речь речевые аспекты»;
- 2) «Человек и общество»;
- 3) «Работа»;
- 4) «Деньги»;
- 5) «Право»;
- 6) «Искусство»;
- 7) «Средства массовой информации»;
- 8) «Государство»;
- 9) «Энергия и техника»;
- 10) «Компьютер»;
- 11) «Поездки»;
- 12) «Транспорт»;
- 13) «Страны»;
- 14) «Языки и национальные отношения»;
- 15) «Причины и следствия».

Таким же способом извлекалась турецко-русская лексика по международно-правовым проблемам из турецко-русских и русско-турецких тематических словарей. Так, из словаря О. Ю. Мансуровой «Большой турецко-русский, русско-турецкий словарь» (М. : АСТ ; Восток-Запад). Он содержал 8 000 слов по 17 темам. В итоге были выделены следующие темы этого словаря, относящиеся к международно-правовым проблемам:

- 1) «Повседневная жизнь»;
- 2) «Человек»;
- 3) «Путешествия»;
- 4) «Отдых и развлечения»;
- 5) «Дом, квартира»;
- 6) «Учеба»;
- 7) «Компьютер и интернет»;
- 8) Транспорт.
- 9) «Флора и фауна»;
- 10) «География»;
- 11) «Наука, экономика, политика».

А. Е. Жданович

ПОДХОДЫ К ФОРМАЛЬНОМУ ВЫДЕЛЕНИЮ ИДИОМАТИЧЕСКИХ ВЫРАЖЕНИЙ

Идиома – это словосочетание, значение которого не следует из значения слов, входящих в его состав, а также не имеет прямого значения их сочетания. Идиома представляет собой цельное словосочетание, смысл которого не очевиден для не знающего ее человека и характеризуется почти полной или полной неизменяемостью. Основные трудности при переводе идиом вызывает совокупность лингвистического и культурного аспектов.

При переводе с иностранного языка существует риск буквального перевода идиом, что может привести к искажению смысла или полному его отсутствию в переводе. Поэтому очень важно уметь распознать идиому в тексте оригинала. Одной из проблем перевода идиом является то, что многие идиомы плохо узнаваемы, в отличие от широко известных и распространенных идиом. Наличие в тексте непонятого по значению словосочетания, которое сложно вписать в смысловую картину всего текста, может быть признаком того, что это идиома. Так же слова и словосочетания, окружающие идиому, могут подсказать ее присутствие.

При машинном переводе идиом не всегда удастся дать точный перевод, руководствуясь обычными правилами. Проблема в том, что идиомы могут быть записаны в нескольких формах и эти формы могут не всегда образовываться по обычным грамматическим правилам. Идиомы должны выявляться в тексте на начальном этапе перевода, чтобы они не были потеряны, и обрабатываться системой как одно слово. Еще одной проблемой является возникновение трудности привязки идиомы к слову, по которому будет производиться ее поиск.

Разрешение идиоматичности является одной из формальных операций в системах машинного перевода. Такая операция производится либо с помощью стандартных грамматических и лексических программ анализа текста, работающих с автоматическим словарем, либо выполняется прямое соотнесение входного и выходного сегментов текста. В случае прямого соотнесения и входной, и выходной сегменты рассматриваются как неделимые обороты. Один или несколько выходных оборотов или словоформ, поставленных в соответствие каждому входному обороту, составляют автоматический словарь оборотов. В результате анализа идиоматическим выражениям приписывается определенный цифровой эквивалент, и они исключаются из дальнейшего грамматического анализа. Перед составлением алгоритма поиска и перевода оборотов в тексте выполняется лингвистическое исследование их дистрибуции. Необходимо выяснить посредством синтаксического анализа, является ли оборот цельным и включает ли он в себя изменяемые формы. Оборот считается цельным, неизменным, если между его элементами нельзя вставить другие единицы. Если оборот не является цельным, следует учи-

тывать это при составлении алгоритма. Для обработки оборотов, разорванных другими членами предложения, необходимы данные синтаксического анализа.

При машинном переводе текстов, содержащих идиоматические выражения, фразеологические единицы включаются в машинный словарь, как основные единицы языка и речи, а перевод отдельных слов используется только, когда не удастся осуществить перевод, опираясь на фразеологические единицы. Так же учитывается, что тексты, имеющие большой объем, обычно бывают политематическими и отличаются друг от друга распределениями вероятностей появления в них различных слов из общенационального словарного фонда. Поэтому машинный словарь, предназначенный для перевода текстов из одной тематической области, как и из различных предметных областей, является политематическим. В системах фразеологического машинного перевода наряду с основным политематическим словарем большого объема используются наборы небольших по объему дополнительных тематических словарей. Такие словари содержат информацию, которая отсутствует в основном словаре. Например, информацию о приоритетных переводных эквивалентах словосочетаний и слов для различных предметных областей, когда они не совпадают с приоритетными переводными эквивалентами основного словаря. В системах фразеологического машинного перевода используется и интерактивный режим работы. В этом режиме пользователь имеет возможность вмешиваться в процесс перевода и настраивать дополнительные машинные словари на тематику переводимых текстов. Для получения качественного машинного перевода текстов, особенно политематических, необходимы машинные словари большого объема, которые могут создаваться на основе автоматизированной обработки двуязычных параллельных текстов и в процессе функционирования систем перевода.

А. В. Зубов

ФОРМАЛИЗАЦИЯ СОДЕРЖАНИЯ РУССКОГО ЛИРИЧЕСКОГО СТИХОТВОРЕНИЯ

Под стихотворением понимается разбитые на строфы последовательности семантически связанных предложений. Поль Валери заметил, что «стихотворение создается не из идей и не из чувств, оно создается из слов». Естественно, что без идеи и чувств создать стихотворение невозможно, но когда речь идет об анализе уже готового стихотворения главным становится слово.

Известно, что каждый текст выражает индивидуальные лингвистические и экстралингвистические знания автора. Лингвистические знания связаны со спецификой употребляемых автором слов, словосочетаний, типов предложений и их последовательностей (абзацев, строф). Экстралингвистические

особенности автора проявляются в выборе манеры изложения, в способе представления ситуаций окружающей действительности, выражающемся структурной организацией абзаца или строфы, порядке следования в тексте этих укрупненных единиц и т.п.

Выделяя в содержании каждого текста две составляющие (статическую и динамическую), можно определенным образом смоделировать заложенные в текст лингвистические и экстралингвистические знания автора текста.

Статическая составляющая текста может быть представлена в виде таблицы основного статического содержания, в которую путем статистического анализа текста включены наиболее важные для данного текста знаменательные слова – главные и второстепенные опорные слова. Они, с учетом всех словарных и контекстуальных синонимов текста, отражают главные действующие лица текста, место и время их действия, зафиксированные в исследуемом тексте.

Динамическая составляющая каждого текста может быть описана некоторой логико-семантической формулой этого текста. Если говорить о тексте стихотворения, то предполагается, что каждая строфа содержит описание некоторой микроситуации, т.е. определенного числа субъектов, объектов реального мира с их свойствами и взаимоотношениями.

Основной смысловой единицей динамической составляющей содержания стихотворения является предметно-логическое содержание строфы. Под предметно-логическим содержанием строфы понимается дифференцированное по типам главных и второстепенных субъектов, объектов, мест и времени действия ситуации, представленной в стихотворении, перечисление фактов объективной действительности (явлений, событий, состояний, признаков и т.д.), связанных с содержанием всего стихотворения. Например: «Констатация некоторого действия главного субъекта и описание природы». Или «Описание состояния и действий автора» и т.п. В текстах каждого автора можно выделить конечное число таких предметно-логических составляющих. Давая им определенные буквенные обозначения (например, M001, M002 и т.д.), можно построить логико-семантические формулы таких текстов.

Например: $T_{01} = T001 \& T012 \& T006 \& T021 \& T005$.

Предлагаемый подход к описанию содержания текстов демонстрируется в сообщении на примере более 100 русских стихотворений.

А. В. Зубов

СТРУКТУРА СЛОВАРЕЙ ДЛЯ АВТОМАТИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА ТЕКСТОВ

В наши дни автоматический перевод текстов проводится только для перевода научно-технических текстов, в составе которых преобладает, в основном, терминологическая лексика. Существуют различные подходы к классификации терминологических автоматических словарей.

1. По числу представленных в словаре языков они делятся на одноязычные, двуязычные и многоязычные.

2. По наличию и принципу толкования терминов – энциклопедические, толковые и не содержащие толкований.

3. По представленной отрасли науки или отраслям знаний – отраслевые, узкоотраслевые, многоотраслевые.

4. По полноте представленной в словаре терминологии – полные, средние, краткие.

5. По специальному назначению – понятийные, частотные, обратные.

Рассмотрим, как решаются такие задачи при создании на кафедре информатики и прикладной лингвистики МГЛУ автоматического англо-белорусского терминологического словаря по информационным технологиям. Очевидно, что создается двуязычный, отраслевой, толковый словарь, содержащий входной английский словарь по информационным технологиям и его перевод на белорусский язык.

Создание каждого из перечисленных типов терминологических словарей требует решения большого числа конкретных задач. Так, если создается двуязычный англо-белорусский терминологический словарь по информационным технологиям, то при этом должны быть решены следующие задачи:

1) конкретизация современной белорусской лексики по информационным технологиям;

2) определение способов представления английских терминов в создаваемом терминологическом словаре;

3) выработка принципов отбора белорусских переводных терминов к английским терминам;

4) разработка наиболее оптимального способа кодирования морфологической, семантической и стилистической информации в словарных статьях создаваемого англо-белорусского терминологического словаря.

При этом под конкретизацией лексики такого словаря понимается выявление видов и количества словарей по информационным технологиям с белорусским языком. Всего было найдено в Беларуси около 20 белорусских, русско-белорусских и англо-белорусских словарей по информационным технологиям.

При решении второй из четырех перечисленных выше задач, было определено, что в создаваемый англо-белорусский словарь будут включены:

1) термины-слова;

2) термины-словосочетания;

3) термины-аббревиатуры.

Доказано, что значительную трудность при переводе научно-технической литературы представляют общеупотребительные слова, которые приобретают при таком переводе определенную специфику, а также переводные эквиваленты которых не отражены в общих двуязычных переводных словарях. Поэтому общеупотребительная лексика исходного языка должна иметь переводы в языке, на который переводится текст.

ГЕНЕРАЦИЯ СТИХОТВОРЕНИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ НЕЙРОСЕТИ

Задача генерации стихотворения компьютером нетривиальная, но и не новая. Попробуем разобраться в том, как исследователи подходили к решению этой задачи раньше. Рассмотрим наиболее интересные подходы к созданию генераторов.

В журнале «Scientific American» (№ 8, 1989) вышла статья А. К. Дьюдни «Компьютер пробует свои силы в прозе и поэзии». Этот генератор был полностью автоматизированным. В основе этого подхода большой словарь, фразы из которого выбираются случайным образом, и из них формируются словосочетания по набору грамматических правил. Каждая строка делится на части предложения, а далее случайно заменяется другими словами.

Более 20 лет назад выпускник известного московского вуза Леонид Каганов защитил диплом на тему «Лингвистическое моделирование и искусственный интеллект».

Отличительной особенностью этой программы было то, что она не использовала изначальных шаблонов.

В 1996 году был написан генератор РОЕТ.EXE: «Здесь имеется словарь слов с проставленными ударениями и некоторой другой информацией о них, а также задается ритм и указывается какие строки рифмовать (например, 1 и 4). А программа использует шаблоны и заранее подготовленные словари».

Сегодня широко стали использовать нейросети для решения различных задач в области искусственного интеллекта.

Нейросеть – это математическая концепция способного к обучению искусственного интеллекта. Она появилась еще в 1940-е годы, когда ученые попробовали воссоздать на техническом уровне биологические нейронные сети, то есть человеческий мозг.

Нейротехнологии внедрены в Google Assistant (произнести «О'кей, Google!»). С помощью нейросетей можно предсказывать наводнения, прогнозировать исходы спортивных матчей и т.п.

Рекуррентные нейронные сети – особый тип нейронных сетей, который появился относительно недавно. Подобные сети способны порождать текст. Они обучаются на уже существующих произведениях и во многом воспроизводят стилистику «загруженных» в нее текстов.

Если речь о поэзии, то, чтобы добиться сходства с оригиналом, требуются сотни тысяч стихотворных строк.

Теперь, нужно понять, как использовать нейросеть для генерации стихотворения именно в стилистике какого-либо автора. Для этого сначала нужно отметить, что тексты для обработки в нейросетях представляются в виде векторного пространства. Эмбединг в NLP (Natural Language Processing) означает процесс или, чаще, результат процесса преобразования языковой сущности – слова, предложения или целого текста в набор чисел – числовой

вектор. То есть, чтобы их можно было складывать, умножать, находить между ними расстояния и при этом каждое такое действие с числовыми векторами имело смысл как некоторое действие над словами.

Томаш Миколов в 2013 году предложил использовать гипотезу локальности: «слова, которые встречаются в одинаковых окружениях в векторном пространстве, имеют близкие значения». Близость в данном случае – это стоящие рядом сочетающиеся слова. Для получения таких свойств нужно строить эмбединги слов в высоко размерном (но не зависящем от числа слов) векторном пространстве. Чтобы каждому слову теперь соответствовал набор из 2–5 сотен чисел, и эти наборы удовлетворяли свойствам математического векторного пространства. Т. Миколов назвал метод получения таких эмбедингов *word2vec*. Он основан на использовании вероятностной оценки совместного употребления групп слов и самообучаемой на корпусах текстов нейронной сети.

Сегодня уже используются разные методы получения таких эмбедингов: модель GloVe, разработанная в Стэнфорде, fastText – разработанная Facebook, doc2vec – модель, отображающая в числовой вектор целый документ.

Так в чем заключается идея генерации стихотворения с помощью нейросети?

Идея простая: давайте возьмем случайное стихотворение автора из корпуса стихов, после чего будем заменять каждое слово на другое, которое максимально созвучно с оригиналом (имеет одинаковое количество слогов, одинаковое ударение и последние три буквы максимально схожи с оригиналом по расстоянию Левенштейна) и при этом имеет максимально схожий вектор с вектором темы. Например, для темы «Футбол» и строки «И светился как янтарь», выходной строкой может быть «А игрался как вратарь». Таким образом, мы получаем своеобразную стилизацию текста.

Борис Орехов поставил эксперимент: он натренировал нейронную сеть на стихах великих поэтов и заставил писать собственные стихи. Проект позволил определить «формулы» поэзии Гомера, Овидия, Пушкина, Ахматовой, какими их видит искусственный интеллект. Обученные нейросети породили собственные тексты, напоминавшие исходники разными чертами стиля.

Сеть, которая умеет читать буквы, получает текст. Она старается в нем разобраться: выявить, почему одна буква следует за другой и предшествует третьей, с какой частотой это происходит и т.п. «Одного знания о распределении букв оказывается достаточно, чтобы при порождении текста правильно имитировать и согласование слов, и употребление предлогов, и разные другие сложные, на человеческий взгляд, языковые правила. Мы не рассказывали сети, что бывают морфемы, ударения, синтаксические конструкции, а она вдруг взяла и все это поняла сама», – отмечает Орехов.

К задаче генерации стихов подступались многие, но значимого прорыва пока еще нет. Соблюдались ритм, размер, синтаксис, интонации, излюбленные слова поэтов.

Вот отрывок стиха, вдохновенного лирикой Анны Ахматовой (с характерными для нее словами *любовь, небеса, веселье, поэт, простота* и т.д.):

Мой друг, о том, любовь достигнуть,
Богатый будет из гробов;
Он с простотой покорных звон,
И созерцающий над ней.
Небес веселого призыва,
Дружил я вечности веселья.
И в нем взволнованный поэт,
Но вот ли просто как изгнанье...

Обычно считается, что лирика – подчеркнуто авторское высказывание. Ее создатель выражает свои чувства, мысли, интенции. Это и есть сообщение, транслируемое текстом. Однако нейролирика ничего не сообщает. Компьютеры научились имитировать поэтический язык, эффектно расставлять слова. Но текст без автора одновременно оказывается текстом без смысла, признают исследователи.

Е. И. Ильина

СПЕЦИФИКА ФОНЕТИЧЕСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ

Фонетическая языковая игра (ЯИ) в рекламном дискурсе является отнюдь не самой используемой разновидностью ЯИ в рекламе, и это обусловлено рядом причин. Причина первая: так называемые низшие языковые уровни – системы строго нормированные, зафиксированные жесткими правилами, нарушение которых неприемлемо – даже в шутке. Причина вторая связана с тем, что определение фонетической ЯИ в рекламе часто затруднено, так как в русском языке устная и письменная формы могут значительно отличаться друг от друга. А одной из основных целей использования ЯИ в рекламе является не только привлечение внимания клиента к рекламному тексту, но и вовлечение его в игру по дешифровке этого рекламного текста. Это напрямую обусловлено приемами ввода имплицитной информации для введения особых механизмов речевого воздействия для использования эффекта неявной передачи знаний реципиенту.

Примеры рекламных текстов и слоганов, построенных на реализации фонетической ЯИ, нельзя назвать широко распространенными. Они, встречаются нечасто, но являются очень выразительными, позволяющими тонко обыгрывать дополнительные оттенки рекламируемого товара. Отдельно хотелось бы остановиться на таком моменте, как благозвучия текста.

Известно, что благозвучная мелодика текста один из основных элементов эффективного рекламного воздействия. Что же такое благозвучие и неблагозвучие?

Александр Павлович Журавлев – доктор филологических наук, специалист по кибернетике, кибернетической лингвистике, чье основное направление исследований – семантический анализ текстов, основоположник целого научного направления – экспериментальной фоносемантики, которая в дальнейшем положила начало созданию программ воздействия на подсознание посредством фонетики; его работы легли в основу нейролингвистического программирования и широко используются в настоящее время в пиар-технологиях – уделял данному аспекту огромное внимание в своих исследованиях. В основу его работ легло известное еще с античных времен наблюдение: разные звуки вызывают разные физические ощущения. Есть звуки «нежные и твердые», «гладкие и шероховатые, усладительные для слуха и неприятные, расплывчатые и резкие, и бесчисленно иные, вызывающие всякого рода другие физические ощущения». Или: «Звуки и услаждают, и огорчают слух, и коробят его, и ласкают, и причиняют ему множество еще других ощущений».

При построении благозвучной фразы – слогана необходимо учитывать звуковые особенности языка: в русском, например, неблагозвучны буквосочетания *дря* (дрязги, дрянь), *гн* (гнида, гнус), которые способствуют появлению нежелательных ассоциаций. В рекламной практике множество таких примеров, в которых не учитывалась звукосочетаемость языкового состава: чистящее средство «Сиф», помада «Каптиф» (ассоциация: коптить небо), автомобиль «Труппер» (ассоциация: труп), чай «Сандал» (ассоциация: скандал), чай «Пукало» и т.п. Неблагозвучным считаются и скопления гласных звуков на стыке слов: салон «У Юли», ателье «У Ольги», кафе «У озера».

Вопросы благозвучия нередко являются одними из наиболее важных при выборе названия для нового товара, магазина, агентства. Вот что об этой проблеме говорит директор рекламной компании «Анкил» Павел Авдокушин: «“Анкил” в древнеримской мифологии – магический щит, который во времена правления римского царя Нумы Помпилия упал на землю с неба и на долгие годы стал залогом безопасности и процветания римского государства. Это понятие издревле отождествлялось с надежностью, стабильностью, защищенностью... Само слово «Анкил», кажется, отлито из стали: звонкое, прочное. Именно такое впечатление компания и хотела создать о себе у своих клиентов».

Рассматривая отдельно звуки в словах, вспомним, что, например, звук [р] воспринимается как динамичный, решительный, мужественный; [п] и [б] – как солидные, основательные и надежные; [л] и [н] – как женственные, легкие, нежные. Так, удачным примером служит название фирм «Альтаир», «Ритм», «Альбатрос».

Заметим, что в слове *легкий* звонкий [л] и пронзительный [и] передают идею невесомости, воздушности, тонкости: *Red Bull окрыляет; Wella – Вы великолены.*

В слове *толстый* тяжелое глухое [т] и округлое сытое [о] создают впечатление пухлой, объемной формы предмета: *Колбаса Останкинская. Тот самый вкус.*

С помощью удачного звукового решения слоган может передать не только общую идею, но и дать подсознательную ориентировку на товарную категорию, способ и ситуацию использования товара. Например:

- *Зубная щетка «Аквафреш»*: *Чистит с блеском – действует с головой* ([ч], [ст] [тс] и [ск] – звуки щетки во время чистки зубов);

- *Майонез «Salve Легкий»* ([гк], звучащее в речи, как [х], [л] указывают на низкокалорийность продукта, на его легкость);

- *Напиток «Миринда»*: *Взрыв вкуса!* ([взр] и [ввк] – передают идею взрыва).

Игровые приемы на фонетическом уровне используются для создания оригинальной рекламы, при этом оригинальность рекламы начинает ассоциироваться с оригинальностью рекламируемого товара. В языке рекламы приемы языковой игры позволяют достигнуть основополагающего принципа создания рекламных текстов: на минимальном отрезке текста достигнуть максимальной экспрессии. Именно за счет этого осуществляется привлечение внимания реципиента и стимулируется сбыт. Таким образом, языковая игра, основанная на использовании фонетических приемов, в части благозвучия текста, привлекает внимание потребителя к рекламируемому объекту или товару.

Е. В. Марковская

ЧАТ-БОТЫ, ТЕСТ ТЬЮРИНГА И ДРУГИЕ СПОСОБЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Благодаря стремительному развитию технологий искусственного интеллекта (ИИ), скачкообразному совершенствованию искусственных нейросетей, компьютеры становятся «умнее» с каждым днем. Одной из наиболее востребованных областей Интернета в 2020 году является написание и настройка чат-ботов – автоматизированных программ, имитирующих общение с реально существующим человеком. Данные программы активно используются в различных областях.

В последнее время на белорусский платежный рынок стали выходить чат-боты. В сети появился чат-бот под названием BYNго, творение компании «Системные технологии». Бот BYNго позволяет оплатить мобильную связь, Интернет, штрафы ГАИ или пополнить электронный кошелек. Многие белорусские банки размещают на своих сайтах чат-боты для ускорения совершения простейших платежных операций или получения нужных данных, и подобные онлайн-консультанты привлекают клиентов оперативностью работы. Так, в «Беларусбанке» есть консультант Злата. На сайте банка указано, что помощник дает информацию по ограниченному кругу вопросов: карта рассрочки, интернет-банкинг, мобильный банкинг, переводы денежных средств и потребительский кредит. В «БПС-Сбербанк» есть электронный помощник Алеся, которая определяет сложность вопроса и пытается его решить сама или перенаправляет к специалисту. «Банк Москва-Минск» внедрил информационного чат-бота в Viber, Telegram и Facebook.

Такси «Лайм» помогает вызвать автомобиль без звонка диспетчеру. Через бота «Белпочты» пользователь способен отследить посылку, а через «Док-Менеджер» оформить справку или свидетельство.

Даже компания Facebook готовит платформу для размещения коммерческих чат-ботов, способных забронировать для пользователя столик или оформить покупку товара таким образом, как будто клиент был обслужен первоклассным менеджером. Однако чат-боты также могут представлять собой угрозу, так как, притворяясь человеком, программа может просить у собеседника важные пароли или перевод денежных средств. Некоторые сервисы для онлайн-знакомств (Мамба, Тутла) используют чат-боты для привлечения новых пользователей и принуждения оформить платную подписку на некоторые услуги. К примеру, для продолжения разговора с «человеком», подходящим по интересам, возрасту, чувству юмора, для получения личной информации о нем пользователю предлагается оформить премиум-доступ. В связи с этим поднимается проблема изучения коммуникации с чат-ботами и идентификации чат-ботов.

Первым тестом для идентификации чат-ботов был тест Тьюринга, предложенный в 50-х годах английским математиком Аланом Тьюрингом. Он заключается в короткой переписке с чат-ботом. Судьи должны определить, является ли собеседник программой, и если программа набирает 50 % голосов жюри, тест считается успешно пройденным. Тем не менее данный тест строится на интуиции судей и не учитывает глубину работы чат-ботов и их лингвистические особенности.

Сегодня тесты Тьюринга используются для борьбы с нежелательной электронной почтой, автоматическими регистрациями на сайтах и нежелательными сообщениями в блогах и форумах. Считалось, если машина способна имитировать разговор – значит, она обладает интеллектом. И до недавнего времени он был самым используемым способом определения наличия у компьютеров интеллекта, но сегодня этот метод уже считается не самым совершенным. Во всяком случае, с тех пор, как в 2014 году этот тест прошел чат-бот «Евгений Густман», имитирующий 13-летнего жителя Одессы. Сегодня тест Тьюринга уже устарел.

Сейчас актуальным стал вопрос применения более точных и независимых от человеческого фактора тестов, которые смогут определить адекватность работы чат-бота, уровень его продвинутости, способность мыслить и быть подобием человеческого разума.

Приведем краткий обзор имеющегося на данный момент арсенала тестов для определения ИИ.

1. *Визуальный тест Тьюринга.* Этот тест проверяет, умеет ли машина не только говорить, но и видеть. И не только видеть, но и рассматривать, а также определять и анализировать изображение, включая способность распознавать расположение объекта по отношению к другим объектам в некоем контексте.

2. *Схемы Винограда.* Тест назван в честь американского исследователя искусственного интеллекта Терри Винограда, автора трудов по философии сознания. Гектор Левеск, профессор Университета Торонто, в 2011 году

предложил новое проверочное испытание – «схемы Винограда»: во время теста машине задают вопросы по особой схеме построения предложений. Ответить на вопрос можно, если иметь представление о времени, объемах, пространстве, размерах объектов, их отношениях и т.п. На это способно только мыслящее существо. Например, вопрос может звучать так: «Трофей не влезал в коричневый чемодан, потому что он был слишком маленьким (большим). Что было слишком маленьким (большим)?». Если в вопросе используется слово *маленьким*, то ответ – трофей, если *большим* – то чемодан. Чтобы ответить правильно, нужно обладать навыками, которые до сих пор недоступны компьютерам: например, уметь представлять пространство, отношения между людьми, размер объектов, даже нюансы политики – все зависит от конкретных вопросов

3. *Тест CAPTCHA*. Некоторые исследователи предлагают перевернуть тест Тьюринга с ног на голову – и сделать так, чтобы не человек проверял машину, а чтобы машина могла определить человека. Самая популярная форма такого теста – это CAPTCHA, запутанные надписи, которые вы видите на многих сайтах и которые нужно вбивать на клавиатуре так, как показано на экране. CAPTCHA мало кто воспринимает всерьез, но в то же время между создателями CAPTCHA и роботами, способными их обойти, идет что-то вроде гонки вооружений. Если будут побеждать первые, мы сможем прийти к более сложным системам, которые научатся превосходно отличать человека от машины. Уже сейчас предлагают более сложные альтернативы: скажем, соединение CAPTCHA с тачскринами. Практического смысла для определения ИИ в обратном тесте Тьюринга мало, но он может размыть наши представления о человечности, интеллекте и заставить нас посмотреть на это по-новому.

4. *Тест Лавлейс 2.0* призван определить наличие интеллекта у машины через способность ее к творчеству. Первоначально тест предложили в 2001 году: тогда машина должна была создать произведение искусства, которое разработчик машины принял бы за созданное человеком. Так как четких критериев успеха нет, тест получается слишком неточным. Поэтому его обновили. Теперь машина должна создать произведение в определенном жанре и в определенных творческих рамках, заданных человеком-судьей. Проще говоря, это должно быть произведение искусства в конкретном стиле. Скажем, судья может попросить машину нарисовать маньеристскую картину в духе Пармиджанино или написать джазовое произведение в духе Майлза Дэвиса. В отличие от оригинального теста машины работают в заданных рамках, поэтому судьи могут оценивать результат более объективно.

5. *Испытание IKEA*. Его могут пройти только роботы, способные построить физические структуры из, например, деталей мебели IKEA или даже кубиков LEGO. Робот, проходящий испытание IKEA, должен давать вербальные инструкции и описания структур, самостоятельно манипулировать деталями и физическими компонентами, следить за постройкой, отвечать на вопросы и описывать ход работы.

6. *Тест Маркуса*. Ученый-когнитивист Гэри Маркус – активный критик теста Тьюринга в его нынешнем виде. Он предложил свой тест, который заключается в проверке того, может ли компьютер определить и понять юмор, сарказм и иронию. Если это так, значит, он максимально приблизился к интеллекту, а может и обладает им.

7. *Олимпиада Тьюринга*. В заключение отметим, что существует еще одно решение проблемы теста Тьюринга – олимпиада Тьюринга, в ходе которой любое единичное испытание проверяет наличие интеллекта лишь фрагментарно, поскольку в человеческом интеллекте есть много разных элементов. Ученые предлагают организовать целую серию испытаний для машины, каждое из которых будет проверять разные аспекты интеллекта.

Таким образом, у ученых имеется достаточно большой арсенал средств для определения ИИ.

Е. В. Марковская, В. А. Василевская

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ РЕГУЛЯРНЫХ ВЫРАЖЕНИЙ ПРИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ АНАЛИЗЕ ДАННЫХ

В последние годы языки программирования общего назначения, например, Python и Javascript, стали чаще использоваться при интеллектуальном анализе данных. В числе доступных в данных языках программирования инструментов имеются *регулярные выражения*, служащие для упорядочивания, поиска или извлечения текстовых данных.

Формальная теория регулярных выражений была впервые изложена математиком Стивенем Клином в его книге «Introduction to Metamathematics», однако ее основные концепции были разработаны еще в начале 1940-х годов. Большую популярность среди компьютерных специалистов регулярные выражения приобрели в начале 1970-х годов после выхода операционной системы Unix, включающей такие утилиты, как sed и grep.

Регулярные выражения – средство поиска по тексту на основе шаблонных, описывающих закономерности, которым должны подчиняться искомые последовательности символов в тексте. При работе с регулярными выражениями используются *литералы* (символы, не имеющие никаких специальных значений в данном выражении) и *метасимволы* (символы, интерпретируемые при поиске особым образом. Например, «*» задает последовательность любого количества любых литералов, а «\» в регулярных выражениях всегда используется для того, чтобы отметить начало блока из одного или нескольких символов, которые имеют специальное значение).

Использование регулярных выражений в процессе предобработки текста при интеллектуальном анализе данных значительно упрощает и ускоряет этот процесс в сравнении с использованием для этих целей кодов, написанных на языке Python.

Под *предобработкой текста* понимается приведение текста к виду удобному для дальнейшего извлечения информации и ее статистической обработки. В зависимости от задачи по извлечению информации предобработка может включать разбиение текста на токены (слова или предложения), очищение текста от лишних символов, приведение всего текста к одному регистру, удаление служебных слов с высокой частотой встречаемости, лишних пробелов, пунктуации, тегов HTML-разметки и т.п. Например, `name.matches(/^(Mr|Ms|Mrs|Dr).?\s/i)` извлекает из строки обращение к человеку, например, «Mr» из «Mr. Schvarts».

Вслед за О. В. Жигулиной, к основным задачам, решаемым с помощью регулярных выражений, можно отнести:

1) проверку на соответствие, которая заключается в сопоставлении некоторого шаблона и вводимого текста;

2) поиск в тексте фрагментов, соответствующих заданному шаблону, с целью последующей их замены на другие фрагменты;

3) поиск фрагментов текста, соответствующих заданному шаблону, с целью последующего статистического анализа;

4) синтаксический анализ выражений, соответствующих небольшим формальным грамматикам, который заключается в составлении регулярного выражения, описывающего грамматику исходного выражения.

Универсальные шаблоны регулярных выражений сами по себе напоминают миниатюрный язык программирования, предназначенный для описания и разбора текста. При дополнительной поддержке со стороны конкретной утилиты или языка программирования регулярные выражения способны вставлять, удалять, выделять и выполнять самые сложные операции с текстовыми данными любого вида. Использование регулярных выражений избавляет от большого количества однообразной и утомительной работы.

В. И. Масловская

ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ОРГАНИЗАЦИИ РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА И ИХ РОЛЬ В РЕАЛИЗАЦИИ МАНИПУЛЯТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Важным элементом современной сетевой рекламы является не только сам текст, но и его оформление. Применение внешних средств оформления печатного текста компенсирует отсутствие интонационной составляющей, облегчающей восприятие информации в устной речи. Одной из особенностей оформления текста является его расположение, обеспечивающее экономность и компактность занимаемого им пространства с учетом скорости и удобства извлечения необходимой информации, а также с учетом особенностей таких психических процессов потенциальных читателей, как кратковременная память, восприятие и распознавание.

Для создания алгоритма автоматического определения манипулятивного воздействия в немецкоязычной рекламе были отобраны 40 рекламных текстов, относящихся к двум областям: одежда и домашнее хозяйство. Так как обе области одинаково релевантны для любого адресата, изучение воздействия рекламных текстов этих сфер представляет собой большую значимость. Было принято решение проанализировать отобранные тексты на всех языковых, а также неязыковых уровнях, с целью использования полученной информации в разработке алгоритма.

Воплощение речевого воздействия печатного текста находит реализацию в шрифте, поэтому его особенности относятся к одному из важнейших экстралингвистических средств манипулятивного воздействия. Шрифт концентрирует и адекватно распределяет внимание адресата печатного объявления. На выразительность шрифта влияет его пропорциональный и ритмический строй, узкое или широкое начертание, цвет, подчеркивание, курсивное и жирное начертание. А также высокое или низкое положение средней линии, длина элементов, выходящих за пределы строки, и, наконец, выравнивание или контрастность знаков в строке по их ширине – все это создает определенную характерность шрифта, делает выразительными самые незначительные отступления от норм начертания. Указанные средства призваны манипулировать расстановкой восприятия рекламного текста, и служат привлечению внимания к выделенной шрифтом части. Следует отметить, что название бренда, название фирмы-производителя, как правило, имеет определенное фиксированное начертание шрифта, следствием чего является «узнавание» фирмы и создания ее неповторимого стиля и образа у потенциального читателя, что ведет к возникновению желания приобрести товар.

Создатели рекламы неохотно прибегают к смешению видов шрифтов, так как это может негативно отразиться на восприятии информации адресатом. Во всех остальных случаях использование определенного вида шрифта служит привлечению внимания.

Рекламные сообщения состоят из множества разных частей, которые непременно находятся в тесной взаимосвязи друг с другом, чтобы сообщение производило гармоничное впечатление и воспринималось реципиентом с наименьшими затратами. Для этого создатели рекламных текстов нередко используют графические средства выделения рекламных сообщений: рамки, штриховка, стрелки, использование пробелов и т.п. Замечено, что реципиенты читают в первую очередь то, что находится в рамке, поэтому разработчики рекламных сообщений размещают наиболее важную информацию именно в ней. Рамка способствует концентрации внимания, так как воздействующее влияние имеет не только контрастный цвет рамки и поля внутри нее, но и сама геометрическая форма рамки. Применение геометрической формы подчиняется определенным психологическим законам, в соответствии с которыми текст, заключенный в квадрат или круг, вызывает ощущение уверенности; эллипс стимулирует творческие поиски; текст, обрамленный треугольником, поставленным на одну из его вершин, побуждает к действию.

Кроме того, для привлечения внимания адресата, а также для снижения его затрат на восприятие, создатели рекламных сообщений стремятся выровнять текст по правому или левому краям, или же по ширине. Однако следует отметить, что текст, выровненный по левому краю, но не выровненный по правому, воспринимается легче, чем текст, выровненный по ширине, так как неровный правый край привлекает и удерживает внимание реципиента.

Говоря о тексте рекламного сообщения, невозможно не упомянуть цвет и его воздействующий потенциал. Контрастность цветов фона и шрифта облегчает восприятие информации, однако инверсия цветов – белые буквы на черном фоне – эффективна лишь в коротких сообщениях, так как в противном случае это приводит к утомлению. Сам цвет шрифта играет не последнюю роль в воздействии. Так, например, теплый цвет привлекает больше внимания к элементу текста, делает его более активным, более близким и, следовательно, более значимым.

Рассмотрев основные функции цвета, можно выделить наиболее характерные для рекламного текста.

Аттрактивная функция цвета выражается в его способности привлекать внимание. Так, яркие цвета делают сетевое рекламное сообщение более заметным, облегчают его оптическое восприятие. Комбинация цветов способствует объединению всех компонентов рекламного текста в одно визуальное целое. Чередование цветов и их контрастное сочетание позволяет активировать восприятие рекламного сообщения.

Смысловыделительная функция заключается в способности цвета отмечать наиболее важные, значимые в смысловом отношении элементы вербального компонента. В данной функции чаще всего употребляется красный цвет, им могут выделяться заголовки, название фирмы-производителя и сам объект рекламы.

Экспрессивная функция отражает способность цвета воздействовать на эмоции реципиента, вызывать у него особые эмоциональные состояния. Несмотря на индивидуальные особенности восприятия цвета, исследователи отмечают относительно устойчивые эмоциональные реакции на определенные цвета: красный цвет действует возбуждающе, голубой – успокаивает, желтый – вселяет радость, черный – действует угнетающе и вызывает печаль. Выбор цвета производится создателями рекламы в соответствии с ее содержанием и общей концепцией, создаваемой производителем.

Эстетическая функция находит свое отражение в использовании цвета на основе его способности приносить дополнительные художественные оттенки к общей картине при создании рекламного образа товара и оказании воздействия на эстетические чувства адресата.

В сетевой рекламе особенно часто встречаются различные изображения, которые несут в себе значительную функциональную нагрузку, что также оказывает воздействие на адресата данного сообщения. Спектр функций изображения в рекламном тексте различен. Функции подразделяются на основные и частные. Рассмотрим первую группу.

К основным универсальным функциям изображения как средства визуальной коммуникации в рекламе относятся следующие: аттрактивная (привлекает внимание адресата, участвует в организации визуального восприятия рекламного текста), информативная, эстетическая.

Эстетическая функция изображения состоит в том, чтобы в наглядных, чувственно воспринимаемых образах реализовать художественный замысел создателя рекламного сообщения, воздействовать на эстетические чувства адресата.

К частным функциям изображения относятся:

- *иллюстративная*, которая способствует воспроизведению информации, полностью или частично выраженной в рекламе вербально с помощью наглядных, чувственно воспринимаемых образов;

- *аргументирующая*, которая выступает в качестве наглядного аргумента в пользу рекламируемого товара, в подтверждение информации, выраженной в рекламе вербально;

- *сатирическая*, которая заключается в создании определенного сатирического или юмористического эффекта. Изображение может выполнять сатирическую функцию самостоятельно, когда оно понятно без вербального сопровождения и вызывает улыбку или смех, хотя обычно в рекламных текстах изображение сочетается с вербальным компонентом.

Е. В. Романаускас

ИМЯ СОБСТВЕННОЕ В СОСТАВЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПАРЕМИЙ

Под термином *паремия* большинство современных исследователей понимает афоризмы народного происхождения. Афоризмами принято называть «краткие, глубокие по содержанию и законченные в смысловом отношении суждения». С самых древних времен афоризмы постоянно сопутствовали всем цивилизациям мира, они синтетически обобщали мудрость народа, отображали его интересы и чаяния, являясь своеобразными сгустками общественного мнения. Решающим фактором в разделении понятий *афоризм* и *паремия* является их генезис: афоризмы – литературного происхождения и имеют определенного автора, а паремии, к которым относят пословицы и поговорки, – продукт народно-поэтического творчества.

Объектом данного исследования являются паремии с компонентом «имя собственное»; цель исследования – проанализировать паремии такого типа, отобранные на основе сплошной выборки из идиоматических словарей английского языка, и упорядочить полученные результаты в виде статистических данных.

Советский паремиолог Г. Л. Пермяков определял понятие *паремиология* следующим образом: «паремиология – это наука, изучающая пословицы и поговорки». Название происходит от греческого слова *παροιμία*, что значит

‘изречение’, ‘притча’. Н. Т. Федоренко отмечает, что «пословицы – важнейший материал для изучения исторических событий, этнографии быта и мировоззрения народа». Они всегда будут украшать русскую речь остроумием и своей способностью метко и точно характеризовать все многообразные явления жизни. Поговорки же представляют собой народные, устойчивые в речи, меткие выражения, в отличие от пословиц не имеющие законченного умозаключения. Поговорка одночленна и являет собой как бы половину пословицы: *палка о двух концах, дело мастера боится, совет да любовь* и т.п.

Н. Ф. Алефиренко и Н. Н. Семенко также занимались вопросом разграничения пословиц и поговорок. Они подчеркивали, что «пословицы имеют ряд существенных различий в содержании, структуре и семантике». Собиратели и исследователи русских паремий всегда пытались провести грань между пословицей и поговоркой. Далее следует выделить некоторые существующие в современной лингвистике точки зрения на самостоятельность статуса паремии вообще и пословицы в частности.

1. Пословицы и поговорки относятся к периферии (отдаленной области) фразеологического пространства и принципиально друг от друга не отличаются (В. Т. Бондаренко).

2. Пословицы и поговорки существенно отличаются от фразеологизмов и различаются между собой прежде всего способом выражения суждения (В. И. Даль, И. М. Снегирев, М. А. Рыбникова) и в плане наличия буквального и переносного смысла (А. А. Потебня, В. П. Жуков).

3. Поговорки, в отличие от пословиц, относятся к фразеологии, так как обладают устойчивостью, смысловым единством, синтаксической неделимостью, воспроизводимостью и функциональной близостью к слову (А. Н. Тихонов, З. К. Тарланов).

4. Наряду с пословицами и поговорками выделяется обширный класс пословично-поговорочных выражений (А. В. Жуков, К. А. Жуков).

На основании этой информации авторы книги дают следующие определения понятиям *пословица* и *поговорка*: таким образом, пословицы – это устойчиво воспроизводимые в речи афоризмы фольклорного происхождения, имеющие как образную, так и «безобразную» структуру значения, характеризующиеся эквивалентностью суждению, относительной независимостью от внешнего контекста и наличием подтекста. Поговорками считаются устойчивые выражения не эквивалентные суждению. Поговорки не обладают семантической независимостью от внешнего контекста, и их функционирование во многом обусловлено способностью украшать и разнообразить речь.

В состав паремий могут входить лексические единицы разнообразной семантики – фаунонимы, соматизмы, единицы других лексико-семантических групп. Достаточно многочисленна в английском языке и группа фразеологизмов, опорным словом которых является имя собственное.

Имя собственное – это слово или, реже, словосочетание, предназначенное для именованя конкретного предмета и выделяющее его из ряда однородных. Под предметом в широком смысле при этом понимаются лица, географические и астрономические объекты, предприятия, массмедиа и т.п. Соответственно, среди имен собственных выделяются антропонимы, топонимы, астронимы, зоонимы, фитонимы, идеонимы, этнонимы, хрононимы и т.п.

В результате сплошной выборки из словарей «Oxford Dictionary of Proverbs» и «Little Oxford Dictionary of Proverbs» было отобрано 90 паремий с компонентом ‘имя собственное’. Что касается семантики имен собственных в составе фразеологизмов, в исследуемом материале отмечены два основных вида имен собственных: антропонимы и топонимы. Антропонимы представлены именами (13 паремий, например, *a good Jack makes a good Jill, for every Pharaon there is a Moses*), фамилиями (6 паремий, например, *where Macgregor sits is the head of the table, praise for Sir Hubert is praise indeed*), сочетанием «имя + фамилия» (2 паремии: *Robin Hood could brave all weathers but a thaw wind, more people know Tom Fool than Tom Fool knows*).

Топонимы представлены названиями районов (2 паремии: *Essex stiles, Kentish miles, Norfolk wiles, many a man beguiles; from Hell, Hull and Halifax, good Lord deliver us*), названиями стран (8 паремий, например, *England’s difficulty is the Ireland’s opportunity; Advance Australia*), городов (15 паремий, например, *all roads lead to Rome; Delhi is far away*), островов (паремия *if the Bermudas let you pass, you must beware of Hatteras*), графств (6 паремий, например, *Sussex won’t be druv; there are more saints in Cornwall than in heaven*), материков (паремия *always something new out of Africa*), а также названиями бурга (*Peebles for pleasure*) и штата (*as Maine goes, so goes the nation*).

Кроме того, среди отобранных паремий встречаются единицы, включающие в себя зооним – кличку животного (*the cat, the rat and Lovell the dog, rule all England under the hog*), названия праздников (15 паремий, например, *Christmas comes but once a year, and when it comes it brings good cheer; every dog has its Martinmas*), названия национальностей (13 паремий, например, *every Turk is born a soldier; fear the Greeks bearing gifts*), исторических событий (паремия *a soldier of the Great War known unto God*), а также название суда (*Home is home, as the Devil said when he found himself in the Court of Session*) и названия месяцев (5 паремий, например *April showers bring forth May flowers; sell in May and go away, come back again on St Leger’s Day*).

Таким образом, проведенный анализ показал, что в отобранных паремиях с компонентом ‘имя собственное’ антропонимы составляют 23 %, топонимы – 32 %, а группа иных имен собственных – 45 %. В категории «антропонимы» самая популярная разновидность имен собственных – имена (62 %), в категории «топонимы» – названия городов (43 %), а в категории «иные имена собственные» – названия праздников (41 %) и названия национальностей (35 %).

Л. П. Романова

КОМПЬЮТЕРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В УЧРЕЖДЕНИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

В современном мире наблюдается последовательное и устойчивое движение к построению информационного общества, которое призвано создать наилучшие условия для максимальной самореализации каждого человека. Основаниями для такого процесса являются интенсивное развитие компьютерных и телекоммуникационных технологий и создание развитой информационно-образовательной среды.

В настоящее время общепризнанно, что современная система образования вступила с появлением Интернета, благодаря интенсивному освоению возможностей новых информационных технологий, в новую фазу своего развития. В этом контексте актуальной задачей становится совершенствование дидактической теории обучения применительно к новым образовательным условиям.

Современные компьютерные технологии являются составной частью мультимедиа технологий (от англ. *multi* – много и *media* – среда). Эти технологии рассматриваются нами как информационные технологии обучения, интегрирующие аудиовизуальную информацию любых форм (текст, графика, анимация и т.д.), реализующие интерактивный диалог пользователя с системой и разнообразие форм самостоятельной деятельности по обработке информации. Они представляют огромный диапазон возможностей для совершенствования учебного процесса и системы образования в целом. Включение современных информационных технологий в образовательный процесс создает реальные возможности повышения качества образования.

Современность предъявляет все более высокие требования к обучению практическому владению иностранным языком в повседневном общении и профессиональной сфере. Использование информационных технологий раскрывает огромные возможности компьютера как средства обучения.

Ведущей целью обучения иностранному языку в учреждении высшего образования является коммуникативная – формирование коммуникативной компетенции, т.е. умения извлекать достаточно полную информацию при чтении иноязычных текстов, умения понять собеседника, а также выразить свою мысль, точку зрения устно и письменно. Таким образом, особенность предмета «Иностранный язык» состоит в том, что целью обучения является не столько знание о самом предмете, т.е. о языке (языковая компетенция), сколько выработка определенных навыков и умений разных видов речевой деятельности на основе знаний о способе деятельности (коммуникативная компетенция).

В соответствии с теорией деятельности обучать любому виду деятельности можно лишь в ходе выполнения этой деятельности. Отсюда следует, что при обучении иностранному языку необходимо организовать самостоятельные действия обучающихся в том виде речевой деятельности, которому их обучают.

Компьютерные обучающие программы имеют много преимуществ перед традиционными методами обучения. Они позволяют тренировать различные виды речевой деятельности и сочетать их в разных комбинациях, помогают осознать языковые явления, сформировать лингвистические способности, создавать коммуникативные ситуации, автоматизировать языковые и речевые действия, а также обеспечивают реализацию индивидуального подхода и интенсификацию самостоятельной работы студента.

В мультимедийных обучающих программах по иностранному языку используются различные методические приемы, позволяющие проводить ознакомление, тренировку и контроль.

Вопрос – ответ. Данный тип представляет собой разновидность упражнений «стимул – реакция». Виды взаимодействия включают множественный выбор и «открытый ответ», когда обучаемый вводит свой ответ через клавиатуру. Подобные задания успешно используются для закрепления грамматики, словаря, а также для проведения контроля.

Конструирование текста. На дисплее появляется текст, затем предлагаются различные упражнения по его восстановлению: расстановка абзацев текста в правильном порядке, расстановка знаков препинания, восстановление слов, обозначенных в тексте точками, обучаемый может вводить слова, соревнуясь с компьютером или с партнером. Упражнения подобного типа позволяют системно охватить конструирование текста всех уровней: морфемы, слова, словосочетания, предложения, текст из единиц разной сложности.

Работа над произношением. Системы для работы над произношением выполняют ряд функций: звуковоспроизведение, повтор, выведение на экран спектрограммы, показ на экране артикуляции органов речи и объяснение, как правильно произносить звук. Эффективность подобных систем связана с визуальными возможностями ПК, а также с использованием экспертных систем, основанных на компьютерных методах анализа и обработки естественного языка.

Диктант. В упражнениях этого режима обучаемому предлагается ввести через клавиатуру прозвучавшее слово, словосочетание или предложение. Используя функции управления звуком, можно прослушать данное слово, словосочетание или предложение несколько раз. По завершении ввода ответ можно сравнить с правильным вариантом.

Помимо использования мультимедийных обучающих программ, компьютер является незаменимым помощником для подготовки и проведения тестирования, мониторинга учебного процесса, собственного информационного наполнения инструментальных сред для разработки компьютерных уроков, подготовки дидактических материалов, а также использования ресурсов и услуг Интернета для самостоятельной работы и проектной деятельности студентов.

Структура Интернета довольно сложна, она состоит из нескольких сервисов или служб – коммуникативной и информационной. К коммуникативным службам можно отнести следующие виды связи: электронная почта, телеконференция, веб-форум, видеоконференция, чат. Информационные службы чрезвычайно популярны в преподавании, поскольку они содержат богатые образовательные ресурсы, просты в использовании и почти не требуют дополнительного оборудования и материальных затрат.

Сегодня система гипермедиа WWW (World Wide Web), поисковые системы, информационные каталоги и служба FTP широко используются в обучении иностранному языку. Выделяя преимущества использования интернет-ресурсов перед традиционными методами обучения, необходимо исходить из противоречий урока, обусловленных недостатками традиционного обучения: коллективное обучение – индивидуальное обучение; регулярность прямой связи – нерегулярность обратной связи; большой объем информации – временные рамки урока.

Интернет-ресурсы помогают преодолеть вышеперечисленные противоречия. Их использование повышает активность студентов и меняет роль преподавателя, он становится консультантом и координатором. При интеграции интернет-ресурсов в учебный процесс возрастает уровень мотивации студентов, повышается стремление самостоятельно найти и изучить необходимую информацию.

А. В. Скрябина

АЛГОРИТМ ТЕМАТИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ НОВОСТНЫХ ТЕКСТОВ

В настоящее время существует большое количество публицистических текстов информационных и аналитических жанров, и чтобы ознакомиться с их содержанием человеку понадобится немало времени и усилий. Появилась необходимость автоматической обработки и анализа таких текстов. Системы анализа текста решают сегодня целый ряд задач, таких как формирование информационного портрета текста в терминах ключевых понятий, выявление смысловых связей между понятиями, автоматическое аннотирование и реферирование. Таким образом, создание систем, автоматизирующих обработку текста с целью выявления его основного содержания и структуры, является весьма актуальной проблемой в наши дни.

Материалом для данного исследования послужили англоязычные новостные тексты. Источниками являются англоязычные интернет-ресурсы, посвященные публицистическим текстам, такие как www.bbc.com и www.theguardian.com. Для анализа нами было отобрано 40 англоязычных новостных текстов по теме «Культура». Мы выделили более узкие тематики в данной области.

Для определения основного содержания каждого из текстов использован статистический метод. Процесс выделения опорных слов каждого анализируемого текста включает в себя несколько этапов. Первый этап предусматривает построение частотно-алфавитного словаря для каждого анализируемого текста. Частотно-алфавитные словари по анализируемому материалу были получены с помощью программы «DIST». Пример такого словаря представлен в табл. 1.

Таблица 1

Частотно-алфавитный словарь
к тексту 13 («Andrew Garfield and Michael Shannon to team up for 99 Homes movie»)

Потенциальное опорное слово	Частота слова в тексте	Число абзацев, в которых встретилось слово	0	1	2	3	4	5	6	7
			А	Б	З	А	Ц	А	Б	З
DRAMA	4	4	1	1	1	0	0	1	0	0
SPIDER-MAN	4	4	1	0	1	0	1	1	0	0
FILM	4	2	0	0	1	0	3	0	0	0
PLAY	3	3	1	0	1	0	1	0	0	0
STAR	3	3	1	1	1	0	0	0	0	0
TAKE	3	3	0	0	1	1	0	1	0	0
WORK	2	2	1	1	0	0	0	0	0	0
CONTRACTOR	2	2	1	1	0	0	0	0	0	0
MAN	2	2	1	0	1	0	0	0	0	0
EVICT	2	2	1	1	0	0	0	0	0	0
DEADLINE	2	2	0	1	0	1	0	0	0	0
FINANCIAL	2	2	1	0	1	0	0	0	0	0
CRISIS	2	2	1	0	1	0	0	0	0	0
OPPORTUNITY	2	2	0	0	0	1	1	0	0	0
AMAZING	2	2	0	0	0	0	1	1	0	0
HOME	2	2	0	1	0	1	0	0	0	0

На втором этапе происходит выделение из частотно-алфавитного словаря потенциальных опорных слов, которые служат основой для деления опорных слов на главные и второстепенные. Для осуществления данной операции была использована компьютерная программа UNIFY. Все полученные списки потенциальных опорных слов были дополнены словами схожей тематики, и создан поисковый образ по каждой тематике. Пример поискового образа представлен в табл. 2.

Поисковый образ для тематики «FILM»

Слово	Формы слова		
ACT	acts	acting	acted
ACTOR	actors		
CONTRACTOR	contractors		
DIRECTOR	directors		
DRAMA			
FILM	films		
FINANCE	financial	financed	
MOVIE	movies		
PLAY	plays	playing	played
STAR	stars	starring	starred
TAKE	takes	taking	took

На основании разработанных поисковых образов по каждой тематике был составлен алгоритм автоматической идентификации тематики англоязычных новостных текстов.

Д. В. Степанова, Е. Д. Долматова

ВОЗМОЖНОСТИ ОБУЧАЮЩЕЙ ВИРТУАЛЬНОЙ СРЕДЫ В КОНТЕКСТЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Внедрение информационно-коммуникационных технологий, электронных средств обучения и создание виртуальной образовательной среды являются приоритетными направлениями цифровой трансформации процессов в системе образования Республики Беларусь. При этом современные компьютерные технологии рассматриваются как средство для совершенствования образовательного процесса и мотивации обучающихся к овладению содержанием учебных дисциплин.

В рамках реализации Концепции цифровой трансформации процессов в системе образования Республики Беларусь на 2019–2025 годы в Минском государственном лингвистическом университете успешно внедряется Программа развития цифрового лингвистического университета, которая предусматривает дальнейшую техническую модернизацию и обновление программных средств, создание виртуальной образовательной среды и интеллектуального обеспечения цифрового лингвистического университета.

Виртуальная образовательная среда представляет собой быстроразвивающуюся, многоуровневую и многофункциональную систему, объединяющую традиционные и инновационные технологии взаимодействия участников

образовательного процесса, информационные ресурсы и современные программные средства. В университете уже внедрены элементы онлайн-обучения с использованием информационно-коммуникационных технологий электронных средств обучения. Для организации самостоятельной учебно-познавательной деятельности студентов активно используются ресурсы образовательного портала университета (<http://elearning.mslu.by/assignments/>) и система управления обучением (<http://moodle2.mslu.by/>).

Система управления обучением Learning Management System (LMS) Moodle (модульная объектно-ориентированная динамическая учебная среда) является одним из гибких и доступных инструментов построения отдельных узлов виртуальной образовательной среды, в которую могут быть интегрированы необходимые учебные материалы, а также средства управления и коммуникации. Данная система позволяет работать в открытом исходном коде, обмениваться файлами разных форматов, организовывать чаты и форумы, использовать балльную или словесную систему оценивания, добавлять интерактивные элементы курса. Кроме того, платформа Moodle обладает большим потенциалом для развития, поскольку она позволяет модифицировать программное ядро системы, а также интегрировать в ее настройки целый ряд плагинов.

При входе в систему <http://moodle2.mslu.by/> представляются сведения о факультетах университета и общеуниверситетских кафедрах, курсах и преподавателях. После получения кода доступа к курсу, обучающийся имеет возможность работать с размещенными на платформе учебными и учебно-методическими материалами, выполнять задания в сети и взаимодействовать с преподавателем и другими обучающимися. Преподаватель имеет возможность оценивать результат обучающихся, выставлять отметки и давать комментарии. Таким образом, система Moodle является как платформой для создания и размещения учебных материалов, так и средством реализации интерактивного взаимодействия между участниками образовательного процесса.

При формировании обучающей виртуальной среды в контексте новых информационных технологий основная проблема заключается в разработке модели (структуры) общего курса, определения количества блоков (учебных занятий), а затем модулей, которые могут быть сгруппированы в разделы внутри блока. Только при наличии четкой структуры можно приступить к разработке наполнения (содержания) курса.

Эффективное обеспечение управления обучением и курсами посредством динамической учебной среды предполагает, на наш взгляд, разработку следующих основных модулей: *информационно-справочного, теоретического и практического* разделы, а также *модуля контроля знаний*.

В *информационно-справочный модуль* целесообразно включать учебно-программную документацию и справочные материалы по учебной дисциплине (учебная программа, учебно-тематический план, методические рекомендации, список литературы).

Теоретический модуль может содержать материалы для изучения учебной дисциплины (ее раздела) в объеме, предусмотренном учебно-программной документацией. Теоретический материал может быть представлен, например, в виде электронного конспекта лекций или учебного издания, учебно-методических комплексов, мультимедийной презентации, видеозаписи лекции или ссылок на онлайн лекции.

Организация *практического модуля* предопределяется типом учебного занятия (практические и семинарские занятия) и предполагает разработку заданий для аудиторной и контролируемой самостоятельной работы, включение электронных тренажеров, аутентичных аудио- и видеоматериалов, комплексов интерактивных упражнений для овладения иностранными языками. Следует отметить, что расширение возможностей самостоятельной работы с использованием виртуальной обучающей среды ставит задачу более четкого определения специфики, форм и приемов, используемых на аудиторных занятиях, по сравнению с внеаудиторной работой студентов. Так, например, для контролируемой самостоятельной работы студентов по практике устной и письменной речи и практической грамматике английского языка разработан комплекс интерактивных тематических упражнений с ключами. При развитии учебной автономии студентов по практической фонетике английского языка и по просодии речи актуальным становится размещение ссылок на программы, которые позволяют записывать и редактировать звучащий материал для демонстрации вариантов произношения слов, звуковых и просодических явлений. Студенты имеют возможность размещения на платформе аудио- и видеозаписей имитационных отрывков для оценки произносительных умений и навыков преподавателем и т.пд.

Блок контроля знаний содержит материалы и комплекс тестирующих и контролирующих программных средств: интерактивные тесты, журнал самооценки, контрольные вопросы, обеспечивающие возможность самоконтроля обучающегося и его текущей аттестации, журнал самооценки.

Для эффективной работы модульной объектноориентированной динамической учебной среды Moodle необходимо наличие мощных серверов, в частности, для обеспечения одновременного входа большого количества пользователей и регулярного создания резервной копии программы на сервере, что обусловлено одним из технических недостатков рассматриваемой системы управления обучением, а именно сложностью ее обновления. Автоматическое обновление системы влечет за собой уничтожение ядра контента, в связи с чем возникает необходимость обновления системы вручную путем добавления соответствующих плагинов, что, несомненно, требует времени и специальных навыков.

Несмотря на указанный недостаток, модульная объектноориентированная динамическая учебная среда Moodle является доступным программным обеспечением с широкими функциональными возможностями для организации и поддержки образовательного процесса, характеризуется простотой освоения и удобством применения и, тем самым, соответствует общим требованиям, предъявляемым к электронным системам управления обучением.

Д. В. Степанова, М. А. Жданович

ОНЛАЙН-СЕРВИС ISTIO И ЕГО ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ СЕМАНТИКО-СТАТИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ТЕКСТОВ

В настоящее время существует потребность в оперативной, а значит автоматической, обработке и анализе значительных массивов научно-технических текстов на английском языке. Для решения такой актуальной задачи разработаны различные программные средства, многие из которых находятся в открытом доступе. Такое программное обеспечение, как правило, действует на основе статистических методов анализа данных и нуждается в постоянном обновлении и совершенствовании. Одним из таких программных продуктов для семантико-статистического анализа текстов является онлайн-сервис Istio, который доступен пользователям по адресу www.istio.com.

Данное программное обеспечение было использовано нами в качестве средства для выделения ключевых слов из отобранных научно-технических текстов предметной области «Информационные технологии» с целью моделирования глоссария терминов. Для проведения эксперимента по определению возможностей сервиса Istio для статистического анализа научно-технических текстов нами были выбраны 20 статей из журнала «Future Generation Computer Systems» за 2019 год. В данном журнале рассматривается широкий круг вопросов: обработка и анализ больших данных, системы баз данных, протоколы и стандарты, безопасность, разработка алгоритмов и программ, сети, облачные вычисления, Интернет вещей и т.п. При проведении исследования было принято решение отбирать только названия статей, их аннотации и списки ключевых слов, что позволило повысить концентрацию терминов в создаваемом корпусе, снижая вероятность вхождения в частотные словари общеупотребительных слов. Количественные результаты автоматической обработки отобранного материала представлены на следующем рисунке.

Параметр	Значение
Длина с пробелами ?	32989 символов
Длина без пробелов ?	28281 символов
Всего слов ?	4699
Водность ?	43%
Тошнота ?	17.23
Топ10 слов ?	datum, algorithm, propose, model, network, cloud, base, ontology, method, detection
Словарь ?	1200 слов
Словарь ядра ?	1002 слов
Язык текста ?	eng
Тематика ?	Неопределена

#	Слово	Кол-во ?	Рел. ?	% в ядре ?	% в тексте ?
1	datum	64	3.71	2.4%	1.3%
2	algorithm	38	2.2	1.4%	0.8%
3	propose	36	2.08	1.3%	0.7%
4	model	34	1.97	1.2%	0.7%
5	network	32	1.85	1.2%	0.6%
6	cloud	28	1.62	1%	0.5%
7	base	27	1.56	1%	0.5%
8	ontology	20	1.16	0.7%	0.4%
9	method	18	1.04	0.6%	0.3%
10	detection	18	1.04	0.6%	0.3%

Фрагмент окна онлайн-сервиса Istio

Статистические данные разделены на два блока, содержащие семантико-статистический анализ всего обработанного материала и информацию о каждой отдельной лексической единице текста. Первый блок дает представление о таких параметрах текста, как его длина с пробелами и без пробелов, количество слов, водность, тошнота, 10 ключевых слов, список всех слов и словарь ядра, язык и тематика текста. Такие параметры как *длина с пробелами* и *без пробелов* и *всего слов* являются достаточно универсальными и могут быть определены также текстовым редактором Microsoft Word. Тем не менее, сравнительный анализ статистических данных, полученных в обеих программах, показал ряд любопытных отличий. Было установлено, что сервис Istio автоматически выставляет пробел в начале и конце каждого абзаца, что увеличивает общее количество символов с пробелами по сравнению с результатом редактора Microsoft Word.

Погрешность в определении количества слов объясняется тем, что сервис Istio игнорирует числа, в то время как Microsoft Word считает их отдельными словоупотреблениями. Кроме того, были выявлены различия в восприятии программами слов, записанных через косую черту. Например, *fog/edge computing* в Word определяется как двухкомпонентное словосочетание, а в Istio – трехкомпонентное. Других причин расхождения количественных данных в предложенной выборке найдено не было. Следовательно, в рамках проводимого нами исследования, более качественными являются результаты, полученные путем применения сервиса Istio, так как игнорирование чисел и косой черты при статистическом анализе повышает концентрацию ключевых слов в тексте.

Последующие параметры, отраженные на рис. 1, являются специфическими, а для их определения необходимо использование систем автоматической обработки текстов. Параметр *водность* означает процент слов и словесных связок, не несущих в тексте смысловой нагрузки, или стоп-слов. Под стоп-словами разработчики понимают не только предлоги, союзы, вспомогательные глаголы, артикли и т.п., но и слова длиной в 1–2 символа, вводные слова, оценочные эпитеты, клише и ряд других слов без смысловой нагрузки. Как отмечается в документации, имеющейся на сайте, допустимой является водность в 30–60 %. Такой показатель позволяет создать одновременно содержательный и доступный для понимания текст. Таким образом, полученный показатель водности 43 % является удовлетворительным для анализируемого материала.

Следующий параметр, *тошнота*, указывает на отношение самых частотных и значимых слов по специальной формуле, которая не приводится на сайте. Данный параметр не является существенным в проводимом нами исследовании, так как частотность слова указывает на его распространенность, следовательно, значимость для определенной предметной области.

На наш взгляд, недостатком сервиса Istio является отражение в списке *ключевых слов* только 10 лексических единиц, т.е. порогом является вхождение в десятку самых частотных слов, а не фиксированный показатель, рассчитан-

ный по определенной формуле. Фрагментарный анализ предложенной выборки показал, что слова, обладающие одинаковой частотой, располагаются в конечном списке в порядке, соответствующем их позиции в тексте. Сначала фиксируются единицы, которые встречаются в тексте позже всего.

Параметр *словарь* указывает на количество всех слов, содержащихся в тексте. При этом сервис автоматически объединяет словоформы слов, что, несомненно, является достоинством программы. После объединения всех словоформ сервис Istio обнаружил в представленном тексте 1200 слов. Согласно таблице, *словарь ядра* составляет 1002 слова. Следовательно, сервис выявил 198 стоп-слов.

Также программа позволяет автоматически определить *язык* текста и на основе ключевых слов выделить *тематику* текста. В нашем случае тематика не определена, но представленные ключевые слова *datum*, *algorithm*, *network*, *base*, *method* зафиксированы в стандарте ISO/IEC 2382:2015(en) по ИТ в качестве терминов, а слова *detection* и *model* входят в состав терминологических словосочетаний.

Рассматриваемая программа позволяет получить более детальный анализ каждой отдельной единицы, что отражено на рис. 1 во втором блоке, который содержит такие столбцы, как порядковый номер слова, слово, количество, релевантность, % в ядре, % в тексте. В столбце «Количество» отражено число словоупотреблений каждой единицы во всем анализируемом тексте. *Релевантность* представляет собой количественные показатели того, насколько определенное слово отражает содержание текста. На сайте не предоставлена информация о способе вычисления данного параметра, что затрудняет его учет в рамках лингвистических исследований.

Следующий параметр, *процент в ядре*, показывает процентное соотношение отдельного слова со всеми значимыми словами текста. Завершающий параметр, *процент в тексте*, отображает процентное соотношение количества отдельного словоупотребления к общему количеству слов в тексте, включая стоп-слова. Данный параметр был определен в качестве первоначального критерия для статистического выделения ключевых слов текста. Следует отметить, что в зависимости от целей исследования можно включить или исключить из списка стоп-слова. Кроме того, во вкладке «Словарь» представлены все слова текста в виде списка, организованного по частотному принципу. В данном списке отсутствуют стоп-слова, т.е. он является «обезвоженным».

Таким образом, проведенный анализ возможностей онлайн-сервиса Istio показывает, что данный программный продукт может быть использован не только для семантико-статистического анализа текстов, но и для автоматического определения основных статистических характеристик лексических единиц и для оперативного выделения ключевых слов текстов с учетом их словоформ.

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА СТИХОТВОРЕНИЯ И ПРОЗАИЧЕСКОГО ТЕКСТА

В научном исследовании «Язык – стих – смысл в русской поэзии XVIII–XX веков» говорится, что в наше время «нет единой теории стиха, которая увязывала бы самые разные стиховедческие понятия, выводя их из фундаментального определения стиха как такового». Так, например, в одной из последних работ по семантическому различию стиха и прозы автор выделяет, анализируя по содержанию 15 стихотворных текстов и близкие им по содержанию прозаические пересказы этих стихотворений, следующие различия между ними.

1. Стихотворный вариант воспринимается как более туманный и неясный, чем его прозаический аналог.
2. Содержание стихотворного варианта воспринимается как относящееся к человеку вообще, то есть гораздо более обобщенно, чем в прозе.
3. В стихотворном тексте присутствует несколько смыслов одновременно.
4. В стихе, по сравнению с прозой, меняется эмоциональная тональность.
5. Содержание стихотворения, особенно лирического, может не иметь конкретного референта.

Более однозначно к оценке стихотворений и прозаических текстов подошли исследователи, изучающие их формальные различия с точки зрения специфики взаимодействия лингвистических единиц, образующих стихотворения и прозаические тексты.

1. Стихотворная речь дробится на сопоставимые между собой единицы (стихи), а проза есть сплошная речь.
2. Стих обладает внутренней мерой (метром), а проза ею не обладает.

В целом, опираясь на последние исследования по лингвистической специфике стихотворений и прозаических текстов, исследователи достаточно четко конкретизировали следующие их особенности.

Предмет лингвистики стиха состоит из двух частей. Под первой частью понимается взаимозависимость между лингвистическими уровнями в специфических условиях стихотворного текста, где прослеживается, как изменение компонента на одном лингвистическом уровне приводит к предсказуемым изменениям на других лингвистических уровнях (например, изменение ритмики стихотворной строки, которая может привести к изменениям ее частеречевого наполнения и синтаксиса). Под второй частью лингвистики стиха подразумевается структура на всех лингвистических уровнях: фонетическом, синтаксическом и семантическом.

Поэтический текст отличается от прозаического делением на строки. Деление на строки – это единственный постоянный компонент стихотворной формы. Существует целый класс лингвистических механизмов, поддерживающих существование и соположенность строк в стихе. Такие закономерности бывают двух типов: а) закономерности, обеспечивающие соположенность, сопоставимость и равновесность строк внутри стихотворного текста; б) закономерности, объединяющие слова стихотворной строки в единую целостную единицу.

Лексика стиха отличается своей своеобразностью, поскольку слово в стихе играет значительно более самостоятельную роль сравнительно с другими типами речи. Паузы в стихе имеют совершенно особый и самостоятельный характер. Ощутимость слова определяет особую ощутимость звукового состава речи. В ряде случаев система словосочетаний в стихе получает своеобразную стилистическую мотивировку, вытекающей именно из свойств стихотворной речи.

Стих представляет собой целостную стилистическую выразительную систему, определенный тип речи. В стихах ясно чувствуется эмоциональная окраска, отсюда следует и основная черта стихотворной речи: постоянство однородной, эмоционально окрашенной интонационной системы в отличие от прозы, где перед нами переменная интонация и где каждая фраза имеет свою логически мотивированную интонацию, не повторяющуюся в последующих фразах.

В результате обобщения проведенных исследований выяснилось, что в стихе действуют лингвистические закономерности, отличающие стих от прозы. Одна часть вышеуказанных закономерностей работает на обеспечение единства и целостности стихотворной строки. Вторая часть основывается на обеспечении сопоставимости и соположенности стихотворных строк, расположении тесных и слабых синтаксических связей в строке, расположении аллитерирующих звуков.

Н. В. Шалимо, Е. С. Василенко

АУТЕНТИЧНЫЕ БРЕНДЫ. ЧЕМ АУТЕНТИЧНОСТЬ ПОМОЖЕТ КОМПАНИИ?

Компании, которым удалось завоевать любовь потребителей, зачастую особенные: аудитория им предана, разделяет их взгляды и поддерживает начинания.

Согласно шкале восприятия подлинности бренда (от английского *Perceived Brand Authenticity Scale – PBA-scale*) главными чертами аутентичного бренда:

- 1) последовательность. Бренд верен своим принципам несмотря ни на что;
- 2) достоверность. Внушает доверие потребителям;

3) честность. В основе деятельности – искренняя забота о клиентах и ответственность за сказанное и сделанное;

4) поддерживает самобытность в других; мотивирует оставаться верным себе и развивать это качество в сторонниках брендах.

Аутентичный бренд можно сравнить с личностью, которая все про себя понимает и не стесняется.

Но в тоже время большую роль в аутентичном поведении бренда играет скромность! Исследования показывают, что потребители не терпят, когда компания «рекламирует» собственную аутентичность.

Бренд, за которым видны реальные люди и их работа, поддержать приятнее, потому что общаться с человеком не так страшно и странно, как с машиной. Поэтому, например, для интерфейса рекламных сайтов UX-писатели переводят технический текст на человеческий.

Так, потребитель хочет видеть человека за каждым купленным товаром. Хорошо, если компания ведет блог и там рассказывает о материалах, которые использует, секретных лайфхаках и в целом о внутренней кухне – для потребителя она превращается из странного незнакомца в надежного производителя.

Покупая товар бренда, потребитель описывает себя. Модель смартфона или форма рюкзака – не просто характеристики вещи, но и рассказ о том, какой он – их покупатель. Отдавая предпочтение какому-либо бренду, мы реализуем свою натуру, ищем себя и находим – в ценностях и принципах компаний, в словах их лидеров. Согласно исследованию американских психологов Джорджа Ньюмана и Пола Блюма, потребители ощущают, что в момент покупки аутентичность переносится с бренда на них. Они доказали, что люди предпочитают оригинальные произведения искусства, потому что подсознательно верят, что магия таланта художника распространится и на них.

Хотя в рейтинге самых аутентичных компаний *Cohn & Wolfe* на первых местах только крупные корпорации, аутентичность помогает и маленьким компаниям не утонуть в потоке рекламы, который льется на потребителей без остановки. Ключевым фактором аутентичности является личное взаимодействие компании с потребителями. Необходимо заручиться доверием целевой аудитории и не игнорировать обратную связь от клиентов, признавать ошибки и получать благодарственный отклик у аудитории.

Что делать, чтобы заговорить собственным голосом?

1. Быть настоящими. Понять, что важно для бренда и следовать этим идеалам всегда и везде.

2. Быть последовательными. Рекламное оформление – баннеры, объявления, видеоролики – все должно быть в едином стиле и цветовой гамме. *Tone-of-voice* (корпоративный стиль речи) также должен быть единым для всех коммуникаций бренда: и в социальных сетях, и в чате-помощнике, и в контент-маркетинге.

3. Не восхвалять свою уникальность, а доказывать делами. Сильная позиция привлечет горячих сторонников.

Например, 1 августа 2019 года авиакомпания S7 Airlines выразила свою позицию относительно ситуации с сибирскими лесами, вернув прежнее имя «Сибирь».

4. Необходимо следить за тем, что происходит в мире, и быть открытым новому. В цифровом маркетинге подписчики – лучшие друзья бренда. В Instagram, Facebook и 'ВКонтакте' им рассказывают про акции, скидки и мероприятия, но читать только про рекламу трудно. А легко и весело – следить за живым неординарным персонажем. Например, можно поделиться позицией по защите китов или амурских тигров. Так будет установлен эмоциональный контакт с аудиторией.

5. Рассказать историю о своей компании. Люди любят истории о компаниях и их основателях, потому что в них есть человеческие проблемы – взлеты, падения и реальные выходы из сложных ситуаций.

6. Общаться с потребителями. Бренд – это еще и то, как потребители воспринимают компанию и «что говорят у нее за спиной».

SMM и контент-маркетинг – возможность принять участие в разговоре с целевой аудиторией. Важно помнить, что вы не пытаетесь переспорить потребителей, вы приглашаете их к обсуждению. Общение потребителей и компаний никогда не было таким тесным: пришло время быть на связи 24/7 – в чатах и в соцсетях. Чем более компания восприимчива к тому, что говорят клиенты, тем быстрее она подстроится под их потребности.

Так и зарождается аутентичность бренда в глазах потребителей. Сегодня аутентичные бренды завоевывают мир: особенно к ним лояльно поколение Z и миллениалы.

Н. Г. Швец

ТЕЗАУРУСНЫЙ МЕТОД ОПИСАНИЯ ИЛЛЮСТРАЦИИ КРЕОЛИЗОВАННОГО ТЕКСТА

Сообщение, заключенное в тексте, может быть представлено вербально или иконически, т.е. изобразительно. Сочетание вербальных и невербальных средств передачи информации образует креолизованный текст. Взаимодействуя друг с другом, вербальный и иконический тексты обеспечивают целостность и связность произведения, его коммуникативный эффект.

При создании компьютерной системы, моделирующей понимание вербального и невербального компонентов креолизованного текста человеком, возникает проблема поиска способа эффективной формализации изображения. Необходимо придать иллюстрации «неизобразительный» вид, ибо соответствующие алгоритмы приспособлены для переработки лишь неких символических описаний.

Как известно, одним из методов формального представления знаний о некотором фрагменте реальной действительности является тезаурусный способ представления информации о той или иной предметной области. В нашем исследовании мы предлагаем использовать этот подход для описания изображения рекламного объявления.

Конкретизируя понятие *рекламное объявление*, будем называть им семиотически неоднородный текст, содержащий вербальный (словесный) компонент (непосредственно рекламный текст) и визуальный (невербальный) компонент (изображение), представленный в письменной форме, заранее подготовленный, обладающий автономностью, направленный на донесение до адресата определенной информации с целью привлечения внимания к тому или иному виду товара

Анализ 1000 рекламных объявлений на тему «*Парфюмерия и косметика*» показал, что в 99 % случаев на иллюстрации обязательно присутствует изображение человека. Поэтому в целях нашего исследования были выявлены наиболее употребительные существительные, используемые при описании внешнего облика человека и установлены системные отношения между ними.

Особенности лексического состава описания определяются, прежде всего, структурой самого описания, которое служит для детального изображения состояний действительности с подробным перечислением ряда одновременно существующих объектов и их признаков. Функции объектов выполняют слова, обозначающие основные компоненты внешнего описания, которыми являются:

- 1) тело человека и его части (соматическая лексика);
- 2) мимика, поза, жесты (кинетическая лексика);
- 3) предметы одежды (вестиальная лексика).

Рассмотрим структурные отношения в группе соматической лексики. Для ее систематизации подходит отношение *меронимии*. Меронимия – это способ ассоциативной сетевой организации понятий на основе отношения ЦЕЛОЕ – ЧАСТЬ. Это отношение обладает следующими свойствами:

- 1) оно транзитивно: ЦЕЛОЕ (ЦЕЛОЕ (X)) = ЦЕЛОЕ (X);
- 2) дескрипторы-части наследуют отношение АССОЦИАЦИЯ: АСЦ (ЦЕЛОЕ (X)) = АСЦ (X);
- 3) отношение ЧАСТЬ наследуется видовыми дескрипторами: ЧАСТЬ (ВЫШЕ (X)) = ЧАСТЬ (X);
- 4) отношение ВЫШЕ – НИЖЕ поглощается отношением ЦЕЛОЕ – ЧАСТЬ: ЦЕЛОЕ (ВЫШЕ (X)) = ЦЕЛОЕ (X), ВЫШЕ (ЦЕЛОЕ (X)) = ЦЕЛОЕ (X).

К характеризующим лексическим единицам, описывающим внешние признаки, обычно относятся слова, указывающие цвет, форму, толщину, величину. В зависимости от типа характеризуемого объекта набор таких признаков меняется. Можно, например, выделить следующие признаки соматемы «Лицо»:

- 1) цвет и окраска кожного покрова (*загорелое, бледное, землистое* и т.д.);
- 2) форма (*круглое, овальное, треугольное* и т.д.);
- 3) величина (*большое, крупное, маленькое* и т.д.);
- 4) толщина (*худое, сытое, тонкое* и т.д.);
- 5) характер кожного покрова (*гладкое, холеное, морщинистое* и т.д.);
- 6) характерная деталь (*длинноносое, курносое, скуластое, узколобое, большеглазое* и т.д.);
 - 6.1) величина и форма носа;
 - 6.2) форма скул;
 - 6.3) величина и форма губ;
 - 6.4) величина и форма лба;
 - 6.5) величина, форма и цвет глаз;
 - 6.6) наличие или отсутствие волосяного покрова на лице и голове;
- 7) состояние здоровья и возраста (*здоровое, усталое, молодое, свежее* и т.д.);
- 8) признак внешней выраженности интеллектуальных способностей (*умное, мудрое, простое, глупое* и т.д.);
- 9) общее впечатление:
 - 9.1) положительные оценки (*красивое, миловидное, приятное* и др.);
 - 9.2) отрицательные оценки (*неинтересное, невзрачное, непривлекательное* и т.д.);
- 10) доминирующая черта характера, особенность поведения (*благородное, честное, открытое, важное, самодовольное* и т.д.);
- 11) выражение черт характера и свойств личности (*волевое, властное, строгое, гордое, скромное, доброе, кроткое, хитрое, угодливое, насмешливое* и т.д.);
- 12) выражение доминирующих психоэмоциональных состояний (*живое, бодрое, радостное, счастливое, сердитое, равнодушное* и т.д.);
- 13) представление о социальном статусе личности (*благородное, интеллигентное* и т.д.).

Были выделены соответствующие признаки для таких соматем, как «Волосы», «Глаза», «Губы», «Зубы», «Кожа» и т.п.

Очень часто на иллюстрации рекламного объявления изображается предмет рекламы (флакон духов, баночка крема и т.д.). Для его описания используются такие признаки, как форма, цвет, содержимое, название, фирма-изготовитель, а для представления связей между дескрипторами – такие отношения, как ЦЕЛОЕ – ЧАСТЬ, АССОЦИАЦИЯ, ОБЪЕКТ – ХАРАКТЕРНОЕ СВОЙСТВО и т.п.

Пример тезаурусного представления иллюстрации рекламного объявления представлен в следующей таблице.

Тезаурусное представление иллюстрации рекламного объявления

Дескриптор (уровень тезаурусной иерархии)	Мероним (уровень тезаурусной иерархии)	Признак (уровень тезаурусной иерархии)	Действие (уровень тезаурусной иерархии) (ассоциация)
<i>женщина (1)</i>	<i>голова (2)</i> <i>руки (2)</i>		
<i>флакон (1)</i>	<i>шампунь (2)</i>	<i>зеленый (2)</i> <i>прямоугольный (2)</i>	
<i>фон (1)</i>	<i>фрукты (2)</i>		
<i>схема-пояснение (1)</i>	<i>волос (2)</i> <i>вещество (2)</i>		
<i>голова (2)</i>	<i>волосы (3)</i>		
<i>руки (2)</i>			<i>завязывать волосы в узел (3)</i> <i>(сила волос)</i>
<i>шампунь (2)</i>		<i>fructis (фруктис) (3)</i> <i>garnier paris (3)</i>	
<i>волос (2)</i>	<i>корень (3)</i>		
<i>вещество (2)</i>	<i>молекулы (3)</i>	<i>активное (3)</i> <i>зеленое (3)</i>	
<i>фрукты (2)</i>	<i>дольки (3)</i>		
<i>волосы (3)</i>		<i>блестящие (4)</i> <i>сильные (4)</i> <i>густые (4)</i> <i>шелковистые (4)</i> <i>длинные (4)</i> <i>гладкие (4)</i>	
<i>корень (3)</i>		<i>здоровый (4)</i> <i>сильный (4)</i>	
<i>молекулы (3)</i>		<i>зеленые (4)</i> <i>красные (4)</i>	<i>проникать в корень (4)</i> <i>(сила и блеск волос)</i>
<i>дольки (3)</i>		<i>зеленые (4)</i> <i>желтые (4)</i>	

Тезаурус является иерархической структурой, состоящей из дескрипторов различных уровней. Первый уровень тезауруса иллюстрации рассматриваемого рекламного объявления (уровень тезауруса в таблице обозначается цифрой в скобках) образуют следующие дескрипторы: *женщина*, *флакон*, *фон* и *схема-пояснение*.

Между дескриптором первого уровня *женщина* и дескрипторами второго уровня *голова* и *руки* устанавливаются системные отношения типа ЦЕЛОЕ (холоним) – ЧАСТЬ (мероним).

Дескриптор первого уровня *флакон* связан с дескриптором второго уровня *шампунь* отношением ЦЕЛОЕ – ЧАСТЬ, а с дескрипторами второго уровня *зеленый* и *прямоугольный* – отношением ОБЪЕКТ – ПРИЗНАК.

Между дескриптором первого уровня *схема-пояснение* и дескрипторами второго уровня *волос* и *вещество* устанавливаются отношения типа ЦЕЛОЕ – ЧАСТЬ.

Третий уровень тезауруса образуют следующие дескрипторы: *волосы, завязывать волосы в узел, сила волос, Fructis (Фруктис), Garnier Paris, корень, молекулы, активное, зеленое, дольки, волосы.*

Дескрипторами четвертого уровня тезауруса являются: *блестящие, сильные, густые, шелковистые, длинные, гладкие, здоровый, сильный, зеленые, красные, желтые, проникать в корень, сила и блеск волос.*

Таким образом, тезаурусный метод позволяет описать иллюстрацию в виде некоторого набора слов (дескрипторов) и отношений между этими лексическими единицами в рамках некоторой предметной области. Основным преимуществом данного подхода является то, что он позволяет учесть как доминирующие, так и второстепенные черты изображения.

СОДЕРЖАНИЕ

ГРАММАТИКА

<i>Байдак О. Ч.</i> Особенности семантики и функционирования модальных прилагательных со значением возможности в испанском языке	3
<i>Барановский Р. С.</i> Английские синтаксические конструкции равнозначности с прагматическим потенциалом конвенционализации научного термина	6
<i>Беланович Е. В., Галожина А.</i> Классификация глаголов со значением 'критиковать' в английском языке	7
<i>Беланович Е. В., Мурашковский Д.</i> Семантическая структура глаголов со значением 'стыдить, позорить' в английском языке	9
<i>Бухаткина Е. А., Девятко С. А.</i> Семантическая структура предложений с глаголом <i>töten</i>	12
<i>Бухаткина Е. А., Клочкова М. Е.</i> Соотнесение аспектов семантики предложений с глаголом <i>to order</i>	15
<i>Бухаткина Е. А., Стец Е. Н.</i> Структуры предложений с английским глаголом <i>love</i> и его итальянским эквивалентом <i>amare</i>	16
<i>Дмитриева И. В., Мельникова Д. В.</i> Разноуровневая языковая репрезентация ситуации перемещения в газетных текстах	19
<i>Дмитриева И. В., Пархимович В. А.</i> Средства импликации семантического субъекта в газетных текстах	22
<i>Зуевская Е. В.</i> Проблемные аспекты исследования категории посессивности	25
<i>Зуевская Е. В., Богданович Е.</i> Средства выражения предположения в немецкоязычных молодежных фильмах	27
<i>Зуевская Е. В., Кузнецова А.</i> Средства выражения эвиденциальности в немецкоязычной прессе	29
<i>Зуевская Е. В., Миронова Е.</i> Функционирование обращений в немецкоязычных художественных фильмах и их переводах на русский язык	31
<i>Зуевская Е. В., Русецкая А.</i> Языковые особенности текстов немецкоязычной мужской и женской рекламы	33
<i>Клинцова А. А.</i> Специфика грамматического субъекта в предложениях с погодными глаголами	35
<i>Кондракова С. В.</i> Textoобразующие свойства субстантивированных причастий (на материале немецкого языка)	38
<i>Крот Л. Г.</i> Особенности происхождения топонимических номинаций в английском языке	41
<i>Курбаленко Н. В.</i> О взаимосвязи каузативности, императивности и модальности (на материале каузативных конструкций немецкого языка)	44
<i>Миронович М. В.</i> Грамматико-синтаксические особенности организации несобственно-прямой речи	47
<i>Паремская С. В.</i> Синтаксические и семантические черты предлогов в религиозном тексте (на материале немецкого языка)	49
<i>Петрашкевич Н. П., Дубовик К.</i> Выражение причинно-следственной связи в сложном предложении	51
<i>Петрашкевич Н. П., Лопато В.</i> Семантический объем субститутов	54

<i>Радикевич Н. С.</i> Категория инструментальности в денотативной области «Оценка» в турецком языке	56
<i>Рысеев П. А.</i> К проблеме многозначности модальных глаголов в немецком языке	59
<i>Федоришина К.</i> Применение альтернативных способов выражения адвербиальной семантики в обучении функциональной грамматике	62

ФОНЕТИКА

<i>Долматова Е. Д.</i> Артикуляторно-акустическая обусловленность восприятия палатализованности согласного	64
<i>Карневская Е. Б.</i> Дистрибуция и комбинаторика элементов просодической структуры как средство дезакцентуации	66
<i>Крылович М. Ю.</i> Качественные характеристики англоязычных вокализаций у детей с нарушением слуха и тяжелыми нарушениями речи: сравнительно-сопоставительный аспект	69
<i>Лапицкая И. А.</i> Взаимодействие сегментного и просодического подуровней фонетической системы в ассимилятивных процессах (на материале немецких заимствований в белорусском языке)	72
<i>Лопатько В. В., Трибис Л. И.</i> Фонетический аспект языковой игры в информационном тексте	75
<i>Маркарова Л. Д., Новикова Д. Л.</i> Вариативность тональных контуров в условиях идентичной пунктуационной сегментации английской фразы	77
<i>Морозова Л. П.</i> О фонологическом описании эмфатических тональных контуров во французском языке	80
<i>Насонова Т. М.</i> Модально-прагматический аспект просодии разделительного вопроса в английском языке	83
<i>Ниживинская О. В.</i> Невербальное поведение как характеристика речевого акта ...	86
<i>Панова И. И.</i> Продуктивность экстралингвистических факторов в просодической вариативности английской официально-деловой речи	89
<i>Рускевич Л. В.</i> Овладение английской экспрессивной интонацией студентами лингвистами	91
<i>Терехова Е. Н.</i> Акцентная реализация информационного намерения в публичных сообщениях Б. Джонсона о COVID-19	93
<i>Трибис Л. И., Лопатько В. В.</i> Билингвизм и двуязычная ситуация	96
<i>Устинович В. В.</i> О просодических характеристиках высказываний с одно- и двухкомпонентной коммуникативной структурой во французской спонтанной речи	98
<i>Цурканова А. А.</i> Мультфильм как фактор формирования произносительного эталона у детей	101
<i>Щербакова Л. Г., Ваценко Е. В.</i> Проявление немецко-английской и англо-немецкой фонетической интерференции на сегментном уровне	102
<i>Яскевич В. В., Мацнева М. А.</i> Статус говорящего как фактор просодической вариативности	105

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА

<i>Будник Е. В.</i> Семантическая специфика прилагательных цветообозначения в английских идиомах	107
<i>Булгакова М. П.</i> Структурирование адъективных полисемантов в немецком и французском языках	109
<i>Войтович Ю. С.</i> Интернациональный аспект лексики, восходящей к латинскому прилагательному <i>solidus</i>	111
<i>Зубовский Е. Ю.</i> Параметры сравнения в семантике английских прилагательных компаративного типа	113
<i>Колесник С. А.</i> Интерференции испанского и английского языков на лексическом уровне	116
<i>Корбачёва Т. В.</i> Вторичные значения наименований конституентов темпоральных циклов	117
<i>Король Ю. А.</i> О многозначности отсубстантивных глаголов, образованных по конверсии (на материале английского языка)	120
<i>Кузьменко Н. В.</i> Собственно меронимы в свете теории грамматикализации	123
<i>Курило Н. А.</i> Заимствование и его роль в создании наименований брендов (на материале английского языка)	126
<i>Михасенко Ф. Т.</i> Пути создания терминологической лексики в современном итальянском языке	127
<i>Мяховский А. А.</i> Структура гиперо-гипонимической иерархии «Птицы» (на материале английского языка)	130
<i>Надумович Л. М.</i> Полимотивированные слова со сложной основой в истории русского языка (на материале слов с начальным <i>благо-</i> , <i>добро-</i>)	133
<i>Никитенкова К. Г.</i> Проблема полифункциональности второго компонента в именных словообразовательных конструкциях современного немецкого языка	134
<i>Святошиц М. И.</i> Перевод многообъектной семантики в однообъектную как способ минимизации семантических вычислений	136
<i>Соловьёва Р. В.</i> Ингерентная и адгерентная энантиосемия в современном немецком языке	138
<i>Тропец Т. В.</i> Подходы к определению понятия <i>заимствованное слово</i> в современной лингвистике	141
<i>Тупик Д. И.</i> К вопросу о лексической избыточности: дискурсивный маркер <i>là</i> в системе французского языка и франкофонном пространстве	143
<i>Харитончик З. А.</i> Семантические классы лексических единиц: таксономии vs нетаксономические объединения	146
<i>Цеханович И. Г.</i> К вопросу о типологии дефиниций (на материале сленговой лексики интерактивного онлайн-словаря Urban Dictionary)	148
<i>Чжан Аньци</i> О характере выхода социолектизмов из употребления (на материале русского интернет-сленга)	151

СТИЛИСТИКА И ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА

<i>Глинка Е. В.</i> Субъективизм новостей в СМИ	155
<i>Грищенко Н. М.</i> Эстетические стимулы испанского поэтического текста	157
<i>Долженкова О. М.</i> Основные характеристики пространственно-временной структуры краткой информационной статьи.....	160
<i>Жук А. С.</i> Прагматикон языковой личности подростка-аутиста в современном британском художественном дискурсе	162
<i>Каспирович Г. А.</i> Новообразования в немецкоязычных рекламных текстах (на примере глагола и прилагательного)	165
<i>Крохалева Л. С.</i> О некоторых аспектах текстовой актуализации категории диалогичности	168
<i>Надумович Л. М.</i> Изменение стилистической отнесенности композит в истории русского языка	170
<i>Назина Г. А.</i> Языковая репрезентация военно-политического конфликта в медиадискурсе	172
<i>Подгорная Н. В.</i> Особенности реализации эмотивных значений модальных глаголов в речевом этикете (на материале романа Дж. Остен «Гордость и предубеждение»)	174
<i>Рымкевич О. Е.</i> Прагматический потенциал модальности в реализации стратегии убеждения (на материале немецкой газетной публицистики)	177
<i>Рымкевич О. Е., Ярошевич Н.</i> Заимствования как способ пополнения компьютерной терминологии в немецком языке.....	179
<i>Рымкевич О. Е., Яхновец А.</i> Функциональная реализация синестезии в художественном тексте (на материале немецкого языка).....	180
<i>Силаева Т. А.</i> Эмоционально-оценочный компонент в структуре медиатекстов.....	181
<i>Соловьёва М. А.</i> Роль фоновых знаний в интерпретации художественного текста	184
<i>Труш Е. Н.</i> Фонетические средства выразительности в немецкоязычных рекламных текстах	187
<i>Турчинская М. В.</i> Идентификация и нейтрализация гендера в современном англоязычном, русскоязычном и белорусскоязычном дискурсе	189
<i>Якубёнок Л. М.</i> Модальность нереальности в процессе убеждения (на примере немецкоязычных адвокатских речей).....	191

ПРОБЛЕМЫ ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

<i>Баркович А. А.</i> Специфика индексации семантики текста.....	194
<i>Богданова Н. А.</i> Формализованное представление внутрижанрового текстового сходства на логико-семантическом уровне	195
<i>Бусел Т. В.</i> Мобильные приложения как инструмент формирования мотивации студентов к изучению иностранного языка	198
<i>Василенко Е. С., Шалимо Н. В.</i> Облачные технологии и сервисы Веб 2.0.....	201

<i>Детскина Р. В.</i> Структурные особенности метафоры в англоязычном художественном тексте	203
<i>Детскина Р. В., Шимчук Л. В.</i> Структурно-семантические особенности метафоры в текстах англоязычной печатной рекламы	205
<i>Детскина Я. С.</i> Структурные модели англоязычных заголовков рефератов к патентам и их переводы на русский язык	207
<i>Джебраил Челик.</i> О принципах отбора международно-правовой лексики из двуязычных тематических словарей	209
<i>Жданович А. Е.</i> Подходы к формальному выделению идиоматических выражений	211
<i>Зубов А. В.</i> Формализация содержания русского лирического стихотворения	212
<i>Зубов А. В.</i> Структура словарей для автоматического перевода текстов	213
<i>Зыгмантович Н. В.</i> Генерация стихотворения с использованием нейросети	215
<i>Ильина Е. И.</i> Специфика фонетической языковой игры в рекламном дискурсе	217
<i>Марковская Е. В.</i> Чат-боты, тест Тьюринга и другие способы определения искусственного интеллекта	219
<i>Марковская Е. В., Василевская В. А.</i> К вопросу об использовании регулярных выражений при интеллектуальном анализе данных	222
<i>Масловская В. И.</i> Экстралингвистические средства организации рекламного текста и их роль в реализации манипулятивного воздействия	223
<i>Романасускас Е. В.</i> Имя собственное в составе англоязычных паремий	226
<i>Романова Л. П.</i> Компьютерные технологии в обучении иностранному языку в учреждении высшего образования	229
<i>Скрябина А. В.</i> Алгоритм тематической классификации англоязычных новостных текстов	231
<i>Степанова Д. В., Долматова Е. Д.</i> Возможности обучающей виртуальной среды в контексте лингвистического образования	233
<i>Степанова Д. В., Жданович М. А.</i> Онлайн-сервис Istio и его возможности для семантико-статистического анализа текстов	236
<i>Филимонова Т. А.</i> Лингвистическая специфика стихотворения и прозаического текста	239
<i>Шалимо Н. В., Василенко Е. С.</i> Аутентичные бренды. Чем аутентичность поможет компании?	240
<i>Швец Н. Г.</i> Тезаурусный метод описания иллюстрации креолизованного текста	242

Научное издание

**МАТЕРИАЛЫ ЕЖЕГОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ И АСПИРАНТОВ УНИВЕРСИТЕТА**

17–27 апреля 2020 года

В пяти частях

Часть четвертая

Ответственный за выпуск *Л. А. Тарасевич*

Редактор *О. С. Забродская*

Подписано в печать 31.12.2020 Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Ризография, цифровая печать. Усл. печ. л. 14,64. Уч.-изд. л. 16,51. Тираж 100 экз. Заказ 52.

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2017 г. № 3/1499. ЛП № 02330/458 от 23.01.2014 г. Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.